

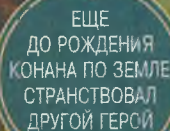
САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

ТОНГОР

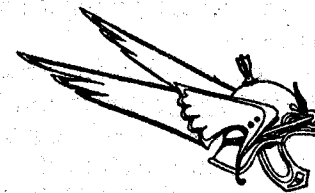

ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБ

Лин
Картер

ЕЩЕ
ДО РОЖДЕНИЯ
КОНАНА ПО ЗЕМЛЕ
СТРАНСТВОВАЛ
ДРУГОЙ ГЕРОЙ

Сказание о Тонгоре

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

ТОНТОР

ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБ

Лин Картер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

Lin Carter

«The Wizard of Lemuria» © 1965

«Thongor of Lemuria» © 1966

«Thongor against the Gods» © 1967

Картер Л.К 27 Черный ястреб: Романы / Пер. с англ. —
СПб.: Терра — Азбука, 1996. — 496 с.

ISBN 5-7684-0073-4

На древнем континенте Лемурия, в мире динозавров, власть пытается захватить колдовская раса Царей-Драконов. Победить их сможет лишь варвар-северянин по имени Тонгор. Его история — удивительная сага, созданная Лином Картером, учеником Роберта Говарда.

© 1996 «Азбука» — «Терра», русское издание.

ISBN 5-7684-0073-4

ПРОЛОГ**Глава 1****ИЗ ТЕНЕЙ**

Весь день одинокий путешественник тащился вниз по великому Ущелью Йомгарда, рассекавшему надвое могучую стену гор, и теперь, когда день угас, став лишь алым отблеском у горизонта, путник увидел цель своего путешествия.

С востока на запад через весь мир протянулась цепь гор, словно стена, возведенная неведомыми великанами. Эти горы отделяли бесплодные зимние пустыни от золотых городов, окруженных темными джунглями Дакшана (так называли те места южане). Высокими были горы Моммара, и снег лежал на их вершинах, но Ущелье Йомгарда рассекало их грозные цитадели, открыв дорогу усталым путешественникам, таким, как тот, что теперь стоял скрестив руки на груди, взирая на приводящую в трепет сцену первозданной природы.

Впереди него ущелье сжималось, пока не становилось не более чем узкой тропинкой между отвесными каменными стенами — склонами гранитных утесов, уходящих к снежным пикам. Алое солнце скрылось за серебристыми рогами двойных пиков, оставив лишь тусклое пурпурное мерцание. В небе одна за другой начали загораться первые яркие звезды.

Отрог горы, что повыше, навис над ущельем. На вершине его стояло здание. Это был замок Джомсгарда — обитель Бэйрека Рыжего Волка — хозяина ущелья. Дюжину поколений воинственные предки этого барона, а теперь и он сам, владели узким ущельем и отстаивали свои права на него при помощи мечей, копий и стрел, тяжелым золотом собирая пошлину с караванов, бездомных купцов и бродячих торговцев.

Неприступными были высокие стены замка Йомсгарда. Старому замку, правящему ущельем, не грозили никакие сюрпризы, ни шторм, ни неожиданное нападение. Если за всю историю древней Лемурии и существовала неприступная крепость, то ею была обитель Бэйрека Рыжего Волка.

К ее вратам и направился одинокий путешественник. Он был последним из дикого племени. У него не осталось ни родных, ни друзей.

Но высокие стены Йомсгарда нуждались в воинах. Башням нужны были часовые, чтобы день и ночь следить за ущельем. В замок стекались старые порочные изгнанники и те, кто оказывался вне закона, люди, чьи руки были испачканы кровью и за головы которых в южных королевствах была назначена награда. Здесь путешественник мог найти безопасное убежище от враждебных кланов и народов севера. А если нет, тогда он отправится дальше на юг, вниз, к золотым городам на берегах вечно теплого моря.

Вырезанная в твердом камне гранитной стены лестница поднималась со дна ущелья вверх, прямо к подъемным воротам обители Бэйрека. Решив оглядеться наверху, путешественник стал подниматься по лестнице и вскоре очутился у огромных ворот...

И в удивлении остановился.

Огромные ворота, защищавшие замок, оказались незапертыми и более того... приоткрытыми!

Юноша (скиталец был еще очень молод) внимательно осмотрел ворота.

Может, в цитадель Бэйрека Рыжего Волка прокрался какой-то враг? Может, какая-то могучая армия проложила себе дорогу в замок? Может, враг нашел лукавого предателя, который оставил ворота открытыми?

На широком плече юноши висели поношенные кожаные ножны. В них покоился огромный широкий меч, принадлежавший отцам и отцам отцов скитальца. Многие поколения предков юноши ходили с ним в битву. Сейчас же, двигаясь осторожно, словно огромный кот, юноша вытащил сверкающий клинок из кожаных ножен.

Выставив перед собой меч, носивший имя Саркозан, юноша шагнул в портал.

Тьма поглотила его.

Стража у ворот не было. Юноша нашел его в тени барбакана. Воин лежал лицом в луже свернувшейся крови:

Юноша опустился на колени, коснулся пальцами крови мертвеца. Потом он поднес влажные пальцы к носу и понюхал. На такой высоте и при таком холодном сухом воздухе кровь быстро замерзает и высыхает, превращаясь в коричневую корку. Но кровь этого мертвеца была еще влажной. Значит, его убили недавно.

Быстро и бесшумно юноша прошелся по палатам и залам цитадели, находя тут и там мертвые тела. Но во всем замке не осталось никого живого. Никаких следов битвы... никаких признаков того, что замок Бэйрека Рыжего Волка атаковали вражеские воины.

Люди Йомсгарда погибли один за другим. Их убило нечто, подкрававшееся к ним в тишине, среди темных теней...

Именно так решил юноша, когда вошел в главный зал замка.

Он шагнул через порог и замер, словно замороженный, затаив дыхание.

Клинок ножа, упершегося в его горло, был мал, но остр и холоден, как поцелуй смерти.

Глава 2

УЖАС В НОЧИ

Языки пламени сверкали в камине главного зала замка Бэйрека Рыжего Волка. Но большая часть дров уже превратилась в мерцающие угли.

В их тусклом свете юноша и увидел поймавшего его врага.

Женщина!

Глаза юноши недоверчиво расширились, и он громко усмехнулся. Стройная, длинноногая девушка прижала нож к его горлу. Девушка была моложе его!

Ее потемневшая от загара кожа была цвета чистой бронзы, а щеки — красными, как у человека, долго простоявшего на ледяном ветру. Золотистые, как солнечные лучи, волосы девушки двумя толстыми косами спадали на худые плечи. Огромные глаза с длинными ресницами казались голубыми, словно сапфиры. Одета она была в грубые одежды из дубленой кожи, подпоясана серебряной цепью, а ступни обмотаны шкурой. Сверкающие янтарные бусы висели на шее, почти сливаясь с кожей. Девушка была молода, потрясающе мила и очень, очень испугана.

Отлично было видно, как под ее туникой в такт быстрому неглубокому дыханию поднимаются молодые, крепкие груди.

— Погоди, девочка, — быстро пробормотал юноша. — Убери свое жало, пока я не проглотил его. Я не воюю с такими, как ты. Что, во имя всех богов, тут случилось?

Нож ни на пядь не отодвинулся от его горла. Девушка не сводила взгляда с лица незнакомца.

— Кто ты и как оказался здесь? — спросила она на одном дыхании. — Быстро отвечай! И говори правду, или мой нож напьется твоей крови...

— Меня зовут Тонгор. Я — сын Тамитара, — ответил юноша.

— Откуда ты родом? — снова спросила она.

Тонгор вздохнул, приготовившись к худшему. Нож девушки прижался к его коже как раз там, где проходила артерия. Одно неверное слово, одно неточное движение руки, и его кровь потоком хлынет на каменный пол.

— Я — валькар из племени Черного Ястреба, — ответил он.

— Как ты вошел в крепость?

Брови юноши поползли вверх от удивления.

— Ворота были открыты. Страж ворот лежал в луже собственной крови... Вот я вошел и обнаружил, что воин убит. Послушай, убери нож. Я только что появился в Йомсгарде и не знаю, что здесь происходит...

Девушка отвела нож от его горла, хотя и не убрала его. Тонгор потер горло, поморщившись. Потом он подошел к огню и сбросил меховой плащ. Отсветы пламени заиграли на его голом мускулистом торсе. Девушка не сводила с него глаз.

— Я — Юлэйла, дочь Тогара-Кузнеца, из тех, кто живет у Белой Реки, — наконец равнодушно сказала она.

Тонгор ничего не ответил. Он вытянул пальцы к горящим головням. Юноша был тощим, похожим на волка. На вид ему было лет семнадцать. Ши-

рокие плечи, могучие руки. Натянутые как струна мускулы вздувались под бронзовой кожей, и становилось ясно, что юноша обладает огромной силой.

— Мой народ мехами, шкурами и мамонтовой костью платит Бэйреку Рыжему Волку за то, чтобы тот пропускал купцов с юга. Когда золота нет, мы платим рабами. Этот год выдался очень тяжелым. Я оказалась выкупом для Бэйрека, — просто объяснила девушка.

Тонгор поднял голову и внимательно посмотрел на красавицу. Любой из его рода скорее умер бы с голоду, чем отдал бы дочь в качестве выкупа такому человеку, как Барон Йомгарда. Под его взглядом девушка потупилась, щеки ее покраснели. Она ничего не сказала, и через мгновение юноша отвел от нее хмурый взгляд.

В мерцании пламени Тонгор смог разглядеть весь зал. Огромные скамьи из грубого дерева выстроились вдоль стен. В раме у двери стояли копья. Луки и колчаны, полные стрел, висели на стальных крюках между подпорками, предназначенными для факелов.

В зале был только один мертвец. Он лежал в футе от низкого возвышения, на котором стояло кресло Бэйрека Рыжего Волка. У входа в замок, у ворот, было слишком темно, чтобы Тонгор мог рассмотреть, каким образом убили часового. Теперь, осмотрев фигуру, растянувшуюся в футе от возвышения, Тонгор почувствовал тошноту.

Он видел людей, которые умерли по-разному, но такого никогда еще не видел.

Человек был раздавлен.

Тонгор слегка толкнул труп ногой.

— Бэйрек?

Девушка взглянула на мертвеца и вздрогнула.

— Нет. Барон — огромный человек. У него большая голова, янтарные глаза, как у зверя, и

рыжие волосы. Я думаю, это Ботон, один из его подручных.

— А где же остальные?

Девушка вздрогнула.

— Где ты была, когда они умерли?

Девушка махнула в дальний угол зала:

— Там есть комната, где они держали меня. Меня привели в замок утром, на заре. Бэйрек осмотрел меня, и ему понравилось то, что он увидел. Эта ночь... должна была стать... моей брачной ночью...

— В конце концов этого ты избежала, — усмехнулся юноша. — Но... неужели ты ничего не видела и ничего не слышала?

— Стены тут толстые. Двери были закрыты, и я смертельно устала, — прошептала она. — Перед самым закатом я слышала, как пронзительно кричали люди и кто-то, шлепая, пробежал по залу. Я подумала, что они все перепились или играют в какую-то игру. Потом, когда за мной так никто и не пришел, я отважилась покинуть комнату, обнаружила это тело и поняла, что осталась одна. Я... я подумала, что кто-то напал и ты — один из напавших на замок!

Юноша покачал головой. Длинные черные волосы, обрамлявшие его мужественное лицо, всколыхнулись.

— Нет, — коротко возразил он. — Пойдем... Посмотрим, что к чему.

Девушка бросила испуганный взгляд на глубокие тени в дальнем конце зала. Из любого такого темного места мог ударить безымянный, неизвестный ужас, убивающий людей дюжинами. Возможно, какое-то чудовище пряталось во тьме, там, куда не добирался свет от камина. Девушке даже казалось, что она чувствует холодное дыхание твари.

Потом она взглянула на Тонгора. Осторожный взгляд, и в то же время в нем читалось любопытство. Но в нем не было страха. Неожиданно Юлэйла поняла, что ничего не боится.

Она подошла к Тонгору. Он вынул из зажима в стене один из пропитанных маслом факелов.

Потом северянин взял девушку за руку.

И они вместе пошли вперед, в темноту.

Глава 3

СМЕЮЩИЙСЯ МЕРТВЕЦ

Тонгор и Юлэйла вошли в палату, отделанную более пышно, чем остальные. Стены были задрапированы шерстяными тканями таких цветов и выделки, какими славилась ткачихи Эобара. Тут стояли маленькие столики из черного дерева, а потолок был резным и инкрустированным мамонтовой костью. На полу лежали ковры, привезенные, быть может, из далекой Кадорны.

Юлэйла сказала, что это та комната, которую Бэйрек Рыжий Волк считал своей... комнатой для развлечений.

Одно из существ, которое хозяин замка, очевидно, использовал для своих развлечений, было подвешено к потолку на цепях.

Это был мужчина — тощий старик с длинной жидкой бородой, длинными тонкими руками и ногами. Его голым подвесили за запястья, а потом Бэйрек, видимо, развлекался с ним раскаленными железными прутами. Эти прутья лежали в медной чаше, до краев наполненной углями, до сих пор мерцающими среди горок розового пепла.

Юлэйла бросила лишь один беглый взгляд на то, что сделали со стариком с помощью раскаленных прутьев, и отвернулась, дрожа всем телом. Тонгор обнял девушку, пытаясь унять ее дрожь.

— Ты знала его?

Девушка кивнула.

— Он был из твоего рода?

— Нет. Это старый колдун Зоран Зан, живший в башне на холмах. Они приволокли его в замок этим утром. Я слышала, как Бэйрек похвалялся, что скоро узнает у колдуна, где тот держит свое золото. Он считал, что колдун прячет чьи-то сокровища. А колдун... он мертв?

— Точно мертв, — печально повторил Тонгор. — И кое-что мне тут не нравится.

— Что?

— Посмотри на его лицо, — посоветовал юноша.

Взяв себя в руки, девушка взглянула. Потом она очень сильно побледнела и быстро отвела взгляд.

Тонгор кивнул.

— Согласен, — пробормотал он.

Вместо маски боли на лице колдуна застыло странное выражение — если принять во внимание то, как он умер.

Зоран Зан улыбался.

Его губы широко разошлись, открыв гнилые желтоватые зубы. Казалось, колдун смеялся в тот миг, когда смерть настигла его.

Больше Тонгор ничего не сказал. При прикосновениях раскаленных докрасна прутьев человек не улыбается и тем более не смеется. Только самые могучие воины, величайшие из героев, могли стоически вынести такую пытку. А Зоран Зан уж точно таким не был.

Все это выглядело странно, даже жутко. Но в этом черном замке, куда попал Тонгор, было много

жуткого, и это не нравилось Тонгору. Сумрачный замок, лишенный живых обитателей, кроме него и девушки. Темные коридоры, наполненные сверхъестественным свистящим эхом и ползущими тенями. От всего этого воняло магией.

Тонгор не любил колдовство и не любил колдунов. Даже в своем юном возрасте он уже встречался и с тем и с другим, и это ему не нравилось. Дайте ему врага из плоти и крови, а в руку — стальной клинок, и Тонгор будет мечом сражаться с отвагой взрослого. Но как можно сражаться с призраками, проклятиями или заклинаниями?

Тонгор и Юлэйла отправились дальше, в надежде, что хоть кто-то остался в живых.

За спиной их, свисая на железных цепях, глядя им вслед, висел мертвец, и порывы ветра играли в драпировках стен. Лицо старика, больше похожее на череп, скалилось в безмолвном смехе.

Тонгор очень хотел бы знать, что заставило старика смеяться.

Некоторое время они бродили по замку, обшарив его с подвала до чердака, но не нашли никого живого.

Одни трупы, раздавленные так, словно они побывали в объятиях гиганта. Больше они никого не нашли. Наконец Тонгор с Юлэйлой отыскали начало лестницы, которая вела на вершину наблюдательной башни.

Нигде не было даже самого легкого намека на схватку, ничто не говорило о том, что в темных залах и пустых комнатах происходила битва. На полу не валялись обнаженные клинки, и не было видно ни поломанной мебели, ни следов грабежа: мешочки с драгоценностями и золотом лежали в подвале нетронутые.

Все это выглядело необъяснимо и пугающе.

Вернувшись в главный зал, Тонгор и Юлэйла развели большой огонь, подкинув дров в камин. Потом, когда пламя уже ревело, Тонгор пошел и запер на засов большую дверь. К тому времени девушка успела похозяйничать в кухне.

Они поели у огня. Их трапеза состояла из фруктов, горячего мяса, хлеба и густой сочной мясной подливки. Вначале они осторожно попробовали, а потом с энтузиазмом набросились на золотое вино из южных земель, сделанное из ферментированного фрукта, который называли сарном. Тонгор как-то раньше пробовал вино, когда оказался пленником в заколдованном городе Итомааре. То вино было слишком крепким и веселящим по сравнению с жидким, кислым пивом валькаров. Но вино барона понравилось и ему, и девушке.

Немного поговорив, они почувствовали себя неловко. Девушки и юноши их народов сурово наказывались, если оказывались застигнутыми вместе раньше, чем приходило время жениться или выходить замуж. Тонгор же единственный раз был с женщиной в ямах Итомаара и не очень-то знал, как ему сейчас вести себя. А Юлэйла скромно молчала. Она, потупившись, смотрела в пол, а когда Тонгор отводил от нее взгляд, начинала рассматривать его лицо, которое сочла очень даже красивым. Северянин показался ей намного более мужественным, серьезным и ответственным, чем мальчики ее возраста, которых знала она.

В ту ночь они спали по разные стороны горящего камина, завернувшись в меха. Но ни Тонгор, ни Юлэйла не смогли крепко уснуть. Тонгор — потому что его беспокоила близость девушки и ее красота. А Юлэйла — потому что она не могла выбросить из головы одну вещь, которую она обнаружила на втором этаже замка.

Там из-под занавески торчали сапоги. Девушке показалось, что там кто-то прятался, но она почему-то побоялась сказать об этом Тонгору.

Глава 4

БЭЙРЕК РЫЖИЙ ВОЛК

Когда огромное золотистое солнце древней Лемурии поднялось над краем мира, чтобы залить землю своими лучами, разогнав темноту, юноша и девушка встали.

Они умылись и слегка перекусили, оставив большую часть мяса на потом. Одевшись в меха, чтобы защититься от холодного ветра и снега, они решили отправиться в горы.

Тонгор рассудил, что ему ничего не остается, как проводить Юлэйлу в пещеры, где обитало ее племя. Не мог же он бросить ее здесь, в пустом замке. Не надеялся он и на то, что она решит отправиться с ним вниз, по великому Ущелью Йомсгарда, на юг. Так что он должен был отвести ее домой.

Когда солнце поднялось уже достаточно высоко, они вышли на плато рядом с ледником Белая Река. На этом плато зимовало племя Юлэйлы. Прихватив еду и питье, меха и оружие, путники взяли с собой большой горшок с пылающими углями, так что если понадобится, они с легкостью могли бы развести огонь.

Но они не тронули ни золота, ни драгоценных камней из награбленных бароном сокровищ. Такая добыча не имела практической ценности. В пустыне на золото ничего не купишь. А Тонгор к тому же подозревал, что на сокровища замка Йомсгарда могла лечь

печать невидимого проклятия, которое и убило всех слуг барона.

Юлэйла, однако, прихватила с собой дорогую лампу для своей матери. Эта вещь казалась настоящим предметом роскоши для девушки, всю жизнь прожившей в пещере.

Когда они выбрались на плоскогорье, Тонгор отправился вперед, осторожно пробуя крепость льда копьем, которое прихватил из оружейной Бэйрека. Шел панчанд — второй месяц весны, и оттепели подточили глубокий снег. Ручейки грязной воды текли по стенам утесов, и ходить по леднику стало опасно.

Они шли весь день, делая только редкие остановки, чтобы передохнуть. Ближе к концу дня они с удовольствием напились из ручья, который Тонгор устроил, проткнув ледяную корку стрелой и дав выход скопившейся под ней воде. В эту ночь они нашли убежище в пустой пещере, развели костер и поджарили свежее мясо птицы, которую подстрелил Тонгор. Всю ночь они проспали, прижавшись друг к другу, чтоб было потеплее, а утром отправились дальше.

А в полдень они нашли Бэйрека Рыжего Волка. Точнее, то, что от него осталось.

Барон, должно быть, от страха бежал из замка, отправившись через пустующие земли тайными тропами. Ни Тонгор, ни Юлэйла не могли сказать, как он очутился в этом месте. Барон удрал довольно далеко, но преследователь настиг его незадолго до восхода солнца, когда жестокий правитель отдыхал. Пепел костра еще не остыл.

Тело барона было раздавлено так, словно его сжала огромная рука. Но искалечена оказалась только нижняя часть его тела. Выше талии на теле не было видно никаких отметин.

На лице барона застыла маска невероятного ужаса. Тонгор решил, что при жизни лицо этого человека было довольно угрюмым. При жизни

барон был мошенником, задирой и тираном. И если бы он не оставался при этом еще и отважным человеком, закаленным и опытным воином, то не смог бы долго верховодить своей бандой проходимцев. Такие люди не умирали, скривившись от ужаса.

Тонгор и Юлэйла, оставив тело барона, отправились дальше. Они ничем не могли ему помочь.

Наконец валькар прочистил горло и заговорил.

— Этот Зоран Зан был могучим колдуном? — спросил он.

— Так говорили старики моего племени, — ответила девушка. — Они говорили, что он усмирил и держал взаперти Демона Снегов.

— А что это было за создание?

— Точно не знаю. Старики говорили, что эта тварь достаточно холодная, чтобы обитать на самой крыше ледяных гор, — сказала Юлэйла.

Тонгор заворчал, сплюнул, но ничего не сказал. Он не то чтобы верил в демонов. С другой стороны, нельзя сказать, что он в них вовсе не верил.

И он очень удивился бы, если б в них верил сам Бэйрек Рыжий Волк.

Вторую ночь путники провели под низким каменным навесом, укрывшим их от ветра и от зверей, ревавших где-то вдали в снежной пустыне.

Тонгор и Юлэйла спали, обнявшись.

Валькар и сам не понял, как такое случилось, но все случилось именно так. Не скоро он разобрался, как вышло, что девушка оказалась в его объятиях, прижалась к нему, уткнувшись лицом в его плечо. Вначале он лишь неумело обнимал ее, а потом они, разгорячившись, нетерпеливо неуклюже зашевелились. Инстинкт был заложен глубоко в них обоих, и вскоре они ритмично задвигались, помогая друг

другу. Когда же все кончилось, они остались лежать, тяжело дыша. Лицо Юлэйлы оказалось влажным от слез. А потом все повторилось.

Второй раз все получилось легче и много приятнее. Тонгор был нежен, когда ей хотелось нежности, и яростен, когда ей хотелось ярости. В этот раз они уснули с улыбками удовлетворения на лице после множества горячих поцелуев. И никаких слез.

В эту ночь они спали крепко и проснулись на заре, отдохнувшие и посвежевшие. После этого между ними не осталось никакой сдержанности и отчужденности.

Тем же утром добрались они до пещер народа Юлэйлы. Но никто не вышел их встречать. Пещеры были мертвы, и в них царил холод. Юлэйла долго проклинала драгоценную лампу, которую прихватила из замка, чтобы доставить удовольствие своей матери.

Ничто больше не сможет доставить радости ее матери, ничто больше не сможет причинить ей боль. Мать Юлэйлы находилась по другую сторону боли и удовольствий: Тонгор и девушка обнаружили ее останки у входа в пещеры. Женщина оказалась раздавлена той же ужасной рукой, что погубила барона.

Глава 5

ТВАРЬ, УБИВАЮЩАЯ В НОЧИ

Рядом с останками матери Юлэйлы они обнаружили еще три других тела. В замерзшей земле Тонгор выковырял три ямы и похоронил их, положив рядом с мертвыми их оружие и вещи. Потом он

закопал тела и водрузил большие обломки скал на могилы, чтобы звери не раскопали мертвецов.

Тонгор и Юлэйла уселись у небольшого костерка и поели. Девушка так и не заплакала. Но разговаривать она не хотела; юноша тоже был угрюмым и печальным. Он ничем не мог помочь родственникам Юлэйлы.

Следы на снегу были четкими, однако среди них не оказалось ничего похожего на следы зверя, убивающего людей. Единственный странный след, который нашел Тонгор, больше всего походил на след проползшего по снегу червя или змеи. Так, по крайней мере, решил юноша. След этот был узким, извилистым, неглубоким. Но если это и в самом деле был червь, то тогда эта тварь должна была быть в два раза толще дерева.

Тонгор и Юлэйла отправились дальше — к холмам, возвышавшимся на плато, и к полудню поднялись на них. Тут они обнаружили башню мертвого колдуна Зорана Зана. Она напоминала скорее дом, чем башню. Приземистое каменное здание выглядело квадратным.

Внутри путники ничего не обнаружили. Люди Бэйрека Рыжего Волка явно недавно здесь побывали. Разорванные старые книги на языках, которых Тонгор не знал, лежали повсюду, устилая пол. Перебитую фаянсовую посуду бросили в камин, а в воздухе стоял запах химикалий, которым Тонгор и названия-то не знал. Любопытные маленькие идолы из глины и коричневого камня лежали опрокинутыми или разбитыми. Мебель оказалась поломана и перевернута.

В нескольких местах люди Бэйрека, видимо, пытались выковырять из пола каменные плиты, надеясь обнаружить зарытое под ними золото. Но не было признаков того, что они что-то нашли.

Снаружи каменного дома в земле были выкопаны ямы. Но... никаких признаков найденных со-

кровищ — ни пустых, прогнивших мешков, ни разбитых сундуков.

Здесь, на вершине холма, ветер сдул большую часть снега, и земля стала сырой и липкой. На ней легко оказалось обнаружить следы дьявольской твари.

Они вели в нору в земле, напоминавшую колодец. Прикрывавшая ее округлая гранитная плита оказалась сдвинута в сторону. Вокруг остались следы людей, словно те, отодвинув плиту, пробовали достать дно колодца шестами или копьями.

Тонгор с любопытством осмотрел камень. На нем тщательно и аккуратно были вырезаны иероглифы — символы на языке, на котором Тонгор не мог ни писать, ни говорить, но знаки которого видел раньше раз или два во время своего путешествия на юг. Скорее всего, надписи были сделаны на тайном языке колдунов. Эти знаки обладали сверхъестественной силой. Если даже просто долго смотреть на них — начинали болеть глаза.

Приказав девушке встать подальше, Тонгор вытащил из своих запасов кусочек мяса, обвязал его ремнем и опустил в колодец. От мяса исходил аппетитный запах, ставший и вовсе нестерпимым на свежем воздухе.

Потом оба путника слышали, как что-то зашевелилось в глубине земли, точно там пряталась какая-то опасная и могучая тварь.

Снизу ударил порыв холодного ветра. Таким неземным был холод, исходивший из ямы, ледяные кристаллики появились в волосах юноши и девушки, холодом обожгло незащищенные участки кожи.

При виде того, что стало подниматься из этой ямы, девушка закричала... Даже Тонгор почувствовал, как мурашки поползли по его коже и встали дыбом волосы.

Тварь напоминала невообразимо огромного червя, мягкого, с пульсирующей голой кожей.

Червь был белым, нездорово бледным, как твари, которые никогда или очень редко выползают на свет золотого солнца.

У него не оказалось ни глаз, ни ноздрей, ничего, что можно было бы назвать головой. Только влажное, подергивающееся, отвратительное беззубое отверстие, которое, видимо, служило ему ртом. Эта непристойная дыра и проглотила кусок раскачивающегося мяса. Испуская страшную вонь, отверстие открывалось снова и снова, требуя еще мяса.

Тонгор ткнул копьем в белую тварь, но оружие не причинило ей никакого вреда, лишь прочертив широкую полосу по зловещей бесцветной плоти. Потом Тонгор выпустил в чудовище стрелу или две, но оно этого даже не почувствовало.

Широко раскрыв пасть, тварь, с которой капала грязь, повернулась к Юлэйле, замершей от ужаса. Девушка словно в землю вросла. Арктический холод, исходивший от извивающегося тела похожей на червя твари, охладил ее плоть, заставил медленнее течь кровь. Неожиданным резким движением Юлэйла отшвырнула то, что по какой-то причине до сих пор таскала с собой.

Лампу.

Крышка слетела, когда лампа ударилась в чудовищного червя. Тут же бледно-желтое масло потекло вниз по телу твари. Часть его, разбрызгавшись, попала во влажную пасть чудовища.

Тонгор повернулся и, схватив горшок с углями, швырнул его следом.

Горящие угли высыпались на тело чудовища. Несколько углей тварь проглотила.

И тут червь неожиданно изогнулся, издав высокое, режущее слух шипение, напоминающее крик

боли. Заклубившийся пар окутал тварь, закрутившую головой в разные стороны.

Огонь вспыхнул, когда угли коснулись масла, разлившегося из лампы. Белый червь в страшных мучениях заметался в языках пламени. Возможно, впервые за неизмеримые эпохи своей жизни Демон Снегов почувствовал на своей мягкой ледяной шкуре прикосновение пурпурного огня.

Извиваясь в агонии, червь нырнул назад в яму.

Он исчез из виду, но Юлэйла и Тонгор еще долго слышали его пронзительные, визгливые крики. Земля дрожала от чудовищных конвульсий ледяной твари.

Маслянистый черный дым стал подниматься из раскрытого зева ямы.

Тонгор подвинул каменную плиту, уложив ее на место, так что она снова полностью закрыла яму. Солнечные лучи коснулись знаков, глубоко прорезанных в камне, и те засверкали, предупреждая прохожих, грозя любопытным неведомой силой.

— Оно... мертво? — пробормотала Юлэйла, пытаясь унять дрожь в руках.

— Один Горм знает, — усмехнулся Тонгор. — Но мертвое или живое, оно не сумеет сдвинуть этот камень. Эти знаки удержат тварь в яме, подальше от нас. Будем надеяться, что в эти края никогда больше не забредут люди, жаждущие золота настолько, что, не зная значения иероглифов, попробуют сдвинуть эту плиту.

Весь день путешественники спускались по великому Ущелью Йомсгарда, которое расколо надвое могучую стену гор, а теперь, когда день угас на западном горизонте, они увидели цель своего путешествия.

Горы Моммара закрывали горизонт у них за спиной огромной каменной стеной, отгораживая весь

мир от бесплодных северных земель — Эобара, где жили валькары и многие другие племена и кланы, влачившие жалкую жизнь в королевствах зимних ветров.

Перед путниками открылась дорога, которая должна была привести их в теплые земли Дакшина, где царило вечное лето. Там по утрам занавес тумана ложится на сочные луга и густые джунгли. А еще дальше — первые лучи солнца красят в золото башни Катула и Патанги — двух приморских городов. Там они сверкают в водах великого залива и искрятся на изогнутых лентах рек, которые сквозь джунгли бегут к морю.

Для Тонгора дорога вниз с холодных пустынь крайнего Севера оказалась долгой и утомительной. Через снежные равнины, через огромное плато, гигантские ледники и достигающие до неба горы пришлось перебраться ему. Но наконец он достиг золотого юга. Там, среди пристаней и кораблей, в бараках наемников или в палатах королей, среди зеленых ферм или на шумных базарах, он непременно найдет занятие для своих внимательных глаз и сильных мускулов, крепких рук и отважного сердца. Для человека, который не боится с мечом в руке встать лицом к лицу со смертью, южные земли, с их воинами и золотыми городами, были идеальным местом.

Тонгор чувствовал большое желание испытать судьбу. Теперь он был не один, и сердце его трепетало от осознания этого. Вместе с Юлэйлой встретит он то, что уготовила ему судьба. Девушка, возможно поняв его мысли, улыбнулась ему, и ее рука скользнула в руку варвара.

Взявшись за руки, бок о бок, шли Тонгор и Юлэйла на юг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Весь день наши мечи пили
Кровь красную, как вино, кровь крепкую, как вино!
Сегодня в красных залах ада
Мы будем пировать с врагами и друзьями.

Боевая песня воинов-валькаров

Тонгор увернулся от тяжелого кубка, который пролетел у него над головой, со звоном ударился о стену и обрызгал холодным вином лицо и обнаженную грудь. Тонгор невозмутимо поморгал, для того чтобы удалить из глаз едкую жидкость.

Йелед Малкх, отар, бросивший кубок, запрокинул голову и захохотал.

— Вот так знать Турдиса обращается с бездарной собакой-наемником! — сказал он, ухмыляясь, своим товарищам. Они поддержали его смех.

— Жалко хорошего вина из сарна, — остроумно заметил кто-то. — Его питье — дешевый эль северян!

Йелед Малкх пожал плечами:

— Представляете, этот подлец осмелился просить денег, которые он выиграл в споре, — и у отара его собственной сотни!

Холодное сарновое вино стекало по могучей груди Тонгора. Он по-прежнему молча глядел на офицера. Смуглое, загорелое лицо не имело никакого выражения, но те, кто знал этого воина, могли бы заметить холодный блеск в этих странных золотистых глазах молчаливого варвара с севера Лемурии. Тонгор стер ладонью с лица вино, откинув назад длинную гриву черных волос. Затем он обратился к Йеледу Малкху:

— Значит, ты отказываешься платить?

— Да, отказываюсь! Зампф в красной сбруе вполне мог выиграть, если бы этот придурок Вар Тайас не управлял им так бездарно. Меня обманули!

Тонгор кивнул:

— Ладно, отар, я забираю назад свою просьбу. Более того, я даже отплачу тебе за кубок вина, потраченный на собаку-наемника, который действительно, как сказал твой друг, больше привык к некрепкому элю северян, чем к надушенной блевотине, которую вы в Турдисе зовете сарном.

В то время пока группа офицеров стояла разинув рот от удивления, огромный валькар подошел к отару, поднял его, перевернул вверх ногами и погрузил голову в большой бронзовый чан с вином. Тонгор держал голову отара в вине, не обращая внимания на то, что тот извивался и дрыгал ногами. Когда северянин отпустил офицера, Йелед Малкх тяжело повалился на стол, бледный, весь в вине, жадно лоя ртом воздух.

Среди общего молчания засмеялся Тонгор:

— Ничего, я не обижаюсь, отар. Я даже дал тебе больше вина, чем ты мне!

Захлебываясь от ярости, Йелед Малкх выхватил клинок и попытался через стол дотянуться им до груди Тонгора.

Огромный северянин легко отпрыгнул, выхватив из ножен меч. Офицеры разбежались, когда зазвенели клинки. Противники стали кружить вокруг стола, осторожными движениями проверяя защиту друг друга.

Хотя на губах его играла суровая улыбка, внутри Тонгор осыпал себя проклятиями. Горм бы побрал этот валькарский характер! Он трижды дурак, раз ввязался в драку с собственным командиром. Но дело сделано, и выпутаться непросто.

Сталь звенела, когда дрались наемник-варвар и отпрыск самой знатной фамилии в Турдисе. Йелед Малкх фехтовал неплохо. Его воспитание, как единственного наследника семьи Малкхов, включало в себя обучение у лучших мастеров клинка в царстве. Но Тонгор из клана валькаров буквально родился с мечом в руках. За время своих странствий северянин был бродягой, наемным убийцей, вором, теперь вот, наемником, и он изучил все приемы владения любым оружием...

Тонгор поиграл некоторое время с Йеледом Малкхом — достаточно для того, чтобы польстить чувству собственного достоинства отара, — затем ловким вращением кисти обезоружил его. Рапира со звоном упала на каменный пол казармы.

Отар потянулся рукой к рукояти, но нога Тонгора, обутая в сапог, наступила на клинок рапиры.

— Может быть, на этом закончим, отар? И успокоимся, выпив по кружке вина? Давай! Я знаю, что погорячился, — будем друзьями.

Йелед Малкх оскалился:

— Щенок северной суки! Я вырежу твое вонючее сердце и скормлю его своему зампфу за это оскорбление!

Отар плюнул в лицо наемнику и ударил коленом в пах. Валькар отшатнулся к столу, схватившись за низ живота. Отар мгновенно поднял свое оружие и бросился на противника. Стол с грохотом опрокинулся. Бронзовый чан ударился об пол, обрызгав всех.

Теперь Тонгор рассверипел. Знакомая красная пелена слегка помутила взор, и северянин обнажил зубы в боевом оскале. Громадный меч отбил в сторону тонкий клинок южанина, и Тонгор приставил острие своего оружия к тяжело вздымающейся груди Йеледа Малкха.

— Хватит, я сказал! Успокойся, или я насажу тебя на свой меч!

Наследник дома Малкхов побледнел. Он обли- зал похолодевшие губы. Валькар чуть надавил. Конец клинка прорезал кожу, и по груди отара скользнула красная капля.

— Л-ладно, мир, — выдавил из себя Йелед Малкх.

— Клянешься?

— Клянусь!

Тонгор убрал меч и протянул руку, чтобы скре- пить мир рукопожатием. Но гордый аристократ не мог принять поражение от своего собственного воина. Он перехватил Тонгора за запястье, подставил ногу и толкнул. Огромный варвар грохнулся на пол, а тон- кий клинок Йеледа Малкха уже метнулся к его горлу.

Тонгор отбил клинок рукой, не обращая внима- ния на то, как ее, распарывая, обжигает холодный огонь стали. Он словно кошка вскочил на ноги, до того как его противник успел принять боевую стой- ку, и огромный валькарский меч по самую рукоять погрузился в сердце отара.

Йелед Малкх покачулся, разинул рот и судо- рожно глотнул воздух. Глаза его выкатились, оста- новились на торчащей из груди рукояти меча и начали стекленеть. Обессилевшей рукой он попы- тался выдернуть меч. Затем колени подогнулись, изо рта хлынул поток крови, и отар повалился к ногам Тонгора мертвый.

Наемник уперся пяткой в живот трупа, выдер- нул свой меч и вытер его о накидку убитого. Держа в руках меч, он обвел взглядом побелевшие лица. Никто не осмеливался заговорить. Северянин пожал плечами и вложил меч в ножны.

За спиной шаркнула сандалия. Но не успел Тонгор обернуться, как тяжелая дубинка ударила его по голо- ве. Он упал лицом вниз и погрузился в море темноты.

Тонгор с трудом очнулся и ощутил боль в голове. Он оказался прикованным к сырой камен- ной стене камеры в подземелье глубоко под кре- постью Турдиса. Сквозь люк в потолке падал под наклоном одинокий луч света, и по углу наклона этого луча Тонгор заключил, что без сознания он пролежал немногим меньше часа. Сейчас уже бли- зился закат.

Он осмотрел цепи и понял, что их не разорвать даже с его гигантской силой. Затем он просто мах- нул на все рукой и отнесся к этому с фатализмом, свойственным философии северян, которые не тра- тят времени, пытаясь сделать невозможное. Тонгора даже немного удивило то, что он до сих пор жив. Офицеры, друзья Йеледа Малкха, могли бы легко с ним покончить одним ударом кинжала, пока он находился без сознания. Тонгор мрачно ухмыль- нулся. Без сомнения, увидеть его прикованным к веслу на весь остаток жизни на турдисской галере или посмотреть на то, как скармливают его слитам, цветам-вампирам, растущим в личном саду сарка, больше импонирует их изощренной жестокости и садизму, чем просто прикончить его одним ударом кинжала.

Ножны его, конечно, были пусты, и Тонгор все сильнее чувствовал и другую пустоту, пустоту в жи- воте. Примерно в эту часть дня он привык выпивать кружку кислого эля, закусывая жареным окороком буфара и делить трапезу с Элдом Турмисом и дру- гими товарищами в таверне «Обнаженный меч». «Ладно, но надо получить все в этой жизни, что хочется», — подумал Тонгор.

Он принялся орать, пока к двери камеры не при- ковылял тюремщик, толстонозый и нахнувший порош- ком лотоса сновидений. Тюремщик поглядел на брон- зового гиганта, прикованного к стене.

— Что тебе надо?

— Есть хочу, — сказал Тонгор.

Жирный тюремщик разинул рот, затем презрительно рассмеялся:

— Еды тебе подать? Не позже как через час ты предстанешь перед даотаром, чтобы он судил тебя за убийство своего командира, а ты думаешь только о том, чтобы набить себе брюхо! Может быть, ты хочешь, чтобы тебе накрыли стол яствами из кухонь сарка?

Тонгор улыбнулся:

— А почему бы и нет? Я оказал городу услугу, избавив его от обманщика, труса и плохого командира. И даотар, и Фал Турид, сарк Турдиса, должны наградить меня за это.

Тюремщик фыркнул:

— Да, северянин, они тебя наградят — скормив твое сердце слитам! Разве ты не знаешь, что даотар охраны, знатный Баранд Тон, является старым другом отца убитого тобой человека? Да! Мы полюбуемся тем, как тебя пожирают цветы-вампир, — вот твоя награда!

— Пусть будет то, что будет, — проворчал Тонгор. — Но от этого я не стану менее голодным. Перед тем как скормить меня слитам, пусть по крайней мере меня покормят!

Тюремщик что-то недовольно пробурчал и зашаркал прочь, а чуть позже вернулся с кувшином кислого дешевого вина и мясной похлебкой. Он вошел в камеру и поставил еду перед валькаром.

— Цепи у тебя длинные, дотянешься, — проговорил он, мучаясь одышкой. — Когда поешь, крикнешь — и, во имя богов, успеешь поесть до того, как явятся за тобой люди даотара. Не хочу, чтобы начальство думало, что я балую подонков вроде тебя!

Цепи действительно оказались достаточно длинными, так что Тонгор жадно проглотил похлебку и двумя огромными глотками выпил все дешевое

вино. С полным животом ему всегда думалось лучше; и теперь, когда голод был утолен, северянин начал ломать голову над тем, как выкрутиться из создавшегося положения. Его уже сажали в тюрьмы, из которых он успешно выбирался в дюжине городов за время его долгих приключений, так что он знал столько же способов побега.

Первой его мыслью было привалиться к стене, притворившись спящим, а когда тюремщик придет забрать посуду, ударить его нескованными ногами и попытаться отнять ключи.

Тонгор некоторое время обдумывал этот план, но затем отказался от него в пользу другого. Если цепи достаточно длинны для того, чтобы он дотянулся до еды на полу, их хватит для того, чтобы собрать в руке тяжелую петлю, которой можно огреть тюремщика по голове, — это, по крайней мере, стоит попытаться сделать. Тонгору уже приходилось служить на галерах садиста сарка Шембиса, так что больше у него не было желания попадать туда.

Он позвал тюремщика, заявив, что уже поел, и сжал в руке тяжелую петлю железной цепи. Солнце заходило, и луч розового света почти совсем исчез. Камеру постепенно наполняла темнота, так что Тонгор решил, что тюремщик может и не заметить цепи у него в руке. Тонгор снова крикнул... и его острый слух различил приближающийся по коридору звук быстрых легких шагов. В замке лязгнул ключ, и дверь со скрипом открылась. Теперь было так темно, что Тонгор не мог разглядеть лица тюремщика, когда тот входил в камеру. Северянин следил за тем, как темная фигура подходит ближе, его гигантские мускулы напряглись, и он приготовился проломить цепью череп охранника.

— Тонгор?

Северянин едва не вскрикнул от неожиданности.

— Это я... Элд Турмис.

— Горм! Что ты здесь делаешь?

Друг его тихо рассмеялся:

— Ты думал, я позволю им отправить своего лучшего товарища на галеры? Вот... я захватил ключ и принес твой меч. Скорее!

Тонгор улыбнулся. Элд Турмис, хотя в нем и текла жидкая турдисская кровь, отчего он, как и все южане, стремился к удобству и спокойствию, был превосходным воином. Он был первым человеком, с которым Тонгор подружился в Турдисе, и сделался его лучшим другом. А сейчас он чуть не проломил ему цепью голову!

— Как ты раздобыл ключ? — спросил Тонгор, когда Элд Турмис нагнулся, чтобы открыть замок на цепях.

Турданец улыбнулся:

— Тюремщику, в том состоянии, в каком он сейчас находится, ключи все равно не нужны, так что я прихватил их.

— Надеюсь, тебе не пришлось его убить. Он хорошо меня накормил.

Друг его расхохотался:

— Ты действительно северный варвар — всегда думаешь о своем желудке! Нет, не бойся, тюремщик просто решил немного вздремнуть. А... ну вот!

Цепи громко упали на каменный пол. Тонгор отошел от стены, разминая свои могучие члены. Будучи неприрученным странствующим варваром, он ненавидел клетки и цепи так же, как и любой дикий зверь.

Элд Турмис передал ему огромный меч.

— Вот твой неуклюжий валькарский клинок и темная накидка для того, чтобы спрятать твою страшную рожу. Торопись! Сейчас придут люди Баранда Тона, так что нам надо убираться.

Они выскользнули из камеры, пробрались по темному коридору, прошли сквозь помещение охраны,

где без сознания лежал тюремщик, и принялись петлять по лабиринту хорошо освещенных, но пустых коридоров, пока Элд Турмис не остановился перед небольшой низкой дверью.

— Через нее ты выйдешь на боковую улицу.

Тонгор кивнул:

— Благодарю тебя. Никогда не забуду твоей дружбы.

— Я тоже не забуду, и теперь мне будет не хватать тебя в таверне «Обнаженный меч». Но сейчас торопись. Можешь украсть зампа из тюремного загона и выбраться через Караванные ворота, до того как забьют тревогу.

— Да.

— Куда ты отправишься, Тонгор?

Тонгор пожал плечами:

— Туда, где нужны сильные руки и хороший меч. В Зангабал, вероятно, или в Кадорну. Хороший воин редко оказывается без работы.

— Тогда прощай. Не думаю, что мы еще увидимся, Тонгор.

Варвар молча пожал руку товарища. Он похлопал друга по плечу и прошел сквозь небольшую дверь, растворившись в густых пурпурных тенях мощной улочки.

ЧЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ НАД КУШЕМ

Воинственные девы носились по железному небу.

Идем, братья, уьем или погибнем!

Когда человек погибал, опускалось одно черное крыло,
Для того чтобы доставить наши души в загробный мир.

Боевая песня воинов-валькаров

Тонгор оказался в узком переулке между крепостной стеной и огромным складом. В самом конце

улицы он увидел загоны. Там ворочались громадные, похожие на драконов зампы. У заграждения стояли, облокотившись, два скучающих стражника и глядели на массивных животных. Стражники стояли спиной к Тонгору и, вероятно, одним ударом можно...

Вдруг раздался резкий звук гонгов, поднимающих тревогу. Тонгор чуть не выругался. Люди даотара добрались до его камеры и обнаружили, что она пуста, или увидели лежащего без сознания тюремщика. Если бы тревога раздалась хоть немного позже, Тонгор успел бы сделать те несколько шагов, отделявших его от стражников, и убить их. Теперь, однако, стражники были начеку: вынув клинки, они стояли по обе стороны ворот, за которыми находились стойла. Из задних ворот крепости бежали еще стражники, для того чтобы усилить охрану загонов. Бежавший узник в первую очередь, конечно, постарается украсть верховое животное.

Тонгор скрипнул зубами и выругался по-валькарски. Здесь, в густом мраке переулка, его не видно, но как, во имя всех девятнадцати богов, ему выбраться отсюда? Тонгор принялся отчаянно озираться по сторонам, затем взглянул наверх. В глаза ему бросилась удлиненная металлическая конструкция, поблескивающая в свете факелов.

Огонек злорадства блеснул в золотистых глазах Тонгора. То что надо! Там на крыше крепости был пришвартован первый опытный образец новых кораблей сарка, летательных аппаратов, при помощи которых Фал Турид намеревался завоевать всю Лемурию. Мудрый саркский алхимик Оолим Фон решил делать из урилиума, невесомого металла, эти необычные воздушные суда. В движение их приводили простые пропеллеры, и хотя валькар не имел ни малейшего представления о том, как

управлять этим странным аппаратом, он решил, что научиться. И какой удар! Бежать на драгоценном саркском воздушном корабле — пока единственном существующем! Судно перенесет его высоко над башнями и стенами Турдиса и доставит в желаемое место быстрее, чем самый быстрый зампф из загонов Фала Турида.

Острым глазом северянин измерил высоту крепостной стены. Крепость построена из огромных глыб серого камня, размером в половину человеческого роста, с зазором между ними примерно в дюйм. С детства привыкший лазить по скользким ледяным стенам обширных ледников своей полярной родины, охотясь за дикими снежными обезьянами ради их ценного меха, Тонгор испытает меньше трудностей, карабкаясь по этой стене, чем кто-либо другой.

Для Тонгора придумать что-то означало испытать это. Он быстро скинул сапоги. Связав их лямками, он перекинул их через плечо и, отбросив назад накидку, схватился за ближайшую кромку камня и принялся подтягиваться на руках. Упираясь большими пальцами ног в щели между камнями, Тонгор медленно поднимался по стене.

С Южного моря дул ветер, и воздух был прохладен, но, к счастью, огромную золотую луну Лемурии скрывали густые тучи. На крыше стояли стражники, и будет очень плохо, если они заметят его. Сейчас, с занятыми руками и ногами, он находился в невыгодном положении для боя.

Тонгор карабкался все выше, будто огромный черный паук на серой каменной стене. Улицы Турдиса были теперь далеко внизу. Стоит раз ошибиться, и мозги его будут размазаны по скользкой мостовой. Тонгор дышал спокойно и глубоко, не обращая внимания на боль в раненой руке.

Вдруг непрочно державшийся кусочек цемента оторвался у него под ногой и полетел вниз в переулок. Какое-то время Тонгор болтался, держа весь свой вес на кончиках пальцев. Затем он сжал зубы и снова начал подтягиваться на руках, дюйм за дюймом, пока не смог зацепиться ногами.

На несколько мгновений северянин прижался к стене, восстанавливая дыхание и давая отдых рукам. Наверху, на стене, двое стражников, облокотившись о парапет, лениво оглядывали город. Стоит им только бросить взгляд вниз, и они не смогут не заметить Тонгора, черную тень на сером камне. Северянин затаил дыхание, когда стражники небрежно заговорили, глядя поверх башен и шпилей Турдиса. Мышцы Тонгора на плечах и руках начали болеть от напряжения. Казалось, будто в мускулы вгоняют раскаленные докрасна иглы.

А стражники все стояли, облокотившись, прямо над ним. Он даже слышал их разговор — говорили о том, кто из узников бежал. Стражник пониже бился об заклад, что это наемник-северянин.

— Помнишь огромного подлеца, того, который поспорил с Йеледом Малкхом, утверждая, что его зампф не придет первым, на вчерашних бегах? Он заколол благородного отара своим оружием свинопаса, когда отар отказался платить! Я слышал, что Йелед Малкх едва сам не убил эту скотину, но этот грязный олух плеснул вино в лицо благородному офицеру. Да! Мы бы сами получили звание отара, Тулан Хтор, если бы поймали этого северного подонка.

— Да, — проворчал его товарищ. — Но его схватят уличные патрули, а не ты или я. Он украдет зампфа и направится к Караванным воротам наверняка... если только не купит себе укрытие в воровском квартале. Как бы я хотел встретиться с этим свиньей-наемником лицом к лицу. Я бы ему

показал, что может сделать турдисская сталь с северным мясом!

Когда Тонгор уже готов был сорваться вниз, эти двое отвернулись, прислонившись к парапету спиной. Тихо, будто тень, северянин забрался на стену за их спинами и по-волчьи оскалился.

— Боги исполнили твоё сокровенное желание, Тулан Хтор. Вот тебе шанс показать свинье-наемнику то, на что способна турдисская сталь.

Стражники резко обернулись и увидели бронзового гиганта, голого, если не считать кожаной набедренной повязки и черной накидки, который стоял на парапете с мечом в руке. На чисто выбритом лице пылали золотистые глаза, а длинная буйная грива черных волос ниспадала до плеч.

Парализованные, стражники глядели, разинув рты, на этот призрак, который появился из ниоткуда при помощи какой-то сверхъестественной силы. Тонгор ударил одного стражника ногой по горлу так, что тот упал. Удар меча рассек горло второму стражнику от уха до уха. Тонгор спрыгнул на крышу и стал над поверженными телами.

Но там были еще стражники. Раздался крик — в свете факелов заблестели клинки. Тонгор побежал по крыше крепости.

Летательный аппарат сарка был привязан к мачте на середине крыши и невесомо парил на высоте около двадцати футов. Толстый канат крепился к середине мачты, а другой его конец проходил сквозь кольцо на палубе летающего судна. Тонгор взял меч в зубы, подпрыгнул и ухватился за канат. Он пролез, перебирая руками, вверх по тросу и перелез через ограждение палубы, прежде чем кто-либо успел его остановить.

Одним ударом меча он перерубил канат, и воздушное судно свободно поплыло над улицей. Тонгор прошел по узкой палубе, которая качалась

у него под ногами, и залез в небольшую закрытую каюту. Он окинул взглядом несколько простых рычагов управления, а внизу все это время гонги били тревогу и кричали люди.

Летательный аппарат был абсолютно невесом благодаря корпусу из урилиума, блестящей обложке из голубоватого металла. Судно имело длину около двадцати футов от заостренного носа до кормы. В движение его приводили вращаемые пружиной пропеллеры. Одна группа пропеллеров, находящаяся сзади, толкала судно вперед; другая группа, в носу, толкала судно назад; пропеллеры в центре палубы и под килем перемещали корабль вверх или вниз.

Устройства эти приводились в действие четырьмя рычагами, на которых было явно обозначено их назначение. Сейчас рычаги находились в нижнем положении. Чем выше поднят рычаг, тем с большей силой пропеллеры движут судно.

Не успел ветер отнести летательный аппарат и на десяток ярдов от крепости, как Тонгор уже усвоил назначение этих нехитрых рычагов и включил задние пропеллеры. Воздушный корабль понесся над городом, высоко над башнями. Когда Тонгор пролетал над могучими стенами Турдиса, он поднял летательный аппарат так, чтобы не долетела никакая стрела. Жужжа пропеллерами, воздушный корабль летел сквозь ночь.

Крохотную каюту освещала масляная лампа, защищенная стеклянным колпаком. Зафиксировав рычаги, Тонгор быстро обследовал корабельный рундук. Он нашел там дневной запас вяленой рыбы, флягу с водой и целебные мази, которыми он тут же смазал раненую руку: Йелед Малкх прорезал лишь кожу.

Над единственной койкой висел мощный боевой лук, подобный тем, что используют люди-звери и

синие кочевники с равнин, лежащих далеко на западе Лемурии. Фал Турид намеревался создать флот из таких воздушных судов и снабдить их экипажами из лучников, обученных владению этим оружием, славящимся дальностью стрельбы по всей Лемурии. Несмотря на усталость, Тонгор с любопытством осмотрел это оружие. Северянин впервые видел его вблизи, поскольку странствия не приводили его до сих пор в западные равнины, где безраздельно властвуют среди развалин самого древнего царства Немедии, погибшего тысячу лет назад, чудовищно жестокие синие кочевники.

Оружие имело шесть футов в длину, сам лук выполнен из гигантских кривых рогов какого-то неизвестного животного с великих равнин. Благодаря необычайной упругости рога, натянуть лук было очень трудно, однако это придавало большую силу стреле. От старых воинов из западных городов Тонгор часто слышал рассказы о баснословном искусстве великанов с синей кожей, которые, как утверждают, могут послать стрелу на пятьсот ярдов с фантастической точностью.

Тетива была сделана из тонкой стальной проволоки, а сами стрелы, длиной не менее чем в полкопья, имели зазубренные наконечники из твердой кости, заточенной как бритва. Тонгору не терпелось испытать это оружие.

Летательный аппарат, жужжа, продвигался по ночному небу Лемурии. Вот золотая луна пробилась сквозь пелену облаков и осветила местность внизу. Проверив рычаги и еще раз убедившись, что они установлены в нужном положении, Тонгор вышел на палубу и взглянул через низкое ограждение на землю, проносившуюся под ним. Внизу виднелись хутора, окружавшие стены Турдиса, кое-где мимо хуторов проходили широкие, мощенные камнем дороги. Тонгор ясно видел в лунном свете сельские

домики и хозяйственные постройки. С такой высоты они, казалось, были не больше телег, на которых селяне привозят свои товары на городские рынки.

Это фантастическое, ни с чем не сравнимое переживание — лететь, подобно гигантской птице, высоко над землей. Лишь несколько человек, включая Оолима Фона и самого сарка, летали до этого. Тонгор чувствовал себя героем мифа, Фондатом Первожденным, который летит сквозь ночь верхом на драконе. Он улыбнулся, почувствовав, как холодный ветер развеивает его черную гриву. Так же летали Воинственные девы, унося души храбрых воинов к Отцу Горму, где они должны жить в Чертоге героев, до тех пор пока вся Лемурия не погрузится в голубые воды великого моря!

Тонгор взглянул вверх и принялся разбирать иероглифы созвездий. Его отец много лет назад учил мальчика Тонгора определять направление по звездам, — учил, что две звезды в созвездии Колесницы всегда показывают на Северную звезду. Судя по звездам, летательный аппарат направлялся почти точно на северо-запад. Если продолжить двигаться в этом же направлении, решил Тонгор, то он пройдет прямо над Патангой и дальше над Катоолем. Тонгор не имел никакого желания посещать Патангу: город был буквально заполонен друидами в желтых одеяниях, которые поклонялись Ямату, богу огня, и сжигали живьем женщин на раскаленных докрасна бронзовых алтарях. В казарме ходили слухи, что молодая царица Патанги Сумия в действительности является пленницей в своем большом дворце и всем распоряжается Желтый друид, Васнас Итол, захвативший власть в стране после смерти отца Сумии, сарка Патанги. Фал Турид, сарк Турдиса, надеялся жениться на молодой царице и таким образом без битвы заполучить сказочные богатства Патанги — если только сможет вырвать царицу Патанги у ее пленителей.

Тонгор покачал головой. В Город Огня направляться слишком рискованно — ему лучше лететь дальше, до города Катооля, сарку которого нужны воины для защиты границ, проходящих по джунглям, от дикарей Куша.

Тонгор снова вошел в кабину, чтобы взглянуть на шкалу, показывающую, насколько еще хватит завода находящихся под палубой огромных пружин. Он подсчитал примерно, что энергии хватит еще на пять или шесть часов полета, после чего пружину снова придется заводить ручкой. Тогда уже настанет рассвет. Тонгор вытянулся на узкой койке и мгновенно заснул.

Под блестящим килем летательного аппарата возделанные земли Турдиса сменились пустыней, и вскоре судно уже летело над водами реки Исаар, посеребренной полной луной. Пока Тонгор крепко спал, восстанавливая силы, воздушный корабль продвигался над джунглями Куша, и вскоре внизу начали проплывать вечные огни, горящие на кунолах храмов Патанги. Тонгор спал, а летательный аппарат прожужжал над Городом Огня, в котором, хотя Тонгор еще не знал об этом, ожидала его судьба, и полетел дальше к далекому царству Катооль, паря по ночному небу Лемурии, будто огромная птица.

НАПАДЕНИЕ ЛЕТАЮЩИХ ЯЩЕРОВ

Внизу тьма, полная зубов драконов,
Наверху уже тянутся к нему когти ящера.
Это необычная битва, между землей и небом,
Над зловещими глубинами Куша.

Сага о Тонгоре. Строчка III

Разбудили Тонгора два обстоятельства: первое — тишина и неподвижность летательного аппарата и

второе — резкий вопль, разорвавший утреннее спокойствие. Тонгор соскочил с койки, тут же прогнав последние остатки сна. Пружина размоталась, и воздушный корабль свободно дрейфовал. Но откуда этот пронзительный крик?

Он вышел на палубу и замер от удивления. Был уже шестой час, и утреннее солнце заливало небо розовым и золотым. Но внизу находились не длинные набережные Катооля и даже не возделанные земли, на мили окружавшие город. Внизу лежали дикие джунгли Куша.

Тонгор озадаченно потер ладонью обросшую щетиной щеку. Он должен был оставить эти джунгли позади несколько часов назад; как он мог так ошибиться в расчетах? Вдруг он заметил, что летательный аппарат относит сильным постоянным ветром, дующим с востока. Тонгор тут же все понял и тихо выругался, помянув Горма. Когда пропеллеры перестали работать, невесомый воздушный корабль не просто повис где-то над Катоолем, а стал медленно двигаться на запад под действием сильного ветра. Теперь от места, в которое он хотел попасть, его отделяли несколько часов пути над темными, непроходимыми джунглями Куша. Однако делать нечего, остается снова завести пружину и направиться на восток, в Катооль.

Но не успел Тонгор взяться за дело, как опять раздался тот же резкий крик, который помог ему до этого проснуться. Оглядев утреннее небо, Тонгор почувствовал, как холодеет кровь от увиденного им ужасного зрелища.

На его воздушный аппарат сверху стремительно падало чудовищное, фантастическое летающее существо. Извивающееся, покрытое чешуей тело было такой же длины, что и воздушное судно, а гигантские кожистые крылья, как у летучей мыши, имели размах в сорок футов. Голова сидела на змеиной

шее, — голова невообразимо мерзкая, со страшным загнутым клювом и свирепыми красными глазами, окруженными синими шипами. Змеиный хвост тоже имел на конце шипы, отчего конец хвоста напоминал наконечник стрелы, а лапы украшали страшные птичьи когти.

Тонгор слышал раньше об огромных летающих ящерах Куша, но никогда их еще не видел. Это самые яростные и наиболее свирепые хищники во всей Лемурии — сравниться с ними мог только могучий дварк, сам дракон джунглей. И вот этот ящер со скоростью молнии падает ему на голову.

Тонгор упал на живот, когда громадная тень крыльев ящера накрыла палубу. Чудовище ударило летательный аппарат и снова взмыло ввысь, готовясь к новой атаке. Когда судно закачалось после первого удара, Тонгора чуть не выбросило за борт, и он удержался лишь благодаря тому, что ухватился за ограждение своей железной рукой. Он подтянулся на руках и увидел, что летающая рептилия снова приближается к кораблю. На этот раз она зависла, размахивая крыльями, и попыталась схватить воздушное судно лапами. Когти, длиной в фут, сжали острый нос аппарата, и даже твердый урилиум, которым был обшит нос, не смог выдержать мощного захвата ящера. Металл смялся, как бумага.

Тонгор вскочил на ноги, бросился в каюту и вернулся с куском троса и огромным боевым луком, который рассматривал накануне вечером. Пока чудовище оглушительно орало и лупило обтекаемый корпус летательного аппарата, Тонгор обвязал один конец троса вокруг пояса, а другой конец укрепил на ограждении так, чтобы удержаться даже и в том случае, если ящер сумеет опрокинуть судно. Затем он, приложив неимоверное усилие и едва не надорвав мышцы плеч, натянул тетиву.

Первая стрела попала ящеру прямо в грудь. Стрела вошла наполовину своей длины сквозь твердую чешую, и из раны потекла струйка вязкой зеленой крови.

Ящер издал вопль, похожий на то, будто великан раздирает железный лист. Выпустив нос корабля, чудовище отлетело прочь — но ненадолго. Описав в небе широкий круг, монстр ринулся на беспомощно качающийся над джунглями аппарат.

Как Тонгор и ожидал, от второго удара воздушный корабль закрутился в воздухе, как пропеллер. Крепко сжимая боевой лук, валькар болтался на конце троса. Когда летательный аппарат снова принял горизонтальное положение, рептилия повисла на крыльях рядом и принялась бить корпус клювом. Раскачиваясь на конце троса, Тонгор послал стрелу зверю в голову. Она пролетела мимо длинной извивающейся шеи. Но следующая стрела попала ящеру в горло прямо под могучей челюстью. Чудовище дико закричало, обезумев от боли, и принялось яростно бить крыльями.

Одно крыло зацепило ограждение палубы и перевернуло аппарат. Судно завертелось в воздухе, а Тонгора с силой ударило о борт. Он повис на тросе, потеряв сознание.

Лук и колчан выпали у него из рук и полетели вниз, в джунгли.

Кипя от ярости, крылатая рептилия села теперь на киль перевернутого судна, будто птичка на ветку. Когти сжали киль, смяв гладкий голубоватый урилиум.

Вместе с ящером аппарат уже не обладал такой плавучестью, так что он начал оседать к вершинам деревьев.

Тонгор по-прежнему висел кверху ногами, находясь без чувств.

И теперь ему грозила новая опасность. Среди деревьев появилось отвратительное рогатое рыло ужасного дварка, дракона джунглей. Дракон ковылял к опускающемуся летательному аппарату. Опершись передними лапами о гигантский древовидный лотифер, монстр вытянул свою шестидесятифутовую, покрытую чешуей шею к небу.

Летательный аппарат опускался все ниже, прижимаемый к земле весом летающего ящера.

Судно снижалось, и беспомощное тело Тонгора все ближе опускалось к уже начавшим раскрываться челюстям дварка. Оглушенный ударом о борт, валькар не видел приближающихся челюстей чудовища.

Все существование дварка представляло собой непрерывный поиск пищи, которая бы могла набить огромное брюхо. Он был способен жрать буквально весь день. Каждые сутки требовалось больше двух тонн мяса для того, чтобы поддерживать движение мышц тела в двести футов длиной.

Мягкий предмет, болтающийся на веревке, пах как пища.

Дварк разинул громадную пасть. Каждую челюсть усыпали два ряда острых, как иглы, клыков, и самые большие зубы превосходили по длине северный меч, который висел у бедра Тонгора.

Зияющая пасть сделалась еще ближе, когда дварк полностью вытянул шею. Вязкая слюна, пахнущая открытой могилой, текла по чешуе нижней челюсти. Красные глаза алчно горели.

Вдруг раздался еще один крик. С неба падали еще два летающих ящера. Когда дварк задержался, рассматривая странных существ, повисших над ним, первая крылатая рептилия наконец почувствовала смертоносную силу громадной стрелы. Ящер, будто пьяный, свалился со своего места на изуродованном судне и упал прямо к ногам дварка.

Освободившись от лишнего веса, невесомое судно снова начало подниматься, унося Тонгора от дракона джунглей — в поле зрения двух крылатых ящеров.

Пока крохотный, тупой мозг гигантского дварка силился понять, почему висевшая пища вдруг убралась туда, где он не может до нее дотянуться, до дракона дошел запах мертвого ящера у ног. Оставив Тонгора, дварк нагнулся и принялся пожирать мертвую птицу.

Тонгор пришел в себя и тут же оценил ситуацию: драться надо не с одним, а с двумя летающими ящерами — и без лука, с одним лишь мечом.

А прямо внизу чудовищный дварк.

Валькар, перебирая руками, забрался по тросу в аппарат, который уже снова принял свое обычное горизонтальное положение. Если он успеет взвести пружины до того, как летающие ящеры нападут, он еще сможет спастись. Тонгор открыл люк в палубе и принялся вращать ручку. Длинные пружины начали постепенно наматываться.

Тем временем два ящера осторожно кружили вокруг летающего судна. Крохотным умом эти рептилии смутно понимали, что этот странный предмет, вторгшийся в их пределы, каким-то образом убил их сородича.

В их страшных глазах читалось желание убийства.

Сложив крылья, они одновременно ударили по аппарату.

Хотя Тонгор и был прочно привязан тросом к ограждению, сила толчка сбила его с ног. Судно будто столкнули с неба чудовищных размеров рукой. Оно зарылось носом в густые ветви громадного лотифера и застряло там в развилке ветвей.

Ограждение смялось, и трос лопнул. Тонгор упал, пролетев сквозь хлещущие ветви, и грохнулся на упругий мох.

В ста ярдах в стороне при звуке падения аппарата дварк приподнял морду, с которой капала зеленая кровь летающего ящера.

Крылатые ящеры радостно закричали, полетали кругами и убрались прочь.

Тонгор отвязал трос и осмотрел себя. Если не считать синяков и небольших порезов, он остался цел. Валькар выполз из поля зрения дварка и тут же потерялся во мраке густых джунглей.

«Именно потерялся», — подумал он мрачно. Он оказался выброшенным в глубине самых опасных и непроходимых джунглей во всей Лемурии — между ним и ближайшим городом лежали сотни лиг непролазных, кишачих драконами дебрей.

Огромный боевой лук, который один только мог бы позволить Тонгору хоть как-то противостоять чудовищам джунглей, был безнадежно утрачен.

Все может быть даже гораздо хуже, поскольку деревья здесь росли так густо, что Тонгор не видел неба. Таким образом, он не имел ни малейшего понятия о том, в какую сторону нужно идти, чтобы добраться до Катооля или до Патанги.

Валькар упрямо направился вперед, прорубая себе мечом дорогу в чаще. Поздним утром он остановился, чтобы позавтракать кислыми ягодами сарна и горсткой других плодов. Он пошел дальше, надеясь на то, что продвигается в верном направлении, но абсолютно не имея возможности проверить это по положению солнца.

Несколько раз он пытался залезть на один из гигантских лотиферов, которые так густо росли в Куше и стволы которых достигали высоты двух сотен ярдов. Но каждое дерево плотно поросло страшными слитами, кровососущими цветами-вампирами, ужасом лемурийских джунглей. Тонгор с грустью решил не пытаться лазить по деревьям. Он и так едва избежал слитов, которых сарк

Турдиса держал на арене... так что он не будет сворачивать со своего пути для встречи с ними сейчас.

«...И может ли, — думал он, — человек в одиночку пройти пешком сотню лиг по джунглям?» Что станет он делать ночью, до которой еще много часов, когда все хищники в джунглях рыщут в поисках пищи? Как ему защититься от быстрого поа, которая может обогнать даже обученного зампа, или от людоеда-земадара с шестью огромными руками, или от гигантских летучих пауков?

Ночью положение Тонгора делается вдвойне опасным, поскольку из-за обилия слитов на деревьях он не сможет забраться на них, чтобы избежать встречи с животными.

Он все же упорно шел дальше. Из-за влажной жары было тяжело дышать, северянин обливался потом. Тонгор то и дело останавливался, чтобы отдрать огромных древесных пиявок, которые впивались в руки и ноги, безболезненно высасывая кровь. Один раз он неожиданно по пояс провалился в трясину и спасся от навязчивых объятий желтой грязи, привязав один конец троса, взятого с летучей лодки, к рукояти меча и метнув клинок в ближайшее дерево так, чтобы он воткнулся, затем медленно вытянул себя руками из засасывающей скользкой жижи.

Вначале Тонгор останавливался для отдыха лишь каждый час, но постепенно его железная сила начала сдавать под действием духоты, и остановки его становились все длиннее, а промежутки между ними все короче.

Когда джунгли Куша коснулись первые признаки приближающейся темноты, Тонгор тяжело опустился на мох под огромным лотифером, совершенно изможденный.

Он не знал, сколько он прошел, так как вынужден был часто отклоняться от прямого пути,

чтобы избежать того или иного зверя или обогнуть слишком густо растущую группу деревьев. Грубо прикинув, он решил, что проделал путь миль в пятнадцать, может быть больше.

И он не знал того, шел ли он в правильном направлении. Если он шел в сторону от Катооля, то он обречен, поскольку ближайший город на Западе лежал в тысяче миль, и, прежде чем он доберется до городских стен, его кости сгниют от постоянных укусов слитов.

Вдруг Тонгор почувствовал опасность гораздо ближе.

Звук шагов огромных лап, приминающих молодую поросль, не так далеко за спиной. Судя по тому как дрожит земля под огромным весом, Тонгор заключил с беспощадной уверенностью, что это может означать лишь одно — его преследует дварк.

ЛОТОС СНОВИДЕНИЯ И КОЛДОВСТВО

... Это была эпоха колдовства, когда могучие колдуны боролись с наплывами тьмы, которая постоянно грозила поглотить мир людей. И никогда больше мир не увидит такого колдовства, как то, что царило в древние времена, когда гордая Лемурия была молода, и до того, как Мать Империй объединила под своим знаменем Египет, еще юную Атлантиду и города царей майя...

Лемурийские Летописи

Тонгор выхватил из ножен меч. Трещали кусты и ломались ветви под массивными лапами. Тот ли это самый дварк, что сожрал летающего ящера, или нет валькар не знал, но дварк шел по следу.

Осознание опасности придало сил его усталым членам, и Тонгор бросился сквозь джунгли от чудовищной рептилии. Тернии рвали ему плечи ост-

рыми, как иглы, шипами, когда северянин бежал сквозь колючие заросли. Громоподобная поступь дракона слышалась все ближе. Дварк стал двигаться быстрее. Земля тряслась, когда тварь проламывалась сквозь плотно стоящие древние деревья, сметая со своего пути патриархов леса, спокойно простоявших столетия.

Когда Тонгор остановился, чтобы перевести дыхание, что-то легкое упало ему на руку, и сознание его поплыло. С ужасом заметил он, что его схватил слит. Качающийся цветок раскрыл свои мягкие лепестки, будто пасть, обнажив три ряда пустых клыков, которые за час могут высосать кровь из самца буфара.

Цветок-вампир испускал приятно пахнущее наркотическое облако, от действия которого жертва теряла сознание. Когда же все поплыло перед глазами, Тонгор попытался отодрать мягкие мясистые лепестки от тела. Он почувствовал, как начала неметь рука по мере того, как слит высасывал из нее кровь. Колени подогнулись, и Тонгор осел на мягкий мох, так и оставив свою руку отвратительному цветку.

Тонгор вяло наблюдал за тем, как покрытые восковым налетом лепестки постепенно краснеют. Это его собственная кровь всасывается в губчатый цветок.

И в это мгновение его настиг дварк.

Тонгор собрал весь свой запас сил. Меч рассек жесткий стебель слита, отделив цветок от тела растения. Цветок оставался на руке, пока Тонгор не отодрал его и с омерзением не растоптал.

Все еще опьяненный наркотическими парами цветка-вампира, Тонгор развернулся, чтобы встретить дварка. Взяв инициативу в свои руки, валькар прыгнул вперед, замахиваясь мечом. Острая сталь вонзилась в слюнявую нижнюю челюсть дварка.

Тонгор выдернул меч и снова замахнулся. Окровавленный меч разрубил толстые складки кожи в месте соединения челюстей дракона джунглей. Брызнула кровь, окрасив руку Тонгора в красный цвет.

Оглушительно фыркнув, дварк мотнул головой из стороны в сторону, стараясь облегчить боль. Покрытое чешуей рыло ударило Тонгора, будто таран, и отбросило на десяток ярдов. Валькар растянулся на спине, и меч выпал из его рук.

Еще до того как он успел подняться и снова схватить оружие, над ним разверзлась влажная пасть дварка. Он увидел изогнутые белые сабли могучих клыков в готовой проглотить его зияющей пасти.

— Задержи дыхание, воин.

Вперед вышла высокая, одетая в длинный халат человеческая фигура. В одной руке человек держал металлическую коробочку. Что это за человек, Тонгор не знал, но подчинился приказу.

Когда челюсти дварка уже приближались, подошедший старик открыл коробочку и бросил ее содержимое в рот чудовищу. Вокруг морды дракона джунглей образовалось густое облако из голубого порошка. Дварк отдернул голову, когда клубы пыли попали ему в ноздри. Алчный огонь погас в красных глазах, и, когда Тонгор поднялся на ноги, дварк с грохотом повалился на землю, сотрясая все вокруг. Зверь либо сдох, либо потерял сознание.

Тонгор поднял свое оружие и бесстрастно оглядел старика.

— Благодарю тебя за... помощь, — сказал Тонгор.

Незнакомец провел тонкими пальцами по длинной седой бороде и едва заметно улыбнулся.

— Порошок лотоса сновидений, — произнес он глубоким звучным голосом. — Одна крупинка переносит человека на несколько часов в мир снов и фан-

тастических удовольствий, порождаемых его собственным сознанием. Дварк вдохнул порошка столько, сколько хватило бы городу средних размеров. Очень неразумно и опасно бродить по этим джунглям с одним лишь мечом. Но позволь мне представиться: я заклинатель, живущий поблизости. Зовут меня Шарайта из Заара.

Тонгор тоже представился. Он старался не выпускать из рук меча. Он не водил дружбы с колдунами, и всей своей северной кровью ненавидел уловки дьявольского искусства колдовства и заклинания. Слава же этого колдуна достигла даже северной родины Тонгора. Шарайта Великий — один из самых могущественных заклинателей. Некоторые называют его Лемурийским колдуном.

Колдун был стар — как стар, Тонгор не решался даже предположить, но на его морщинистом лице лежала печать веков. Носил он длинный халат с широкими рукавами, неопределенного серого цвета, перепоясанный широким поясом из змеиной кожи, на котором висели короткий меч необычной формы и мешочек из алой кожи. Мудрый и холодный взгляд его черных глаз обладал магнетическим свойством. Нестриженная грива седых волос цвета металла падала на худые плечи, а борода того же оттенка струилась, будто водопад, до самого пояса. На худых пальцах сидело множество колец и перстней-талисманов. Одно кольцо было из железа, с клинописными рунами. Был перстень с кроваво-красным нефритом с написанным на нем Именем Силы. Остальные кольца были сделаны из камней, металлов или редких пород деревьев. При помощи этих колец, решил Тонгор, колдун может вызывать духов стихий и управлять ими.

— Ты ранен и утомлен, — сказал Шарайта. — Позволь пригласить тебя в мое жилище. Тебе необ-

ходимы пища, питье и отдых. Идем, мой зампф привязан здесь недалеко.

Он был бы дураком, если бы отказался от блаженства, предложенного колдуном, находясь в беспомощном состоянии на расстоянии многих лиг от ближайшего города. Философски пожав плечами, Тонгор кивнул, принимая предложение. Но он решил зорко следить за тем, чтобы не было предательства, и не выпускать из руки рукояти меча... хотя колдун, у которого хватает сил на то, чтобы обезвредить гигантского дварка, справится с одиноким воином.

Зампф был привязан на небольшой полянке всего в нескольких шагах в стороне. Это огромное животное внешне напоминало носорога. Толстая шкура — синевато-серого цвета, только брюхо грязно-желтое. Короткие и толстые ноги, покрытые слоем рогового вещества наподобие копыт, могли без усталости нести животное несколько дней. Морда имела клюв, а между свинячих глазок рос прямой и острый рог. Как и у доисторического трицератепса, его предка, шею его покрывал огромный изогнутый щит из костной ткани, образуя естественное седло. Наездник сидел в этом седле и управлял зверем поводьями, прикрепленными к железным кольцам, которые были вставлены в маленькие, нежные ушки зампфа — единственное чувствительное к боли место на теле.

Зампф Шарайты оказался гигантским представителем своего вида, и костяное седло могло вместить двоих. Колдун и валькар сели верхом и двинулись по джунглям.

— Джунгли Куша довольно негостеприимны, — заметил Тонгор. — Меня удивило, что ты решился здесь жить.

— Колдуны предпочитают жить в удаленных уголках земли, чтобы спокойно проводить свои

изыскания и опыты, — ответил Шарайта. — Поскольку обслуживают меня невидимые руки, я мало нуждаюсь в городах. Много лет назад я соорудил подземный дворец в ближайших горах и с тех пор живу там. Но я редко покидаю свое подземное жилище и выхожу в джунгли.

— Мне повезло, что ты вышел именно в это время.

— Это не просто везение, Тонгор из клана валькаров. У меня есть волшебное зеркало, которое показывает мне все, что происходит в Лемурии. Благодаря силе этого зеркала я увидел над Кушем твой необычный летучий корабль — я видел, как на него напали гракки, крылатые ящеры, и уничтожили его, и видел, как ты оказался один среди джунглей. Я поспешил, чтобы оказать посильную помощь и осмотреть обломки судна. Но это последнее мы отложим до тех пор, пока ты не отдохнешь и хорошенько не поешь.

Огромный зампф бежал по джунглям. Мимо проносились древовидные лотиферы с темно-красной корой, похожей на запекшуюся кровь. Деревья росли все реже по мере того, как колдун и валькар приближались к огромной горной цепи, серые вершины которой уже виднелись на горизонте. Моммурские горы, подумал Тонгор, вспомнив карты. Он молча поморщился. Он действительно медленно продирался сквозь джунгли прямо в противоположном направлении от Катооля!

Вскоре они въехали в извилистый, как лабиринт, каньон, который глубоко прорезал невысокие скалы на границе гор. Отвесные скальные стены поднимались по сторонам на тысячу футов, и не было видно ничего похожего на вход в пещеру.

Шарайта остановил зампфа перед одной такой каменной стеной. Тонгор с любопытством наблюдал за тем, как колдун склонился вперед и надавил на

кольцо, спрятанное в небольшом углублении скалы. Огромная глыба беззвучно опустилась в землю.

Перед ними открылась темная пещера. Шарайта вылез из седла и указал Тонгору рукой:

— Входи.

Колдун набросил поводья на шею зампфа, и зверь первым прошагал внутрь и скрылся в темноте. Шарайта явно содержал своего скакуна где-то в пещере, и зампф был обучен самостоятельно находить дорогу.

С фаталистической улыбкой Тонгор шагнул в темноту, и колдун пошел следом. Шарайта поднял руку и из глубины широкого рукава извлек короткий жезл из прозрачного хрусталя. Колдун поднял его, и вокруг наконечника замерцал бледно-голубой нимб. Свет постепенно усилился и осветил пещеру.

За спиной каменная глыба бесшумно затворилась.

«Колдовство!» — фыркнул про себя Тонгор, выразив естественное презрение воина к подобным уловкам. Казалось глупым по своей воле входить в логово самого могущественного колдуна Лемурии, и все же... старик не сделал ему ничего плохого, в действительности даже спас от верной смерти. «Пусть будет то, что будет, и тогда, когда это должно быть», — решил валькар. И решительно отбросив страхи, с беспечностью, свойственной философии северян, Тонгор принялся с интересом глядеть по сторонам.

Освещенная необычным голубым сиянием, пещера развернула перед ним фантастическую, неземную панораму. Над головой со сводчатого потолка свисали сталактиты — каменные копыя, огромные, как клыки Барумфара, отца всех драконов, который проглотил луну, согласно древней легенде. А на полу пещеры навстречу им росли стеклообразные бугорки, образуемые в течение веков медленно

капающей водой, содержащей известь. То здесь, то там среди фантастического каменного леса находились ямы с огнем, а иногда Тонгор видел вспышки желтого пламени, поднимающегося из мира вулканического огня, горящего под всей Лемурией, который (как утверждают пророки) однажды погубит весь континент, погрузив его на дно Заранга Тетрабааль, Великого океана.

— Идем.

Тонгор следовал за колдуном, который вел его сквозь сталагмиты. Жуткий свет от ям с огнем окрашивал их гладкую стеклообразную поверхность мерцающими фантастическими цветами. Внимательно глядя по сторонам и придерживая рукой рукоять меча, Тонгор шагал за колдуном.

Это походило на лабиринт, в котором не знающий дороги легко может потеряться и блуждать часами. Шарайта провел северянина сквозь каменный лес и вывел туда, где глубокий канал прорезал пол пещеры. По этому каналу полз вязкий поток раскаленной лавы, будто река жидкого огня. Вялая жижа имела цвет вишни, и на ее морщинистой, похожей на грязь поверхности вспыхивали желтые огоньки. От потока исходил страшный жар, а облако густого маслянистого дыма резало Тонгору глаза. За рекой лавы пол пещеры поднимался и плавно переходил в стену. Грубые грифоны, вырубленные из того же камня, что образовывал пол, стояли по краям лестницы. Тонгор заметил, что в их глазницы вставлены необычные желтые драгоценные камни. Показалось ли это ему только, или действительно искра разума мелькнула в этих драгоценных камнях? Слегка похолодев, Тонгор подумал, что одним словом колдун, стоящий рядом, может дать жизнь этим каменным чудовищам и призвать их на помощь.

Шарайта надавил на железное кольцо, вделанное в портал, и, застав, огромные створки ворот медленно отворились.

Внутри в монолитной скале был вырублен длинный зал. В дальнем конце у стены находилось возвышение, на которое вели ступени и где стояло похожее ни трон кресло из абсолютно черного камня. В центре зала стоял длинный деревянный стол. По обе стороны столешницы блестели канделябры из чистого золота. К столу были пододвинуты скамьи. В стенах располагались занавешенные двери, которые вели в другие помещения подземного дворца, и то там, то здесь между дверей у стен стояли шкафы и деревянные сундуки, хранящие тайны. Перед возвышением была яма с шумно пылающим огнем.

— Добро пожаловать в мой дом, — сказал колдун.

Несколькими часами позже Тонгор и хозяин дома ели за столом в подземном зале. Невидимые слуги вымыли усталое тело Тонгора ароматной теплой водой, мазями обработали раны и порезы. Он проспал большую часть дня и начало вечера на мягкой постели и проснулся со зверским аппетитом.

Подозрения Тонгора постепенно исчезли. Да и колдун накрыл прекрасный стол. Жареное мясо буфара плавало в густой дымящейся подливке вместе с сочной, хотя и безымянной рыбой из подземных ручьев. Были здесь и чаши с необычайными плодами из джунглей, и блюда со сладостями, и самые лучшие сорта вин.

Во время еды они беседовали. Колдун слушал рассказ о приключениях северянина с ироничной улыбкой. Он проявил неподдельное любопытство

относительно механизмов летающего судна и очень хотел увидеть его.

— Я немного знаком с этим Оолимом Фоном, — проговорил задумчиво колдун, — мне стало известно о его глубоких познаниях в алхимии. Но он заблуждается, представляя свое знание в распоряжение амбициозного воинственного сарка, такого, как Фал Турид... о репутации которого мне тоже известно, и я знаю о его планах покорить города побережья. Колдовство — это знание; знание в руках тщеславного человека — это сила. И такая сила, попавшая в сильные руки, может подчинить всю Лемурию одному кровавому трону. Но расскажи мне еще о твоей битве с гракком, летающим ящером. Насколько я знаю, никто из людей еще не мог в одиночку убить ужас неба!

Закончив еду, они сели перед ямой с огнем. Трудная жизнь наемного воина редко предоставляла Тонгору такой комфорт, так что, плотно поев и неплохо выпив, он разнежился будто большой золотоглазый кот.

Они обсуждали планы Тонгора.

— До Катооля так же далеко от моего дворца, как и до Ашембара, — сказал колдун, показывая большую пергаментную карту. — Я дам тебе зампа и, если хочешь, помогу найти дорогу в тот город на севере. Есть одна тропа, которая ведет через горы и затем через Занд в Ашембар на реке Махба. Но если целью твоей должен стать Катооль, тебе придется пробираться много миль через джунгли. Давай обсудим это подробнее завтра. Будь моим гостем хотя бы этой ночью. И если пожелаешь, завтра мы разыщем твое воздушное судно. Возможно, его можно починить и тем самым облегчить твое путешествие.

В эту ночь Тонгор спал крепко и без сновидений и не подозревал еще, что судьба уже повела его

в одном направлении... сам того не зная, он, встретившись с Великим лемурийским колдуном, сделал первый шаг по длинной дороге, которая может вывести его либо к трону и славе, либо к страшной бесславной смерти.

ЧЕРНЫЕ ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

На рассвете мы выехали из роскошной Немедии.
Под ногами стучала дорога, а сбоку шумело пенистое море.
Бешеные волны разбивались о голые скалы
и снова откатывались
В том месте, где над мрачным, серым берегом возвышались
Стены замка Царей-Драконов.

Песнь Диомбара о Последней битве

Они встали через час после рассвета и позавтракали. Колдуну очень хотелось осмотреть обломки воздушного судна, так что они сели на двух зампов, поехали сквозь джунгли Куша и без особого труда нашли аппарат. Он по-прежнему висел, застряв в развилке ветвей гигантского лотифера.

Шарайта соорудил устройство из крепких канатов и блоков, и, изрядно потрудившись, валькар и колдун сумели высвободить корабль из ветвей и притянуть его к земле, туда, где колдун мог осмотреть его.

— Корпус из невесомого урилиума придает кораблю плавучесть, в движение же его приводят длинные спиральные пружины, проходящие от носа до кормы под палубой, — вслух рассуждал колдун. — Хотя корпус из урилиума и помят, он сохраняет способность сопротивляться притяжению земли, а пропеллеры не повреждены.

— Ты хочешь сказать, что судно может летать? — спросил Тонгор.

Колдун кивнул:

— Вмятины в корпусе можно снова выправить, а немного поработав, можно легко восстановить кабину. Давай оттащим летательный аппарат в мою мастерскую.

Они привязали летающее судно тросом к зампу и отбуксировали по воздуху в подземный дворец.

Тонгор оглядел корабль, когда они протаскивали его сквозь пещеру в лабораторию Шарайты. Когда-то гордой, безупречной формы летающее судно, сверкавшее над крепостью Турдиса, теперь представляло собой помятую грудку металла. Граки очень сильно повредили аппарат. Нос был смят, будто лист пергамента, скомканный гигантским кулаком. Острые, твердые, как железо, клювы вмяли борта, а каюта была снесена ударом, когда судно зарылось в ветвях. Великану варвару оно казалось хламом, годным лишь на свалку, но колдун выразил уверенность в том, что корабль можно починить.

— Хвала богам, судно не потеряло ни одной своей пластины из урилиума. Мне бы трудно было найти им замену. Все остальное легко сделать заново... и мне не терпится изучить устройство пропеллеров и механизмов управления. Да, воин, через несколько дней ты сможешь полететь в Катооль — или в любое другое место, в какое захочешь, — как будто летающие ящеры и не сбивали твоего аппарата.

Шарайта надел кожаный рабочий фартук и принялся вынимать инструменты. Тонгор с беспокойством оглядывал лабораторию. На длинных столах стояли тигли и антаноры среди стеклянных колб и пробирок странных форм. Вдоль стен размещалось множество таинственных сосудов и приспособлений.

— Могу я помочь?

— Нет. Осмотри пока мое жилище.

Поскольку его помощь отвергли, Тонгор оставил колдуна в мастерской, а сам отправился бродить по странным залам, изучая подземный замок.

Одно помещение заполняли книги по магическому искусству. Книжки маленькие и громадные — некоторые из них в рост человека.

Некоторые были переплетены кожей буфара; обложки других были либо из украшенного гравировкой металла, либо из резного дерева неизвестных пород. Книжки были написаны на десятке языков, и Тонгор, приоткрыв одну такую книгу, обшитую густым мехом зеленого волка, с отвращением увидел там странные иероглифы, начертанные красной, черной и золотой краской на листах пергамента.

Другая комната представляла собой химическую лабораторию колдуна. Над огнем бурлили котлы с зеленой светящейся жидкостью. Глиняные горшки и металлические трубки образовывали хитрую конструкцию, через изгибы и спирали которой прогонялись кипящие жидкости, но смысл этих экспериментов неподготовленный ум Тонгора понять не мог. В одном углу на подставке стоял человеческий скелет. В стеклянном шаре с мутной жидкостью в подвешенном положении находился человеческий мозг. Пучки сушеных трав и разноцветные порошки в канистрах наполняли воздух едкими, отвратительными запахами.

Тонгор презрительно сморщил нос.

— Колдовство, — проворчал он.

Следующая комната больше соответствовала его вкусу. На стенах висело оружие из сотен городов. Мечи, пики, луки и копья... кривые кинжалы наемных убийц из Далакха, ножи с лезвием в форме листа из Дарундабара висели рядом с украшенными перьями копьями Взаппы и гигантскими боевыми топорами затерянного, доисторического Иба. Валькар с удовольствием провел

целый час в этой комнате, пробуя в руках оружие из арсенала колдуна.

Все это волшебное оружие, предположил Тонгор. На клинках виднелись северные руны и странные, вытравленные кислотой знаки синих кочевников с востока. В рукоять одного меча был вставлен огромный рубин, который сверкал, будто внимательный глаз. Он поворачивался в своей оправе, словно следил за тем, как ходит Тонгор.

Тем же вечером после обеда, когда они сидели за охлажденным сарновым вином и закусывали фруктами, колдун доложил о медленно продвигающейся работе:

— Я размягчил металл на носу корабля, нагрев его горелками, и придал обшивке молотком прежнюю форму. Теперь то же самое мне надо сделать с днищем и бортами. Но поговорим о другом. Расскажи мне, Тонгор из клана валькаров, что ты намерен делать? Куда ты отправишься, когда корабль будет отремонтирован?

Тонгор пожал плечами:

— Вероятно, в Катооль. Или, возможно, вернусь на север. Хороший клинок всегда найдет работу.

Колдун хитро посмотрел на варвара:

— Значит, у тебя нет определенной цели? Ты не связан обещанием с сарком Катооля или какого другого города?

— Не связан. Я иду туда, куда направит меня Отец Горм.

— Тогда ладно. Позволь мне рассказать тебе одну историю... может быть, я предложу тебе работу.

Тонгор допил одним глотком вино и с интересом посмотрел на колдуна:

— Ну тогда рассказывай историю.

Колдун провел по бороде длинными пальцами и задумчиво уставил взгляд на огонь.

— Вначале я задам тебе вопрос. Что ты знаешь о войне между людьми и Царями-Драконами?

— О Тысячелетней войне? Знаю то же, что знают все. То, как Драконы правили всей Лемурией до того, как появились Первые люди... то, как Отец Горм слепил из земли человека и, взяв кровь из своей правой руки, влил жизнь в человека, и Фондат Перворожденный ожил. То, как Первые люди боролись в течение тысячи лет против Драконов и наконец разбили их на черном побережье залива Гримштранд, далеко на севере. Там погиб сын Тунгарта, однако ему удалось убить последнего Дракона.

— Да, почти все верно. Тебе, вероятно, известно, что до того, как возникли люди, на земле царствовали гигантские рептилии. Когда-то вся земля дрожала под их тяжелой поступью, но сегодня сохранились лишь их потомки — зампы, гракки, дварки и им подобные. Цари-Драконы — это не сказочные страшилища, а народ человекообразных змей, происшедший от огромных рептилий. Размером они были меньше ящеров, внешне походили на людей и обладали жестоким и холодным разумом, вероятно настолько же превосходящим человеческий разум, насколько и длительность их жизни превосходит длительность человеческой жизни. Когда возникли люди и основали Немедию, Первое царство, Драконы властвовали над всем миром, используя силу своих тупых собратьев для возведения из огромных черных монолитов городов, где они проводили странные и мерзкие ритуалы во имя темных богов, которых лучше не называть по имени.

Колдун неспешно, глубоким голосом пересказывал героическую сагу о Тысячелетней войне, в которой сыновья Фондата вели Первых людей сквозь столетия к победе, отдавшей Лемурию людям. Драконов медленно оттесняли, хотя люди гибли тыся-

чами. Но люди-змеи смогли собрать титаническую силу из несметных орд рептилий-чудовищ, рядом с которыми даже дварк казался карликом, — и люди отчаялись. Они спрятались за стенами в древних городах Немедии, Иба, Йаодара и Ита.

— Затем их великий вождь Тунгарт воззвал к Отцу богов. Среди бури, грома и молний Горм спустился на гору над древней Немедией. Он вручил Тунгарту оружие, названное Немедийским мечом, меч, выкованный богами, в железное сердце которого была заключена сила грома. И с этим волшебным мечом последние герои отправились в путь. Они разбили Царей-Драконов в нескольких страшных битвах и оттеснили их к северным берегам Лемурии, в Черный замок, последний оплот Царей-Драконов. Там Тунгарт пал...

— Я помню эту историю, — сказал Тонгор. И он процитировал строки Диомбара, немедийского сказителя:

И Корбан пал, и гордый Коннар,
И доблестный Игтрим тоже,
А мы всё бились с Царями-Драконами,
И Боевые трубы трубили;
И за каждого героя — потомка Фондата,
Что пал на том черном берегу,
Мы посылали дюжину Драконов
По дороге в ад!

Эти звонкие строки древней военной саги звучали в зале, освещенном мерцающим огнем, и отдавались эхом от скрытых в тени стропил под потолком. Шарайта поднял худую руку:

— Да, благодаря доблести героев Немедии и магической силе Меча Драконы были убиты, их последняя крепость пала, после чего началась пятитысячелетняя история лемурийских королевств. Но сказитель Диомбар знал не всю историю.

— Какова же тогда полная история?

Глаза колдуна странно блеснули в свете огня.

— Да, Цари-Драконы пали у залива Гримш-транд, но некоторым из них удалось бежать. Перенесясь при помощи колдовства по воздуху, они укрылись от Немедии. Они жили долгие века в тайных замках... вынашивая в своем холодном змеином уме план мести. Прошли века, и Немедия пала, но дети Немедии расселились по Лемурии, основав города, образовав новые царства: Валькарт на севере и Турдис на юге; Патангу и Катоспар. А Драконы все таились, ожидая часа мести. Теперь это время очень близко. Будто черные привидения из времени мифов, они все еще живут, поддерживая свое существование при помощи своей тайной науки. И для Лемурии близится роковой час, роковой не только для земель людей, но и для самой планеты, на которой мы обитаем, и для всей Вселенной!

Тонгор, вытаращив глаза, глядел на колдуна. Слова его казались фантастическими, невероятными... но они затронули струны самой древней наследственной памяти. Поскольку кровь героев Немедии текла и в жилах северянина.

— Продолжай, колдун!

— Драконы задумали ужасную месть, которая не только уничтожит человечество, но и разрушит саму ткань Космоса. Они долгие века старались установить связь со своими богами, Хозяевами Тьмы, которые противостоят богам, почитаемым нами, Богам Света. Хозяева Тьмы правили Хаосом до того, как была создана Вселенная. Когда настал момент творения, они оказались изгнанными за пределы новорожденной Вселенной в бурный запредельный Хаос. И с того мгновения беспрестанно Хозяева пытаются снова войти в сферу пространства и времени, чтобы опять вступить в борьбу с богами людей.

— Как они могут войти во Вселенную? — спросил Тонгор. Горячая кровь забила в его жилах. Вот еда и питье для боевого духа человека! Когда боги сходятся в грандиозной битве за пределами звезд и когда вся земля содрогается от эха этого сражения...

— Каким-то образом Драконы намереваются открыть Ворота в Запредельное. Через них Хозяева Тьмы смогут войти в пространство. Но эти Ворота в Запредельное могут быть открыты только в определенное время, когда звездные циклы образуют определенный порядок. Это страшное время приближается. По моим расчетам, оно настанет очень скоро. Сейчас прошло семь тысяч семь лет с того дня, когда Фондат Перворожденный обрел жизнь. Через несколько недель настанет Роковой час. Старый год пройдет... минует Праздник конца года. Как раз в течение первой недели нового семь тысяч восьмого года звезды займут положение, которое позволит Драконам отомстить миру, что их потеснил.

— Ты знаешь это наверняка?

Шарайта грустно кивнул:

— Алая Эдда предупреждает о приходе этого дня. И при помощи своего волшебного зеркала я отыскал место, где прячутся последние Цари-Драконы.

Он поднялся и подошел к дальней стене. Открыв сундук, он вынул старую карту, выполненную алыми чернилами на тонком папирусе. Пальцем колдун указал на рисунки:

— Здесь под Моммурскими горами находится мой подземный дворец. А здесь огромная горная гряда идет на северо-восток. Там, окруженное непроходимыми горами, лежит внутреннее море Неол-Шендис. В середине огромного внутреннего моря есть остров, где все еще стоит мрачный, черный замок Царей-Драконов. И там в его башнях они занимаются своим адским искусством, готовясь открыть Ворота в Хаос.

Лишь одно может уничтожить Драконов и разрушить их планы.

— И что это?

— Тот же меч, что разбил их силы шесть тысяч лет назад. Немедийский меч.

— Но Песня рассказывает о том, что тот меч сломался в Последней битве. И даже не сохранились обломки, само Немедийское царство пало тысячу лет назад, и города его сейчас — это просто кучи каменных глыб.

— Действительно. Но древние мудрецы, написавшие Алуэ Эдду, рассказывают нам о том, как изготовлялся тот меч. Придется совершить длительное путешествие и подвергнуть себя опасности. Но я знаю, как заново изготовить этот меч.

— Ты и имел в виду это, когда хотел предложить мне работу?

— Да. Я могу изготовить меч, но мне нужна помощь. Мне нужен человек, прошедший через многие битвы, который бы стал рядом со мной против Царей-Драконов.

Тонгор обнажил свои белые зубы в боевом оскале. Вот то приключение, узнав про которое все остальные поблднеют! О его подвигах сложат песни и саги, люди будут петь их в течение тысячи лет! Пускай жарится в адском огне сарк Катооля! Кто захочет быть наемником, когда может стать героем?

— Если слова твои действительно правдивы, колдун, а намерения твои таковы, как ты и описываешь, тогда не ищи другого человека. Мой меч к твоим услугам.

Колдун улыбнулся:

— Я знал, что ты поможешь мне в этом деле. Когда я увидел, как ты бьешься с летающими ящерами и могучим дварком, я подумал: не ты ли тот самый воин, которого я ищу? Хорошо, Тонгор. Так и будет. Но нас ждет множество опасностей!

Тонгор рассмеялся:

— Я и опасности — давние друзья. Давай, колдун! Заканчивай свою работу — чини летательный аппарат. Фал Турид сделал его для того, чтобы покорить всю Лемурию, но мы сделаем так, чтобы аппарат послужил более благородной цели!

ЗМЕИ С ЖЕНСКИМИ ЛИЦАМИ

Шуршала чешуя о камень,
Жуткие зеленые глаза светились в тени,
Когда Тонгор один встретился со слоргами,
И меч прогонял этот ужас!

Сага о Тонгоре. Строфа IV

Корабль летел по прохладному утреннему воздуху на высоте трех тысяч футов над дикими джунглями Куша. Столь же совершенный, как и тогда, когда только появился из лаборатории Оолима Фона, он несея над Лемурией. В каюте сидели Тонгор-валькар и Лемурийский колдун. Тонгор управлял судном, а старик-колдун изучал карту.

Колдуну потребовалась целая неделя на то, чтобы закончить ремонт судна, получившего новое имя «Немедис». Были потрачены семь драгоценных дней из скудного запаса времени, и очень скоро звезды над Лемурией займут предсказанное положение. Шарайта работал день и ночь, Тонгор бродил по залам подземного дворца, испытывая нетерпение выбраться из него. Великан варвар не привык к безделью, и его раздражала задержка. Ремонт занял больше времени, чем предполагалось, так как колдун настоял на необходимости установить некоторые устройства его собственного изобретения, а также внести улучшения в первоначальную конструкцию. Одним из этих улучшений был стеклянный шар,

прочно установленный на панели с приборами перед Тонгором. Внутри шара на шелковой нити висел заостренный брусок серебристого металла. Этот маятник, сделанный из магнитного самородка, притягивался неизвестной силой к северу, независимо от положения судна. Это устройство позволяло не сбиваться с нужного направления. Вторым улучшением равной, если не большей ценности было переоборудование длинных спиральных пружин, вращавших пропеллеры. Первоначальная конструкция требовала того, чтобы эти пружины, когда они разматываются, закручивались снова вручную. Шарайта переделал их так, что одна пружина, разматываясь, закручивала другую и наоборот. Это давало летательному аппарату неисчерпаемый источник энергии, так что даже в самый критический момент судно сможет двигаться.

Шарайта, закончив изучение свитка пергамента, передал карту валькару.

— Сейчас мы находимся здесь, в месте, обозначенном красной точкой, и я отметил показания маятника для всей оставшейся части пути. Как видишь, мы должны пролететь на юго-восток тысячу фюрнов* вдоль реки Исаар, разделяющей Куш на две части; и дальше над Патангой, Городом Огня, мы проследуем к южному побережью Птарти, там где Тсаргол выходит к морю.

— Да, — проворчал Тонгор. — Но ты еще не объяснил, почему мы вначале направляемся в Тсаргол.

— Много тысяч лет назад с неба упал странный предмет на Тсаргол, который тогда представлял собой лишь первобытную деревушку из нескольких убогих хижин, в которых ютились ры-

* Фюрн — мера длины, составляющая пять тысяч пятисот пятьдесят пять «шагов», таким образом равная примерно нашей мили.

баки. Вначале считалось, что предмет этот свалился с луны, но Красные друиды, жрецы Слитита, боги крови, назвали его Звездным камнем и заявили, что это сгоревшее сердце упавшей звезды, талисман великой силы, который почитается до сих пор и связывается с богом крови.

— Значит, меч был сделан из этого камня?

Шарайта кивнул:

— Так утверждает Алая Эдда, описывающая, как Отец Горм создавал волшебное оружие. Мы последуем этому описанию. Вначале мы должны проникнуть в Тсаргол и отрезать от их святой реликвии кусочек для того, чтобы выковать клинок.

— Если тсарголийцы молятся на эту сгоревшую звезду, — пробурчал Тонгор, — они наверняка ее хорошо охраняют.

— Да! Святыню берегут от осквернения в Алой башне, которая возвышается на территории храма вблизи центра города, недалеко от дворца Другунды Тала, сарка Тсаргола.

— Ее охраняют?

— Это самое удивительное. Никакой охраны нет вокруг Алой башни, и ни охрану, ни даже самих Красных друидов не допускают внутрь башни. Она, насколько мне позволяет видеть волшебное зеркало, абсолютно безлюдна.

— Послушав тебя, можно решить, что нет ничего проще, чем добыть кусочек Звездного камня, — заметил Тонгор.

— Возможно. Войти в башню будет несложно. Мы подождем наступления ночи и пролетим над Тсарголом. Я спущу тебя в башню на тросе.

«Немедис» еще много часов летел по синему небу Лемурии. Внизу проплыли желтые стены Патанги, Города Огня, стоящего близ устья рек-близнецов Исаар и Саан. Летучий корабль двигался некоторое время над огромным Патангским заливом и затем

достиг Итарты. Здесь, среди бескрайних зеленых просторов, селения попадались очень редко.

Ближе к вечеру показались красные стены Тсаргола, стоящего у бурного побережья Яхензеб-Чуна, Южного моря. Путешественники поели, и Тонгор немного поспал, дожидаясь заката. Как только на Лемурию спустилась ночь, «Немедис» начал беззвучно парить над Тсарголом. К счастью, ночь выдалась облачной, так что ни звезды, ни луна не могли их выдать.

Шарайта провел судно над куполом дворца сарка и остановил его над храмовым кварталом, где среди темного сада высилась Алая башня. «Немедис» прикрепили к алому шпилю якорем, крюком на длинном тросе, и по этому тросу Тонгор спустился.

— Запомни: хотя мое зеркало и не обнаружило охраны в башне, маловероятно, что Красные друиды оставят свою святыню совсем без защиты. Поэтому соблюдай осторожность! От этого предприятия многое зависит...

— Пусть будет то, что будет, — сурово проговорил Тонгор, заворачиваясь в свою черную накидку с капюшоном. — Вероятно, друиды считают, что посторонним трудно перелезть через стены сада, или полагаются на то, что религиозные предрассудки охранят реликвию. Хотя, если бы я не был осторожен, я не прожил бы так долго. Если там есть стража, мой меч полакомится их внутренностями.

Варвар перелез через палубное ограждение. Внизу, на расстоянии двух сотен футов, темнел сад. От прохладного ночного ветра с моря туго натянутый якорный канат тихо гудел.

Перебирая руками, северянин начал медленно спускаться. Одна ошибка, и он будет так же мертв, как и Фондат Перворожденный. За скользкий канат было трудно ухватиться, но Тонгор фут за футом двигался вниз. Нагрузка на плечи была

огромной, но он сохранял спокойствие, и скоро ноги его коснулись черепичной крыши Алой башни. Крыша была остроконечной, и устоять на ней не представлялось возможным. Держась одной рукой за трос, а другой за край крыши, варвар принялся нащупывать окно, за которое зацепился якорь...

И нащупал его. Он спустился на руках и скользнул в темное помещение. Легко стоя на носках и держа меч в руке, он подождал, не послышится ли каких звуков. Ничего не обнаружив, Тонгор легко вздохнул. Затем он дернул за трос один раз, подав Шарайте знак, сообщающий, что он успешно вошел в башню. Теперь за Звездным камнем!

Это верхнее помещение, как вскоре убедился Тонгор, было абсолютно пустым. Он на ощупь прошел в зал, такой же темный, и спустился по винтовой лестнице на другой этаж. Перебираясь в абсолютной темноте из комнаты в комнату, он с досадой пожалел о том, что с ним нет хрустального светящегося жезла колдуна. Они решили, что свет слишком опасен, так как случайно проходящий мимо друид может заметить мерцание в одном из множества окон башни.

Когда Тонгор шел по коридору, он обратил внимание на какой-то звук. Тихий сухой шелест. Тонгор замер, похолодев, и стал прислушиваться. Звук повторился. Источник шума находился на некотором расстоянии от северянина, на другом конце коридора. Тихое шуршание.

Тонгор недоуменно нахмурился. Это не шаги... скорее похоже на то, что кто-то ползет по полу... хотя и на это не похоже, так как не слышно ни тихих шлепков ладоней о камень, ни тяжелого дыхания, что неизбежно должно быть при таком способе передвижения.

Вспыхнули зеленые огоньки, светящиеся точки на фоне темноты.

Глаза.

Они висели на высоте колена и оглядывали темноту. Тонгор почувствовал, как встают дыбом его волосы. Первобытные инстинкты предупреждали его...

Снова шорох, и зеленоватые глазки проплыли вперед на несколько футов.

Змеи? Неужели безмолвные залы башни охраняются мерзкими рептилиями? Тогда понятно, почему зеркало колдуна никого не нашло в башне: не нуждаясь в свете, змеи могут жить в темноте и оставаться невидимыми.

Беззвучно Тонгор начал отступать вдоль по коридору, обходя пятно тусклого света, падающего на пол из окна. Он подождал, пока снова не послышится сухой шорох. И тогда... Его варварская кровь буквально заледенела в жилах, когда неизвестный страж заполз в пятно света и обнаружил свою отвратительную, мерзкую внешность.

Представьте себе мертвенно-бледную змею длиной с человека, на качающейся шее которой сидела не тупая змеиная морда, а трупного цвета женская голова. Зеленые глаза мерцали на этой маске, чьи правильные женские черты вступали в резкое противоречие со змеиным телом. Лысая круглая голова змеи блестела при тусклом свете; алые губы улыбались, открывая отвратительные клыки.

Это был слорг, ужасная змея с женской головкой, из лемурийских пустынь. Тонгор никогда еще не видел этой тошнотворной твари, но слышал жуткие рассказы воинов из пустыни, которым доводилось ночью чувствовать их скользкое обаяние.

И вот начали подползать и другие — Тонгор увидел их горящие глазки в конце коридора. И он услышал, как слорги шипят свою сулящую смерть песню. Рептилии почувствовали его теплую кровь. Когда первый слорг приблизился, северянин взмахнул мечом. Серая сталь прошла сквозь алебастровую

шею, и мерзкая голова глухо упала на пол, лязгнув клыками, в то время как остальное тело принялось извиваться в предсмертной агонии.

Подкрадывались и остальные слорги, фаланга зеленых глазок и гибких бледных тел. Тонгор развернулся и понесся по лестнице на другой этаж. Он спешно оглядел несколько помещений, но не нашел там Звездного камня. И вдруг слорги хлынули из двери одним потоком.

Длинный клинок варвара пожал среди них богатый урожай.

Но вот Тонгор подготовил себя совершить подвиг храбрости. Он уже обследовал все верхние этажи. Ему оставалось теперь осмотреть нижние этажи, а это означало, что он должен пробираться по кишасей змеями лестнице.

К счастью, на нем были сапоги. Тонгор сломя голову пронесся по ступеням, разрубая по пути слоргов, которые с шипением кидались на его обутые ноги. Самое ужасное в этих тварях, вероятно, было то, что они долго дохли. Еще долго, после того как его сталь рассекала холодную плоть, отсеченные головы цеплялись клыками за каблуки.

Весь покрытый холодным потом, Тонгор пробрался вниз и обыскал многочисленные помещения, находя лишь груды жреческого облачения и жертвенное оружие, но талисмана нигде не было.

И вдруг в зал хлынула шипящая лавина слоргов, поток извивающихся змей такой глубокий, что северянин понял — прорубиться сквозь него нет никакой возможности. Так что он начал пятиться из зала в зал, с его меча стекала слизь и кровь. И в самом последнем помещении он вдруг прижался спиной к неровной каменной поверхности. Звездный камень! Камень стоял на низком невзрачном алтаре у стены, грубый черный металлический самородок.

Тонгор схватил холодный кусок металла под мышку и продолжил отступать перед надвигающимися змеями. Он поднялся по лестнице и прошел по еще одному длинному коридору, отбиваясь от слоргов, следовавших за ним снизу, и от тварей, бросающихся на него из темноты каждой комнаты.

Варвар передвигался намного быстрее, чем медлительные холоднокровные кошмарные чудовища, и лишь благодаря этому он до сих пор оставался жив. Тонгор пронесся еще по одной лестнице, опережая наплыв змей, и добрался до зала, к окну которого был зацеплен якорь «Немедиса». Он спешно обмотал трос вокруг Звездного камня и завязал прочный узел; но прежде, чем Тонгор успел выбраться из окна, скользкие петли обвили ему ноги. Шипящие голоса запели ему о смерти.

Тонгор развернулся, отбиваясь ногами, но в этот момент якорь отцепился, и трос, бывший единственным путем к свободе, выскользнул из рук. Якорь качнулся над темным садом, и «Немедис» понесло прочь.

Покрытые слизью кольца опутали его тело. Но хотя избавление было теперь невозможно, сердце валькара мужественно билось. Последняя битва перед концом! С громкой песней воинов-валькаров гигантский варвар вступил в бой. Сталь звенела о разрушаемую кость, и густая кровь рептилий заливала стены, а Тонгор все сражался радостно, самозабвенно.

Прошел ли час или только несколько минут? Тонгор не знал. Даже в самом конце, когда он, почти задыхаясь, повалился на пол и сознание его начала заволакивать тьма, он все еще сражался.

И затем он больше уже ничего не помнил.

НА АРЕНЕ СМЕРТИ

Песок впитывал кровь,
А окровавленная сталь рвала покрытую чешуей плоть.
Тысяча глоток в один голос
Приветствовали смерть чудовища.

Сага о Тонгоре. Стрфа V

Очнулся он на рассвете. Какое-то мгновение Тонгор не мог понять, где он находится, и тупо оглядывался по сторонам. Затем туман в мозгу рассеялся, и варвар по-волчьему оскалился. «Снова в подземелье, — подумал он, — мне, кажется, везет на тюрьмы!»

Эта камера оказалась маленькой, сырой и воюющей. Он лежал на спине на куче сырой полусгнившей соломы. Меча при нем не было, но, по крайней мере, на нем не было и цепей. Тонгор поднялся на ноги и осмотрел себя в тусклом свете утреннего солнца. Синяки... порезы... но ничего больше. Тонгор удивился тому, что до сих пор еще дышит. Вероятно, змеи с женскими головами обучены не убивать проникших в башню, как только они его обезвредили. Или, возможно, шум битвы разбудил друидов и они успели остановить слоргов как раз вовремя. Как бы то ни было, но Тонгор остался жив.

Послышались лязг копий, шарканье сапог, и дверь камеры отперли.

— Проснулся? Тогда идем, — сказал отар стражников. Тонгор ничего не ответил. Он оглядел вошедших. Отар был худощавым и загорелым молодым человеком с обветренным лицом и горящими черными глазами, которые глядели из-под нижнего края медного шлема. Стражников всего семеро — высоких, крепких людей с копьями и железными наколочниками. Северянин вышел из камеры. Стражники

построились квадратом, окружив Тонгора со всех сторон, и пошли по сводчатому коридору. Тонгор не сопротивлялся: семь человек — это слишком много. Было бы их меньше, он бы подрался. Но с семью вооруженными людьми ему не справиться.

Они вошли в огромный зал, где, тихо переговариваясь, расхаживали знатные люди в шелках и мехах. Все замолчали, когда стражники подвели пленника к мраморной платформе, на которой под балдахином, шитым серебром, стояли два украшенных роскошной резьбой алых трона. Отар дважды отдал честь и отступил со своими стражниками, оставив Тонгора перед тронами одного.

— Склонись перед архидруидом и сарком, ты, червь! — крикнул один из знатных людей, толстый, с дряблыми щеками и пухлыми ручками, — камергер, если судить по серебряному жезлу. Тонгор ничего не сказал и ничем другим не ответил на его замечание. Он скрестил на груди руки и расставил ноги.

— Какая дерзость! — воскликнул камергер и, шагнув вперед, ударил Тонгора жезлом. Гигант даже не поморщился, а просто продолжал молча стоять дальше, сурово глядя на сидящих на тронах, в то время как по его щеке потекла кровь.

— Хватит, Хассиб! Такую гордость редко можно встретить в Тсарголе. Не будем пытаться ее сломить, — произнес один из сидевших на троне. Человек с жиденькой черной бородкой и вялым, усталым лицом. Тусклые глаза медленно оглядели валькара с ног до головы.

Судя по диадеме и изысканной одежде, это, очевидно, сарк Тсаргола Драгунда Тал. Значит, другой, в алом одеянии, это Красный архидруид, глава Красного братства. Худой человек с бритой головой и бесцветными, холодными глазами. На его тощей шее на золотой цепи висел громадный диск, отме-

чающий его жреческое достоинство. Это медальон из бесценного металла йазит — переливающийся, будто опал, — на котором изображен венок из сплетающихся змей с глазами из неограниченных рубинов.

— Скорее упрямство, чем гордость, мой сарк, — шелковым голосом проговорил архидруид. — У нас есть средства перебороть такое упрямство...

Сарк лениво улыбнулся:

— Да, мой Йелим Пелорвис. Но посмотри на эти плечи, на эту грудь! Боги, я должен увидеть эту силу на арене! Как твое имя, человек?

— Тонгор из клана валькаров.

— Как ты вошел в Алюю башню?

Тонгор не ответил.

Друид наклонился вперед:

— И где Звездный камень? Что ты сделал со священным талисманом Слидита?

Тонгор по-прежнему молчал. Лицо оставалось бесстрастным, но мозг усиленно работал. Варвар понял, что грозит ему не просто смерть, а пытка. Красный друид попытается пыткой выведать, что он сделал с их священным камнем. И хотя он не боялся боли и даже смерти, но при мысли о пытке кровь северянина похолодела. Когда он служил Фалу Туриду, сарку Турдиса, то видел, что способен придумать извращенный ум, чтобы вытащить нужные сведения из человека. Вся душа его наполнилась отвращением при этой мысли.

— Отвечай архидруиду! — сказал сарк. — Куда ты спрятал талисман Слидита, бога крови? Отвечай, или мы выдавим из тебя правду, медленно, по капле!

Тонгор не боялся открыть правду... Если, как он подозревал, колдун предал его, улетев и оставив на милость слоргов, правда не сможет ни помочь, ни повредить Шарайте. То Тонгор твердо решил, что не подвергнет себя пытке. Согласно простой,

грубой вере его северной родины, Воинственные девы Отца Горма уносят в Чертог убитых воинов, павших в бою... Тонгор прекрасно понимал, что раскаленные докрасна крючья и иглы палачей оставят от его здорового тела. Лучше умереть от удара копья или на арене с оружием в руках.

Поэтому он прыгнул, застав стражников врасплох. Из совершенной неподвижности он перешел к быстрым действиям. Развернувшись, он бросился на ближнего стражника, свалил его прямым ударом в челюсть и вырвал копье. Снова развернувшись, он кинулся к тронам. Путь преградил ему стражник, но варвар проткнул ему живот, и тот упал, зажимая руками выпадающие внутренности. Через мгновение он уже находился на мраморных ступенях перед Драгундой Талом, поднимающимся на ноги с искаженным ужасом лицом. Тонгор, ударив окованным сталью тупым концом копья по голове, свалил сарка на спину. Диадема упала и покатилась по ступеням.

— Схватить его! Прикончить! — визжал сарк с пеной у рта от страха. Стражники подскочили, выхватив мечи. Тонгор обернулся к трону друида, но Йелим Пелорвис исчез в тени.

Тонгор, хохоча, обернулся к стражникам. Он имел то преимущество, что находился на возвышении, так как стоял на платформе, и прекрасно этим воспользовался. Один сапог расквасил лицо ближайшему стражнику, и стражник повалился на клинки подходивших сзади товарищей. Древко копья ударило другого стражника по затылку, переломив ему шею с хрустом, который был слышен даже среди общего шума. Затем варвар наконец кончиком копья перерезал горло еще одному нападавшему. Голова оказалась почти отрезанной от тела, и стражник упал, заливаясь кровью. Среди звона стали Тонгор ревел строфы валькарской боевой песни:

Горячая кровь — это вино для Отца Горма!
Воинственные девы летят на крыльях бури!
Наши крепкие клинкижимают боевой урожай,
И сталь наконец вдоволь насыщается!

Он убил уже пятерых стражников, когда позатылку его ударил плащом меч; варвар упал на грудь стонущих тел, и копьё вывалилось из его рук.

Когда его подняли на ноги, заломив руки, он смеялся.

— Могу поспорить, что этот сопливый губошлеп-сарк никогда не видел, как дерутся мужчины, если он визжит, как девка! — проревел он. — Ведите меня на арену и дайте мне меч, вы, трусливые змеи, и я покажу вам такую битву, что похолодеет кровь у самого Слидита!

Сарк почти обезумел от гнева. Быть сброшенным с собственного трона каким-то голым, безоружным пленником — шлепнуться на спину, размахивая руками перед собственной знатью, — будучи окруженным стражниками! Осыпая Тонгора проклятиями, сарк подошел к скрученному стражниками варвару и принялся бить его по лицу ладошкой, украшенной перстнями, которые царапали лицо северянину. Варвар рассмеялся сарку в лицо.

— Да! На арену эту северную блевотину! Посмотрим, что сможет сделать этот герой с нашими любимцами! — рычал сарк.

Из ниоткуда появился архидруид и положил худую руку на плечо Драгунды Тала:

— Нет, мой сарк! Мы должны подвергнуть его пытке — мы должны найти Звездный камень...

— Кто здесь сарк Тсаргола, ты, змеинная рожа? — Тонгор оскалился. — Ты или этот жующий сопли стевратник? Могу поспорить, что он говорит тебе, когда ты должен сменять панталоны!

Сарк побледнел от ярости, принялся брызгать слюной и рычать. Он стянул с себя руку друида.

— Тсарголом правит Драгунда Тал, ты, грязы! И когда ты предстанешь перед нашими любимцами, ты будешь ползать перед моим тронem, жалобно скуля от страха!

Тонгор лишь рассмеялся.

— На арену его! В полдень он умрет на арене, клянусь всеми богами!

Когда его уводили, Тонгор все еще смеялся. Уловка его сработала. Он и не надеялся бежать из зала, полного вооруженных людей, имея при себе только копьё. Он стремился лишь избежать унижительной пытки, разгневав сарка так, чтобы тот не послушался возражений архидруида (который, очевидно, являлся здесь соправителем или, по крайней мере, был тем, чья власть могла сравниться с властью сарка). Благодаря врожденной способности разбираться в людях, Тонгор заключил, что сарк — будучи слюнтяем — обычно находится под влиянием архидруида, который, удовлетворяя прихоти и побуждая страсти сарка, правит государством.

Тонгор обнажил зубы в боевом оскале. Ему определено удался его план! Он не только разъярил сарка так, что его отправили на арену, но и, похоже, вызвал открытый разрыв между сарком и друидом.

Он все еще посмеивался над этим, когда его швырнули в камеру, находящуюся под ареной. Стражники никогда раньше не слышали того, чтобы осужденный смеялся, когда его запирают в камере... хотя ведь они никогда еще не встречали человека, похожего на Тонгора. К тому же варвар поклялся, что они не видели еще такой битвы, какая разыгрывается, когда придет час ступить ему на арену!

И час этот настал скоро. Тонгор едва успел прикончить мясо буфара, хлеб, сыр и вино, которые он потребовал у туповатого тюремщика, как за ним

пришли стражники. На этот раз их было десять, и в руках они держали мечи. Им явно не хотелось еще раз убедиться в том, как действует Тонгор!

С ними пришел тот худощавый загорелый отар, который разбудил Тонгора утром. Но сейчас при нем не было копья, и красная перевязь, отмечающая звание, куда-то девалась. Он пленник!

— Почему ты здесь? — спросил валькар, когда стражники вывели их. Бывший отар гневно поглядел на него и сердито ответил:

— Из-за тебя, собака! Я был опозорен тем, что мой пленник вырвался перед сарком... даже уронил сарка на его саркскую спину, пока я со своими стражниками зевал по сторонам. Так что меня разжаловали, и теперь я должен вместе с тобой встретить ужас арены!

— Ладно... Очень сожалею, что так вышло. Я просто пытался избавиться от пытки и попасть на арену, где я могу умереть достойно, — тихо произнес Тонгор. — Я не хотел причинить вред другому человеку.

Отар пожал плечами:

— А, ладно. Какая разница? Рано или поздно это все равно бы произошло. Сарк ненавидит мою семью, являющуюся младшей ветвью бывшей правящей династии. Его отец, Талд Курвис, захватил власть, когда предыдущая династия прервалась. Его поддерживали друиды, так как он испытывал склонность к этим кровавым ритуалам в честь Слидита, в то время как мой дом, Карвусы, игнорировал этот культ. Кровопийцы не смели растерзать нас из уважения, которое снискал себе мой отец в Возашпанских войсках. Вместо этого нас лишили власти и унизили, переведя моего отца из камергеров в архивариусы, а меня назначив отаром, простым командиром сотни.

Тонгор слушал это молча, когда их вели по извилистым каменным коридорам.

— А что твой отец? Он не может тебе сейчас помочь?

Отар грустно улыбнулся:

— Нет. Он умер три года назад — был отравлен, как говорят некоторые. Теперь я глава дома, и если я не могу себе помочь, то никто не может. Ладно, значит, умрем вместе. Так, возможно, даже лучше: погибнуть с мечом в руке, видя врага, а не умереть от удара подкравшегося наемного убийцы или от яда, подсыпанного в бокал, что обязательно случилось бы через год или два, когда могучий сарк решит, что у меня слишком большое влияние.

Тонгор угрюмо кивнул. Как раз таким отношением больше всего восхищалась душа варвара! Ему понравилась волчья улыбка молодого отара и его крепкий дух.

— Раз мы должны умереть вместе, позволь узнать твое имя, — сказал валькар. — Меня зовут Тонгор, сын Тумитара, воин из клана валькаров.

Юноша улыбнулся:

— Приятно познакомиться, Тонгор. Я Карм Карвус, князь Карвуса... или был им. Почту честью сражаться рядом с таким воином, как ты. Когда не видел ничего подобного показанному тобой там, в Двутронном зале. Давай умрем на арене, и пусть эти правители Тсаргола трясутся от страха!

— Согласен. — Тонгор улыбнулся.

— Хватит шептаться, вы, двое! — прикрикнул новый отар. — Вот! Берите мечи.. ты, варвар, возьми этот! — И он передал Тонгору его валькарский меч, который варвар не видел после того, как тот сослужил ему службу в Алой башне. Тонгор подбросил меч в руке, улыбнувшись стражнику.

— Сарк говорит, что со своим мечом ты будешь сражаться лучше, — усмехнулся стражник. — А я говорю — ты можешь вооружиться хоть молниями,

это все равно тебе не поможет, когда откроются Ворота смерти!

Тонгор услышал, что стоявший рядом Карм Карвус едва не вскрикнул.

— Ворота смерти?! Сарк хочет, чтобы мы дрались с...?

— Да! — ухмыльнулся отар. — Ты встретишься с Ужасом арены, Карм Карвус! — Затем он сказал Тонгору: — Это большая честь, валькар, но, вероятно, такой варвар, как ты, этого не оценит. Лишь самые страшные преступники предстают перед Ужасом арены и только в дни, посвященные богу крови Слититу. — И, снова обратившись к Карму Карвусу, он ехидно улыбнулся: — Это был счастливый день для меня, Карм Карвус, когда ты позволил своему пленнику оскорбить великого сарка. Теперь я отар вместо тебя, а был простым стражником!

Карм Карвус рассмеялся:

— Да, Тол Фомар, и со временем ты можешь стать даже даотаром. Не имея знатного происхождения, ты никогда не возбудишь ревности сарка!

Тол Фомар прорычал проклятия и подтолкнул пленных вперед:

— Идите на смерть!

Они вышли через каменные ворота на арену и стали, хмуясь от солнца, а ворота тем временем захлопнулись за их спинами. Карм Карвус, подняв хороший тсаргольский меч, огляделся по сторонам. Ровный белый песок, раскаленный тропическим солнцем, протянулся в обе стороны. Арена была овальная, окруженная каменной стеной, по верхнему краю которой торчали направленные вниз шипы. Выше рядов шипов располагались одна над другой скамьи, на которых сидели наряженные тсаргольцы, приветствовавшие появление воинов аплодисментами, улюлюканьем и смехом.

Тонгор, прищурившись от яркого света, посмотрел вокруг. Прямо напротив находилась царская ложа, где сидели Драгунда Тал, сарк Тсаргола, и Красный архидруид, явно снова подружившиеся. Прямо под ложей были мрачные железные ворота, сделанные так, что они походили на человеческий череп с рогами, чьи зияющие челюсти были утыканы тяжелыми железными прутьями.

Ворота смерти.

Тонгор расставил ноги и принялся ждать. Он думал о том, что может появиться из этих челюстей смерти, о том, что за зверя мог сарк дать ему в противники, коль он заслуживает прозвища «Ужас арены». За последние несколько дней он уже сталкивался со всякого рода животными, от летающего ящера до дракона джунглей. Что же появится из Ворот смерти?

Наверху, в царской ложе, под тенью балдахина, Драгунда Тал с нетерпением склонился вперед, когда на арене появились двое осужденных. Предвкушая наслаждение, сарк оглядывал превосходное тело валькара, пожирая глазами гладкую загорелую плоть, которая скоро будет истерзана в клочья и чья горячая кровь окрасит белый песок арены.

— Я по-прежнему говорю, что это ошибка, о сарк, — донеслись до варвара тихие слова Красного архидруида. — Этого человека надо пытаться, чтобы мы узнали, что он сделал со Звездным камнем.

— Для таких подонков есть только арена, Йелим Пелорвис, как я и приказал. Когда его схватили, камня у него не было, и он не выбросил его из окна башни, так как внизу все обыскали. Нет, варвар просто спрятал его где-нибудь в башне, где его, без сомнения, скоро отыщут.

— Но что если...

— Молчать, я сказал! Я сарк этого города, а не ты, друид!

Йелим Пелорвис замолчал, но глаза его продолжали гореть холодным, жестоким огнем, когда друид бросил на сарка полный яда взгляд. Драгунда Тал встал, великолепный в своих шелковых одеждах, с диадемой Тсаргола, сияющей на лбу. Он властно поднял руку.

— Выпустить Ужас! — пронзительно крикнул он.

Тонгор напрягся, когда стальные прутья Ворота смерти медленно со скрипом поднялись, открыв темную дыру. И вдруг...

С воплем, от которого стынет кровь, красная молния понеслась через арену прямо на осужденных. Там была рычащая пасть и сверкающие клыки. Глаза цвета желтой серы пылали жадой крови. Грозный хвост с шипами бил по песку.

Тонгор застыл, готовый к бою. Это был земадар, самый ужасный монстр всей Лемурии. Яростный земадар являлся самым страшным хищником джунглей: он обладал такой безумной злостью, что кидался в атаку даже тогда, когда ему грозила верная смерть, и в пылу ярости он мог обогнать даже бегового замппа.

Но наибольшую опасность представляли три ряда клыков величиной в фут, каждый из которых был остр как бритва, и ядовитая слюна, мгновенно парализующая врага. Будто красная гора, он несея на них по песку.

Тонгор бросился в сторону и проехал на живот по песку, едва увернувшись от земадара. Но зверь тут же развернулся и лягнул пастью над головой варвара. Валькар ударил мечом по горлу чудовища.

Но безрезультатно. Шкуру алого монстра не мог пронзить даже клинок. Валькар отпрыгнул назад, когда двадцатифутовое чудовище бросилось на него, молотя воздух когтистыми лапами и яростно рыча.

Карм Карвус тоже едва успел отпрыгнуть в сторону. Он ударил мечом по ребрам страшилища, но меч отскочил.

Земадар развернулся, ударив зубчатым хвостом. Хвост сбил с ног Карма Карвуса, и бывший отар упал лицом на песок. Земадар обернулся в его сторону, чтобы проглотить добычу.

Вдруг Тонгор совершил поступок такой глупый — или такой храбрый, все зависит от того, как вы на это посмотрите, — что все зрители вскрикнули от удивления, встали на ноги. В ложе сарк кроважно нагнулся вперед.

Тонгор вскочил зверю на шею.

Сжав могучими ногами основание шеи чудовища, он уцепился за крутую шею, не обращая внимания на зубчатый хребет, идущий вдоль спины. Земадар никогда раньше не чувствовал у себя на шее живого веса и поэтому обезумел от ярости. Он принялся подпрыгивать на всех четырех лапах и дико рычать. Но Тонгор упрямо держался. Он принялся медленно пробираться вперед.

— Что этот дурак делает?! — воскликнул сарк, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть вертящегося монстра и человека у него на шее. В ответ прозвучал холодный, полный сарказма голос Йелима Пелорвиса:

— Я думаю, карабкается, чтобы добраться до глаз монстра. Они единственное уязвимое место на всем теле животного, о чем он, несомненно, знает.

Сарк грубо рассмеялся:

— У него это не получится! Никогда!

Йелим Пелорвис натянуто улыбнулся:

— Посмотрим. Но мне кажется, ты потеряешь своего любимца земадара, о могучий сарк...

В глаза Тонгора затекал пот, и солнце нещадно слепило. Он карабкался по гибкой бьющейся шее к голове, цепляясь ногами за складки кожи, не обра-

щая внимания на старания зверя сбросить его. Наконец он обхватил рукой верхнюю часть шеи и вогнал меч глубоко в глаз земадару. Зверь закричал, и звук был подобен тому, будто великан разрывает руками огромный лист брезента.

Тонгор глубоко вонзил острое, нащупывая крошечный мозг земадара. Внизу Карм Карвус приблизился и пытался воткнуть меч в живот чудовища.

Земадар, обезумев от боли, снова отбросил лапой отара и утал на спину, вдавив Тонгора в песок. Громадный вес существа мог бы расплющить его, но песок был мягким, так что валькар просто погрузился в него. Зрители сходили с ума, глядя на эту героическую битву, они надрывали глотки под палящим полуденным солнцем.

Земадар с трудом поднялся и заковылял к стене. Тонгор, понимая, что там его ничего хорошего не ожидает, выдернул меч и погрузил его во второй глаз.

— Что делает мой любимец? — спросил дрожащим голосом сарк.

— Пытается содрать варвара со спины, потеревшись о стену арены, — холодно ответил архидруид.

Так все и происходило. И зверь успел оцарапать левое бедро Тонгора, до того как валькарский меч погрузился по самое перекрестие в другой глаз монстра.

Толпа затаила дыхание. Откашливая кровь, слепой земадар отшатнулся от стены и оказался в центре арены. Тонгор соскочил с его спины и ловко приземлился на ноги.

Медленно поводя окровавленной мордой, пытается отыскать врага, земадар поплелся к Воротам смерти. Тонгор почувствовал, как холод пробежал по его спине. Горм! Эта тварь еще не сдохла...

Из пасти хлынула кровь, монстр опустился на песок и начал подергиваться. Длинный хвост с ши-

пами несколько раз ударил о песок, подняв белое облако пыли. И затем зверь замер.

Тонгор и Карм Карвус бросились через арену и стали рядом со зверем. Тонгор посмотрел на пораженного сарка:

— Вот как сражается человек, сарк Тсаргола. Теперь посмотри, как человек умирает!

И он метнул свой меч. Парализованная толпа видела, как блестящий клинок завершил свой полет — и погрузился в грудь Драгунды Тала, последнего сарка из царского дома Талов.

Сарк поднялся на ноги, схватил рукоять меча обеими руками и посмотрел на нее, выпучив глаза. Рот его разевался, как у выброшенной на берег рыбы. Струйка крови потекла по его жиденькой бородке. Собравшись с силами, он вырвал меч из груди. Затем сарк качнулся, вывалился из царской ложи и упал лицом вниз на песок арены почти у самых ног Тонгора. Валькар нагнулся, поднял меч и вытер его об одежду мертвого сарка.

В царской ложе осталась только высокая, одетая в алые одежды фигура Йелима Пелорвиса. Он медленно склонился, улыбаясь, и поднял диадему Тсаргола, которая упала, когда Драгунда Тал вывалился из ложи. Друид водрузил диадему на свой бритый череп.

Толпа вдруг взорвалась. Между рядами скамей вниз бросились, размахивая оружием, стражники. Знать с истеричными воплями носилась из стороны в сторону. Жрецы в красных одеждах пели мрачные псалмы. Стражники выбежали на арену.

Тонгор улыбнулся Карму Карвусу:

— Это была лишь разминка, друг! Теперь надо даваться с людьми, а не с чудовищами!

Карм Карвус рассмеялся и подбросил свой меч, вновь поймав его за рукоять.

— Теперь покажем им, что такое настоящий бой, так, варвар?

И вдруг солнце потемнело. Быстрая тень понеслась по залитому кровью песку. По воздуху беззвучно проплыл блестящий предмет, с него спустилась веревка с узлами — «Немедис»!

Тонгор вздохнул. Значит, колдун все-таки не оставил его! Поскольку Карм Карвус остолбенело глядел на необычный летательный аппарат, Тонгор схватил молодого человека, взвалил его себе на плечи и поймал веревку. «Немедис» развернулся и начал набирать высоту, поднимая обоих воинов с песчаной арены — пронося над суетящейся толпой над Тсарголом — и исчезая в полуденном небе.

ЗЕЛЕННЫЕ ПРИВИДЕНИЯ

От красного восхода до красного восхода
Мы не выпускали из рук меч
И дрались, пока клинки не сломались у нас в руках
И море не стало красным, как вино.
Стрелой, копьями и тяжелой булавой
Мы сломили гордость Драконов,
Мы бились по колено в море,
И прибой сделался алым.

Песнь Диомбара о Последней битве

Они держались за веревку, а летательный аппарат набирал высоту. Несколько стрел просвистели мимо, когда они поднялись на уровень последнего ряда скамей вокруг арены, и затем корабль был уж над улицами Тсаргола, по которым очень быстро распространилась весть о смерти сарка и где горожане дрались с друидами, так что сточные канавы наполнились кровью.

— Что это такое? — спросил Карм Карвус.

Тонгор прокричал громко, как только мог, чтобы перекрыть свист ветра:

— Летательный аппарат. Им управляет друг — могущественный колдун из Куша. Не бойся.

Когда внизу проплыли красные стены Тсаргола, двое беглецов взобрались по качающемуся тросу. Они перелезли через низкое ограждение, и Карм Карвус, проведя рукой по лбу, посмотрел на проносящиеся внизу под килем леса и поля.

— Он, вероятно, действительно, великий маг, если летает без крыльев, будто птица!

Колдун находился в каюте «Немедиса». Тонгор и Карм Карвус прошли по качающейся палубе к нему.

— Слава Пноту, с тобой все в порядке, Тонгор, — сказал Шарайта, когда они вошли в каюту. — Как зовут твоего товарища?

— Карм Карвус, из знатного тсаргольского рода, осужденный, как и я, драться на арене. Я не мог его оставить и бежать один.

Колдун кивнул, приветствуя Карма Карвуса.

— Давайте я смажу ваши раны, — сказал он, фиксируя рычаги управления так, чтобы корабль продолжал движение на северо-запад. Из-под низкой койки колдун вынул лекарства. Накладывая примочку на бедро Тонгора, ободранное, когда земадар пытался потереться о стену арены, колдун произнес:

— Я не знал, что делать, когда якорь отцепился от окна башни. Пока я разворачивал «Немедис» и пробовал вернуться, зазвенели гонги и весь храмовой сад наполнился стражниками и жрецами с горящими факелами. Ты подумал, что я тебя бросил?

— Я не знал, что думать, — признался Тонгор.

— Я видел, как ты привязал Звездный камень к тросу, поэтому поднял судно, чтобы его не было заметно, и принялся ждать возможности тебя спасти.

Затем я увидел, как ты и Карм Карвус деретесь на арене, и спустился, чтобы помочь вам бежать. Я благодарю Пнота, бога мудрости, за то, что вы убрались оттуда живыми!

— Благодарю лучше Тиандру, богиню удачи, — проворчал Тонгор. — У тебя есть что-нибудь съедобное?

Весь тот день воздушный корабль летел над Птартой, а Тонгор и Карм Карвус тем временем ели и отдыхали. Шарайта рассказал тсарголийцу о их походе за Звездным камнем и о намерении победить Царей-Драконов, и князь Карвуса решил присоединиться. Теперь, когда он оказался таким же бездомным бродягой, как и Тонгор, он сказал, что просто обязан помогать им в благодарность за свое спасение.

— К вечеру мы будем над Патангой, Городом Огня, — произнес Шарайта. — Я отрезал от Звездного камня большой кусок, и теперь мне надо выковать из него клинок, разогрев его в Вечном огне.

— А где этот огонь? — спросил валькар.

— В подземельях под Главным алтарем Ямата, бога огня. У меня есть план того, как нам проникнуть в город, и если повезет, то мы незаметно и без помех выкуем меч. Но надо подождать темноты.

С наступлением ночи они полетели высоко над Патангой. Город с красными крышами вырос у Патангского залива, между устьями рек Исаар и Саан. Когда в небе сгустилась тьма, летательный аппарат беззвучно спустился и завис над куполом Храма огня.

— Один из нас должен остаться в «Немедисе», — сказал Шарайта. — Карм Карвус, остаться должен ты.

— Я не привык оставаться в укрытии, когда мои друзья подвергают себя опасности, — возразил тсарголиец.

— Я должен ковать меч, а Тонгор будет меня защищать, и больше никого оставить на борту, чтобы держать корабль готовым для отступления.

— Тогда ладно.

Шарайта завернулся в черную накидку и укрыл голову капюшоном.

— Когда мы переберемся на крышу, подними «Немедис» на тысячу футов и оставайся там. Когда мы будем готовы уходить, мы подадим тебе сигнал этим зеркальцем, — сказал колдун, показывая Карму Карвусу небольшой блестящий диск. Тсарголиец кивнул в знак того, что все понял.

— Идем, — сказал нетерпеливо Тонгор. — Корабль опасно долго висеть здесь, где его могут заметить с улицы.

Карм Карвус взялся за рычаги управления, и летательный аппарат опустился, коснувшись килем крыши храма: Две фигуры, завернутые в накидки, перелезли через ограждение и растворились в тени купола. Затем Карм Карвус снова коснулся рычагов управления, и серебристый аппарат исчез в облаках.

— Сюда. Здесь должен быть проход, — произнес Шарайта, ощупывая крышу купола. Он отыскал потайной люк и откинул крышку, обнаружив за ней зияющий квадрат темноты. Они осторожно пролезли в люк, на ощупь отыскивая себе дорогу.

— Эта лестница спиралью уходит вниз. Внимательнее смотри под ноги — мы не можем зажигать света!

Они как можно тише спустились по темному колодцу.

— Откуда ты знаешь про этот ход? — спросил Тонгор.

— Давным-давно храм этот был дворцом Заффары, колдуна древних времен. Я прочитал в его свитках о системе секретных дверей и потайных лестницах, устроенных в стенах его замка. Эта лестница

ведет нас прямо в подземелье, тянущееся под храмом, туда, где горит Вечный огонь.

— Что это за огонь?

— Никто не знает. Желтые друиды, жрецы Ямата, называют его Негасимым пламенем. Это поток какого-то неизвестного газа, выходящего, возможно, из самих недр земли. Он горит не угасая уже бесчисленные века. Культ Ямата считает этот огонь оракулом, и по форме пламени жрецы предсказывают будущее. Я же считаю, что это какое-то природное явление.

Они находились сейчас в стенах Храма огня. Стены, сложенные из массивных глыб, внутри были пустыми, и в этом пространстве располагалась лестница, ведущая в подземелье. Через некоторое время они достигли последней ступени, и Шарайта принялся нащупывать второй люк, а Тонгор вынул свой огромный валькарский меч, готовый встретить опасность.

Послышался щелчок, и люк открылся. Они вышли в коридор, отделанный ровным камнем и освещаемый факелами из пропитанного маслом дерева, установленными вдоль стен.

— Сюда! — шепнул Шарайта.

Они прокрались вдоль коридора, держась ближе к стене, чтобы, насколько можно, укрыться в тени. Стража им не встретилась, и наконец колдун и Тонгор подошли к огромной медной двери. По всей поверхности ее были выгравированы символы Ямата.

— Нет стражи? — тихо спросил Тонгор.

Шарайта пожал плечами. Дверь была не заперта. Колдун толкнул ее, и, заглянув в приоткрывшуюся щель, они увидели огромную пещеру с грубо отесанными стенами. В полу пещеры находился колодец. И из него появлялись и плясали языки жуткого зеленого пламени. Оно отбрасывало кривые, зыбкие тени на стены полу-темной пещеры.

— Стой здесь у двери и наблюдай. А я спущусь и сделаю все, что нужно.

Тонгор кивнул и занял свое место, а колдун спустился по каменным ступеням в пещеру Огня. Тонгор оставил в двери щелку, чтобы видеть тех, кто мог подойти. Полное отсутствие стражи одновременно и настораживало, и удивляло его. Он помнил, что, казалось бы, не имеющая охраны Алая башня скрывала в себе ужасных слоргов. Вполне логично предположить, что пещера защищена аналогичным образом.

Затем он махнул рукой. Что бы ни случилось, его крепкий меч или искусство колдуна наверняка справятся с этим.

Шарайта подошел к краю колодца. Из-под халата он вынул кусок Звездного камня, молот с таинственными, магическими рунами и длинные клещи. Он взял клещами кусок неизвестного звездного металла и поместил его в пляшущие зеленые языки Вечного огня Ямата. То, что вызывало это загадочное зеленое пламя, горело более интенсивно и жарко, чем обычный огонь, так что кусок звездного металла вскоре засветился красным, затем желто-оранжевым. Звездный камень шипел и потрескивал в пляшущем зеленом огне.

Неожиданно послышался шум — Тонгор тут же насторожился. Приложив глаз к щелке, он ничего не увидел. Но он слышал, как тихий шорох приближается по освещенному факелами коридору.

Тонгор шепотом сообщил об этом Шарайте. Камень светился уже желто-белым.

— Задержи их! — отозвался колдун. Он вынул из пламени светящийся кусок металла и положил его на железный край колодца. Колдун начал бить раскаленный металл молотом, беззвучно произнося какие-то слова.

По коридору шел толстый друид в желтом одеянии, сопровождаемый дюжиной стражников в шле-

мах с перьями. Войдут ли они в бронзовую дверь или проследуют мимо в какое-нибудь другое помещение? Тонгор вскоре получил ответ на свой вопрос — они направлялись к двери в пещеру. Один стражник вышел вперед, чтобы открыть дверь друиду. Тонгор одним ударом заколол его. Тело стражника покатилося по каменным ступеням.

Стражники закричали и повыхватывали мечи. Тонгор распахнул дверь и стал в проходе, ухмыляясь и держа в руке окровавленный меч. На варвара бросились двое стражников.

Звонко звенела сталь, наполняя зал эхом. Стражники хорошо фехтовали, но Тонгор встречал противника и посильнее. Одного стражника он разоружил ловким движением кисти и проткнул ему живот. Стражник с криком упал, и его тело загородило проход следующему стражнику. Второй стражник отступил назад, чтобы уйти от падающего тела, опустив свой меч. Кончик оружия Тонгора метнулся вперед и погрузился в его грудь.

В дверь могли пройти только два человека, и теперь, когда двое упали, подошли другие двое. Некоторое время Тонгора теснили. За спиной он слышал размеренный звон магического молота, придающего бесформенному куску металла форму меча. Валькар продолжал биться.

Двое суровых стражников не давали Тонгору оглянуться. Сталь мелькала и звенела в красном свете факелов. Один стражник упал с проломленным черепом. Окровавленный меч Тонгора вошел в грудь другого. Но плотная желтая кожа жилета стражника задержала клинок, и, пока Тонгор пытался вытащить оружие, двое стражников схватили варвара.

Один заломил ему руки, а другой приставил к сердцу кинжал. Тонгор ударил стражника ногой в лицо и высвободился. Теперь его окружили. Кулаки Тонгора работали как кувалды, сминая плоть и

круша кости. Но затем его приперли к стене. Теперь, когда валькар оказался беспомощным, на него с рычанием накинудся жирный друид, — когда он был свободен, жрец не рискнул приблизиться.

— Святотатец! Осквернитель! — шипел он, обнажая неровные зубы. — Ты осмелился испачкать священные подземелья человеческой кровью!

Тонгор рассмеялся и плюнул друиду в лицо.

Жрец весь побагровел от ярости. Он схватил меч и взмахнул им перед обнаженной грудью валькара...

Рука его дрогнула... и замерла. Меч со звоном упал на каменный пол. Лицо, бывшее багровым от гнева, сделалось бледным от ужаса. Взгляд друида пополз влево и остановился за чем-то за спиной Тонгора.

Один за другим стражники обернулись и принялись глядеть на что-то невидимое для Тонгора, что-то за его плечом. Лица их побелели от страха. Дрожа, не решаясь обернуться, чтобы бежать, они начали пятиться к двери.

Оказавшись на свободе, Тонгор поднял свой меч, обернулся и увидел... зеленые привидения!

Их было три — прозрачные, как стекло, мутные, как дымка, жуткого зеленого цвета. Руки их имели птичьи когти. Слюнявые клякастые пасти издевательски улыбались. В черных глазницах черепов мерцал злобный зеленоватый огонек.

Тонгор почувствовал, как встают дыбом волосы и бегают по телу мурашки. Варвар вспомнил все предрассудки и ночные страхи. Он попятился, увидел, что привидения подступают. Одно из них, на мерзком черепе которого рос клочок волос, приклеившись к голой кости, подпрыгивало, как собака. Второе продвигалось вперед с грацией змеи. Третье, с отрубленной головой, которую оно держало под мышкой, ковыляло, переваливаясь из стороны в сторону. На их отвратительных зеленых телах висели обрывки саванов.

Друид, жирное лицо которого приобрело цвет творага, изобразил пухлой рукой знак Ямата. Ни это, ни с трудом выданное из себя заклинание не остановило зеленых призраков.

Позабыв о достоинстве, жрец развернулся и побежал вместе со стражниками, так что Тонгор остался с привидениями один.

Он поцеловал толстый клинок меча и быстро произнес молитву Отцу Горму. Затем он бросился вперед. Окровавленный клинок со свистом пронесся сквозь привидения. Они смялись, будто облачко, когда меч пролетел сквозь них. Разинув рот, валькар глядел на то, как они расплываются и исчезают.

У двери, улыбаясь, стоял Шарайта.

Тонгор громко вздохнул:

— Так это был ты!

— Я решил, что тебе нужна помощь, — сказал колдун.

Тонгор стер с лица холодный пот:

— Да, нужна... но зачем пугать меня до смерти?

— Они все равно были не настоящими — просто порождения сознания. Идем, этот толстопузый жрец поднимет тревогу. Нам надо поскорее убираться.

— А меч?

Шарайта вынул его из-под халата. Молотом с рунами он выковал из раскаленного металла длинный грубый меч. Вдоль его зазубренного, неровного клинка пробегали голубые искры. Твердая звездная сталь сверкала силой, и воздух вокруг меча дрожал.

— Теперь его надо напитать силой молнии, а сделать это мы можем только на Шаримбе, Горе Грома, в тысяче фонов отсюда. Идем!

Они пошли по извилистому каменному коридору. Тонгор шел впереди. Он ступал, будто зверь из джунглей, напрягая все органы чувств. Тревога наверняка уже поднята! Но нет ни звука — ни криков, ни шума шагов бегущих людей.

И они подошли к потайной двери. Как только Шарайта протянул руку к незаметному замку, отрывающему панель, месь Ямата настигла их. Колдун вскрикнул, сжал горло руками и упал на холодный камень.

Тонгор тоже закачался. Он ухватился за стену и попытался сопротивляться таинственной силе, начавшей одолевать его. Казалось, будто его охватило непреодолимое желание уснуть.

Шарайта попытался заговорить:

— Газ... ядовитый... не... дыши...

Колдун потерял сознание. Тонгор усилием воли, балансируя на грани сна, принялся бороться с черной бездной, готовой поглотить его. Плывущим взглядом он попытался отыскать замок, тщетно шаря онемевшей рукой по гладкой стене. Легким не хватало воздуха. Сердце вырывалось из груди. Затем, когда силы были на исходе, палец коснулся потайного замка, и люк распахнулся, сбив Тонгора с ног.

Он упал во весь рост на пол, и от удара из легких вышел последний воздух. Тонгор инстинктивно сделал вдох. Наркотический газ попал в легкие, и Тонгор потерял сознание, здесь, в священных подземельях, посвященных Ямату, под великим Храмом огня в Патанге.

НА АЛТАРЯХ БОГА ОГНЯ

Рыдают девушки на алтарях,
А пламя пожирает их тела!
Господин огня, пей молодую жизнь, как вино!
Сердце, ноги и груди — сами их души — твои!

Ритуальный гимн Ямату

Сумии приходилось уже изведывать страх, но никогда раньше не знала она отчаяния. Прошли уже

дни — или недели — после того, как отволокли ее в это подземелье и сковали цепями. Она не знала точно, сколько времени прошло. Когда желтый друид Веспас Птол впервые потребовал, чтобы она вышла за него замуж, она холодно и гордо отказала. Это произошло сразу после смерти ее отца, Орвата Хонда, сарка Патанги. И в последующие месяцы этот слащавый глава друидов Ямата продолжал делать ей предложения... и каждый раз делал это все более надменно, прямо пропорционально росту его влияния в городе.

Наконец он решил, что положение его прочно, и явился в спальню без приглашения, чтобы навязать себя силой. Юная царица начала защищаться, вынула нож и пригрозила убить его, если он коснется ее хоть пальцем. Веспас Птол ушел, рыча проклятия, и в тот же час явились солдаты и оттащили ее в тайное подземелье под Храмом огня. И с тех пор она сидит здесь. Вначале она боялась, что Веспас Птол возьмет ее силой, связанную и беспомощную. Но он больше не приближался к ней. И со стороны стражников не было никакой грубости, лишь молчание в ответ на ее мольбы и безразличие к ее приказам.

Теперь она поняла, что желтый друид ждет Праздника конца года, когда ужасному богу огня преподнесут живую жертву. И этой жертвой, поняла Сумия, станет она сама.

А праздник будет будущей ночью.

Сейчас уже близился рассвет. Она не могла заснуть всю ночь, и теперь ранним утром, когда она начинала дремать, шарканье сапог и звон снаряжения разбудили ее. По коридору шли стражники.

Лязгнул замок, и железная дверь камеры распахнулась. В камеру вволокли двух человек. Оба они находились без сознания, и их тела расслабленно болтались в руках стражников. Сумия с удивлением

наблюдала за тем, как их приковывают к противоположной стене. Оба они не патангцы. Высокий молодой человек одет был в обычную кожаную повязку солдата-наемника, а бородатый старик носил длинный халат мудреца.

— Кого вы привели в мою камеру? — спросила царица.

Командир стражников криво улыбнулся:

— Жертв, предназначенных на Огненный алтарь вместе с тобой, о царица!

— Они не патангцы... что они совершили?

Отар пожал плечами:

— Их обнаружили в священной пещере Вечного огня, которую они осквернили своим присутствием. Когда их застали там, тот, что помоложе, начал драться и убил шестерых стражников, а также оскорбил друида. Веспас Птол дал приказ бросить их на алтарь. Он считает, что они пробрались в подземелье за тем, чтобы украсть приношения и сокровища, но им помешали до них добраться.

Стражники приковали Тонгора и Шарайту к противоположной стене камеры и вышли, оставив Сумию наедине с двумя находящимися без сознания людьми.

Тонгор очнулся первым и огляделся по сторонам. Первое, что он увидел, была стройная девушка, сидящая на деревянной скамье и глядящая на него. На вид ей было лет восемнадцать, ее черные блестящие волосы волнами струились по спине. Кожа имела цвет мрамора слегка кремового оттенка. Если бы она не двигалась, Тонгор принял бы ее за статую, поскольку черты ее и пропорции были столь безупречны, что, казалось, будто их вырезали из мрамора. Овальное худое лицо окружала масса волнистых черных волос. Под тонкими изогнутыми бровями глаза казались черной бездной.

Заметив его взгляд, девушка покраснела, и щеки из нежно-кремовых сделались того же цвета, что и ее губы.

— Где мы? — спросил Тонгор.

— В подземельях Веспаса Птола, архидруида Ямата, бога огня, — ответила девушка.

Тонгор подергал свои цепи. Его запястья были прикованы к стене, так что он оказался прижатым к ней спиной. Старый колдун, все еще без сознания от действия наркотического газа, находился в сходном положении. Девушка имела на талии медный обруч, прикрепленный к вделанному в стену кольцу тонкой медной цепью.

Тонгор назвал девушке свое имя.

— Я Сумия из Патанги, — ответила она.

Он удивленно поглядел на девушку:

— Дочь Орвата Хонда, сарка Патанги? Почему же саркайя Патанги прикована к стене в подземелье своего города?

— Потому что я не пожелала выйти замуж за Веспаса Птола, — гордо сказала девушка. — Он сделал мне предложение, когда сарк, мой отец, умер семь месяцев назад. Я отказала ему, и не один, а много раз. Но власть его в Патанге росла, до тех пор пока он почувствовал, что в состоянии ликвидировать должность сарка и править городом самому.

Тонгор грустно кивнул. Жадность и жажда власти друидов достаточно ему знакомы. Если он сумеет выбраться отсюда и закончить свое дело с Шарайтой, вероятно, ему стоит заняться прополкой жреческого сословия.

— Сегодня Праздник конца года, — сказала Сумия. — Этим вечером нас принесут в жертву Ямату, а Веспас Птол будет на это смотреть.

— Будет то, что будет, — проворчал Тонгор. — Старик, схваченный вместе со мной, могуществен-

ный маг. Он, несомненно, найдет что сказать по этому делу, так же как и я, если только руки мои будут свободны и я возьму в них рукоять меча. Но скажи мне, неужели люди Патанги будут спокойно наблюдать за тем, как их законная саркайя погибает на алтаре Ямата?

— Да. Они беспомощны против могущества друидов. Веспас Птол держит этот город в кулаке. Люди боятся его колдовства и его жестокости... и он так ловко играет на их предрассудках, что правит единовластно, используя ужас людей перед Яматом, ложным богом, которому он поклоняется.

— Значит, никого нет? Ни родственника... ни возлюбленного?

Она снова покраснела и гордо подняла голову:

— Я последний представитель дома Хондов. И возлюбленного у меня нет. Я здесь в подземелье, потому, что не желаю выходить замуж за того, к кому не лежит мое сердце!

Она замолчала, и Тонгор не смог больше вовлечь ее в разговор, поскольку она давала лишь краткие ответы. Бросив попытки завести беседу, варвар устроился поудобнее, насколько это было возможно, и заснул. Усталость и недостаток отдыха взяли свое. Он глубоко проспал несколько часов, выказывая смерти свое обычное, вполне здоровое презрение.

Когда он снова проснулся, Шарайта уже пришел в чувство. Старик либо вдохнул большую дозу усыпляющего газа, либо преклонные годы сделали его более уязвимым, поскольку он на несколько часов проспал дольше Тонгора. Сейчас старик тихо разговаривал с девушкой.

Тонгор зевнул, потянулся и приветствовал своего товарища.

— Давай колдуй. Сбрось цепи и дай мне меч.

Шарайта вздохнул:

— Они приковали мои руки к стене. Я не могу коснуться амулетов. Придется подождать, пока стражники не освободят мне руки.

— Когда это произойдет?

— В полдень, возможно, когда придут нас кормить.

— Нас не будут кормить, — перебила его Сумия. — Поскольку мы должны стать жертвой Ямату, нам следует поститься до наступления нового года, чтобы быть чистыми для сожжения.

Тонгор выругался:

— Мало того что они приносят нас в жертву своему мерзкому богу, так еще хотят заморить нас голодом?

Девушка удивленно посмотрела на него и рассмееалась.

— Никогда не слышала, чтобы человек больше жаловался на пустоту в животе, чем на приближающуюся смерть! — сказала она.

Тонгор пожал плечами:

— Ничего не могу поделать с тем, что я обреченный на смерть узник. И незачем беспокоиться о том, чего нельзя изменить. Но я хочу есть!

— Перестань думать о своем брюхе, лучше подумай о том, как выбраться отсюда, — посоветовал ему Шарайта.

— Карм Карвус, наверное, попытается нас спасти, — ответил Тонгор.

Шарайта некоторое время обдумывал это, затем с сомнением покачал головой:

— Как он узнает о том, где нас держат? Он в том же положении, в каком находился и я, когда тебя схватили в Алой башне Слидита. И он, несомненно, будет делать то же, что и я делал тогда: просто станет ждать, повиснув над городом.

День тянулся очень медленно. Но постепенно он все-таки прошел. Наконец вечерние тени начали

сгущаться, и час торжества приблизился. Явились стражники, чтобы отвести их в огромный Храм огня. Тонгор намеревался начать драку, как только с него снимут цепи, невзирая на то, что противник превосходил числом, но ему не представилось такой возможности. Перед тем как отковать его от стены, запястья и кисти валькара заключили в кандалы. И руки Шарайты тоже сцепили за спиной, так что он не мог воспользоваться волшебными перстнями.

Колдун ответил на вопросительный взгляд Тонгора, слегка покачав головой. Тонгор глубоко вздохнул.

— Ладно, по крайней мере умрем в компании друзей, — весело проговорил северянин.

— Ступайте! — произнес, издеваясь, отар стражников. — Пылающие алтари Ямата ждут вас — своих самых высоких гостей. И бог... нетерпелив.

Они вышли из камеры, окруженные со всех сторон мечами, и пошли по бесконечной каменной лестнице и по коридорам из шлифованного желтого камня... в огромный Зал бога.

Это было гигантское круглое помещение. Над головой на двести футов поднимался громадный купол, поверхность которого нарушали огромные окна из цветного стекла. В дальнем конце круглого зала стоял Ямат. Бронзовый идол в десять раз выше человеческого роста. Лысую голову украшали рога, огромная пасть была полна клыков, а в глазах были зажжены маленькие огоньки. Алтари находились на вытянутых ладонях, лежащих на коленях идола. Сделаны они были из поллой бронзы, и под ними пылали жаровни. Жертв должны раздеть догола и цепями приковать к алтарям так, чтобы они заживо изжарились. Тонгор сжал зубы, когда стражники повели пленных через просторный зал к идолу.

Они прошли между рядами друидов в желтой одежде, которые пели хвалу мерзкому божеству. Из-

за рядов друидов молча глядела разодетая знать. Тонгор заметил жалость на лицах многих аристократов, которые смотрели на то, как их царица идет на смерть. Но знать была безоружна, а каждый жрец имел при себе длинную саблю. К тому же вдоль стен стояли лучники.

Сумия шагала гордо, высоко подняв голову. Она твердо ступала маленькими, обутыми в тапочки ножками, направляясь к подножию идола. Там желтый архидруид остановил пленников. Веспас Птол был одет в роскошное, украшенное драгоценностями одеяние из желтого бархата, но красота одежд не могла скрыть ни алчности в его холодных глазах, ни хищного носа, ни жесткой складки губ.

— Сделай выбор, прекрасная Сумия, — холодно произнес желтый друид. — Прими мое предложение и царствуй вместе со мной на троне Патанги... или прими огненные объятия Ямата, от которых уже не будет избавления. Подумай хорошенько!

Сумия посмотрела в его ехидное лицо и весело рассмеялась:

— Я лучше тысячу раз умру ужасной смертью, чем выйду замуж за нелюбимого человека. А тебя, Веспас Птол, я не люблю. К тебе я испытываю только презрение, ненависть, отвращение. Ты не человек, ты холодный огонь, который коптит и убивает все живое вокруг себя.

Холодный взгляд друида сделался злым. Друид дал рукой сигнал жрецам, и они повели Сумию дальше. Тонгора и Шарайту повели вместе с царицей.

Идол был выполнен так, будто Ямат сидит, поджав ноги и соединив колени. Алтари находились на коленях, а бронзовая драпировка набедренной повязки идола образовывала лестницу, ведущую к алтарям. И пленников уже провели по этим ступеням. Их развернули лицом к заполненному залу и прикрепили к вертикальным столбам.

Они должны стоять на виду у празднующих, пока алтари нагреваются.

Гремели барабаны, и звучали фанфары, отдаваясь эхом в сводчатом зале. Архидруид взошел на платформу рядом с гигантским коленом идола и начал ритуальный речитатив. Прикрепив жертвы к столбам, стражники открыли люк, ведущий внутрь идола, и вошли в него, чтобы поворошить топки, которые должны будут докрасна раскалить бронзовые алтари.

Тонгор нечего не сказал товарищам, которые так же, как и он, стояли и глядели на зрителей. Но огромные мускулы на спине и руках начали вздыматься. Тонкий столб проходил сквозь одно звено его кандалов за спиной. Варвар прилагал чудовищное усилие, стараясь разорвать это звено.

Зажгли жаровни с благовониями, отчего помещение наполнилось едким пурпурным дымом. Грохали гонги и барабаны. Ряды одетых в желтое фигур приседали и раскачивались в варварском танце.

— Не могу дотянуться до талисманов, — тихо проговорил колдун. — Если бы мои руки не были скованы порознь, я бы коснулся их и мы бы мгновенно освободились.

— Мы слишком далеко друг от друга, чтобы мне дотянуться до твоих рук, иначе я бы сняла один из твоих перстней, а ты бы сказал мне, что с ним делать, — произнесла Сумия.

Тонгор прокряхтел:

— Крепитесь!

Громадные мускулы широких плеч прыгали и извивались, будто бронзовые змеи, когда северянин прилагал неимоверные усилия, пытаясь разорвать оковы.

Он развил эту силу в плечах годами тренировки... размахивая тяжелым валькарским мечом на дюжине войн. Теперь он нуждался в каждой крупнице силы, содержащейся в его мускулах!

Алтари за спиной нагревались. Тонгор ощущал их тепло обнаженной кожей спины. Мускулы напряглись. Капли пота выступили на лбу, и пот потек по рукам.

Сейчас три жреца поднимались по ступеням, чтобы привязать пленников к алтарям, уже раскаленным докрасна. Когда они собрались вокруг Сумии, чтобы раздеть ее, Шарайта вскрикнул:

— Тонгор, смотри! Там, на платформе, где стоит архидруид! Твое оружие и Немедийский меч... Они собираются бросить наши вещи в пламя Ямата!

Вид знакомого, любимого валькарского меча придал Тонгору сил. Лицо его налилось от натуги кровью.

Один жрец взялся за воротник рубахи Сумии и рванул. Одна жемчужно-белая грудь обнажилась. Сумия глядела прямо перед собой, ее черные глаза были широко раскрыты. Лица жрецов передергивались от предвкушения. Друид облизал тонкие губы и протянул руку...

Раздался металлический звон, разнесшийся по всему залу. Уже ослабленное звено наконец сдалось в борьбе с мускулами Тонгора.

Освободив руки, Тонгор, как кот, прыгнул на жрецов. Он оторвал от Сумии руки друида, взял извивающееся и дрыгающее ногами тело одной рукой за горло, другой за пах и... кинул его на алтарь! Послышались шипение и потрескивание жарящегося человеческого мяса, и пронзительный вопль друида весь зал наполнил ужасом.

Тонгор сбросил с платформы двух других жрецов, и они ударились о каменный пол внизу. И вот он уже освобождает руки Сумии. Используя железную рукоять кинжала жреца как рычаг, он разломал звенья цепи и освободил девушку, затем принялся делать то же самое с цепями Шарайты.

Царила всеобщая неразбериха. Храм превратился в сумасшедший дом. Жрецы и стража бросились вверх по ступеням к идолу. На платформе рядом с коленом бога Веспас Птол призывал проклятия Ямата на голову святотатцев, осмелившихся вырваться из объятий бога огня.

Тонгор вложил в руки Сумии кинжал и подтолкнул ее к Шарайте, чтобы она освободила колдуна, пока сам он занимается приближающимися жрецами. Варвар подскочил к лестнице и ударил первого жреца ногой в лицо, расплющив нос. Друид повалился на спину, столкнув с лестницы остальных.

Тонгор схватил выпавшую саблю жреца и кинулся на стражников. В хаосе воплей зазвучала его дикая военная песнь. Варвар убил четверых, прежде чем сабля его сломалась от удара о стальной шлем. Он швырнул рукоять с обломком в лицо стражнику и отскочил от нападавших. Теперь заработали кулаки, круша головы и сбрасывая тела с платформы. Кипя дикой яростью, он взваливал людей на плечи и кидал их на огненные алтари. Тонгор схватил одного стражника за щиколотки и принялся крутить его, будто огромную живую дубину, сбив еще десяток человек. Он отпустил стражника и бросил его в зал так, что тот упал в толпу жрецов. Варвар находился в своей стихии — в хорошей драке.

Но Сумия уже освободила Шарайту, и колдун присоединился к бою. С его воздетых рук слетели белые молнии, которые зажгли желтые одежды жрецов и накидки стражников. Теперь место Тонгора на вершине лестницы занял Шарайта, который кидал молнии, уничтожая магическим огнем стражу.

Тонгор остановился на краю идола и... прыгнул. Он, как кот, приземлился на платформе, где сидел, сжавшись, Веспас Птол, побелевший от гнева и страха. С платформы Тонгор взял еще незаконченный Немедийский меч и свой огромный клинок. Не успел

Тонгор развернуться, чтобы убить жреца, как желтый друид подобрал свои юбки и прыгнул вниз, упав в кишащую толпу. Тонгор громко расхохотался.

Вдруг огромное окно из цветного стекла в куполе оглушительно разбилось, и густой дождь острых осколков оросил толпу. Над залом поплыл серебристый «Немедис», сея панику среди людей — жрецов, стражников и аристократов. Воздушный корабль спустился к колену идола, туда, где Шарайта, с развевающейся бородой, меча молнии, удерживал лестницу, когда Тонгор ушел за магическим мечом.

Пока зал быстро очищался от объятый ужасом толпы, которая всерьез верила, что сошли на землю сами разгневанные боги, Шарайта помог Сумии подняться на борт, и они спустились на уровень пола, чтобы дать возможность забраться и варвару.

Тонгор вскочил на палубу, великолепный в свете огней, обнаженный, измазанный кровью, размахивающий мечом.

— Карм Карвус! — проревел он. — Никогда не был так рад видеть твое лицо! Приветствуй царицу Сумию, законную саркайю Патанги, и, во имя любви богов, давай скорее уберемся отсюда, пока Шарайта не обрушил своими молниями крышу!

Он кинул волшебный меч Шарайте, и все они ухватились за ограждение, когда Карм Карвус резко поднял нос «Немедиса» в воздух. Через несколько секунд они вылетели через разбитое окно и пронеслись над заполненными перепуганной толпой улицами Патанги.

— На северо-запад, Карм Карвус, — распорядился Шарайта. — Надо до рассвета добраться до Горы Грома, поскольку старый год уже кончился и начался новый, и через несколько дней Цари-Драконы вызовут богов Хаоса из их темного жилища за пределами Вселенной, чтобы втоптать всю Лемурию в грязь, из которой она поднялась!

Блестящий корабль круто поднялся в воздух и полетел над крышами и башнями Патанги, растворяясь в небе и неся в себе надежду на спасение мира.

ГОРА ГРОМА

Он теснил их обломком клинка,
Стоя по горло в ревущем море,
Но огромное черное копье погрузилось
В обнаженный бок Тунгарта.
Но пред тем как сын Йадора упал и перед тем
Как силы его иссякли,
Сломанный Немедийский меч
Рассек череп Дракона.

Песнь Диомбара о Последней битве

Сумия изможденно опустилась на узкую койку, бледная и дрожащая от страха и усталости. Шарайта дал ей чашку вина, и, пока они отдыхали, летательный аппарат неся по полуночному небу, оставляя Патангу за кормой.

— Колдун! — сказал Тонгор. — Я бы тоже не отказался от этого напитка и, без сомнения, и Карм Карвус.

Тсарголиец зафиксировал рычаги и обернулся.

— Я боялся, что больше вас не увижу, — произнес Карм Карвус. — Не дождавшись сигнала сплестись и забрать вас, я стал беспокоиться о вашей безопасности. И по мере того как проходили часы, я все более уверялся в том, что вас захватили или убили. И затем я вдруг увидел суматоху в громадном Храме огня, и до меня даже донесся звук битвы, так что, предположив, что там может оказаться Тонгор, я спустился и влетел в храм.

— Нам повезло, что ты догадался сделать это, Карм Карвус, — сказал, улыбаясь, валькар, отнимая от губ пустой кубок. — А теперь приветствуй нашего

царственного гостя, Сумию, законную саркайю Города Огня. Ее трон узурпировал друид, точно так же как заняли трон покойного Драгунды Тала, о ком мы не сожалеем!

Карм Карвус поздоровался с царицей и обратился к Шарайте.

— Вы успели выковать меч, до того как вас схватили? — спросил он.

Колдун кивнул:

— Конечно, иначе зачем нам лететь на Шаримбу, Гору Грома?

Колдун гордо показал неровный клинок. Царица, которая уже оправилась после усталости и казалась теперь еще более привлекательной, так как к ней вернулся румянец, старалась участвовать в беседе.

— Значит, вы украли меч? — спросила она. — Вас за это приговорили к сожжению на Алтарях?

Шарайта поведал ей о замысле Царей-Драконов и рассказал немного об их приключениях до настоящего момента, пока Тонгор обрабатывал и перевязывал свои раны.

Когда они ели вяленое мясо и сыр из корабельных запасов, Шарайта принялся задавать царице вопросы.

— Поскольку для тебя будет крайне неразумно возвращаться в Патангу, царица, куда ты хочешь направиться? Есть ли у дома Хондов друзья в соседних городах?

— Нет, — сказала она грустно. — Позвольте мне сопровождать вас в вашем путешествии. Желтые друиды уничтожили семьи, которые могли бы принять дочь Орвата Хонда.

— Тебе безопаснее будет вернуться в объятия Ямата, бога огня, чем отправиться с нами, царица, — проговорил Тонгор. — Нас поджидают неведомые опасности, так как нам не известно, какие силы выставят против нас последние Дра-

коны. Лишь Горму известно, какие ужасы придумали они за долгие века уединения.

— Я предпочту остаться с хорошими и верными друзьями, — заявила она твердо. И стояла на этом. Никакие доводы не могли поколебать принятого ею решения.

Все очень устали и, решив, что царица останется с ними, начали готовиться ко сну. Единственную койку уступили царице Патанги, так что остальные растянулись на палубе каюты, подстелив накидки. Проспали они несколько часов, а судно несло на север. Под блестящим килем извилистая серебристая лента реки Саан несла свои воды через леса и поля, миновала стены Катооля и уходила дальше на север к предгорьям Моммурских гор.

Тонгор наконец проснулся и сел за рычаги управления, чтобы поднять стройный корабль над громадами черных скал. Эти грандиозные горные цепи находились в самом центре Лемурии. Они тянулись от болот Пашта на западе до равнин синих кочевников на востоке, гигантская каменная стена почти две тысячи форнов в длину. И, пробираясь по этому горному лабиринту, лига за лигой тек великий Саан, неся свои темные воды во Внутреннее море, Неол-Шендис, где, как известно, лежали Драконовы острова.

Едва занялся рассвет, как показалась окутанная облаками вершина Шаримбы. Это самая высокая гора во всей Лемурии, поднимающаяся над остальными горами, будто великан среди карликов. Тонгор разбудил товарищей, и все позавтракали, пока летучий корабль преодолевал последнюю милю, отделявшую их от Горы Грома.

Шарайта велел Тонгору приземлиться где-нибудь недалеко от вершины этой черной горы.

— Лишь я, вооруженный силой колдовства, могу подняться на саму вершину, — объяснил колдун. — Поскольку, когда я призову молнии небес-

ные напитать меч силой, все не защищенные магическим искусством окажутся испепеленными... вот какую силу я должен призвать.

Внизу обрывалась отвесная стена. Вдруг царица воскликнула:

— Смотрите!

Тонгор поглядел туда, куда указывала рука Сумии, и увидел щель в скале и там плоскую поверхность в месте, где движение земной коры обрушило часть скалы. Там он и посадил «Немедис». Шарайта вылез, и ветер принялся трепать складки его халата и седую бороду. В одной руке колдун держал меч, в другой сжимал небольшой кисет из кожи фотха, в котором лежали магические инструменты. Стоя с обнаженным мечом в руке на фоне расщепленной скалы и неба, по которому ветер гнал облака, колдун казался окруженным тайной, не принадлежащей остальному человечеству.

— Подождите меня здесь, — произнес он. — Дальше я должен подниматься один, так что ни в коем случае не идите следом.

— Что сейчас будет? — спросил Карм Карвус.

— Как только я взберусь на самую вершину горы и призову силы Трона молний, небо потемнеет. Соберутся тучи и скроют солнце. Затем из туч в вершину будут бить молнии, и все небо наполнится огнем. Но меч станет впитывать в себя молнии точно так же, как зелень земли впитывает в себя солнечный свет, и с каждой молнией будет расти сила меча, до тех пор пока он весь не станет наполнен энергией. Сделанный из Звездного камня, выкованный в Вечном огне, напитанный силой воздуха, он будет управлять природными стихиями.

— А вода? — решил спросить Карм Карвус.

— Вместо воды он напьется проклятой крови Царей-Драконов, — ответил колдун, повернулся и начал медленный подъем на Шаримбу. Стоя в ряд,

друзья смотрели, как его худая сгорбленная фигура уменьшается наверху и исчезает среди острых обломков скал.

Тонгор плюнул:

— Колдовство! Мне нужны только хороший меч и сильная рука. Чтобы драться с врагом, другого колдовства не надо!

Сумия поежилась, глядя на окутанную облаком вершину.

— Что случится... когда мы встретим Царей-Драконов с этим мечом? — вслух подумала она. Карм Карвус пожал плечами.

— Не знаю, царица. Вероятно, меч извергнет молнии, которыми напитает его Шарайта. Скоро, однако, узнаем, поскольку всего через несколько часов настанет предначинанное время, когда чудовища постараются вызвать своих темных богов из неведомых царств, лежащих за пределами звезд... за пределами самой Вселенной!

Тонгор молча наблюдал за тем, как Карм Карвус беседует с девушкой. Стройный и обходительный аристократ и прекрасная царица могут говорить как равные... а он всего лишь грубый варвар! Он угрюмо смотрел на хрупкую фигуру... огромную копну черных волос, на кремовую кожу, проглядывающую сквозь разорванную рубаху. Никогда в жизни не видел он такой красивой женщины. Лемурия недела ей подобной со дней легендарной царицы Зандарлы Прекрасной. Он отвел взгляд и, повернувшись спиной, принялся глядеть на фантастическое море неровного камня и рваных облаков, освещенное багровыми лучами утреннего солнца.

А, ладно! Такая красота не для такого, как он, грубого воина, привыкшего больше обмениваться шутками со смертью, чем перекидываться вежливыми фразами со знатными дамами.

Сумия вскрикнула!

Тонгор мгновенно развернулся, выхватив меч, и окинул взглядом скалы в поисках врага. Пронзительный крик царицы был заглушен металлическим воплем, от которого у Тонгора волосы встали дыбом, — гракк!

С неба падал ужасный крылатый ящер, двойник того, что напал на валькара над Кушем. Извивающееся, покрытое чешуей змеиное тело переливалось желто-коричневыми оттенками. Перепончатые крылья закрыли небо. Отвратительная морда тянулась к девушке. Сумия со всех ног бежала к летательному аппарату. Загнутый клюв, алчно лязгая, преследовал девушку, в жестоких глазах горел огонь неуголимого голода.

Карм Карвус с криком выхватил тсарголийскую рапиру и бросился на помощь царице. Надрывая глотку боевым кличем, Тонгор кинулся вперед. Одним ловким прыжком он подоспел к Карму Карвусу, и вместе они ударили своей сталью в извивающееся тело, которое на бьющихся крыльях зависло в воздухе, в то время как голова на длинной шее преследовала девушку. Но даже острая сталь не могла проникнуть сквозь толстую кожу, и клинки отскочили от роговых пластин, не причинив им вреда.

Сумия снова вскрикнула, когда под ногой у нее подвернулся камень, — девушка беспомощно упала перед самым клювом чудовища.

Тонгор прикрыл Сумию спиной. Взяв меч обеими руками, он взмахнул тяжелым клинком, собрав все силы своих железных мускулов. Меч ударил по грозному клюву, уже готовому сомкнуться, и отбил его в сторону. Ящер оглушительно закричал. Тонгор снова размахнулся и отсек синюю щетину над глазом. К валькару подбежал Карм Карвус.

— Оттащи царицу на корабль! — приказал Тонгор.

— И оставить тебя!..

— Делай, что сказано... и побыстрее!

Занятый битвой с крылатой рептилией, Тонгор все же почувствовал, что девушку оттаскивают из-под него, и успел увидеть, как Карм Карвус относит ее в «Немедис». Но варвар был слишком занят, чтобы делать что-либо еще, — и он бился!

Гракк оказался гигантским — размером с воздушный корабль. Его морда с клювом размером была почти со все тело Тонгора, а огромные мускулы чешуйчатого тела могли бы мгновенно разорвать варвара в клочья, если бы чудовище его схватило. Но великан валькар плясал по скальной площадке, уворачиваясь от бросков шипящей морды, нанося по ней удары мечом, и ни на мгновение не останавливался на месте. Он ревел и кричал на висящую над землей тварь, привлекая внимание к себе, чтобы она не бросилась за царицей и Кармом Карвусом.

Громадные перепончатые крылья гудели в воздухе, будто паруса, и ветер сбивал Тонгора с ног. Могучими ударами варвар попытался срубить бронированную шею, погасить пылающие злобой пунцовые глаза. Но твердая чешуя сопротивлялась ударам, будто гранитная скала. Тонгор понимал, что это лишь дело времени, что рано или поздно под ногу подвернется камень, он упадет... или даже просто не сумеет увернуться от мерзкой морды и окажется в тисках желтого слюнявого клюва. Валькар неугомимо продолжал сражаться.

Но вот когтистая лапа схватила его и придавила к земле. Кривые когти, величиной с саблю, впились в кожаные ремни. Тонгор, падая, ударился затылком, и его окутала тьма.

В каюте летучего корабля царица сдавленно вскрикнула, когда Тонгор упал. Затаив дыхание, наблюдала она за тем, как летающий ящер, размахивая крыльями, завис над беспомощным человеком; Карм Карвус, стоящий рядом с девушкой, выругался.

— Сиди здесь, царица!

Тсарголиец прыгнул с палубы, чтобы помочь, чем сможет, другу или отомстить за него. Но прежде, чем он успел подбежать к Тонгору, лапа сомкнулась на поясе варвара, и крылатое чудовище медленно поднялось в воздух, унося с собой находящегося без сознания человека.

Карм Карвус, не в силах что-либо предпринять, стоял внизу и глядел, как поднимается летающий ящер, — глядел, понимая, что в любое мгновение он может увидеть, как его друг падает вниз на камни... или пожирается ненасытным гракком. Задержавшись в полете, гракк изогнул длинную шею и, казалось, понюхал обмякшее тело.

Сидя в предоставленном «Немедисом» укрытии, Сумия прижала ладони к груди, где бешено колотилось сердце. Затаив дыхание, смотрела она, как храброму воину, спасшему ее от смерти, самому теперь грозит смерть.

И затем Сумия и Карм Карвус увидели, как летающий ящер, явно удовлетворенный тем, что его добыча беспомощна или мертва, круто взмыл в воздух. Ящер сделал над ними круг и полетел над скалами.

Держа в лапах Тонгора, гракк полетел в восточном направлении и постепенно исчез из виду, растворившись в облаках.

Карм Карвус медленно вложил рапиру в ножны. Нагнувшись, он подобрал прошедший сотню битв меч Тонгора. Неся меч в руках, он вернулся к аппарату.

— Мы не можем полететь за гракком на воздушном судне? — спросила Сумия.

— Что толку, царица? Как сможем мы победить летающего ящера, даже если найдем его? И даже если мы вступим в бой, не бросит ли он Тонгора на скалы, чтобы драться с нами?

Сумия молча опустила голову, признавая разумность слов Карма Карвуса.

— Нет, мы ничего не можем поделать, царица, — грустно произнес тсарголиец. — Если бы здесь был Шарайта, возможно, его колдовство спасло бы нашего друга, но он высоко наверху, а туда пойти мы не можем. Не сомневаюсь, что Тонгор уже убит, раздавлен лапами гракка. Давай признаем, что он мертв, и смиримся с этим.

И затем Карм Карвус замолчал и положил большой валькарский меч на койку. Даже на арене, глядя в зияющую пасть смерти, не чувствовал он большего горя, чем сейчас, — вынужденный беспомощно стоять и смотреть, как его друга уносят в облачное небо Лемурии на смерть.

Небо над головой потемнело, и загремели барабаны грома, что означало, что Шарайта начал готовить меч. Но ни Сумия, ни Карм Карвус не слушали, оба они глубоко погрузились в мысли.

ЦАРИ-ДРАКОНЫ

Его братья погибли один за другим,
И он поднял высоко Великий меч.
Он запел руны во имя бога света —
И гром расколол небо,
Вспыхнула красная молния,
Загремели барабаны грома,
Начал падать огненный дождь,
Чтобы смыть Царей-Драконов в дымящийся ад!

Песнь Диомбара о Последней битве

Тонгор очнулся оттого, что его обнаженное тело начал обдувать холодный воздух. Когда он наконец сумел открыть глаза, то увидел под собой пропасть с отвесными стенами из черного камня, лежащую в двух тысячах футов внизу. Длинную гриву волос трепал ветер, и это мешало смотреть. Какое-то мгновение Тонгор даже думал, что умер и что

сейчас его дух уносят Воинственные девы в Чертог убитых.

Но затем он понял, что все еще жив. По голове текла теплая кровь из того места, каким он ударился о камень, и поясница болела невообразимо, будто ее сжимали в гигантских тисках. Вывернув шею и оглядевшись, он понял всю сложность своего положения — и даже сердце Тонгора дрогнуло от страха.

За пояс его держала огромная лапа гракка, и мощные крылья рептилии несли варвара высоко над Моммурскими горами. Меч его куда-то девался — он был совершенно безоружен. Если крылатый ящер просто разожмет лапу, он полетит вниз с высоты в две тысячи футов и сделается кровавой кляксой на черных камнях. Никогда в своей долгой, полной приключений жизни валькар не чувствовал себя так одиноко... так беспомощно.

Его, однако, успокаивала мысль о том, что царица в безопасности, и то, что битва против Царей-Драконов все же продолжится, даже если и не он вместе с Шарайтой встретит повелителей хаоса.

Поскольку он абсолютно ничем не мог себе помочь, Тонгор решил спокойно висеть в лапе гракка. Вместо того чтобы тратить силы в безнадежной борьбе, он решил ждать поворота событий и ничего не предпринимать, пока обстоятельства сами не предложат выхода.

Тонгору казалось, что гракк летит уже несколько часов. Находясь в таком положении, трудно было оценить высоту солнца, но, похоже, оно стоит вблизи зенита. Прошло еще много времени, прежде чем гракк вдруг замедлил полет и завис над горной цепью. Затем, медленно кружа по спирали, он начал снижаться.

Из дымки появилась острая, как игла, вершина скалы. Ящер полетел к этой скале, затем завис

на мгновение, размахивая огромными крыльями, и... выпустил Тонгора.

Тонгор начал беспомощно падать, несколько мгновений пейзаж вокруг него бешено вращался, и наконец варвар грохнулся на толстый слой чего-то, что захрустело под его весом. Оглушенный, он лежал, не решаясь двинуться, чтобы не сорваться вниз. Кости, кажется, были целы. Черный силуэт над головой полетел влево и начал по спирали набирать высоту и вскоре потерялся из виду.

Тонгор лежал в мелком углублении, наполненном сухими ветками и жесткими листьями, которые зашуршали, когда он сел. Кругом было лишь небо — рваная дымка, гонимая свистящим ветром, — и горные пики. Он подполз к краю подушки из веток и посмотрел вниз. Там, насколько мог видеть глаз, падала отвесная стена.

Тонгор обернулся, чтобы посмотреть, так ли обстоят дела с другой стороны... и обнаружил, что смотрит в красный горящий глаз.

Три змееобразных маленьких чудовища, лишь немногим ниже его собственных шести с половиной футов, глядели на него с расстояния в десяток футов. Их мерзкие тела покрывала мелкая красная и желтая чешуя, а на спине торчали странные выросты. У тварей были загнутые книзу клювы и по четыре когтистые лапы.

Тонгор мгновенно оценил свое положение. Гигантский гракк отпустил его лишь затем, чтобы ввергнуть в еще худший кошмар. Он находился в гнезде гракков! Эта подушка из переплетенных ветвей и листьев была гнездом самки гракков, а эти три чешуйчатых чудовища и есть ее детки, в пищу которым его принесли!

Они еще не набросились на него, вероятно, потому, что не привыкли к живой пище. Но вот один из маленьких монстров заковылял к варвару, щелкая клювом и шипя, будто кипящий котел.

Тонгор хлопнул ладонью по бедру — меча не было, он выпал где-то на склонах Шаримбы. Тонгор быстро огляделся, ища взглядом какое-нибудь оружие. Почти прямо под ногами валялась длинная белая кость с зазубринами от клюва и с острым обломанным концом. Валькар схватил кость и приготовился встретить маленькое чудовище.

Алчно лязгнул клюв, но Тонгор отбил морду ударом руки и вогнал острую кость в змеиную шею. Чешуйчатая броня детеныша не была такой крепкой, как у взрослого ящера, но все же она была достаточно грубой, так что заостренная кость лишь сделала глубокую царапину на шее твари. Из раны полилась густая зловонная жидкость.

Но вот когти добрались до Тонгора, животное всем весом придавило его и вытянуло клюв, чтобы вырвать горло. Тонгор прикрыл голову и горло, скрестив руки, сгруппировался, ударил обеими ногами и выбросил тварь из гнезда. Птенец попытался уцепиться когтями за край гнезда, пронзительно закричал и исчез внизу.

Но к варвару с шипением подвигались остальные чудовища. Он вогнал кость одному прямо в пасть и пригнулся, увернувшись от другого клюва, оставив в нем лишь клочок волос. Валькар кулаками бил в грудь первого детеныша. Птенец принялся царапать живот и грудь варвара когтями, проводя на бронзовом теле красные полосы. Но вот чудовище захрипело и повалилось, бешено забив хвостом. Острая кость прошла сквозь то малое количество мозга, которым обладал гракк, и парализовала тело.

Но Тонгору некогда было наблюдать за конвульсиями одного чудовища, так как на него уже кинулось другое, размахивая когтями, и повалило его, стараясь подмять под себя.

Тонгору удалось подняться на ноги, оттеснив гракка мощными ударами. Затем он обхватил могучими

руками бьющуюся шею так, чтобы до него не дотянулся лязгающий клюв. Мускулы вздулись на широких плечах, словно гигантские змеи. Гракк бешено сопротивлялся, выкручивая длинную шею, но руки валькара медленно, неумолимо все сильнее сжимали горло монстра. Передние лапы терзали тело от пупа до бедер, острые, как бритва, когти глубоко ранили тело. Тонгор скрипел зубами, стараясь вынести боль.

Постепенно гракк начал сопротивляться все более вяло. Красные глаза стали стекленеть. Из разинутого клюва потекла вязкая кровавая пена. Задействовав каждую крупницу силы могучих плеч и спины, Тонгор выдавил жизнь из твари и отбросил подергивающееся тело.

Он стоял, ловя ртом воздух, стараясь восстановить дыхание, не обращая внимания на кровь, льющуюся по груди и животу. Затем он принялся обшаривать гнездо в поисках выхода. Со всех сторон он видел лишь отвесную черную каменную стену, сырую от висящего в воздухе тумана.

Он оказался заброшенным на вершину крутого пика. Разве что...

На одной стороне гнезда скала обколота. На каменной стене образовался узкий карниз... но он находился в тридцати футах внизу. Тонгор оглядел всю скалу между гнездом и уступом. Гладкая, как стекло. Просто безумие пытаться слезть: пытаться прыгнуть невозможно, так как уступ шириной лишь в фут. Если он промахнется, из него получится желе там, на глубине в тысячи футов. И все же оставаться здесь значило умереть. Через несколько часов — а возможно, и через несколько минут — в гнездо возвратится мамаша.

Летательный аппарат парил в небе над Моммурскими горами. В небольшой каюте сидели Шарайта,

Карм Карвус и царица Сумия и напряженно вглядывались в проносящуюся внизу местность.

Прошло меньше часа с тех пор, как колдун спустился с Горы Грома и принес с собой меч. Теперь это оружие лежало на коленях Шарайты, и голубой, как лед, клинок дрожал от сокрытой в нем силы. Казалось, в таинственном клинке гудит электрическое напряжение грозовой тучи, а вокруг кончика то возникал, то исчезал едва заметный нимб из искр. Меч был готов.

Шарайту поразила и крайне огорчила ужасная судьба, постигшая Тонгора. Но времени на бесполезные и безнадежные поиски великана варвара не оставалось. До Мгновения Рока было лишь несколько часов. Солнце уже клонилось к западу. И что пользы искать погибшего друга? Его изуродованное тело лежит где-нибудь на дне ущелья... или лежат его обглоданные кости. Им надо спешить!

Внизу проносились бесконечные лиги. Благодаря улучшению, внесенному колдуном в первоначальный проект, пружины могли работать не переставая. Не надо тратить времени и труда на то, чтобы их завести. Пропеллеры врезались лопастями в разреженный холодный воздух, толкая «Немедис» вперед; острый нос корабля смотрел на восток, туда, где небо постепенно темнело.

Но вот огромные горы расступились, и показалась серебристая лента Саана, величайшей реки Лемурии, пробиравшейся по глубоким черным ущельям. Впереди на самом горизонте виднелась блестящая поверхность Внутреннего моря. Охваченное со всех сторон горами, окруженное крутыми обрывами из гладкого твердого камня, море Неол-Шендис целые века не показывалось человеческому глазу. Какие тайны — какие опасности — скрывают эти окутанные дымкой берега?

Трое искателей приключений поели и отдохнули, дожидаясь нужного времени. Сумия сидела на

койке, повернув лицо к переднему окну. Перед ее взором проносились картины... видения из прошлого. Она вспоминала храброе смеющееся лицо Тонгора. Она снова видела его боевой оскал и слышала его оглушительный боевой клич, когда он бился со всей стражей Патанги на бронзовых коленях бога огня. Она снова видела, как описывает в воздухе блестящую дугу громадный меч, рассекая лица друидов и орошая кровью все вокруг. Она вспоминала могучую грудь, мощные руки и плечи, длинные быстрые ноги воина-валькара. Трудно поверить, что такая животная жизненная сила, такая неистощимая энергия — погасла.

— Тонгор... — Когда она шептала его имя, она снова ощущала то странное, незнакомое волнение крови.

Теперь под ними простирались серые пляжи моря Неол-Шендис. Холодные темные волны омывали безлюдные пески. Ни одна морская птица не кричала над этими берегами, на которые не ступала нога человека. Ни одного маленького ползающего существа морских берегов не было видно в жирной пене, остающейся после того, как волна отступала, готовясь снова плеснуться на песок.

Небо на западе между черными вершинами гор все более краснело, по мере того как друзья приближались к Драконовым островам. Островов было четыре, мрачные груды черных камней, поднимающиеся из бурлящих волн. За вершину самого большого острова цеплялся фантастический замок из черного камня, высящийся в густом тумане, будто великан из древних времен.

Пропеллеры остановились, воздушный корабль начал медленно снижаться, скользя сквозь туман, будто призрак, и опустился на выступ мокрой скалы. Все трое выбрались наружу и надежно прикрепили судно к скале. Друзья направились по гребню узкого

перешейка на главный остров. Укрытые туманом, они растворились в тени стен черного замка.

Сумия шла цепляясь за мокрые камни, ослепленная летящими брызгами и оглушенная рокотом прибоя. Карм Карвус поддержал ее и помог подняться, когда она оступилась и упала.

— Нам надо соблюдать тишину, — предупредил Шарайта, почти невидимый в густом тумане благодаря своему серому халату. Карм Карвус и Сумия последовали за Шарайтом вдоль высокой черной стены. Замок был построен из громадных кубов, грубо высеченных из черного камня, и каждый куб имел высоту больше человеческого роста. Вся эта циклопическая постройка казалась очень странной, будто все углы и изгибы размечены согласно геометрии другого мира, жуткая архитектура кошмара, крайне неприятная для глаз. В десятке ярдов ниже того уступа, по которому они шли, бушевал прибой и обдавал их ледяными брызгами.

Они подошли к огромным воротам, выходящим к бесконечным волнам, створки оказались незапертыми. Ворота не охранялись — были пусты. Шарайта вынул волшебный меч и поторопил товарищей. Он первым вошел в зияющую пасть портала, держа в руке обнаженный сверкающий меч.

И вдруг — безумие!

Туман неожиданно взвился — вскипел — сгустился, и из него возникли чудовищные черные формы. Карм Карвус выхватил рапиру. Шарайта поднял сияющий голубой меч, но из клубящегося тумана появилась черная фигура с горящими зеленым холодным огнем глазами и безобразной головой. Лоснящаяся черная рука схватила запястье Шарайты и сжала со всесокрушающей силой.

Меч вывалился из обессиленной руки и упал, описав ослепительную дугу. Разбрызгивая голубые искры, он полетел, кувыркаясь, вниз и скрылся

в грохочущих волнах. Меч исчез среди кипящего хаоса черной воды и белой пены.

Шарайта, бессильный против железного захвата, издал тонкий жалобный крик. Колдун поднял другую руку, и магические перстни вспыхнули огнем... но неведомая сила ударила его, и он упал, потеряв сознание.

Карм Карвус бросился вперед, направляя рапиру в жуткие черные привидения, все еще скрываемые мечущимся туманом. От поднятой черной руки одного призрака скользнула белая искра, несущая в себе огромную мощь, и спалила рапиру. Карм Карвус задрожал от электрического удара и без чувств опустился на влажный камень.

Громадная черная рука сомкнулась на хрупком плече Сумии. Кисть имела семь пальцев, каждый с черным когтем, и всю ее покрывала кожа с чешуей, образующая сложные узоры.

Из черной тени, которая сбила с ног Шарайту, заговорил холодный шипящий голос, в жутких нотах которого явно слышалось злорадование:

— Как глупо считать, что наше колдовство не известит нас о приближении летающего судна! Их жизни будут принесены в жертву на Великом алтаре в центре Круга монолитов в час, когда выстроятся звезды, — чтобы напитать растущую силу Князей хаоса, которым нужна жизненная энергия для перехода по внутрикосмическим коридорам. Заключите их в темницу, пока не пришел назначенный час, и заберите у старого знахаря магические талисманы. Следующий раз посмотрим на их бледные лица в Час Открытия космоса!

Холодный шипящий голос замолчал, и темные грузные фигуры выступили из тумана. Но прежде чем Сумия успела разглядеть подробно эти страшные тела, ее гордый дух не выдержал, и царица потеряла сознание.

ПОВЕЛИТЕЛИ ХАОСА

Повелители хаоса затмили небо,
Все Сыновья людей должны умереть.
Руны драконов и кровь людей.
Ворота открываются — но закроются ли снова?
Ничто не может закрыть эти Ворота,
Кроме меча, сделанного из молнии.

Алая Эдда

Единственный способ опуститься — это... спуститься! Тонгор отошел от края гнезда гракков и принялся за малоприятную работу: начал сдирать кожу с двух птенцов-чудовищ. Из их чешуйчатой шкуры можно сделать веревку и с ее помощью добраться до узкого карниза.

Это была утомительная, грязная, трудная работа. Не имея ни меча, ни кинжала, Тонгор полагался только на силу рук и на помощь острых обломков костей. Он затупил много обломков, но в гнезде гракков кости копились много лет. Он пожалел о том, что потерял свою черную накидку, которую можно было бы быстро разорвать на полоски. Но бесполезно горевать о том, чего не вернуть.

Он сдирал шкуру длинными лентами, останавливаясь время от времени, чтобы отколоть еще кость вместо затупившейся. Свежая шкура воняла, и скоро он от груди до колен измазался кровью этих тварей, но он сурово стиснул зубы и, несмотря на вонь и грязь, продолжал работать.

Сняв с трупов шкуру, Тонгор связал вместе длинные ленты и прикрепил один конец к выступающему камню. Он проверил конструкцию на прочность, и, когда удостоверился в том, что веревка выдержит его вес, не порвавшись и не отвязавшись, он перелез через край и полез вдоль отвесной скалы. Болтаясь над пропастью глубиной в сотни футов, он сосредото-

точился на том, что непосредственно делал, не позволяя себе бояться.

Сырые кожаные ремни скользили в руках. Грудь болела в тех местах, где когти ящеров изодрали ее. Порывы ветра раскачивали Тонгора из стороны в сторону, но он медленно и упорно лез, пока пальцы ног не коснулись карниза. Карниз имел лишь несколько дюймов в ширину. Валькар посмотрел в обе стороны: карниз шел влево и вправо, и нельзя было угадать, где будет легче спуститься. Так что он просто выбрал наугад и принялся пробираться по карнизу влево, по-прежнему держась за веревку.

Когда он достиг того места, где оказался вынужденным оставить веревку, уступ расширился. Тонгор отпустил кожаную веревку, уцепился расставленными руками за отвесную стену скалы и пошел дальше. Тонгор сделал еще несколько шагов, и карниз расширился еще больше и круто пошел вниз.

Тонгор начал спускаться фут за футом, ярд за ярдом. Здесь ему помогло варварское происхождение. Там, где выросший в городе человек споткнулся бы, потерял равновесие и, возможно, упал бы, он спокойно продолжал спускаться. Детство, проведенное среди ледников его северной родины, приучило не бояться высоты и дало способность терпеливо отыскивать малейшие неровности, за которые можно уцепиться.

Но все равно за час он спустился лишь на двести футов. Но оттуда он мог уже идти быстро и уверенно, выпрямившись в полный рост.

Густой туман не пропускал солнечных лучей, но, если судить по положению солнца тогда, когда он в последний раз его видел, уже начинался

вечер. А это значило, что он идет уже несколько часов. Он совершенно заблудился. Час назад, пробираясь вдоль горной гряды, он заметил черный, укутанный облаками пик Шаримбы, когда ветер на мгновение разогнал пелену тумана. Гора виднелась на самом горизонте, за много сотен фонов от того места, где он стоял сейчас. Неутомимые крылья гракка отнесли его действительно далеко от друзей. Шаримба находилась к западу от него, а это означает, что Драконовы острова лежат где-то на востоке. Тонгор повернул на восток и пошел дальше. Меч наверняка давно готов, и друзья, вероятно, уже ушли на встречу с Царями-Драконами, решив, что он погиб.

Весь день он быстро продвигался по плато, и, когда свет начал тускнеть, Тонгор отыскал легкий спуск и спустился в долину Саана. Теперь Тонгор широкими шагами шел по каменистому берегу реки. Трижды он останавливался, когда силы его были на исходе, купался в холодной быстрой воде, пил вволю и тратил несколько драгоценных мгновений на отдых, прежде чем продолжить путь на восток. Он знал лишь одно: Саан в конце концов впадает во Внутреннее море, так что он шел вдоль реки.

Он бежал по каменной осыпи, как вдруг душе-раздирающее шипение заставило его присесть. Из пенящейся воды поднималась лоснящаяся голова рептилии с уже разинутой пастью, полной зубов. На Тонгора глядели красные злобные глаза.

Тонгор отчаянно схватился за бедро, но там висели только пустые ножны. А... чего бы он только не отдал за меч! Но здесь не было даже палки, которой можно было бы отбиться, и камни — либо такие, что не поднять, либо слишком маленькие, чтобы причинить вред неизвестному речному чудовищу. Монстр поднялся из бурлящей воды, и с его змеиной шеи

потекли ручьи. Передние лапы оперлись на берег, и животное начало вползать на землю.

Тонгор побежал.

Может быть, тварь не может быстро бегать и не догонит его, но нет, у нее огромные задние ноги, как у огромной гончей. Тонгор не знал, что это за рептилия с зеленой чешуей и желтым хребтом... какой-нибудь безымянный монстр горных рек... но голодный.

Чудовище преследовало варвара целый форт, постепенно приближаясь. Размеры рептилии не позволяли ей поместиться на каменистом берегу, так что она вынуждена была двигаться более осторожно, чем Тонгор. Он бежал. И как только он подбежал к неожиданно открывшемуся перед ним входу в пещеру, чудовище поравнялось с ним.

Тупая клиновидная башка с шипением мотнулась к нему, передние когтистые лапы потянулись за его плотью. Тонгор прижался спиной к гладкой скале, ухватился за нее двумя руками и изо всех сил нанес удар обеими ногами. Он попал пятками прямо в грудь рептилии... и из-за своего огромного веса она начала скользить и съезжать по осыпающимся камням, Тонгор перевернул ее. Шипя от ярости, чудовище упало в реку с громким всплеском. Тонгор развернулся и бросился в пещеру. Через несколько секунд он уже потерялся в кромешной тьме, но все же, спотыкаясь, продолжил движение вперед. Он не знал, какая еще тварь может оспорить право обладания пещерой, но это не будет хуже, чем встреча с речным чудовищем.

Пещера круто уходила вглубь, и Тонгор пошел по ней. Некоторое время он все еще слышал у себя за спиной, как речное чудовище натывается на сталагмиты и воет от ярости и досады, но наконец все затихло. Тварь, без сомнения, ждала, когда он вернется, так что Тонгор просто пошел дальше в темноту.

Через несколько часов пол пещеры пошел вверх, и начался долгий, медленный подъем. Вероятно, уже настала ночь, мрачно подумал варвар. Ночь Рока. Вполне вероятно, что каждый шаг уводит его все дальше и дальше от друзей. Но нечего делать, кроме того как идти дальше.

Он наткнулся на выход так неожиданно, что тут же схватился за край стены, чтобы не закружилась голова. Внизу он увидел, как волны разбиваются в мелкие брызги о каменные клыки черных скал. Морел..

И когда он полностью вышел из пещеры, так, что мог оглядеться вокруг, он удивился еще больше. Он находился не на берегу, а на крутой черной скале посредине Внутреннего моря! Вокруг простиралась серая водная поверхность под затянутым облаками небом. Он видел мутную полоску берега сзади, теряющуюся в темноте.

Пещера прошла под морским дном и вышла на поверхность на островке. Холодный, сырой ветер обдувал утомленное тело Тонгора, а варвар стоял на вершине небольшой груды камней и глядел по сторонам. Это Драконовы острова, сомнений нет, так как налево, всего в нескольких десятках ярдов, поднимался из воды остров побольше, черную вершину которого венчал фантастический замок из грубого черного камня. Божественная удача направляла его стопы.

Тонгор спустился к кромке воды и задержался там, прежде чем нырнуть и перебраться вплавь на другой остров. Волна брызг ослепила глаза и окатила грудь, но вдруг к потрясению, вызванному ледяной водой, попавшей на его усталое тело, прибавилось еще одно — он поглядел в беснующуюся воду.

Меч.

Тусклые блики играли на клинке. Его покрывали несколько дюймов воды, оружие застряло между камней. Рука непреодолимо хотела вновь привычно сомкнуться на рукояти меча. Тонгор нырнул, взял

меч, снова вылез на торчащий над водой камень и сел на корточки у входа в пещеру, чтобы осмотреть свою находку. Свет был очень тусклым — уже несколько часов как настала ночь, близилась, вероятно, полночь, — но даже при слабом свете он не мог не узнать необычный зазубренный клинок, мерцающий силой.

Немедийский меч!

— Горм! — выругался Тонгор. Он понял, что его друзья либо схвачены... либо убиты, поскольку только сила могла заставить Шарайту оставить магический клинок, ради создания которого они потратили столько времени и подвергли себя стольким опасностям. Лицо его сделалось суровым, взгляд похолодел. Если Шарайту схватили, что стало с Кармом Карвусом? Что стало с... Сумией?

Он поглядел на мрачный, черный замок, башни и стены которого обволакивал туман. Замок находился совсем рядом, на острове, отделенном холодным бурлящим проливом.

Внутри этих темных стен лежали его друзья — либо беспомощные пленники, либо трупы. Холодный огонь вспыхнул в золотистых глазах, зубы оскалились в злобной ухмылке. Тонгор вложил меч в пустые ножны и нырнул со скалы в черную ледяную воду.

Если он опоздал, чтобы спасти друзей, то по крайней мере отомстит за них. Меч будет использован по назначению в роковой час, и не важно, кто — человек, чудовище или даже сами Повелители хаоса, станет на его пути!

Шарайта, Карм Карвус и царица пролежали несколько часов в сырой, зловонной и темной каменной камере. Разговаривали они мало, так как сказать было нечего. У Шарайты отняли все амулеты

и колдовские приспособления, и никто из них не имел при себе оружия, кроме небольшого ножа, который носила с собой Сумия, спрятав под лямку одежды. Медленно шли часы, и суровые звезды постепенно занимали свои долгожданные места. Множество раз мысли Сумии возвращались к Тонгору, которого она считала убитым. Она не могла подыскать имени тому странному чувству, которое возникало всякий раз, когда она думала о храбром валькарском воине, спасшем ее от ужасной смерти.

Карм Карвус и Шарайта поговорили недолго между собой.

— Что они с нами сделают?

— То, что сказал главный Царь-Дракон, как ты и передал мне его слова. Они положат нас на черные каменные алтари, посвященные их трем мрачным богам, и там мы умрем... а наша жизненная энергия напитает и усилит Повелителей хаоса.

— Жестокая смерть, другого от них и не следовало ожидать, — сказал Карм Карвус. — Эх, если бы у меня был меч! Или если бы Тонгор оказался тут. Мы бы сражались вместе, спина к спине, и показали бы Драконам, как должны умирать люди, стоя прямо и глядя смерти в лицо, а не лежа связанными на каменном столе.

— Да, грустно, — согласился Шарайта. — Или если бы у меня остался... хотя бы один талисман! Но Сссааа, повелитель Драконов все у меня отнял.

— Сссааа? Это та тварь, что схватила тебя и заставила бросить меч?

— Сссааа — повелитель или архижрец. Это он привел Драконов сюда, после того как Черная цитадель пала перед Сынами Немедии тысячи лет назад...

По мере того как звезды медленно занимали свои назначенные места, приближалось время жертвоприношения. Трое друзей попрощались друг с

другом спокойно, сохраняя достоинство. Огромная дверь вдруг распахнулась. Сумия вскрикнула. Они впервые ясно вблизи увидели Драконов. Чудовища имели высоту в полтора человеческих роста и стояли прямо на полусогнутых, похожих на собачьи ногах. От массивных плеч шли короткие могучие руки с когтями. Шея была длиннее человеческой, и тупая морда не имела никакого выражения. Щелки глаз пылали холодным зеленым огнем, а выпуклый, не похожий на змеинный лоб предполагал человеческий или, возможно, превосходящий человеческий разум. Драконов покрывала черная чешуя, мерцающая в свете факелов на их отвратительных глянцевых телах. Они имели длинные мускулистые хвосты.

Но холодный свет злобного разума, горящий в их глазах, делал их более ужасными, чем звери, которых напоминали их тела. Зверь убивает, следуя инстинкту, естественной потребности утолить голод... но эти твари могут быть жестокими, как люди.

И жутко было видеть, как звери носят похожее на человеческое снаряжение. Их блестящие черные чешуйчатые тела были перевязаны толстыми поясами, через плечи проходили лямки, на которых висели сумки, драгоценные украшения или громоздкое странное оружие. Гордый дух Сумии дрогнул, однако она подняла голову и не позволила этим тварям прочесть страх в выражении ее лица или осанке. В этом хрупком, стройном теле текла кровь сотни царей, а наследственность никогда так не проявляется, как проявилась в этот черный час у последнего представителя династии Хондов.

— Час близок, выходите, людишки, — прозвучал холодный голос Сссааа.

Карм Карвус бросил взгляд на Шарайту, увидев, что тот ему грустно кивнул, и не стал со-

противляться. Эти массивные руки и плечи имели такую силу, что даже Тонгор перед ней был бы беспомощен.

Они вышли из камеры в широкий коридор. Свет, который проникал к ним в камеру, исходил не от факелов, а от странных шаров из толстого стекла, свисающих на тонких цепочках со сводчатого потолка, и светились эти шары ярким, ровным, немигающим красным светом. У друзей не было времени разглядывать это странное достижение науки Драконов, так как их подгоняли угрюмые, суровые пленители, ведя по гигантскому коридору. Они вошли в громадную ротонду, где, без сомнения, проходили советы страшных Драконов.

Здесь тоже, не мигая, горели красные огни, а в центре стоял громадный круглый стол из какого-то неизвестного серо-зеленого металла, и к нему были придвинуты странной формы стулья. По каменным стенам висели вытканые из металлических нитей гобелены, изображающие сцены, чуждые человеческому глазу: странные сады с мясистыми цветами и жуткими деревьями с перистыми листьями, под которыми Драконы былых времен красовались в необычных одеждах, слишком сложных, чтобы успеть разглядеть их, проходя мимо. Захватывающая картина мира, каким он был тысячелетия назад, когда черные Драконы являлись хозяевами Земли, когда еще человек не появился.

Они вышли из этого помещения и оказались на широком круглом дворе под звездами. По сторонам их окружала черная крепостная стена, а в центре двора высилось широкое кольцо из девяти черных столбов. Это кольцо окружало другое, внешнее кольцо из двадцати семи столбов. Столбы имели высоту по девятнадцать футов и были тщательно вытесаны из черного камня — огромные унылые менгиры, уходящие в туман, скрывающий

небо. Они стояли подобно худым ногам великанов, верхнюю часть тела которых скрывали облака.

Время от времени в густой клубящейся пелене тумана образовывался просвет, и тогда зловеще проглядывали звезды. На громадных монолитах были вырезаны драконовы руны — странные, замысловатые арабески, выделяющиеся четким рельефом. Из трех людей только колдун мог прочесть их чудовищную весть, и он содрогнулся и опустил глаза.

Во дворе стояли десятка два Драконов, и каждый держал в когтях светящуюся сферу, а голову каждого защищал странный шлем из красного металла. Драконы образовали широкую колонну, и, когда троих людей повели вдоль нее, чудовища зашипели песню на своем древнем языке. Церемония начиналась.

Их провели в центр двойного кольца, туда, где, будто широкий стол, лежал громадный круглый черный камень. Запястья и щиколотки сковали цепями из красного металла, и людей заставили лечь.

— Держитесь! — проговорил Шарайга.

Вокруг них гремела древняя шипящая песнь, и ритм ее то поднимался, то падал, будто морские волны. Над головами клубящийся туман извивался среди колонн, будто прозрачные щупальца. Сквозь рваную пелену проглядывали звезды.

Вот загремели барабаны, и в такт им захлопали когтистые лапы, и все это казалось странным контрастом шипящей песне, приглушенный ритм которой эхом повторял медленно учащающийся пульс Сумии. Она закрыла глаза.

Вперед вышел Сссааа. Он взошел на диск алтаря и стал в центр. Люди были прикованы на равном расстоянии друг от друга, головами к центру алтаря. Сссааа стоял посередине между их голов. Он воздел огромные глянцевые руки к небу:

— Йас — Тамунгазот!

Пение сделалось громче, зарокотало, как прибой. Барабаны гремели дробью, то учащая, то замедляя ритм. Туман вился между стоящими камнями, которые, казалось, сами начали качаться. Сумия чувствовала себя так, будто сами измерения пространства начали искажаться под действием ритма этого жуткого пения.

Сссааа громко произнес еще одно имя, и слог другого мира эхом отразился от качающихся монолитов. Песня сделалась еще громче.

Вдруг показалось, что туман устремился к области на небе, расположенной прямо над алтарным камнем. Длинные ленты и похожие на призраков клубы тумана потекли между столбов и начали собираться в центре, сгущаясь в плотный шар темноты. Сумия поежилась от ласки липких пальцев тумана, проползающего рядом с ее телом. Она начала чувствовать странное головокружение, будто под ней закружилась планета. Круглая стена, охватывающая двор, завращалась вокруг нее, словно громадное черное колесо.

Сссааа произнес третье ужасное имя, и небо тут же мгновенно очистилось. Над головой засветились звезды, образовавшие странный узор, и медленно — одна за одной — начали краснеть. Сгусток темноты уже всосал в себя весь туман, но казалось, что он все еще затягивает окружающий воздух с той же чудовищной силой. Ветер усилился, поток холодного воздуха принялся трепать одежду людей и раскидал длинные черные волосы Сумии. Ветер дул прямо в шар темноты... будто земная атмосфера втягивалась в какое-то неизвестное отверстие, в бесконечно голодный вакуум неведомого пространства.

Гром барабанов образовал дикую, безумную какофонию, и со всех сторон раздался лязг металлических бубенцов, когда Драконы выстроились кру-

гом и принялись раскачиваться, приседать и приплясывать на своих огромных задних лапах. По телу Сумии начало растекаться онемение, и земля, казалось ей, закачалась в такт танцу Драконов.

Наверху сияли звезды Рокового часа.

Налетел ледяной порыв ветра и завыл в качающихся монолитах. Черный шар рос, будто питаясь воздухом и туманом.

Вот вырезанные на менгирах иероглифы засветились таинственным красным светом... и необычные шлемы Царей-Драконов, и цепи, и кандалы на беспомощных жертвах тоже начали испускать неизвестное излучение. Сумия почувствовала озноб, ледяное покалывание, распространяющееся по телу.

Ощущение головокружения то усиливалось, то уменьшалось в такт ритму песни, барабанов и мерцанию алых огней звезд.

Все вдруг затихло.

Тишина, абсолютная, гробовая, словно люди неожиданно оглохли. Драконы замерли. Ветер, головокружение — все прекратилось! Будто сама Вселенная оказалась во взвешенном состоянии — задержала дыхание, как бы ожидая какого-то ужасного сигнала, какого-то заключительного действия...

Сссааа медленно вынул из ножен громадный черный меч с раздвоенным лезвием. Жертвенный меч. Дракон склонился над царицей, а она устремила непонимающий, неподвижный взгляд вверх. Раздвоенный конец приблизился к ее груди... и вдруг Сумия поняла, что через несколько секунд металл пронзит ее мягкую плоть, вырвет живое сердце и кинет его в замершую над ней Бездну. Она почувствовала, как парализовало каждый ее нерв, каждый мускул. Она не могла кричать, хотя рот ее открылся. Она не могла оторвать полные ужаса глаза от чудовищного зрели-

ща, от того, как лезвие собирается коснуться ее неподвижной груди.

А сзади засмеялся Тонгор.

Это был глубокий звучный смех, теплый, человеческий. Тепло, казалось, растопило лед, сковавший жертв; Сссааа невольно дернулся, поднял массивную голову и огляделся по сторонам. Сумия повернула голову и увидела Тонгора, стоящего, расставив ноги, на стене, окружающей двор. Среди Драконов послышалось холодное шипение, и Сссааа выпрямился.

Тонгор вынул меч.

Сссааа издал крик, похожий на звук вырвавшейся струи пара. Круг чудовищ нарушился и смешался.

Меч вспыхнул огнем, не приглушенным алым светом от магических шаров Драконов или светом мерцающих символов на черных колоннах, а ясным голубым огнем, который прорезал темноту вокруг, ослеплял и очищал, как свет полуденного солнца.

Тонгор направил меч на середину алтарного диска, туда, где подняв жертвенное оружие стоял повелитель Злобных чудовищ.

Грянул гром!

Извилистая, зигзагообразная молния образовала дугу от Немедийского меча к черному клинку смерти. Черный меч расплавился и опалил черные лапы Дракона. Монстр с яростным криком отбросил от себя оплавленный остаток меча.

Вторая молния попала в шлем Сссааа из кроваво-красного металла. Металл мгновенно нагрелся до точки плавления, а огромное черное тело вдруг выгнулось от непереносимого удара, и судороги оторвали мышцы от костей. Повелитель Драконов, с изжаренным мозгом, изуродованным телом, лежал и спазматически подергивался на черных камнях.

Цари-Драконы с криками пришли в движение. Одни побежали длинными прыжками, чтобы укрыться в цитадели, другие бросились, чтобы сорвать варвара со стены. Но меч уже горел огнем, будто огромный бело-голубой факел. Он с треском метал молнии, которые плясали по смешавшимся рядам Драконов и осыпали брызгами ослепительного дождя.

Сноп молний ударил в столбы и разбил некоторые из них, повалив остальные. Черный лес попадал и придавил множество Драконов чудовищным весом монолитов.

Молния за молнией били в неподвижный шар темноты. Воздух дрожал и взрывался громом. Хаос, воцарившийся во дворе, освещался вспышками ослепительного белого огня. Небеса раскололись, и полился холодный дождь, и завыл ветер... словно разгневанная природа, избавившись от паралича, вызванного колдовством Драконов, мстила, поднимая силы всех стихий. С неба обрушился поток воды, а безумный вой ветра сделался оглушающим. И в этом неистовстве был слышен голос Тонгора, поющего звучные строки древней песни Диомбара:

Ее братья погибали один за другим,
И он поднял высоко Великий меч.
Он запел руны во имя бога света —
И гром расколол небо,
Вспыхнула красная молния,
Загremели барабаны грома,
Начал падать огненный дождь,
Чтобы смыть Царей-Драконов в дымящийся ад!

Под чудовищным натиском урагана бело-голубых молний клубящийся центр темноты разорвался — разбился — рассыпался осколками, которые быстро разлетелись и исчезли. Поднялась буря. Шум оглушал. Ветер и дождь; грохот падающих

колонн, и поверх всего этого звонкая песнь, прославляющая победу:

Он теснил их обломком клинка,
Стоя по горло в ревушем море,
Но огромное черное копье
Погрузилось в обнаженный бок Тунгарта.
Но перед тем как сын Йадора упал
И перед тем как силы его иссякли,
Сломанный Немедийский меч
Рассек череп Дракона.

Дождь лил так сильно, что сквозь его пелену неуклюже спотыкающиеся фигуры чудовищ казались на фоне вспышек света лишь темными тенями. Ослепительные молнии попадали в стены и башни, и ливень каменных обломков падал во двор. Теперь молнии сверкали в небе над головой, освещая пламенем небосвод. Будто Отец Горм, сам бог-громовержец, вступил в последнюю эпическую битву против орд Драконов. Молнии неба и молнии меча сверкали вместе, поражая Драконов одного за другим.

До того как разразился этот хаос, Сумия потеряла сознание на несколько мгновений или, может быть, на час, так как, когда она открыла глаза, буря уже утихла столь же быстро, как и началась. Под ясным светом звезд, миновавших роковую точку, дымились мокрые развалины черной цитадели, а там, где кругом стояли монолиты, в чистое спокойное небо смотрели лишь пеньки; и поднималась полная луна, чтобы залить землю мягким, мирным светом.

На развалинах стены, будто на посту, одиноко, устало стоял Тонгор и держал в руке меч, который уже больше не сверкал. В спокойной тишине ночи северянин негромко пропел последние строки древней песни:

По алому небу разносился гром;
Воинственные девы летели на крыльях бури
И уносили с собой душу Тунгарта
В чертоги Отца Горма.
Тогда и кончился век Драконов,
Когда моря сделались красными.
Хотя цена была высока —
Награда была огромной,
И начался Век людей...

Затем Тонгор спустился с осыпавшейся стены и прошел по заваленному обломками двору к расколотому алтарному диску. И острый клинок волшебного меча перерубил звенья и цепи, пленники были свободны, и Сумия наконец почувствовала, как сильные нежные руки Тонгора обняли ее, осторожно приподняли и прижали к широкой груди против сердца.

— Ты не погиб, — проговорила она, и Тонгор помотал головой, отчего буйная черная грива упала на бронзовые плечи.

— Нет, Сумия, я живой, — сказал он тихо. И его золотые глаза посмотрели в глаза девушки, мерцавшие, словно темные звезды.

Больше она ничего не сказала, так как ее охватила слабость, но губы дрогнули в слабой улыбке... и она погрузилась в темноту глубоко исцеляющего сна, находясь в объятии могучих рук валькара.

И начался Век людей...

Эпилог

«Немедис» завис в нескольких футах над землей перед входом в подземный замок Шарайты Великого. Стоя рядом с трапом, Карм Карвус из Тсаргола, царица Патанги Сумия и Тонгор-валькар прощались

со старым колдуном, перед тем как полететь дальше навстречу приключениям.

— Поскольку ты не хочешь брать ни платы, ни вознаграждения за время, проведенное у меня на службе, Тонгор, прими от друга этот скромный подарок, — сказал Шарайта, вкладывая в руку Тонгора небольшой сверток. Валькар с любопытством посмотрел на подарок.

— Это безделица, золотой браслет, символ наших совместных приключений. Но все же держи его при себе, ибо однажды он может пригодиться.

Тонгор кивнул и засунул сверток в походную сумку.

— Настало время прощаться, — произнес Тонгор. Две недели, после возвращения с Драконовых островов, трое искателей приключений гостили у Лемурийского колдуна в подземном дворце. Здесь они отсыпались, отдыхали и пировали. Шарайта демонстрировал свои чудеса, и друзья беседовали по вечерам, обсуждая свои приключения и опасности, которые им удалось преодолеть. Тонгор снова и снова рассказывал о том, как волны поместили Немедийский меч у выхода из пещеры так, что он тут же попался ему на глаза, и Шарайта вполне серьезно заявил, что это действие богов... вероятно, самого Отца Горма, поскольку ничто, кроме действия богов, не могло пробудить спящие силы меча в руках Тонгора там, на стене замка, так как Тонгор не знал рун и магических слов, которыми колдун намеревался привести в действие волшебный клинок.

— Боги благоволили нашему предприятию, и я чувствую своими старыми костями, Тонгор, что они будут хранить тебя.

Тонгор улыбнулся, выражая здоровый скептицизм варвара, но ничего не сказал.

Однако валькар не был создан для праздности, и через несколько дней ему уже не терпелось

отправиться вновь на поиски приключений. Друзья все чаще и чаще замечали, что он теребит рукоять своего любимого меча, который Карм Карвус сохранил для него. Так что наконец настало время прощания.

— Забирай летучий корабль, он твой, — сказал колдун. — Я оставляю себе Немедийский меч, так как в нем все еще дремлют огромные силы и в руках неосторожного или жадного — если попадет в такие руки — он может сотворить ужасное среди людей. Здесь он будет надежно сохранен, так как я вижу в дымке будущего времени, когда снова потребуются его силы. Когда этот далекий час настанет, либо тебе, либо твоим детям или далеким потомкам — через тысячу лет после нас — понадобится этот меч, чтобы встать против Сил Тьмы, и тогда вы возьмете этот меч из моих рук.

Друзья кивали, не совсем понимая, о чем идет речь, а Тонгор нетерпеливо топтался, желая поскорее тронуться в путь.

— Прощай, князь Карвуса. Куда ты отправишься? — спросил Шарайта.

Тсарголиец поклонился:

— Я, не имеющий дома, пойду за Тонгором, поскольку знаю: там, где он, не будет недостатка в драках.

Они рассмеялись, и Шарайта обратился к царице Патанги:

— Прощай, царица. А какую дорогу изберешь ты?

Она улыбнулась и едва заметно пожала плечами:

— Так как я тоже не имею дома, то и я пойду за Тонгором. Поскольку там, где мой храбрый воин, там и мой дом. — И ее веселый взгляд встретился со взглядом золотистых глаз варвара.

Затем Шарайта обратился к валькару:

— И ты прощай, Тонгор. Куда ты решил направиться?

Валькар оскалил зубы в боевой улыбке, которую друзья столько раз видели, когда он смеялся в лицо опасности. Он вынул свой меч и поцеловал клинок, приветствуя Сумию.

— Я? Я, колдун, конечно, вернусь в Патангу, где подлый друид оскверняет трон моей царицы, и отвоюю для нее трон, — да и место для себя рядом с ней! — если только моя правая рука и мой северный меч не потеряли силы.

И после этих слов они взошли на «Немедис»; Тонгор перенес Сумию через низкое ограждение, а сам запрыгнул на палубу одним прыжком. Колдун вернулся в пещеру, а воздушный корабль взлетел, освещенный утренним светом, описал круг и понесся над джунглями Куша в сторону Патанги, Города Огня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

... В эту бурную эпоху завоеваний и колдовства, когда дела решали яд и кинжал, когда властолюбию и алчности Сарка противостояла кровожадность Друида, а наградой победителю должен был стать трон Лемурии... явился человек, великий скиталец, пришедший из диких северных пустошей. Люди называли его Тонгором из клана валькаров. Он обладал железным телом закаленного воина и душой варвара, презирающего опасность...

Летописи Лемурии

Ужасный ураган бушевал над непроходимыми джунглями древней Лемурии. Багровые вспышки молний озаряли потрясающую картину гонимых ветром туч и низвергавшихся с неба потоков воды. Летящая стена дождя прижимала к земле деревья, а ветер завывал так, что казалось: над лесом, корчась в немыслимых муках, носятся демоны.

В тысяче футах над джунглями сражалась с разбушевавшейся стихией маленькая летающая лодка. Ее тонкая обшивка вибрировала под натиском бури, суденышко рыскало из стороны в сторону, словно подхваченный ветром листок.. Двигатель тщетно силился противостоять злобной мощи бури, внезапно разразившейся над погруженной во тьму Лемурией, и теперь только уникальные свойства урилиума, из которого был изготовлен корпус летучей лодки, спасали людей от неминуемой гибели, поджидавшей их в истерзанных ураганом джунглях.

В крохотной кабине находились три человека. Они не сводили глаз с прибора, сообщавшего о направлении полета. Один из них был красивый

худощавый юноша с гладкими темными волосами и прищуренными вдумчивыми глазами. Его офицерский мундир поблескивал драгоценностями. Карм Карвус — так звали этого аристократа, изгнанного из Тсаргола, приморского города, расположенного далеко на юге, — изо всех сил старался удержать заданный курс и казался окаменевшим от напряжения.

За Кармом Карвусом стояла грациозная девушка, приятное, но смертельно бледное лицо которой обрамляла спутанная копна блестящих черных волос, в беспорядке рассыпавшихся по обнаженным плечам. Огромные глаза ее, мерцавшие подобно черным бриллиантам, с ужасом следили за стрелкой, безумно метавшейся под стеклянным колпачком. Достоинство, ощущавшееся в каждом движении девушки, и великолепное тело, проглядывавшее сквозь рваную одежду, покрытую грязью, но сделанную из отличной ткани, свидетельствовали о ее высоком положении, молодости и отменном здоровье. Принцесса Сумия из Патанги тоже была изгнанницей. Жадность и коварство сумасшедшего жреца лишили ее трона.

Рядом, положив сильную руку на белые трепещущие плечи принцессы, чтобы ободрить ее и помочь удержаться на ногах в сотрясаемой страшными ударами ветра кабине, стоял великан-варвар — Тонгор из клана валькаров. Ему уже приходилось вызывать девушку из тысячи передраг, и теперь он вез принцессу в Патангу, собираясь возвести ее на престол предков.

Этот бронзовокожий человек напоминал могучего льва или свирепого бога. Всю одежду его составляли лоскут кожи на чреслах и ременная перевязь для меча, какие носят наемники. Суровое, непроницаемое лицо его дышало мужеством и благородством. Грубые и густые черные волосы, перехваченные на

лбу кожаным ремешком, достигали широких плеч. У бедра висел в потертых ножнах длинный валькарский меч, а спину прикрывал алый плащ, скрепленный у горла узкой золотой цепью. Его губы были плотно сжаты, но в странных золотистых глазах не проглядывало и тени страха, когда он смотрел на безнадежные попытки Карма Карвуса справиться с управлением летучей лодки.

— Все без толку!.. — сдался наконец тот. — При таком ветре я не могу удержать «Немедис» на курсе. С каждой секундой нас относит все дальше и дальше от цели!

Тонкая металлическая обшивка вибрировала и содрогалась под ударами бури, летучая лодка окончательно сделалась игрушкой во власти разбушевавшейся стихии. Тонгор посоветовал Карму Карвусу выключить двигатель и помог принцессе Сумии и тсарголийцу на всякий случай пристегнуться ремнями, укрепленными по стенам кабины.

— Спасибо урилиуму, не то давно бы грохнулись в джунгли, — сказал валькар. — Ладно, переждем бурю и ляжем на курс, когда ветер успокоится. — Он в свою очередь застегнул на себе ремни, хотя дикая пляска потерявшей управление летучей лодки его мало беспокоила.

Несколькими часами позже небо озарила особенно сильная вспышка темно-алой молнии, явив людям удивительное и ужасающее зрелище. Плотные черные штормовые тучи, подгоняемые яростными порывами урагана, клубились вокруг поврежденной лодки и тащили ее за собой. Джунгли, расстилавшиеся под днищем «Немедиса», сменились мокрыми полями и лугами.

— Должно быть, мы находимся где-то над Ковией, — предположил Тонгор.

— Или над Птартой, — добавил Карм Карвус. — Во всяком случае мы в сотнях ворнов от Патанги.

Плотный слой туч вновь закрыл им обзор, летающая лодка неслась вперед сквозь крошечный мрак. Заметив, что Сумия дрожит от холода, Тонгор сорвал с плеч алый плащ и укутал им девушку.

— Все будет хорошо, моя принцесса, — проговорил он негромко. — Очень скоро ураган исчерпает свои силы и утихнет. В полночь мы будем у тебя дома, в Патанге.

Девушка улыбнулась Тонгору, но вскоре темные ресницы опустились ей на глаза, и она задремала. Карм Карвус тоже начал клевать носом, и лишь валькар остался по-прежнему начеку.

При вспышках молний он вновь и вновь вглядывался в проплывавшую под ними землю, но в очередном разрыве туч вместо лесов и полей южной Ковии его глазам предстала водная равнина, отливавшая тусклым свинцом. Ого! Похоже, их несло уже над заливом Патанги, громадный клин которого врезался в континент, деля его на две части. Оставалось надеяться, что буря не успела еще унести их слишком далеко на юг и это не Яхенгзеб-Чун, не Южное море!..

Ураган бушевал уже более пяти часов, и силу ветра трудно было оценить даже приблизительно. Возможно, их уже отнесло к морю, и если это так, то с каждым мгновением они все дальше и дальше улетают от континента. Чего доброго, к исходу бури они вконец затеряются в бескрайних просторах Великого океана, которые не отваживались бороздить ни моряки, ни рыбаки. Они не знали магнитного компаса, да и встреча вдалеке от земли с такими монстрами, как ларсы — гигантские злобные драконы Лемурийских морей, была сущим самоубийством... Могучий варвар стиснул зубы в мрачном раздумье, решив, что до поры до времени не следует делиться своими опасениями со сморенными усталостью товарищами.

Неожиданно за бортом снова полыхнуло злое красным огнем. Мгновением позже чудовищный раскат грома сотряс небеса. Вырвавшаяся из штормовых туч алая молния, змеясь, пробежала по небу и вонзилась в многострадальную лодку. Каждый нерв, каждый мускул Тонгора свела жесточайшая боль, и миг этот показался ему вечностью. Лодка вспыхнула и замерцала в дрожащем ореоле желтого пламени. Длинные зигзагообразные всполохи с треском пробегали по обшивке и, отражаясь от сияющего металла, уносились прочь.

Сумия отчаянно вскрикнула, Карм Карвус взвыл от боли, и даже Тонгор взревел не своим голосом, но все закончилось так же внезапно, как и началось. Онемевшие и полупарализованные пассажиры летающей лодки остались сидеть в креслах — от превращения в тлеющие угли их спасло то, что судно пребывало в полете. Удар в него молния, когда оно находилось на земле, — на месте людей остались бы почерневшие, обгорелые трупы.

Кое-как проморгавшись и установив, что друзья его не ранены и приходят в себя, Тонгор сосредоточил свое внимание на состоянии летающей лодки. Ее блестящий металлический корпус почернел, там где его коснулась плеть молнии, но серьезных повреждений валькар не обнаружил. Воздух в кабине пах озоном и слегка пощипывал ноздри. Тонгор отстегнул ремни и выбрался на палубу. Он тут же попал в ледяные потоки дождя, ветер попытался сбросить его с летающей лодки, но не смог совладать с мускулами варвара, мертвой хваткой вцепившегося в поручни, ограждавшие открытую палубу.

Предчувствия Тонгора оправдались: «Немедис» терял высоту. Сквозь прерывистые тучи уже можно было различить внизу холодный блеск воды, которая приближалась по мере снижения летающей лодки. Тонгор вернулся в кабину и вкратце пове-

дал выжидательно смотревшим на него друзьям, что дело плохо.

— Когда волшебник Шарайта чинил эту летающую лодку, он кое-что рассказал мне про урилиум. Оолим Фон, алхимик из Турдуса, создавший его, говорил, что металл этот теряет способность к левитации, если угодит под сильный электрический разряд... вроде молнии, — закончил он.

— Теряет... насовсем? — спросила Сумия.

Тонгор пожал плечами:

— Трудно сказать. Возможно, обшивка восстановит свои свойства и «Немедис» будет снова парить над землей. Но пока мы снижаемся, хотя и не слишком быстро. До воды осталось футов семьсот...

— Пока живем, будем надеяться! — решительно проговорил Карм Карвус. — Помолимся Богу, и, быть может, левитационные свойства вернутся к урилиуму прежде, чем наша лодка уйдет под воду. Нам не остается ничего другого, как ждать и надеяться на лучшее.

Буря начала стихать, словно убедившись, что успешно справилась со своим делом. Дождь становился реже с каждым мгновением, молнии сверкали уже не так часто. Ветер, однако, дул с прежней силой и продолжал швырять лодку из стороны в сторону.

Прошло совсем немного времени, и она оказалась значительно ниже облаков, а вскоре ее отделяла от поверхности моря всего сотня ярдов. Шторм превратил длинные пологие волны в гигантские черные валы, и даже неустрашимый Тонгор ощутил при виде их ужас. Гибель казалась неминуемой, летающая лодка опускалась прямо в чудовищный водоворот, в хаос из бурлящей воды и пены.

С каждым мгновением «Немедис» снижался все быстрее, безуспешно сопротивляясь тянущей его в бездну силе притяжения. Левитационные свойства урилиума почти полностью исчезли.

— Мне кажется, ветер слабеет, и, если волны станут поменьше, у нас появится шанс удержаться на плаву, — промолвила Сумия с надеждой, но Тонгор с сомнением покачал головой.

Путешественников, однако, подстерегала не только ярость разбушевавшихся стихий. Огромная скользкая голова мелькнула среди черных волн, злобные, холодные, сверкающие жадным голодным блеском глаза уставились на летающую лодку.

— Горм! — тихо выдохнул Тонгор имя своего бога.

— Что это?! — в ужасе вскрикнула принцесса, бессознательно подаваясь поближе к валькару.

— Это ларс! — промолвил Карм Карвус.

Голова ларса была почти такого же размера, как летающая лодка. Тупорылую, похожую на змеиную морду покрывала крупная чешуя и венчал тускло посверкивавший серповидный рог. Уродливое тело монстра было столь огромно, что, по-видимому, единственным его занятием в жизни было набивать ненасытную, бездонную утробу. С медленно планирующей лодки было отчетливо видно, как алчно сверкают черные глаза ларса, жадно вытягивавшего из бурных вод свою громадную голову, расположенную на длинной, мерзко извивающейся шее. Чудовищная пасть раскрылась в предвкушении добычи, обнажив провал глотки и ядовитые шестифутовые клыки из превосходнейшей прочностью сталь кости, загнутые на манер кривых восточных сабель.

— Как нам сражаться с ним? — спросил потрясенный видом ларса Карм Карвус.

Тонгор с лязгом извлек из ножен свой длинный меч.

— Во всяком случае мы можем попробовать сделать это, — проворчал он. — Умереть никогда не поздно. — Валькарский меченосец вызывающе расхохотался и, открыв люк, выбрался на открытую

палубу, зависшую прямо над оскаленной пастью ларса.

Очередной порыв ветра подхватил находившийся в двадцати футах над ревущими волнами «Немедис» и швырнул вперед, оставив изумленного морского монстра далеко позади. Крошечный мозг ларса работал медленно и особой изворотливостью не отличался, но вид ускользающей добычи заставил его забыть о ее непривычном облике и пуститься в погоню. Морда ларса резала волны, подобно носу дикиннинского корабля, а гигантские лапы вспенивали воду с непостижимой силой и быстротой.

Лодка между тем продолжала снижаться, и наконец настал момент, когда верхушки самых высоких волн стали ударяться о ее днище. Вода начала просачиваться в кабину, обшивка жалобно скрипела, хотя порывы ветра заметно ослабели и багровые молнии все реже вспыхивали среди плотных темных туч.

Вцепившись левой рукой в поручни, Тонгор сжал в правой грозно блестящий длинный меч. Карм Карвус, вооружившись узкой тсарголийской саблей, встал рядом с другом. Тонгор воспринял это как должное, но при виде выбравшейся на открытую палубу принцессы нахмурился и посоветовал ей вернуться в кабину.

— Ни за что! — гордо вскинула голову девушка. — Если уж нам суждено погибнуть, то я предпочитаю встретить смерть рядом со своим любимым!

Тонгор склонился к принцессе и поцеловал ее. Белые руки девушки обвились вокруг могучей шеи варвара, и тот почувствовал небывалый прилив сил, вызванный прикосновением к нему ее грациозного тела. В следующее мгновение Тонгор высвободился из объятий принцессы, втолкнул ее в каюту и защелкнул замок двери.

Это было сделано в тот самый момент, когда чудовищная голова ларса нависла над летающей

лодкой. Совсем рядом блеснули ужасные черные глаза монстра, горевшие жадной убийства, пасть раскрылась, обнажив покрытые грязным налетом зубы, и тут «Немедис» с грохотом ударился о воду. Темные волны захлестнули палубу, увлекая Тонгора в бездну. Последнее, что он услышал, прежде чем погрузиться в воду, был крик Сумии, свидетельствовавший о том, что ларс атаковал лодку.

СХВАТКА ДРАКОНОВ

Расколоты молнией небеса!
Ветер и волны режут на просторе,
Лодка летучая брошена в море,
Где жертву ищут драконы глаза...

Сага о Тонгоре. Песнь 9

Любой человек, упав в черные бурлящие воды перед носом лемурийского дракона, ударился бы в панику и выпустил меч из рук. Но только не Тонгор! Сжав клинок зубами, он освободил таким образом руки и вынырнул из сомкнувшихся над ним темных вод на поверхность. Откинул застилавшие глаза волосы и огляделся по сторонам с гребня волны.

Полузатонувшая лодка болталась на волнах в нескольких футах от него. Сумия съежилась в кабине, прижав руки ко рту, а Карм Карвус, яростно вскрикивая, рубил саблей голову ларса, подплывшего вплотную к залитой водой палубе «Немедиса». Морской дракон уцепился гигантской лапой за ограждающий палубу поручень, однако тело его было скрыто волнами, и в освещаемой редкими вспышками молний темноте могло показаться, что на полузатонувшую лодку напал морской змей. Некоторое время змееподобная тварь с недоумением наблюдала за гибкой фигуркой,

изо всех сил старавшейся дотянуться до нее своей стальной иголкой. Затем зубастая пасть ларса распахнулась, и из глотки его раздалось злобное рычание.

Тонгор видел, что удары Карма Карвуса становятся все более неуверенными. Скользящая, уходящая из-под ног палуба отвлекала его внимание, намокшая одежда и облепившая тело кольчуга сковывали и замедляли движения, а легкая сабля была неспособна причинить ларсу ни малейшего вреда. Исход неравной схватки был предрешен, и валькар поспешил на помощь другу. Его сильные плечи стремительно рассекали ледяные волны, и, сделав дюжину мощных гребков, он, уцепившись одной рукой за обшивку, выбрался на палубу полузатопленной лодки.

Схватив все еще зажатый в зубах меч в правую руку, Тонгор издал пронзительный крик идущих в бой валькарских воинов и бросился на подмогу Карму Карвусу, продолжавшему безуспешно атаковать морского дракона, изумленного столь странным поведением. Крохотный мозг ларса был в затруднении: ему еще не доводилось сталкиваться с существами, которые не только не бросались бы в бегство при его приближении, но даже пытались нападать на него сами. Разумеется, монстр не был испуган, он не знал, что такое страх, и все же поведение людей его чрезвычайно озадачило.

Воспользовавшись этим, Тонгор ринулся к поручню, на котором лежала гигантская когтистая лапа дракона, и, утвердившись на вздрагивавшей, ходившей ходуном палубе, со свистом опустил тяжелый меч, вложив в этот удар все свои недюжинные силы. Мускулы его могучих плеч и широкой груди взбугрились, напряглись, как туго натянутые канаты, готовые, казалось, вот-вот лопнуть от невероятного напряжения, и отточенное

лезвие обрушилось на запястье ларса, толщиной напоминавшее небольшую бочку. Движимый силой железных мускулов Тонгора, широкий клинок рассек костяные пластинки чешуи, жесткие мышцы и холодное мясо рептилии, как щепки перерубил кости, и правая лапа дракона упала на палубу.

Вздыбившись от боли, ларс оглушительно взревел. Отрубленная когтистая лапа, судорожно дергаясь, заплесала по палубе, в то время как из культи ударил фонтан черной крови, мгновенно перепачкавшей Тонгора с головы до пят. Карм Карвус застыл с широко открытым ртом: никогда в жизни ему не приходилось видеть столь сокрушительного удара, и сейчас он едва верил своим глазам.

Потеряв равновесие, ларс с громким всплеском соскользнул в море. Черный вал перехлестнул через летающую лодку, и та поплыла вперед, подталкиваемая волнами, вскипевшими под ударами лап монстра, который отчаянно бил ими по воде, пытаясь заглушить сводившую его с ума боль.

— Скорее к пульту управления! — крикнул Тонгор, хватая Карма Карвуса за руку. — Мы должны запустить двигатель! Если это дрянное суденышко не может лететь, то пусть хотя бы плывет к берегу!

Карм Карвус скрылся в кабине, а Тонгор обернулся к морскому монстру, в глазах которого читался смертный приговор ничтожным букашкам, сумевшим причинить ему столь ужасную боль.

Воин застыл на краю палубы с обнаженным мечом. Он сознавал, что у них почти нет шансов уцелеть в битве с такой громадной тварью, но в лексиконе Тонгора не было слова «невозможно». До тех пор, пока в нем оставалась хоть капля крови и теплилась хоть искра жизни, он будет драться с врагом, какого бы роста и силы тот ни был.

Двигатель с жалобным визгом начал набирать обороты, и летающая лодка, содрогаясь, стала мед-

ленно удалиться от ларса. Нос судна вспенил черную воду, но скорость, которую развил «Немедис», нельзя было и сравнивать с быстротой дракона — истинного владыки морских пучин.

Вспышка молнии была столь же яркой, сколь оглушительным был рев устремившегося за «Немедисом» монстра. Тонгору показалось, что еще миг — и огненный коготь ее разорвет незащищенное суденышко. Он в бессильной ярости сжал челюсти, пожалев, что не может вызвать на бой того, кто мечет с небес огненные стрелы. Впрочем, когда Девы Битвы унесут его дух и он предстанет перед тронном Отца Горма, тому не в чем будет упрекнуть воина, чей меч не часто отдыхал в ножнах... Но нет, огненная смерть и на сей раз миновала их, а с ларсом они еще померятся силами.

Хотя погодите-ка, а это еще что?.. Громоподобный рев разнесся над морем! И кричал это явно не раненый монстр, вынырнувший близ летающей лодки. В нескольких сотнях футов из воды появился еще один морской дракон! По-видимому, новый ларс, слышав вопли раненого собрата, решил отнять у него добычу. Тонгор задержал дыхание. Один жаждущий их крови ларс — уже неплохо, но два!..

Услышав жуткий рык нового морского дракона, раненый монстр, забыв о лодке, стремительно развернулся и поплыл ему навстречу. Несмотря на увечье, он готов был сражаться с чужаком за право охотиться в этих водах и, дабы подтвердить это, в свой черед издал гневный вопль, вызывая сородича на бой. Вытягивая шеи и оглушительно рыча, ужасные твари двигались навстречу друг другу.

Тонгор вернулся в кабину и сразу попал в объятия поджидавшей его Сумии.

— Я думала, ты погибнешь в этих ужасных волнах! — взволнованно прошептала девушка.

Валькар поцеловал ее и со смехом ответил:

— Клянусь Гормом, принцесса, купание пошло мне только на пользу! А чтобы доконать меня, нужен кто-то посерьезнее этой милой зверюшки! — Он подошел к Карму Карвусу и хлопнул его по спине: — Дружище, постарайся выжать из этой посуды все, что возможно! Вряд ли этим тварям понадобится много времени, чтобы выяснить отношения, и к тому моменту, когда победитель вспомнит об упущенной добыче, нам надо успеть убраться отсюда как можно дальше.

Наблюдавшая за морем Сумия стиснула руку Тонгора:

— Смотри, они встретились!

Драконы столкнулись с глухим стуком, лапы их молотили и царапали друг друга, хвосты взбивали клокочущую, побелевшую от пены воду.

Поднятая схваткой чудовищ волна, подхватив лодку, швырнула ее на добрую сотню ярдов вперед. Соскользнув с гребня волны, «Немедис» на мгновение завис в воздухе, а затем ходовые винты с новой силой врезались в воду. Следивший за приборами Карм Карвус отметил, что двигатели наращивают обороты.

Тонгор между тем не сводил глаз с морских гигантов. Жизнь его была богата всевозможными приключениями, но до сих пор ничего подобного видеть ему не доводилось. Вспышки алых молний придавали разыгравшейся на его глазах сцене что-то демоническое. Наполовину поднявшиеся из бушующего моря, драконы сражались с неистовой яростью. Их лапы взлетали и падали, подобно огромным шипастым булавам, нанося глубокие, обильно кровоточащие раны. Рога, словно тараны, вонзались в тела противников, ужасные когти разрывали грудь и живот, челюсти с ядовитыми изогнутыми зубами смыкались на змееподобных шеях.

Гиганты вздымали стены воды, обрушивали друг на друга каскады кипящей пены. Пронзительные зловещие крики их перемежались глухими ударами сталкивающихся тел. Едва ли кто-нибудь из людей становился когда-либо свидетелем столь жуткого поединка.

Со временем, однако, стало ясно, что исход этого боя решит удар, нанесенный мечом Тонгора первому монстру. Изувеченному валькаром ларсу явно недоставало отрубленной лапы — вместе с хлещущей из раны кровью уходили и его силы. Движения дракона замедлились, утратили точность. Он перешел к обороне, но и тут ему все с меньшей и меньшей легкостью удавалось сдерживать натиск неугомонного пришельца. И вот наконец настал момент, когда раненый ларс не смог избежать очередного броска соперника. Мощные челюсти, словно створки капкана, сомкнулись на его горле. Послышался громкий хруст, но даже и после этого изувеченный ларс продолжал бой. На мгновение ярость и боль, казалось, умножили его силы, он рванулся, силясь вывернуться из сжимавших его, будто тиски, челюстей собрата, но попытка эта не увенчалась успехом. Тонгор видел, как плотнее и плотнее сжимаются челюсти победителя, как глубже и глубже погружает он свои саблевидные когти в тело побежденного.

Пасть раненого монстра беспомощно распахивалась и захлопывалась, не причиняя противнику ни малейшего вреда. Из нее вырывались слабые, прерывистые хрипы, на губах пузырилась кровавая пена. Он дернулся в последний раз, и лапы его в предсмертном рывке вспороли чешуйчатое брюхо врага. Мышцы умирающего продолжали судорожно сокращаться, когти раздирали шкуру соперника на кровавые ленты, но тот не размыкал челюстей. Вероятно, он даже не понял, что тоже проиграл

эту схватку, пока огромный хвост бывшего повелителя здешних вод не обвил его тяжкими тугими кольцами.

Ошеломленные путешественники не сводили глаз с драконов, которые, намертво сплетаясь телами, начали медленно погружаться в бездну. После того как гиганты исчезли в морской пучине, к поверхности еще некоторое время пробивались цепочки пузырей и сгустки кровавой пены, но победитель так и не появился. Умиравший владыка здешних вод сумел отомстить за себя, хотя нельзя было исключить, что соперник его, сумев высвободиться из цепенеющих объятий мертвеца, задержался в морских глубинах, дабы насладиться плодами своей победы. Как бы то ни было, чудовища больше не представляли опасности для «Немедиса» и его пассажиров.

Опустившись на откидную койку, потрясенная Сумия разразилась рыданиями, и, чтобы привести принцессу в чувство, Тонгор поднес ей вина.

— Женщины — удивительные создания! Только они способны рыдать и биться в истерику, когда опасность уже миновала! — произнес он.

Глядя на недоумевающего северянина, Сумия улыбнулась и прикрыла глаза.

— Лодка идет хорошо, — сообщил Карм Карвус. — И все же я бы дорого дал, чтобы узнать, где мы находимся. Не поручусь, что с каждым мгновением мы все больше не удаляемся от берега. Если же нас унесет в открытое море...

— Когда тучи разойдутся, я смогу сориентироваться по звездам, а пока держись выбранного направления, — посоветовал Тонгор. — Если лодка восстановит хотя бы часть своих прежних свойств, мы определим наше местоположение по приборам — тучи для них не помеха. Но в ожидании этого мы должны сами позаботиться о себе.

— Путешествовать с тобой представляется мне делом бесприбыльным, — рассмеялся Карм Карвус. — Если мы выживем, расскажам нашим никто не поверит и вряд ли сыщется поэт, который сложит песнь о пережитых нами приключениях.

— Пусть сочиняют песни о чем хотят, — проворчал Тонгор. — Что касается меня, то сейчас я предпочту песням кое-что иное... — Он поднял лежащую в углу каюты кожаную котомку, из которой прежде достал флягу с вином для Сумии, и принялся изучать ее содержимое.

— Что ты там ищешь? — поинтересовался Карм Карвус.

— Жратву! — провозгласил Тонгор, и белозубая улыбка, подобно вспышке молнии, озарила его бронзовое лицо. — Слава Отцу Горму, наш друг волшебник уговорил меня взять с собой вот это. — Он торжествующе встряхнул котомку. — Не думал я, что подарок его нам пригодится, но сейчас он придется как нельзя более кстати.

Карм Карвус осуждающе покачал головой:

— Не могу понять, глупец ты или герой? Как можешь ты думать о еде, когда жизнь наша висит на волоске?

— Не надо крайностей. Я всего лишь мужчина, привыкший утолять голод вне зависимости от обстановки. Ну-ка... Вот тебе кусок вяленого мяса, фиги, финики — настоящий восточный десерт! Вино, сушеные фрукты из Таракуса и даже черный хлеб из Пелорма...

Решив не будить принцессу, они наскоро перекусили, после чего Карм Карвус, завернувшись в плащ, опустился на вторую койку. Тонгор вытянулся в кресле пилота и тоже задремал. Он намеревался время от времени поглядывать, не расчистилось ли небо, но бессонная ночь и столкновение с морским драконом истощили даже его неисчерпаемые, каза-

лось бы, силы. С мыслью о том, что рано или поздно погода переменится, он и уснул, уронив голову на могучую грудь.

А бесшумно работающие двигатели продолжали гнать лодку по бескрайним морским просторам. Небо постепенно светлело, и вот уже восточный его край окрасился рассветным румянцем. На горизонте появилась темная линия, которая увеличивалась по мере приближения к ней быстро скользящего по волнам «Немедиса» и вскоре превратилась в полосу берега, густо заросшего темно-зелеными джунглями.

Но был ли это берег Птарты, Ковии или даже Куша? Или это была неизвестная земля, лежавшая в неведомых северных водах? Двигатели лодки продолжали работать, сокращая расстояние, отделявшее ее от суши.

Сон Тонгора был прерван скрежетом днища лодки о песок. Валькар вскочил на ноги, и крик его разбудил спящих товарищей, острота чувств которых была несколько притуплена городской жизнью.

— Земля! Ночной мрак и подстерегавшие нас в неизвестных водах опасности остались позади. На чужом берегу нас тоже, вероятно, поджидают сюрпризы, но здесь мы можем хотя бы поохотиться и раздобыть свежего мяса. Карм Карвус, довольно прохладиться, вставай и помоги мне вытащить лодку на сушу!

Тонгор не знал, что существо, затаившееся в растущей по краю джунглей густой траве, тоже жаждало горячего, сочащегося кровью мяса. Лохматая тварь, обладавшая странной и отталкивающей внешностью, не сводила красных глаз с мужчин, вылезших из металлической лодки и принявшихся вытаскивать ее на берег. Некоторое время существо пристально наблюдало за действиями не-

знакомцев, потом ослабло в жестокой ухмылке, предвкушая грядущее пиршество, и исчезло в джунглях.

ДЕРЕВЬЯ-ЛЮДОЕДЫ

Тьму леса взгляд зеленых глаз пронзит!
Стрела отравленная жертву поразит!
И стоит бдительность на миг утратить вам,
Как ваша плоть послужит пищей нам!

Песня звероловов

Вытащив лодку на берег, путешественники убедились, что урилиум, из которого был изготовлен ее корпус, все еще не восстановил свои левитационные свойства, утраченные им после удара молнии. Тем не менее Тонгор и Карм Карвус спрятали ее под густой листвой и для большей надежности привязали к дереву канатом, сплетенным из срезанных поблизости виноградных лоз.

Сумия развела маленький костер из сухих веток и трав, собранных Кармом Карвусом на краю джунглей. Тонгор, вооружившись крепким луком, собрался отправиться на охоту.

— Полагаю, мне следует пойти с тобой, — обратился к нему Карм Карвус, но валькар отрицательно покачал головой, увенчанной гривой черных волос:

— Ни к чему, охотиться я предпочитаю в одиночку. Оставайся с принцессой и присмотри за ней. Я вернусь через час.

— А если не вернешься? Вдруг что-нибудь случится, ты же совсем не знаешь этих мест? — спросила Сумия, глядя на Тонгора огромными сверкающими глазами. Он улыбнулся и ободряюще дотронулся до ее белой руки своими сильными пальцами.

— Я вернусь, — пообещал валькар и, не произнеся больше ни слова, бесшумно скрылся в джунглях.

Сделав несколько десятков шагов, он очутился в совершенно ином мире. Яркий солнечный свет сменился таинственными сумерками, сквозь них лишь изредка прорывались отдельные золотые лучи, которым удалось найти щелку в тяжелом изумрудном пологие, образованном густой листвой.

Алые и пурпурные стволы деревьев вырастали из темно-зеленого сумрака, словно колонны грандиозного храма. Прекрасные цветы сияли, как драгоценные камни. Дремотный лотос распространял густой аромат, способный усыпить любого неосторожно приблизившегося к нему зверя. Тиралонсы — странные зеленые розы древней Лемурии нежно светились среди глянцевиных листьев, края которых были усеяны ядовитыми колючками. Виноградные лозы, украшенные красными, оранжевыми и бледно-желтыми гроздьями ягод, причудливыми сетями оплетали деревья и кусты.

Тонгор двигался между тесно стоящими, массивными деревьями спокойно и уверенно, как король, обходящий свои владения, как вандар — черный лев, гроза здешних джунглей. Длинный меч в ножнах из черной кожи он закинул за спину, чтобы тот не мешал пробираться сквозь кусты, а лук держал в левой руке, готовый в любой миг выпустить из него длинную смертоносную стрелу.

Валькару мало что было известно о северных джунглях, но и того, что он знал, хватало, чтобы понимать: опасности подстерегают его здесь на каждом шагу. В этом мире зеленого полумрака царствовала фос — летучая мышь-вампир алого цвета, чьи коготки были напоены страшным ядом, от которого не было спасения. Эти джунгли принадлежали также офе — огромной змее, покрытой блед-

ной чешуей. Хребет ее был украшен остроконечным гребнем, а мускулы обладали чудовищной силой. Кости человека, сдавленного кольцами офы, начинали трещать так же быстро, как скорлупа лесного ореха, зажатого между пальцами. Однако истинным повелителем этой земли, самым могущественным существом Лемурийского континента, был ужасный деодас — свирепый драконокот. Он имел три головы и считался если не бессмертным, то во всяком случае неуязвимым. Тонгор слышал, что даже огромный дварк, водящийся в джунглях Куша и достигавший тысячу шагов в длину, боялся непобедимого деодаса.

Впрочем, валькар пришел сюда за дичью, а не за трофеями. В джунглях была масса плодов, любимых газелями и злобными зульфарами — лемурийскими кабанами, из окорока которых получалось великолепное жаркое. Охотник облизнулся при мысли о кабаньей туше, медленно поворачивающейся на вертеле, укрепленном над костром, который развела Сумия на берегу моря.

Несколько погодя Тонгор набрел на звериную тропу, которая, вероятно, вела к какому-то водоему. Обнаружив ее, он взобрался на одно из деревьев с алой корой и дальше стал с большой осторожностью передвигаться по ветвям, образовавшим верхний ярус джунглей.

Вокруг озерца, к которому привела Тонгора тропа, было множество следов фондлов. Перебравшись на огромное дерево, ветви которого нависали над водой, он увидел и самих пришедших на водопой серых газелей. В то время как три упитанные самки утоляли жажду, огромный самец, чья гордая голова была увенчана короной из великолепных рогов, стоял на страже. Пока чуткие ноздри его не обнаружили охотника, Тонгор, облюбовав самую толстую самку, прицелился и спустил тетиву. Длин-

ная стрела пронзила сердце газели, уложив ее на повал. Остальные фондлы убежали еще прежде, чем северянин прыгнул с дерева, чтобы завладеть добычей.

Тонгор опустился на одно колено, намереваясь вынуть стрелу, но сделать этого не успел. Кусты перед ним раздвинулись, и он встретился взглядом с горящими глазами громадного черного льва. Вандар был голоден: всю ночь он бродил по джунглям, выслеживая дичь, и только теперь учуял запах свежего мяса и горячей крови. Смерив голодным взглядом человека, стоявшего между ним и тушей жирной газели, лев яростно хлестнул себя по боком хвостом и прыгнул вперед.

Обнажив меч, Тонгор вскочил с земли, готовясь достойно встретить незваного гостя, но в этот момент брошенная из-за кустов дубинка обрушилась на его затылок. Последнее, что он увидел, проваливаясь во тьму, были блестящие когти вандара, готовые вонзиться в горло...

Сумия и Карм Карвус расположились у костра, чтобы высушить одежду и согреться, — дувший со стороны моря холодный ветер пробирал их до костей. Взошедшее над Лемурией солнце ползло в зенит, близился полдень, а Тонгор все еще не возвращался. Назначенный им срок миновал уже трижды, но от него не было никаких вестей. Сумия не находила себе места от беспокойства и в который уже раз предлагала отправиться на поиски северянина, однако Карм Карвус оставался непреклонен:

— Моя принцесса, я бы с удовольствием пошел в джунгли за Тонгором. Но коль скоро он решил, что мы должны дожидаться его тут, то так и следует сделать. Он лучше нас приспособлен к такой жизни, и ему, я полагаю, виднее, как надобно поступать.

— Что-то нарушило его планы! Он давно должен был вернуться. Я чувствую, я знаю — он попал в беду!

— Возможно, и все же нам не стоит идти в джунгли. Я обещал ему оставаться здесь и не спускать с тебя глаз, так позволь мне сдержать слово.

Заявление это окончательно вывело Сумию из себя. Она вовсе не была избалованным ребенком, порождением клонящейся к закату культуры, — племя ее совсем недавно вкусило плоды цивилизации, и под внешним лоском принцессы скрывалась натура деятельная и сильная. Возлюбленный ее был в беде: возможно, он ранен или находится на краю гибели — мысль об этом заставила Сумию забыть о собственной безопасности.

Девушка сделала выбор. С человеком, которого она любит, стряслось несчастье, и она должна спешить к нему на помощь. Сумия вскочила на ноги и оправила на себе изодранное одеяние, почти не скрывавшее ее гибкое тело цвета слоновой кости. Захватив украшенный драгоценностями кинжал, она, не глядя на Карма Карвуса, двинулась к джунглям.

— Принцесса, образумься! Ты должна дожидаться Тонгора здесь! Ведь он же сказал... — попытался тот остановить девушку, но она нетерпеливо оборвала его:

— Тонгор просил, чтобы ты оберегал меня. Но он не говорил, что я должна сидеть сложа руки, когда его, быть может, убивают, когда ему грозит неминуемая смерть! Если ты намерен помочь мне, так пойдем и попытаемся вместе отыскать его.

Карм Карвус невольно усмехнулся. Он был восхищен девушкой, страстно желавшей разыскать Тонгора и уберечь от угрожавшей ему опасности. В ее рассуждениях определенно был смысл — не век же им торчать на этом берегу! К тому же, если она твердо решила идти за своим милым, ему не остается ничего

иного, как последовать за ней. Карм Карвус перекинул через плечо тяжелый малиновый плащ валькара и, вооружившись тсарголийской саблей, последовал за принцессой.

— Ну что ж, идем, если тебе не терпится! Надеюсь, когда-нибудь и я встречу женщину, которая полюбит меня так же сильно, как ты своего северянина.

Сумия благодарно улыбнулась ему, и они вместе вступили под сень джунглей.

Некоторое время путники двигались между деревьями в полной тишине. Они не знали, куда направлялся Тонгор, но долгое ожидание начало столь сильно угнетать их, что любой путь казался им теперь предпочтительней дальнейшего пребывания на прежнем месте. С каждым шагом путешественники уходили все дальше от берега, однако направление, выбранное ими наугад, нисколько не соответствовало тому, в котором ушел валькар.

Ни Карм Карвус, ни Сумия не подозревали, что за каждым их шагом наблюдает пара внимательных глаз следующего за ними по пятам лохматого существа, вооруженного увесистой деревянной дубинкой и каменным ножом.

Пробираясь между толстыми стволами деревьев, друзья тщетно искали оставленные Тонгором следы. Карм Карвус время от времени делал на деревьях зарубки, чтобы иметь возможность отыскать дорогу назад. Сейчас он особенно остро ощутил недостаток опыта, позволявшего северянину чувствовать себя в джунглях как дома, и предпринимал все от него зависящее, чтобы не заблудиться.

Постепенно лес начал редеть, стволы деревьев — утоньшаться, и вскоре путники вышли на поляну, заросшую высокой травой. Приятно было после зеленых сумерек джунглей вновь очутиться на открытом пространстве, под ласковыми лучами солнца. Кроме высокой травы на поляне росло полдюжины

весьма необычного вида растений. Бочкообразные стволы их достигали шести футов и заканчивались восьмью свешивавшимися чуть не до земли толстыми лианами, между которыми тут и там виднелись обрывки паутины. Ничего подобного Карму Карвусу до сих пор видеть не приходилось.

— Не пора ли нам сделать привал? — спросила Сумия, прислоняясь к стволу одного из бочкообразных растений.

Карм Карвус не успел ответить. Ему показалось, что поблизости кто-то издал тихое предостерегающее восклицание, и он почувствовал легкий укол в затылок. Лицо его перекосила судорога, по телу прокатилась волна дрожи, вызвав неприятное ощущение нависшей над ними опасности. Тревожно оглядевшись по сторонам, тсарголиец не обнаружил, однако, никаких причин для беспокойства. В мирном небе не видно было даже намека на присутствие гракков — свирепых тварей, похожих на помесь ястреба с ящерицей. В окружавших поляну джунглях тоже не было заметно ни малейшего движения. Карм Карвус недоуменно пожал плечами: ничто вроде бы не движется, и все же тени от лиан, свисающих с бочкообразных растений, почему-то шевелятся.

Но ведь никакого ветра нет!

— Принцесса, осторожно! Сзади! — крикнул он, обнажая саблю.

Сумия взвизгнула. Лианы, свисавшие с ближайшего к ней растения, неожиданно оплели ее, словно щупальца ужасного кракена из Северного моря. Одна из лиан обвилась вокруг левой руки девушки, другая вокруг ее талии. Третья, не давая дышать, удавкой захлестнула горло.

Лианы напряглись, пытаясь оторвать Сумию от земли.

Издав воинственный клич, Карм Карвус принялся рубить лиану, обвивавшую руку принцессы. Его

сабля была острой, как лезвие бритвы, и хотя лиана оказалась не только жесткой, но и упругой, ему все же удалось рассечь ее в нескольких местах. Из порезов, будто кровь из ран, хлынул древесный сок.

Вновь и вновь взмахивал тсарголиец саблей, и все же результаты его атаки оставляли желать лучшего, поскольку не успел он расправиться с одной лианой, как следующая уже оплела извивающуюся в отчаянных попытках освободиться девушку. Пот заливал лицо Карма Карвуса и жег ему глаза. Растение-монстр между тем подняло принцессу и начало подтягивать к открывшемуся у основания лиан отверстию. Медленно распахнувшись, оно стало походить на разверзшую пасть, поблескивавшую похжей на слюну влагой. При этом из него исходило зловоние гниющего мяса и разлагающейся крови. Карм Карвус передвинулся, чтобы занять более удобное положение, и почувствовал, как что-то покатилося у него из-под ног. Он опустил глаза и увидел скалящийся ему из густой травы череп, поверхность которого была изъедена какой-то ядовитой кислотой.

Тсарголиец содрогнулся от страшной догадки: они столкнулись с деревьями-людоедами Ковии.

В Тсарголе и его окрестностях рассказывали ужасные истории про растущие в джунглях Ковии деревья-людоеды, и теперь Карм Карвус убедился, что слышанные им рассказы были чистой правдой. Осознав это, он пожалел, что в руках у него легкая сабля, а не всесокрушающий меч северянина, ибо встреча с деревом-людоедом могла кончиться трагически. Доведется ли ему еще раз увидеть Тонгора и как сможет он взглянуть в глаза другу, если с Сумией что-нибудь случится?

Карм Карвус расставил пошире ноги и, собрав все силы, яростно обрушил саблю на лианы, увлекающие принцессу все выше и выше. Он бил и бил,

рубил и рубил, и вот наконец тело девушки упало наземь. Клинок рассек лиану, обвившуюся вокруг шеи Сумии, принцесса глубоко вздохнула и, устремив округлившиеся от страха глаза за спину Карма Карвуса, вскрикнула:

— Обернись, взгляни назад!

Тсарголиец стремительно повернулся и увидел, что к нему тянутся щупальца-лианы соседнего дерева-людоеда. Он не успел увернуться, и одно из них захлестнуло руку с саблей, другое, опутав ногу, дернуло и повалило его на землю. Карм Карвус равнулся что было сил и почувствовал, как лианы поднимают его в воздух.

Свободной рукой он попытался отодрать от себя охватившее грудь щупальце. Молча и яростно он боролся, напрягая все силы, но другие лианы уже опутывали его живот и бедра. Смертоносные объятия их становились все крепче и крепче...

Меч выпал из сжатой лианой руки, и теперь дереву-людоеду уже ничто не мешало расправиться со своей жертвой. Карм Карвус знал, что смерть совсем рядом, уже дышит смрадом в лицо, но всплывший из глубин памяти клич Тонгора «Я жив! Я все еще жив!» заставлял его продолжать неравный бой.

ПЛЕННИКИ ЗВЕРОЛЮДОВ

Пусть у столба, судьбу кляня,
Они изведает огня!
И пламя алого цветка
Вмиг подрумянит им бока!

Песня зверолодов

Черный лев прыгнул на вскочившего ему навстречу полуголого человека, но бронзовокожий

упал прежде, чем его настиг сокрушительный удар когтистой лапы. Лев понял, что противник его не притворяется — из раны на затылке мужчины сочилась струйка крови. Бесшумно обойдя человека, вандар издал глухое рычание. Стальные мускулы перекачивались под шелковистой кожей хищника, лев ожидал, что мужчина вот-вот вскочит на ноги и попытается удрать, тогда-то он и сразит его точным ударом, однако человек не только не двинулся, но, казалось, и не дышал.

Вандар склонил морду, и горячее дыхание его коснулось лица бронзовокожего, однако и это не заставило Тонгора пошевелиться. Лев зарычал, черная жесткая шерсть встала дыбом, но никто не ответил на брошенный им вызов. Обнажив клыки в злобной усмешке, вандар еще раз обнюхал Тонгора. Горячая слюна капала на шею валькара, зловонное дыхание обдавало его лицо...

Дубинка, поразившая Тонгора, была с неимоверной силой брошена рукой зверочеловека — существа, отдаленно напоминающего человекообразную обезьяну. Скрываясь в густом кустарнике, растущем между могучими стволами алых и фиолетовых деревьев, Магшук проследил за сразившей газель стрелой валькара, и инстинкт, повелевавший зверолодам убивать всех, кто не принадлежит к их племени, подсказал ему убить незнакомца. Он слишком поздно заметил льва, иначе, конечно, не стал бы рисковать и предоставил вандару расправиться с пришельцем, но, как бы то ни было, дело было сделано. Глядя на разверзшуюся над горлом Тонгора пасть льва, Магшук растянул губы в жестокой ухмылке, и маленькие кабаньи глаза его блеснули торжеством. Если даже его дубина не проломила череп бронзовокожему клыки вандара довершат начатое, и ему не о чем больше беспокоиться. Удовлетво-

ренно поведя мохнатыми плечами, зверочеловек бесшумно скрылся среди деревьев.

Очнувшись, Тонгор почувствовал, что череп его раскалывается от боли. Каждая клеточка тела была напоена болью, а голова, казалось, готова развалиться на части. Тяжелая дубинка была брошена с силой, достаточной для того, чтобы треснул череп любого человека, и Тонгора спасло лишь то, что, рванувшись навстречу льву, он частично ушел из-под смертоносного удара, смягченного к тому же густой жесткой гривой волос, которые валькар имел обыкновенные зачесывать назад.

Из-за пронизывающей все тело боли Тонгор, очнувшись, некоторое время не мог двинуть ни единым мускулом, и это вторично спасло ему жизнь. С усилием приоткрыв глаза, он увидел склонившегося над собой черного льва, и только железная воля помогла ему не броситься наутек. Оставаясь неподвижным, северянин снова опустил веки. Лев, продолжая подозрительно принюхиваться, вытянув лапу, положил ее на неподвижное тело и потряс его. Голова человека безвольно мотнулась из стороны в сторону. Кровь из раны на затылке окрасила траву и опавшие листья.

Вандар замер в нерешительности. Только молодой, неопытный лев предпочтет жилистое и жесткое человеческое мясо сочному и жирному мясу газели, лежащей от него всего в нескольких шагах. С презрительным сопением вандар отвернулся от распростертого на земле мертвеца, намереваясь полакомиться газелью. Ухватив похожую на оленя тушу мощными челюстями, он поволок ее в кустарник. Тонгор продолжал прикидываться убитым, заставляя себя лежать совершенно неподвижно, и отчетливо слышал негромкий треск кустов, сквозь которые вандар утаскивал добычу, чтобы насладиться ею в уединении.

Когда все стихло, северянин, не произведя ни звука, вскочил на ноги.

В голове его гудело, как от ударов молота по наковальне, самочувствие было как после жутчайшей попойки, но руки и ноги оказались целы и готовы служить ему по-прежнему. Тонгор, пошатываясь, добрал до водоема, из которого пили фондлы, когда он послал стрелу в одного из них, и опустил голову в холодную воду, чтобы промыть и очистить рану. С радостью он ощутил легкое пощипывание и озноб, вызванные ледяной родниковой водой, бившей из скопления заросших мохом камней. Почувствовав, что в голове начинает проявляться, северянин утолил жажду и, преодолевая слабость, подобрал меч, лук и колчан со стрелами, после чего вновь забрался на склонившееся к воде дерево. Голова продолжала болеть, но благодаря богатырскому сложению валькар быстро справился с последствиями повергшего его удара. Человек другого склада после пережитого потрясения решил бы, вероятно, вернуться к лодке, но Тонгора не зря называли северным варваром. Он полагал, что если уж отправился на охоту, то во что бы то ни стало должен принести свежее мясо к обеду. К тому же где-то поблизости был враг и северянин собирался разузнать о нем как можно больше.

Часа два он кружил около водоема, укрываясь от возможных противников и дичи то на ветвях больших деревьев, то среди кустов. Но, несмотря на тщательные поиски, он не мог обнаружить следов поразившего его существа. В конце концов, подстрелив похожую на куропатку птицу, он решил вернуться к «Немедису». Горожанину было бы нелегко отыскать обратный путь, но для Тонгора это не представляло особого труда. Уложив добычу в мешок, он скользнул в лесную чащу и направился

к лодке так уверенно, будто в руках у него был компас.

Магшук был одним из дозорных, высланных его племенем наблюдать за тем, чтобы никто чужой не забрел в их охотничьи угодья. Обходя порученный ему участок джунглей, он спустя несколько часов после мастерского, сразившего Тонгора броска дубинки неожиданно столкнулся с группой охотников, ставших свидетелями посадки «Немедиса». Дюжина весьма похожих на Магшука зверолодов тащила на своих плечах крепко связанных веревками, сплетенными из сухой травы, пленников. Это были полуобнаженная девушка и художавый молодой человек, одетые в странные, невиданные здесь прежде одеяния. При виде Магшука зверолоды опустили свою ношу, и предводитель их с ворчанием выступил вперед.

Зверолоды сильно смахивали на обезьян: у них были длинные мускулистые руки, свешивавшиеся едва не до земли, и короткие кривые ноги. Мощные торсы, широкая грудь и плечи могли служить олицетворением животной силы, а красные маленькие глазки, сверкавшие из-под выступающих надбровий, словно из глубоких пещер, еще больше усиливали их сходство с обезьянами. Дополняли картину страшные клыки, отсутствие подбородка, текущая из пасти слюна и крохотные, отставленные далеко назад уши. Шея у зверолодов почти полностью отсутствовала, зато значительная часть тела была покрыта шерстью. Единственным, что на первый взгляд отличало их от обезьян, были сделанные из твердого дерева дубинки и копы с каменными наконечниками. Этим да, пожалуй, еще обмотанными вокруг бедер обрывками шкур и исчерпывались свидетельства того, что существа,

встреченные Магшуком, равно как и сам он, имели несколько более изощренный ум, чем обычные звери.

Увидев группу зверолодов, Магшук обнажил желтые клыки и грозно зарычал, вызывая противника на поединок. Растущая у него на затылке и вдоль позвоночника шерсть встала дыбом. Выразительно покачивая длинными сильными руками, он медленно двинулся вперед на полусогнутых, раскоряченных ногах. Маленькие красные глазки его при этом кровожадно сверкали в предвкушении предстоящего убийства. Вожак пришлых зверолодов вел себя почти как Магшук, с той лишь разницей, что в руках его было копы с каменным наконечником и он угрожающе размахивал им, пытаясь посеять страх в сердце противника. Приблизившись друг к другу, поединщики остановились и Магшук ударил себя волосатым кулаком в еще более волосатую грудь:

— Я Магшук! Великий воин! — прорычал он. — Я убил много людей! Все люди боятся Магшука!

Вождь пришельцев поднял копы над головой и, сотрясая им, рявкнул:

— Я Онгус — славный боец! Великий охотник! — Он оскалился, обнажив солидных размеров клыки. — Все в джунглях боятся Онгуса! Онгус убил много вандаров — черных львов! Убивал он и людей!

Сумия и Карм Карвус внимательно наблюдали за тем, как два зверолода, странно раскорячившись, приседая на полусогнутых ногах, сблизились и начали обмениваться угрозами. Затем, громко сопя, совсем как заправские борцы, принялись медленно двигаться по кругу, не забывая в то же время страдать противника.

— Магшук убьет Онгуса! — ревел один.

— Онгус убьет Магшука! — вторил ему другой.

Магшук довольно выпрямился и снова ударил себя в грудь:

— Магшук — Человек Огня, Онгус — Человек Огня. Зачем нам убивать друг друга? Убьем наших врагов!

Вождь пришельцев тоже поднялся во весь рост и возвестил:

— Мир между Людьми Огня! Смерть нашим врагам!

Таким образом, мир между соплеменниками, постоянно готовыми сцепиться друг с другом без повода и причины, был заключен, и Магшук получил возможность рассмотреть пленников.

— Нашли мясо? — спросил он отрывисто.

— Онгус — великий охотник! Добыл еду для племени. Все Люди Огня повеселятся этой ночью, — отвечал вожак пришельцев, гордо выпячивая грудь.

Сумия и Карм Карвус обменялись красноречивыми взглядами. Неужели их ожидает столь страшная участь? Неужели судьба уберегла их от деревьев-людоедов только для того, чтобы они получили пищу зверолюдам?

— Набить животы — великое дело. Хорошая добыча, — одобительно кивнул Магшук. — Где нашли мясо?

Онгус махнул рукой:

— На поляне Деревьев-жрущих-людей. Долго шли по лесу. Увидели деревья, поймавшие мясо. У нас был Огненный Цветок. Мы послали его на деревья, и они бросили мясо. Мы схватили, связали веревкой, понесли в деревню. Все Люди Огня будут есть!

Столь красноречиво описанные Онгусом события на самом деле выглядели следующим образом.

Выслеживавшие Сумию и Карма Карвуса зверолюды шли за ними до поляны деревьев-людоедов

и видели, как чужеземцы были схвачены щупальцами-лианами. Помимо примитивного оружия, зверолюды всюду таскали с собой глиняный кувшин, в котором хранили Огненный Цветок. Его-то они и решили использовать, чтобы завладеть добычей деревьев-людоедов, подпалив сухую траву с наветренной стороны поляны. Хитрость эта увенчалась успехом: огонь, мгновенно разгоревшись, достиг хищных деревьев, и когда пламя стало лизать их стволы, щупальца-лианы, разжавшись, выпустили Карма Карвуса и принцессу, которые тут же были захвачены зверолюдами.

Магшук осмотрел пленников, одобрительно кивая и ворча, а совсем близко, прямо над его головой, некто скрытый густой листвой деревьев внимательнейшим образом наблюдал за происходящим. Наблюдателем этим, разумеется, был Тонгор, который, возвращаясь к «Немедису» по ветвям деревьев, заметил под собой движущийся по тропинке отряд зверолюдов. Спустившись пониже, он обнаружил, что обезьяноподобные существа тащат его связанных товарищей, и был немало изумлен этим. Обдумывая план освобождения пленников, валькар наметанным глазом оценил силу зверолюдов и значительное их численное превосходство.

Родившийся на бесплодном острове в северной части Лемурии, Тонгор не был знаком с этими джунглями. Он никогда не встречался со зверолюдами, не знал, какие из них бойцы и какие они используют хитрости и уловки, хотя, если судить по широким плечам, вздувшимся на груди мускулам и длинным сильным рукам, это были достойные противники. Опыт многих сражений, в которых довелось участвовать северянину, заставил Тонгора признать, что даже его недюжинных сил будет недостаточно, чтобы одолеть шедший по тропе отряд. Значительно разумнее следить за ним,

передвигаясь по деревьям, в ожидании момента, когда зверолюды разбредутся для охоты. Тогда он и сразится с теми, кого оставят охранять пленников. Валькар не исключал и того, что рано или поздно зверолюды столкнутся с тем, кто метнул в него дубинку, и рассчитывал, что сумеет воспользоваться неизбежной в этом случае сумятицей, чтобы спасти своих друзей. Вооружение зверолодов, равно как и интуиция бывалого воина подсказывали, что покушавшееся на его жизнь существо не входит в замеченный им отряд и появление незнакомца может облегчить стоящую перед Тонгором задачу.

Результаты встречи Магшука со зверолюдами разочаровали северянина, и он вынужден был продолжать незаметное наблюдение за отрядом Онгуса, тащившего свою добычу в деревню. Тихо и неотступно как тень следовал он за зверолюдами и присоединившимся к ним Магшуком, не теряя надежды, что рано или поздно удача улыбнется ему. С настойчивостью и терпением варвара он ждал своего часа, сосредоточив усилия на том, чтобы не быть обнаруженным раньше времени.

Было уже далеко за полдень, когда отряд достиг поселения зверолодов. Джунгли начали редеть, светлеть, и вот перед возвращающимися охотниками открылась большая поляна, часть которой, словно навесом, была затенена густыми кронами мощных деревьев. Сама деревня состояла из кольца хижин, сооруженных из глины и травы вокруг двух столь же примитивных, но несколько больших по размерам домов, принадлежащих вождю племени и шаману. От нападения хищников селение защищал высокий частокол, сделанный из бревен, верхние концы которых были заострены и обожжены на костре.

Оставаясь невидимым, Тонгор наблюдал за тем, как Сумию и Карма Карвуса протащили через ворота в частоколе, как Онгус и его спутники грубо расталкивали толпу мохнатых соплеменников, высыпающих из хижин, чтобы взглянуть на захваченную охотниками добычу. Подойдя к одной из стоящих в центре поселка хижин, они бросили связанных пленников на усеянную всевозможными отбросами землю. Сумии и Карму Карвусу не оставалось ничего иного, как глазеть по сторонам, и внимание их сразу привлекли два вкопанных перед входом в хижину столба. На свешивавшихся с них кожаных ремешках было подвешено множество высохших и потемневших от времени голов. Ремни были привязаны к сохранившимся на головах длинным грязным волосам, так что лица жертв каннибалов оставались открытыми и можно было разглядеть, что одни головы принадлежат зверолюдам, а другие — людям той самой расы, к которой относились Сумия и Карм Карвус. Подобное зрелище могло ужаснуть кого угодно, и принцесса поспешно отвела взгляд от жутких столбов.

Спустя некоторое время из хижины, перед которой бросили пленников, вышел высокий зверочеловек мощного сложения — это был Когур, предводитель Людей Огня. Он был выше и, вероятно, сильнее любого из своих соплеменников. Толстые, как канаты, мышцы рельефно выделялись на его груди, чудовищные мускулы перекачивались под поросшей густой шерстью кожей при каждом движении длинных и крепких рук. Голову его венчало некое подобие короны, огромные зубы зловеще поблескивали, когда он открывал свой безобразный рот, а под низким лбом, подобно раскаленным угольям, пылали маленькие, глубоко посаженные глазки. Широкие плечи его прикрывала накидка из звериной шкуры, а толстую шею украшало ожере-

лье из собачьих и человеческих зубов. Держался Когур заносчиво и на заполнившую площадь толпу, пленников и доставивших их в деревню охотников поглядывал свысока. В тоне Онгуса, почтительно приветствовавшего вождя, не было и тени вызова, скорее в нем можно было уловить раболепные нотки.

— Великий вождь Когур! Тебе принадлежит мясо, добытое Онгусом, храбрым охотником, — произнес он, указывая на связанных пленников.

Предводитель звероловов что-то невнятно проворчал, и тогда Онгус протянул ему изящную саблю Карма Карвуса. Когур мельком взглянул на украшенную драгоценными камнями рукоять и бросил саблю в глубину хижины.

— Хо, гладкокожий! — прогромыхал он, тыча Карма Карвуса ногой. — Твоя острая палка разучилась убивать. Ты далеко забрел от каменного города... Решил погулять в джунглях? Тебе понравится наше гостеприимство! — Толстые губы зверочеловека растянулись в ухмылке, толпа звероловов грубым смехом приветствовала его примитивную шутку.

— Если ты развяжешь мне руки, я покажу тебе, на что способна эта острая палка, — спокойно сказал Карм Карвус, с презрением глядя на ухмыляющегося вождя звероловов.

— Быть может, ты получишь свою палку. Когур не боится гладкокожего. Когур убил много людей!

— Наверно, ты убил их, когда они были крепко связаны, как я теперь? — насмешливо уточнил тсарголиец.

В маленьких глазках вождя вспыхнула ненависть, и он с рычанием пнул Карма Карвуса. Поскольку тот не выказал признаков боли или страха, Когур, озверев, принялся самозабвенно топтать дерзкого пленника ногами. Затем, утомившись и по-

остыв, он перевел взгляд на девушку. Его крохотные глазки сузились и масляно заблестели при виде грациозного тела принцессы, едва прикрытого превратившейся в грязные лохмотья одеждой. Он задержал взгляд на ее длинных стройных ногах и маленьких острых грудях, вздымавшихся и опадавших в такт прерывистому дыханию Сумии.

Никогда еще зверочеловеку за всю его жизнь не случалось видеть такой прекрасной женщины. Самки его племени были приземистые, коротконогие и такие же волосатые, как он сам. Когур почувствовал, что непременно должен обладать этой женщиной, но скрыл охватившее его вожделение и, стараясь казаться безразличным, прорычал:

— Ночью, когда луна будет высоко, мы угостим Огненный Цветок гладкокожими. Потом их мяса отведает племя. Когур все сказал.

Отвернувшись от толпы, вождь приказал Онгусу оттащить каждого из пленников в отдельную хижину и приставить к ним охрану. Отдав это распоряжение, он скрылся в глубине своего дома.

Несколько часов, которые связанная по рукам и ногам Сумия провела в темной вонючей хижине, показались ей невероятно длинными, прямо-таки бескончаемыми. Томимая жаждой, голодом и болью от врезавшихся в тело веревок, она не могла поверить, что день все еще не кончился и солнце по-прежнему сияет на небосклоне. Со временем, однако, боль притупилась, принцесса перестала страдать от жажды и голода, мысли ее начали путаться. Она думала о доме, о путешествии по дикой, неведомой стране, где ее окружали смертельные враги... О том, что любимый ее, возможно, уже мертв и ей совсем не хочется жить... Ее охватило безразличие ко всему на свете, тело словно окаменело и потеряло чувствительность, и девушка погрузилась в глубокий сон.

Проснувшись от какого-то шума, Сумия в первые мгновения не могла вспомнить, что с ней произошло и как она сюда попала. Входной проем был едва различим, — наверно, пока она спала, наступил вечер. Вечер?.. Принцесса начала припоминать события последнего дня, но тут в хижине стало совсем темно — громоздкая фигура заслонила проникавший с улицы сумеречный свет, и сердце у девушки учащенно забилося, грозя выскочить из груди. Из всех сил вглядывалась она в непроглядную темень, стараясь различить черты лица вошедшего. Увидеть ей ничего не удалось, зато она услышала звук шаркающих по земляному полу ног, а затем низкий хриплый голос негромко произнес:

— Огонь потом, сначала удовольствие. Еще не время для Огненного Цветка. Я, Когур, пришел осчастливить тебя!

Почувствовав, как сильная рука грубо схватила ее за ногу, Сумия закричала.

ОГНЕННАЯ СМЕРТЬ

Сильнее тысячи талисманов,
Сильнее камланий любых шаманов,
Магов сильнее и волшебных колец
Страх не ведающий боец!

Алая Эдда

Всю вторую половину дня Тонгор, устроившись на вершине могучего дерева так, чтобы зверолоуды не могли его видеть, провел наблюдая за происходящим в деревне. Когда Когур вышел осмотреть доставленных Онгусом пленников, надежный лук был у валькара в руках. Лежащая на тетиве стрела была нацелена в сердце предводителя зверолоудов, и Тонгор не задумываясь выпустил бы ее, приди

Когуру в голову отдать приказ расправиться с его друзьями. Северянин видел, как Сумию и тсарголийца утащили в ближайшие хижины, и ожидал лишь наступления ночи, чтобы, воспользовавшись темнотой, проникнуть в деревню и вызволить товарищей из беды.

Тонгор обладал неистощимым терпением, и все же часы, которые он вынужден был посвятить ожиданию, показались ему бесконечно мучительными. Вспомнив, что с прошлой ночи во рту у него не было ни крошки, он возблагодарил Отца Горы за жирную птицу, подстреленную им утром. Развести костер он не мог и потому вынужден был есть свою добычу сырой. Такая трапеза едва ли пришлась бы по нутру горожанину, но северянин, если его принуждала к тому необходимость, легко мог обходиться без удобств, ставших неотъемлемой частью жизни цивилизованного человека. Когда-то, будучи еще мальчишкой, он, скитаясь по безлюдным землям северной Лемурии, попал в устроенную снежными обезьянами на леднике Остефелла западню. Загнавший его туда улс — горный медведь, покрытый густым снежно-белым мехом — тоже оказался в ловушке, и Тонгору не оставалось ничего иного, как сразиться с ним. Сутки пришлось северянину сидеть на высоком утесе, и, когда голод в конце концов заставил его освежевать медвежью тушу, вонючее мясо хищника даже в сыром виде показалось Тонгору не столь отвратительным, как можно было ожидать. Теперь, сидя среди джунглей Ковии на верхушке могучего дерева, он точно так же склонен был признать, что сырое мясо похожей на куропатку птицы вполне годится в пищу.

Окрасив западный край небосвода в алый цвет, солнце опустилось в море. Над Лемурийскими джунглями взошла золотая луна, и в деревне

начались приготовления к пиру. На открытом месте были установлены два столба, загремели барабаны, и зверолоуды стали собираться на торжественную церемонию. Рассудив, что для задуманного набега уже достаточно темно, Тонгор покинул свое укрытие.

Скользнув вниз по стволу приютившего его дерева, он пробежал по нависшей над поляной ветке, спрыгнул на землю и двинулся к частоколу. Одним прыжком добрался до обожженных концов бревен и, перевалившись через явно не рассчитанное на его силу и ловкость ограждение, оказался в деревне. Оглядевшись, Тонгор первым делом направился к хижине, в которую поместили принцессу. Пользуясь любым прикрытием, каждым затененным участком земли, он, невидимый и неслышимый как призрак, пересек готовившуюся к веселью деревню.

Барабаны стучали, подобно гигантским сердцам. Вой и крики, издаваемые зверолоудами, после того как они опустошали огромные глиняные кружки с пивом, могли заглушить любые подозрительные звуки, и вскоре северянин перестал опасаться, что его обнаружат.

Зверолоуды и правда были так увлечены поглощением пива и оглушены барабанами, что не обратили внимание на донесшийся из хижины, к которой направлялся Тонгор, крик Сумии. Северянин, однако, расслышал бы призыв своей возлюбленной сквозь любой шум, да и грубые голоса здешних женщин трудно было спутать с чистым сопрано принцессы. Подобно молнии, брошенной богом шторма — Диремом, валькар устремился ко входу в заветную хижину.

Ему потребовалось сделать всего несколько гигантских прыжков, чтобы добраться до нее и влететь внутрь. Глаза его успели привыкнуть к темноте и

сразу обнаружили гигантскую фигуру вождя зверолоудов, склонившегося над связанной пленницей. Северянин железной рукой ухватил Когура за плечо и рывком развернул лицом к себе. Зверочеловек изумленно вытаращился на него, тщетно пытаясь разглядеть в кромешной тьме наглеца, осмелившегося прикоснуться к нему. Громоподобный рев сорвался с его толстых губ.

Тонгор, не тратя времени на церемонии, впечатал свой тяжелый кулак в лицо зверолоуда и почувствовал, как оно превращается в кровавое месиво, услышал, как хрустнули выбитые зубы. Обезьяноподобный предводитель людоедов, сбитый с ног страшным ударом, отлетел в сторону и, с грохотом врезавшись в дальнюю стену хижины, распластался на земляном полу, подобно гигантскому мешку с мясом.

Сумия с всхлипом втянула воздух для нового крика, и северянин, приказав принцессе сохранять спокойствие, поспешно закрыла ей рот ладонью. Девушка узнала Тонгора, и сердце ее затрепетало от радости. Она-то думала, что он погиб или находится невесть где, и вдруг ее возлюбленный чудесным образом появляется здесь, чтобы вырвать ее из вонючих объятий зверочеловека! Сильные заботливые руки в один миг освободили девушку от веревок и поставили на ноги. Тело принцессы онемело от неподвижности, и она, беспомощно покачнувшись, прижалась к валькару, уронив голову на его широкую грудь. Бормоча слова ободрения и поддержки, Тонгор принялся растирать руки и ноги девушки, чтобы поскорее восстановить в них нарушенное веревками кровообращение.

Занимаясь этим, он не заметил, как в дверном проеме неслышно возник темный силуэт. Рука вошедшего поднялась, и что-то тяжелое со всего размаха ударило Тонгора в висок. Мозг северянина

начал погружаться во мрак, и последнее, что он услышал, перед тем как потерять сознание, был пронзительный крик Сумии.

Оттащив Карма Карвуса в хижину, зверолоды убедились, что он надежно связан, и разошлись по своим делам. Как только они вышли из хижины, он, преодолевая боль в избитом теле, постарался принять сидячее положение. Отчаяние и чувство обреченности сменила холодная решимость во что бы то ни стало спасти принцессу от ужасной смерти. Тсарголиец не знал, жив ли еще Тонгор или нет, но, как бы то ни было, его друг поручил ему беречь Сумию, и он намерен был оправдать доверие северянина даже ценой собственной жизни. Не обращая внимания на ссадины, ушибы и кровоподтеки, заставив себя не думать о пище и воде, в которых он начал испытывать настоящую потребность, Карм Карвус принялся обдумывать создавшуюся ситуацию.

Он крепко связан прочными веревками, сплетенными из сухой жесткой травы, руки и ноги его затекли так, что ими едва можно пошевелить. Если он собирается бежать из плена и помочь Сумии, то делать это надо немедленно, пока конечности его полностью не отнялись. Оставаясь в сидячем положении, Карм Карвус попытался избавиться от веревок, но скоро убедился, что сделать это не в силах. Старания его, впрочем, были не напрасны — они навели тсаргольца на хорошую мысль. Пряжка его перевязи имела зубчатый край, и, решив воспользоваться этим, он стал терпеливо перетирать о нее стягивавшие запястья веревки. Руки потеряли чувствительность, и порой он обдирал их о шероховатый металл, но вид собственной крови и запоздалое ощущение боли от порезов

не заставили пленника прервать труд, суливший ему освобождение.

Вскоре Карм Карвус взмок от пота, а веревки, которые он перепиливал, — от крови, однако это не поколебало его решимости. Час проходил за часом, а он упрямо продолжал перетирать веревки. Ему казалось, что он занимается этим уже целую вечность и будет заниматься до скончания веков. Не думая ни о чем, потеряв счет времени и погрузившись в некое подобие транса, он тер, тер и тер проклятые травяные путы, пока внезапно до него не донесся приглушенный расстоянием отчаянный крик Сумии. Крик этот подействовал на Карма Карвуса, как ушат холодной воды. Собравшись с силами, он яростно рванул наполовину перепиленные веревки, и они лопнули с сухим треском.

Сбросив непослушными руками веревки, опутывавшие верхнюю часть тела, он вцепился в стягивавшие ноги путы и после непродолжительной борьбы сумел избавиться и от них.

Поднявшись с земли, Карм Карвус, пошатываясь и делая отчаянные усилия, чтобы не упасть, подошел к стоявшему в центре хижины столбу, поддерживавшему низкую кровлю. Опершись о столб, он оглядел усыпанный мусором и обглоданными костями земляной пол в поисках оружия. Заметив толстую обгорелую палку, извлек ее из кучи хлама, скопившегося в углу хижины, и, зловеще улыбаясь, вышел на улицу. Даже в темноте ему было нетрудно определить, откуда донесся крик принцессы, и тсарголиец бесшумно юркнул в соседнюю хижину.

Мощная мужская фигура нависла над Сумией, чье обнаженное тело матово светилось в полумраке. Проклиная свою медлительность и неуклюжесть одеревеневших членов, Карм Карвус поднял палку и с силой обрушил ее на голову угрожавшего

девушке верзили. Тот, не издав ни звука, рухнул на пол, а принцесса, пронзительно вскрикнув, отшатнулась от своего спасителя.

— Быстрее! — позвал ее Карм Карвус. — Бежим, пока сюда не явились наши тюремщики!

— Но это же Тонгор! — всхлипнула девушка.

— Тонгор? — недоуменно повторил тсарголиец. Наклонившись, он быстро осмотрел сраженного им человека, и из уст его вырвался приглушенный стон.

— Что я наделал! — В отчаянии он схватился руками за голову и почувствовал, что ноги отказываются ему служить. Покалывание тысячи невидимых раскаленных иголок в онемевших конечностях стало почти нестерпимым. — Сюда, принцесса, помоги мне его поднять!..

Делать что-либо, однако, было уже слишком поздно. Крики Сумии привлекли внимание зверолодов, они толпой ворвались в хижину и набросились на пленников. Карм Карвус попробовал сопротивляться, но толку от этого было немного, так как руки и ноги пока еще плохо повиновались ему. Зверолодам понадобилось всего несколько мгновений, чтобы связать девушку, тсаргольца и все еще бесчувственного Тонгора и выволочь их из хижины. Вслед за пленниками обитатели деревни вытащили на улицу Когура. Оправившись от сокрушительного удара северянина, предводитель зверолодов впал в бешенство. Неистовый рев его был слышен на другом конце деревни, пена, кровь и пот, смешиваясь, текли по разбитому лицу, пачкая густую шерсть, растущую на груди могучего зверочеловека.

Размахивая длинными руками, он окинул пленников затуманенным яростью взглядом и рванул меч из кожаных ножен, висевших на поясе Тонгора, собираясь вонзить его в сердце потерявшего сознание

воина. Но прежде, чем Когур успел это сделать, маленькие глазки его заметили врытые в центре площади столбы, сулившие привязанным к ним жертвам медленную и мучительную смерть. Злобная торжествующая улыбка появилась на окровавленном лице зверочеловека.

— Горчак! — прорычал он. — Вкопай еще один столб. Пусть все трое примут Огненную смерть! — Предводитель зверолодов мрачно взглянул на пленников и оскалил свои громадные зубы.

Могучий организм северянина быстро оправился от нанесенного Кармом Карвусом удара. Несколько раз мигнув, Тонгор сквозь застилавший глаза красный туман оглядел площадь. Сумия и тсарголиец были привязаны к двум столбам, расположенным справа и слева от него. Пленников окружала толпа грязных зверолодов, которые что-то выкрикивали, пели и приплясывали под ритмичный грохот барабанов. Чадающие факелы заливали площадь колеблющимся багровым светом. Огненные блики металась по искаженным лицам, с оскаленными ртами и безумно блестящими глазами, собравшихся на церемонию Огненной смерти зверолодов.

— Тонгор! — окликнул Карм Карвус друга, заметив, что тот поднял голову. В немногих сказанных тихим голосом словах он поведал северянину о случившемся.

— Ну что ж, один раз нам всяко придется умирать, — усмехнулся Тонгор. — И лучше всего встретить смерть в компании хороших друзей.

Внезапно кольцо зверолодов разомкнулось, и к пленникам вихляющей походкой приблизился странно раскрашенный зверочеловек. Покрытое серой шерстью лицо его было размалевано алой, голубой и желтой красками, головной убор состоял

из ярких перьев водящихся в джунглях птиц, на шее поблескивало ожерелье из клыков вандаров, а плечи украшала связка человеческих скальпов. Одежда Горчака состояла из звериных шкур, в когтистой руке он держал шест, к которому были прикреплены кости и черепа. Горчак был старшим шаманом племени, Верховным жрецом Бога-Луны, Хранителем Огненных Цветов. Медленно обойдя столбы с привязанными к ним пленниками, он остановился перед Тонгором и, злорадно улыбаясь, отчего раскрашенное лицо его приобрело еще большее сходство с жуткой и отвратительной маской, намалевал на груди валькара какие-то знаки.

Несколько мгновений северянин и шаман пристально вглядывались в глаза друг друга, затем Горчак заковылял к Карму Карвусу. На голой груди тсарголийца он начертил алой краской такие же знаки, какими пометил Тонгора. Внимание северянина между тем привлекла вышедшая из большой хижины группа молодых помощников колдуна, тоже ярко размалеванных, увенчанных пестрыми перьями и с ожерельями на шеях. Они несли громадные кувшины, высотой со взрослого человека, и по тому, как светился воздух над горлышками сосудов, не мудрено было догадаться об их содержимом. Вот, стало быть, где зверолоды хранят свои Огненные Цветы.

Сжав зубы, Тонгор начал готовиться к смерти. Много раз за время своей бурной, полной опасностей и приключений жизни он был на волосок от гибели, и потому в его понимании подготовка к смерти сводилась не к чтению молитв, а к поискам средств и способов, которые позволили бы ему в очередной раз избежать ее. Внимательно осмотрев травяные веревки, которыми его привязали к испачканному сажей столбу, он попытался разорвать их. Мускулы его напряглись, буграми

вздулись на спине и груди, подобно твердым древесным корням выступили на могучих руках. Валькар не сомневался, что будь на нем металлические цепи, они, не выдержав чудовищного напряжения, порвались бы, разлетелись вдребезги, но травяные веревки обладали невероятной упругостью и, растягиваясь от его усилий, тут же принимали прежнюю форму. Озлобившись, он вновь и вновь напрягал свои мышцы, однако веревки надежно удерживали его у столба.

— Тонгор, взгляни! — снова окликнул его Карм Карвус. Валькар повернул голову и увидел, что помощники шамана, пронеся глиняные кувшины сквозь толпу зверолодов, поставили их в центре площади. Вооружившись кривыми сучьями, они извлекли из кувшинов Огненные Цветы, оказавшиеся удивительными растениями красного цвета, отдаленно напоминавшие кактусы. Расправив длинные узкие, посверкивающие металлическим блеском мясистые листья, диковинные растения исторгли из своих недр облака дыма и языки пламени, отравив воздух вокруг отвратительным зловонием.

Ужас и удивление овладели Тонгором. Не будучи искушен в науках, он все же понял, что Огненные Цветы являются ошибкой матери-природы. Сущность любой жизни заключается в добыче и переработке пищи, но представить себе растение, поглощающее, подобно костру, все живое и вырабатывающее в чреве своем огонь, было невозможно, и если бы северянин не видел Огненные Цветы собственными глазами, то едва ли поверил в их существование. Пока Тонгор разглядывал чудорастения, листья их, напоминавшие одновременно шупальца и виноградную лозу, начали двигаться. Они свивались и распускались, подрагивали, и по всей длине их мерцали, раскрывались и вновь закрывались похожие на раскаленные уголья цветы.

Тонгор с трудом оторвал взгляд от этого завораживающего зрелища и отыскал глазами старого шамана. Оставив Карма Карвуса, тот приблизился к Сумии и протянул когтистую руку, чтобы сорвать прикрывавшие ее грудь лохмотья. Девушка оцепенела от страха и все же старалась ничем не выдать своих чувств. Свет от поднесенного одним из зверолодов факела осветил ее грациозную фигуру, и шаман, наслаждаясь беспомощностью своей прекрасной жертвы, мерзко захихикал. Глаза его сверкали, слюни текли по скошенному подбородку в предвкушении пыток и последующего пиршества, которым должна была завершиться эта кошмарная ночь.

Когда шаман занес руку, чтобы нанести на грудь Сумии алые знаки, Тонгор, собрав все силы, рванулся из опутывавших его веревок, и те, не выдержав напора валькара, лопнули. С быстротой молнии он вскочил на ноги и ринулся на шамана. Ухватив его одной рукой за ногу, а другой за локоть, он поднял Горчака над головой и швырнул туда, где светились и пульсировали Огненные Цветы.

Похожие на щупальца отростки опутали извивающееся тело старого колдуна. Станные мерцающие цветы, жадно подрагивая на металлических посверкивавших стеблях, облепили свою добычу. Отвратительно запахло горелым мясом, и ужасный вопль умирающего разнесся над деревней зверолодов.

А затем на поляне начался крошечный ад.

Гневно брызжа слюной, зверолоды бросились на Тонгора. С быстротой танцора, приплясывающего на раскаленных углях, он метался меж озверевших врагов, ухитряясь не только своевременно увертываться от нацеленных в него копий, но и раздавать направо и налево сокрушительные удары. Вырвав из рук очередного нападавшего

тяжелое копьё, он вогнал его в живот подвернувшегося зверчеловека, и пока тот оседал на землю, судорожно хватаясь за распоротое брюхо, ударил еще одного противника древком по голове.

Несмотря на недюжинную силу, удесятеренную яростью и отчаянием, Тонгор понимал, что рано или поздно будет побежден в этой неравной схватке. Врагов было слишком много, но валькара не страшила смерть в бою. Напротив, это была как раз такая смерть, о которой он мечтал, смерть, достойная быть воспетой лучшими поэтами. Ибо когда Девы Битвы перенесут душу настоящего мужчины на облачное небо и доставят в Зал Героев, где она предстанет перед Отцом Гормом, кровь врагов должна еще не остыть на его оставшемся на земле теле.

Размышляя об этом, северянин крушил своих многочисленных противников до тех пор, пока в руках его не остался лишь ни на что не годный обломок. К тому времени, впрочем, круг наседавших на него зверолодов изрядно поредел, и Тонгор оказался лицом к лицу с Когуром.

Предводитель зверолодов был страшным противником. Его примитивный мозг жаждал крови, он мечтал сойтись с северянином один на один и испробовать на голокожем крепость своих огромных рук. Когур торжествующе взревел, пена выступила на его губах, с оскаленных клыков капала слюна. Бойцы столкнулись, подобно двум скалам, и земля, казалось, вздрогнула, когда они обменялись тяжкими ударами. Затем Когур попытался стрести Тонгора в свои медвежьи объятия, но волосатые руки обезьяноподобного вождя зверолодов скользнули по бронзовокожему телу валькара, не причинив тому никакого вреда. Уклонившись от следующего удара, северянин нырнул под руку зверчеловека, ухватил его за мощный торс и, с

усилием оторвав от земли, бросил в Огненные Цветы.

Взвывая от боли, Когур, хлопая себя ладонями по дымящейся шерсти, вырвался из объятий смертоносных щупальцеобразных листьев. Налитые кровью глазки его отыскивали Тонгора, и зверочеловек, разум которого помутился от боли и гнева, пригнув голову, ринулся на врага. В этот момент он был похож на взбешенного быка, готового насадить противника на острия рогов. Вид его был ужасен, но северянин был не из тех, кого легко напугать. Утвердившись на земле, гордо откинув назад голову и развернув плечи, на которые ниспадала густая грива черных волос, он напоминал древнего героя. Пламя оброненных зверолодами во время драки факелов, смешиваясь с мерцанием, испускаемым Огненными Цветами, бросало на бронзовокожего валькара алые блики, рельефно выделяя каждую мышцу его могучего тела, и Сумия, несмотря на страх за любимого, не могла не залюбоваться им.

Вождь зверолодов ринулся на Тонгора, но тот, увернувшись от его цепких рук, ударил Когура в челюсть. Послышался хруст крошащихся зубов, ступни зверочеловека оторвались от земли, и тут северянин ощутил острую боль в укушенной противником руке. Не обращая на нее внимания, он нанес Когуру еще один сокрушительный удар, и в тот же миг чьи-то руки охватили его сзади, лишив всякой возможности двигаться. Это незаметно подкравшийся Магшук решил прийти на помощь предводителю зверолодов.

Видя беспомощность врага, Когур осыпал его градом жестоких ударов, после чего, обхватив северянина, тщательно рвавшего из железных объятий Магшука, за шею, принялся душить. Страшно изуродованное лицо зверочеловека, ставшее еще отвратительней из-за перекошенной, сломанной

Тонгором челюсти, нависло над валькаром, обдав его зловонным дыханием, перепачкав в крови и слюне. Когтистые пальцы еще сильнее сдавили горло. Кровь бешено стучала в висках северянина, сердце учащенно билось, из груди вырывалось сипение и хрипы. Перед глазами его поплыли круги, мысли начали путаться... Что ж, это была славная битва... Битва достойная того, чтобы ее воспевали и вспоминали, ставя в пример подрастающим поколениям...

Неожиданно пальцы Когура разжались, и сквозь застилавшую глаза клубящуюся алую мглу Тонгор разглядел застывшую на лице зверочеловека гримасу удивления. словно по волшебству, тонкий стальной наконечник стрелы проклюнулся из лба предводителя зверолодов. Голова его беспомощно дернулась, качнулась из стороны в сторону, затем из перекошенного рта вытекла струйка густой темной крови, и Когур рухнул к ногам валькара.

ПРЕД ТРОНОМ ДРАКОНА

Помни, Турдиса Красный король,
Страх — плохая опора трону;
Тот, кто сеет ужас и боль,
Смерть пожнет — не удержит корону.

Завещание Яаа

Державший руки Тонгора зверочеловек издал предсмертный крик. Железные тиски его объятий разжались, и северянин, обернувшись, увидел, как Магшук опускается на землю. С губ его сочилась кровь, из груди торчала стрела, угодившая прямо в сердце. Деревню зверолодов охватила паника —

дождь тускло посверкивавших стрел сыпался на них со всех сторон.

Схватив кинжал с каменным наконечником, Тонгор бросился к Сумии. Лицо девушки побледнело, обнаженная грудь взволнованно вздымалась и опадала, однако бурное прерывистое дыхание было единственным проявлением чувств, которые обуревали ее. Одним взмахом кинжала валькар избавил принцессу от веревок и кинулся освобождать Карма Карвуса.

В этот момент из окружавшей деревню тьмы выступил клин воинов, рассекий толпу собравшихся на площади зверолодов так же легко, как форштевень боевого корабля вспарывает морские волны. Нападавшие были одеты в черно-красную кожаную форму сурдских гвардейцев, и эмблемы с изображением Дракона Турдиса сверкали на их щитах. Длинные блестящие копья гвардейцев разили без промаха, стальные мечи были обагрены кровью.

В суматохе, воцарившейся на площади, Тонгору не составило труда отвязать своих друзей от столбов, но теперь они оказались в кольце избивающих зверолодов гвардейцев, среди которых северянин узнал несколько знакомых лиц. При виде их Тонгору трудно было поверить, что всего месяц назад и сам он был одним из гвардейцев, столько всего успело произойти с ним за это короткое время.

Когда большая часть зверолодов была убита, а оставшиеся в живых попрятались в хижинах, на площадь выехал восседавший на кроторе командир гвардейцев. По его знаку два воина взяли животное под уздцы, после чего командир спешился и широким шагом направился к Тонгору. Это был высокий мужчина средних лет, фигура его дышала силой и мужеством, а жесткие серые

волосы были коротко подстрижены, как это принято у воинов, постоянно носивших шлемы. На умном, коричневом от загара лице его выделялись черные пронзительные глаза, твердо очерченный рот обрамляли усы и короткая борода. Свет от факелов отражался от его покрытой изящной чеканкой позолоченной кирасы и командирских знаков различия.

— Клянусь Отцом Слаутером, вот и Тонгор-валькар! — воскликнул он, и глаза его сверкнули. Затем он перевел взгляд на затихших при его приближении гвардейцев, ослепленных наготой Сумии.

— Отар! — рявкнул предводитель гвардейцев и командир сотни, расталкивая соратников, поспешно приблизился к Баранду Тону, являвшемуся даотаром — командиром тысячи воинов, в число которых некогда входил и Тонгор.

Баранд Тон сорвал с плеч сотника красивый алый плащ и протянул его Сумии. Пospешно закутавшись в него, девушка взглядом поблагодарила полковника, который вновь повернулся к спокойно наблюдавшему за происходящим Тонгору.

— Мы получили сообщение от дозорных. На границе с джунглями Ковии они заметили прошлой ночью сражающуюся со штормом летучую лодку сарка. Я подумал, что мы, вероятно, встретим тебя где-нибудь на валькарском побережье, и не ошибся. Кажется, мы успели как раз вовремя, чтобы спасти вас от участия в пиршестве людоедов и... доставить на справедливый суд сарка.

— Если ты считаешь, что должен поступить именно так, удовольствуйся мной, — предложил Тонгор, не теряя присутствия духа. — Мои спутники не имеют отношения ни к моему побегу, ни к похищению летучей лодки. Это принцесса Сумия из Патанги — законная претендентка на титул сар-

кии из Дома Чонда. А это Карм Карвус — аристократ из Тсаргола, что находится в Птарсе. Им незачем являться на «справедливый» суд вашего сарка — Фала Турида, и я требую, чтобы ты разрешил им идти своей дорогой.

Даотар вежливо поклонился Карму Карвусу, должным образом приветствовал принцессу, но, выслушав требование Тонгора отпустить их, упрямо покачал головой:

— Я не могу позволить им идти куда они захотят. Моя обязанность доставить вас в Турдис, чтобы его милость лично решил вашу судьбу. Отар! Выдели кротеров для принцессы Патанги и воина из Тсаргола. Поручаю тебе позаботиться о них. Что же касается этого валькарского изменника, вора и убийцы, то пусть он в цепях следует за кротером. На рассвете мы прибудем в Турдис.

Всю ночь длинноногие кротеры несли гвардейцев и их пленников по запутанным лесным тропинкам, пока одна из них не вывела отряд на дорогу Фала Турида. По ней-то они и ехали весь остаток пути, и, когда первые лучи солнца озарили восток, верховые увидели на горизонте мрачные стены Турдиса. Чем ближе подъезжали они к городу, тем величественнее и наряднее казались высящиеся над черными стенами столицы башни и купола зданий, металлическая и мраморная отделка которых в лучах восходящего солнца сияла не хуже чистого золота. Въехав ранним утром в Караванные Ворота, отряд двинулся безлюдными улицами к огромной гранитной крепости и остановился перед массивными воротами. После небольшой задержки прибывшие были впущены в крепость. Окруженные гвардейцами Сумия и Карм Карвус проследовали в отведенные им покои, а

Тонгор под надежной охраной был доставлен в тюремную камеру.

Осмотрев голый каменный пол и столь же голые стены темницы, он убедился, что бежать отсюда ему вряд ли удастся. Даже если бы его не лишили оружия, он все равно до поры до времени не смог бы ничего предпринять. Оставалось одно — ждать и набираться сил, что северянин и не преминул сделать. Опустившись на пол, он прикинул, сколько часов сна ему удастся урвать, прежде чем его поволокут к подножию трона сарка. Получалось, что время еще было, и Тонгор, не привыкший тратить его попусту, не обращая внимания на отсутствие комфорта, растянулся на холодном камне, смежил веки и мгновенно уснул. Полная опасностей жизнь приучила валькара не терзаться сожалениями о содеянном или о том, что сделать ему почему-либо не удалось. Он привык не слишком задумываться о подстерегавших его в будущем опасностях, но твердо помнил, что встречать их лучше, хорошо выспавшись и набравшись сил, насколько это позволят обстоятельства.

Спустя несколько часов Тонгор проснулся свежим и хорошо отдохнувшим. Подойдя к двери камеры, он начал звать тюремщика, сопровождая свои призывы отборнейшей руганью до тех пор, пока в коридоре не послышались шаркающие шаги стражника, решившего наконец узнать, что означает поднятый заключенным шум. Увидев в руке Тонгора монеты, он перестал ворчать и принес узнику кое-какой малоаппетитной снеди. Северянин уже запомнил, когда ел в последний раз, и, чувствуя, что в животе его пусто, как в опорожненной фляге, быстро разделался с грубой пищей. Вору, пирату и наемнику не пристало быть привередливым в еде, и валькар мог есть что угодно, где угодно и в каких угодно условиях.

Несколько позже в камеру вошли гвардейцы, получившие приказ отвести Тонгора к Трону Дракона Фала Турида. Это были люди даотара Баранда Тона, среди которых, увы, не оказалось старых товарищей Тонгора, знавших его во времена, когда и сам он носил красные с черные одежды Турдиса. Напрасно, вглядываясь в их лица, он пытался отыскать тех, с кем вместе, в свободное от дежурств время, пил пиво и ел приготовленные на вертеле окорока, которыми славилась гостиница «Обнаженный меч». На этот раз ему не повезло.

Пришедшие сняли с Тонгора кандалы и вывели из темницы.

— Скажите-ка, а Элд Турмис из Зангабала все еще в гвардии? — поинтересовался северянин, шагая между стражниками.

— Нам запрещено болтать с пленниками, — грубо отвечал молодой отар, командовавший стражей.

— О Боги, сотник, я и в мыслях не имел нарушить распоряжение вашего начальства, — улыбнулся ему Тонгор. — Но если кто-нибудь знает Элда Турмиса, пусть передаст ему, что старинный приятель — Тонгор из клана валькаров приветствует его. Вы окажете эту маленькую услугу обреченному на смерть человеку?

Стражники не ответили, и Тонгор невесело усмехнулся. Наверно, он зря старается, надеяться ему не на что, но лучше уж сделать все возможное для спасения и обмануться в ожиданиях, чем признать себя побежденным без борьбы.

Шагая между стражниками, валькар преодолел последние ступени дворцовой лестницы и очутился в тронном зале. Огромное квадратное помещение достигало большой высоты и было перекрыто сводчатым потолком, пол состоял из чередующихся

плит черного и красного мрамора. Городская знать, разряженная в яркие одежды, толпилась вокруг расположенного в центре зала трона, стоящего на небольшом подиуме. Подойдя к нему, сопровождаемый гвардейцами Тонгор вызывающе выпрямился и гордо взглянул в лицо владыки Турдиса.

Фал Турид не был ни высоким, ни величественным, но приподнятый над полом трон и бравый вид окружавших его гвардейцев скрадывали незначительность внешности самого сарка. На нем была великолепно сработанная толстая золотая кираса, орнамент из искусно оправленных в драгоценный металл самоцветов украшал сделанную из великолепной тисненой кожи перевязь для меча. Накинутый на плечи сарка плащ из алого вельвета частично прикрывал его обнаженные руки и голени. Голову его венчала золотая корона, изображавшая дракона с расправленными крыльями. Глаза дракона были сделаны из рубинов, благодаря сиянию которых он казался живым. И все же даже прекрасная эта корона не могла скрыть нездоровую желтизну лица и бледность губ сарка, так же как пояс из серебряных дисков не в состоянии был скрыть его выпирающий живот. Одевание Фала Турида дополняли украшенный золотом и драгоценными камнями меч на левом и полускрытый алыми ножами кинжал на правом бедре.

На кого-то, вероятно, роскошный наряд и надменное выражение лица сарка могли произвести должное впечатление, но только не на Тонгора. От него не укрылся тусклый взгляд, обвисшие щеки, мешки под глазами, глубокие морщины и прочие свидетельства жестокости и нездоровья Фала Турида. Это было лицо человека, одержимого неумной жадной власти. Человека, знавшего лишь одну страсть, одну слабость, одно стремление, одну любовь — любовь к власти.

Трон сарка был вырезан из глыбы черного момурского мрамора, которой была придана форма дракона с распростертыми крыльями. Взметнувшаяся на длинной шее голова дракона нависала над сидящим в троне, подобно балдахину. Два огромных изумруда заменяли дракону глаза, а волнистые рога блистали позолотой.

— Итак, вот этот человек!

Слова эти принадлежали не сарку, впившемуся в Тонгора прищуренными холодными глазами, их произнес человек, стоящий подле трона, — придворный алхимик и мудрец Оолим Фон. Он был стар, очень и очень стар. С годами кожа его приобрела мертвенно-белый оттенок, а лицо избороздило множество морщин. Потерявшие выразительность глаза запали, он облысел, но длинная серебристая борода спускалась чуть ли не до пояса. Груз прожитых лет согнул его костлявую фигуру, закутанную в мантию, на которой золотой нитью были вышиты сотни магических символов. Алхимик обеими руками опирался на длинный сучковатый жезл из красного дерева и не спускал глаз с высокого варвара.

Взглянув на старика, Тонгор почувствовал непреодолимое отвращение. Но вызвано оно было не видом впавших щек, безжизненных тусклых глаз, похожих на когти пальцев, а какой-то зловещей аурой, появившейся, вероятно, вследствие противоестественно долгой жизни. Аурой невидимой и все же ощущаемой северянином как некое недоступное обонянию зловоние.

Не отводя пронзительного взгляда от стоящего перед его троном валькара, Сарк сделал знак, повинуясь которому от толпы придворных отделился неуклюжий коротышка в диковинно изукрашенной серебряной броне и, глядя в пергамент с изображенным в углу драконом, громко прочитал:

— «Тонгор-валькар, сын Сумитара из племени Черных Ястребов. Вступил в Четвертую когорту гвардии семь месяцев назад в качестве меченосца. Одиннадцать раз получал взыскания за драки, неповиновение начальству и пьянство...»

— Хватит! — нетерпеливо прервал сарк чтеца. — Все это служит лишь прологом к его главным преступлениям.

С высоты своего трона он презрительно оглядел Тонгора с головы до пят и, на мгновение задумавшись, продолжал:

— Валькар! Семь месяцев назад ты пожелал вступить в гвардию Турдиса. Мы зачислили тебя в нее. Мы нуждались в остром глазе, сильной руке и славном мече. Мы всегда готовы принять на службу доблестного воина, ибо Трону Турдиса предназначено судьбой возвыситься над всеми другими тронами. Девятнадцать Богов постановили на Совете Небожителей, что я, Фал Турид Великий, буду сарконом — сарком сарков, Царем Царей всей Лемурии. Город за городом будут признавать мою власть, подкрепленную мощью наших легионов. Сокровища половины мира будут принадлежать нам: золото, драгоценности, лучшие вина и роскошнейшие женщины!

Сарк, облизнув губы, сделал паузу, но Тонгор молчал. Глаза Фала Турида полыхнули фанатичным огнем, и он продолжал, перейдя наконец к делу:

— Ты обвиняешься во многом и прежде всего в убийстве на поединке отара своего отряда. За одно это полагается смерть. На многое, однако, можно закрыть глаза ради достижения великой цели. Даже на то, что убитый тобой Джелед Мэлкс был наследником одного из славнейших Домов Турдиса. Можно забыть даже то, что ты сбежал из тюрьмы, куда был помещен по моему приказу, и похитил

летающую лодку, которая должна послужить нам образцом для создания множества подобных судов, на которых мои люди промчатся над континентом, как грозные тучи, дабы в каждом городе водрузить знамя Турдиса. В божественном промысле есть место памяти и забвению, и ради создания великой Империи можно пожертвовать многим и забыть многое. Чтобы заслужить наше прощение, тебе достаточно вернуть украденную тобой лодку.

Алхимик наклонился вперед и, взволнованно сопя, спросил:

— Где она? Что ты сделал с летучей лодкой? Она повреждена?

Тонгор продолжал стоять молча, спокойно скрестив на груди могучие руки.

— Наши дозорные видели воздушную лодку в ночь, когда разразился шторм. Это было южнее залива Патанги, — подал голос Баранд Тон, — Валькар и два его спутника обнаружены нами в деревне Людей Огня ворнах в шестидесяти на юго-восток от города.

Лицо Фала прояснилось.

— Да... его спутники! Мужчина — тсарголиец — ничто, но девушка... Сумия Чонд — законная наследница трона Саркай Патанги! Она будет нам полезна. Ее отец был свергнут узурпатором Желтым Друидом, Верховным жрецом Ямата — Огненного Бога. Мы с помпой доставим ее к стенам Патанги, когда наши легионы будут готовы к штурму. Используя законные притязания принцессы на трон как предлог, мы сможем покорить Патангу, не заявляя до времени во всеуслышание о наших планах завоевания всей Лемурии.

— Именно так, о высокородный! — поддакнул старый алхимик. — Но воздушная лодка! Нам необходимо вернуть ее, без образца я не берусь

создать воздушный флот! Говори, варвар! Мы должны заставить его заговорить!

Фал Турид кивнул:

— Валькар не хочет говорить, но у нас достаточно способов перебороть его упорство. Даотар, доставь его к Черным Вратам и сдай на руки Талабу Истребителю. Эти варвары часто путают глупость с храбростью. Упрямство заперло его рот, но искусные руки Талаба умеют подбирать ключи к такого рода замкам. Уведите его!

Баранд Тон побледнел так, что это стало заметно даже под сильным загаром. Талаба Истребитель... Это существо, которое едва ли можно было назвать человеком, давно уже стало живой легендой, внушавшей смертельный ужас обитателям Турдиса. Никто не ведал прошлого Талабы, но ходили слухи, что он родился в лачуге бедняка, вырос на городском дне и промышлял одно время в узких и темных переулках города, а потом разбойничал на большой дороге. Однако за время господства Фала Турида Талаба вошел в силу и стал известен как Мастер Пыток. Даже влиятельнейшие люди города бледнели при упоминании о нем и произносили его имя не иначе как шепотом.

Даотар отсалютовал сарку и, сделав гвардейцам знак не спускать с Тонгора глаз, двинулся из зала. Шагая по запутанным коридорам дворца, опытный воин нет-нет да поглядывал на валькара, к которому начал испытывать что-то вроде сочувствия. Преступления, совершенные бывшим гвардейцем, были велики: убийство, воровство, дезертирство — за все это он вполне заслуживал наказания, но отдать его в руки Талабы! Будучи воином, Баранд Тон не мог не отдать должное мужеству и предприимчивости Тонгора, хотя, когда тот служил в его когорте, ни одно из этих качеств, увы, не было проявлено им в полной мере. Молодой, сильный, храбрый па-

рень, а как великолепно сложен! Жаль, что этот прекрасный образчик человеческой породы будет изломан, изучен и в конечном счете убит в подвалах Истребителя.

Спустившись по широкой каменной лестнице, они оказались перед входом в подземелье, из которого тянуло холодом и сыростью. Гвардейцы вошли в него и продолжали спуск с явной неохотой. Дувший из подземелья ветер усилился; едкий и зловонный, он пах гнилью и могильным смрадом, то есть был как раз таким, каким должен быть ветер, дующий из ворот ада.

Гвардейцы нервничали все заметнее. Обычно в это подземелье входили только тюремщики и негодяи, обреченные никогда больше не видеть дневного света. Комнату за комнатой, зал за залом, коридор за коридором проходили сопровождавшие Тонгора стражники, и с каждым шагом все тревожнее становилось у них на душе, все озабоченнее вглядывались они в обступавший их со всех сторон мрак. Предназначение этих пустых пыльных помещений оставалось для них загадкой, становившейся еще более жуткой оттого, что, бросая по сторонам настороженные взгляды, гвардейцы временами встречались с глядящими на них из тьмы холодными, злобными и хитрыми глазами каких-то неведомых тварей...

Наконец, миновав очередную лестницу, процессия очутилась в огромном зале и остановилась перед массивной деревянной дверью, высота которой равнялась трем человеческим ростам. Не менее семи человек в ряд могли войти в нее одновременно, однако скрепленное большими ржавыми болтами черное дерево створок выглядело изрядно попорченным сыростью и гнилью.

Черные Врата... Баранд Тон взялся было за дверной молоток, но потом, передумав, опустил его

и дотронулся до подвешенного к потолку железного колокола. Тот зазвенел, и звук его, отразившись от стен, сложенных из темного, жирно поблескивавшего камня и толстых потолочных балок, породил многократное эхо, долго не затихавшее в мрачном подземелье.

Дверь мерзко закрипела, и из-за приоткрывшихся створок выглянула разбойного вида фигура, лицо которой прикрывал низко надвинутый на глаза капюшон, а каждый дюйм тела был упрятан под черным одеянием. При этом скрюченный и ссохшийся привратник был вдвое ниже нормального человеческого роста.

— Зачем пожаловали? — пронзительным шепотом поинтересовался карлик.

— Этот человек скрывает тайну, которая интересует сарка. Высокородный желает знать местонахождение летучей лодки, которая была украдена у него этим негодяем. Мне приказано передать его Талабу Истребителю, — сказал даотар.

Карлик разразился холодным, вызывающим озноб хохотом и, отсмеявшись, шипящим шепотом произнес:

— Отлично. Я и есть Талаба.

В КАМЕРЕ ПЫТОК

В Турдиса тюрьму, где ад крошечный,
В вотчину Талабы он попал.
Маску Смерть сняла, и лик ужасный
Пред глазами узника предстал.

Сага о Тонгоре. Песнь 11

Черные Врата закрылись за Тонгором, и он оказался в темноте один на один с закутанным в мрачные одеяния Истребителем. Пользуясь тем, что руки

воина были скованы за спиной, Мастер Пыток, взявшись за свободный конец цепи, поволок его за собой.

Царившую в подземелье тьму не рассеивал ни единый лучик света, и даже острое зрение Тонгора не могло проникнуть сквозь объявший его мрак. Темнота была столь густой и плотной, что валькару лишь ощупью удалось отыскать дорожку из каменных плит, по которой, шаркая ногами, двигался прекрасно ориентировавшийся в своих владениях карлик.

— Никому не известно, кем и когда построено это подземелье. Возможно, оно существовало еще во времена Царя-Дракона, правившего этими землями до появления людей, — проскрипел жуткий спутник Тонгора. Тонкий холодный голос его мало походил на человеческий. Он вызывал мурашки на коже и напоминал северянину не то шипение змеи, не то звучание какого-то неисправного музыкального инструмента. Вероятно, поэтому у Тонгора не возникало желания отвечать Мастеру Пыток, но слушал он внимательно, надеясь почерпнуть из бормотания своего тюремщика какие-нибудь полезные сведения о нем самом или об этом подземелье.

— Тебе не страшно?.. И говорить пока не хочется?.. Ничего, скоро заговоришь. А может, даже петь будешь под музыку, которую я сыграю для тебя. — Невидимый в темноте карлик мерзко захихикал. — Много гостей приходило в это подземелье... Сначала они были спокойны и молчаливы, но потом начинали говорить охотно, очень даже охотно... Тебя, верно, интересует, почему ты заговоришь? Да потому лишь, что наш великий, наш несравненный сарк пожелал, чтобы ты не молчал! О-о-о! Когда могущественный сарк приказывает, все повинуются ему, не так ли? Они должны говорить, если он приказывает, разве я не прав? — От саркастических ноток, звучавших

в холодном голосе Истребителя, Тонгору стало не по себе.

— Ты не смеешься вместе со мной? Ну конечно, ты не можешь оценить шутку, ибо не знаешь одного маленького секрета. Моего секрета. Но это можно исправить. Это нетрудно будет исправить — ты узнаешь все мои секреты... О да, я многое тебе расскажу. У нас будет долгая, долгая беседа, мы станем с тобой большими друзьями. Ты и я... Темница — подходящее место для приобретения друзей. И в знак нашей будущей дружбы мы поделимся друг с другом своими секретами. Сначала ты расскажешь мне все-все, о чем я захочу знать. Ты расскажешь мне о жарком солнце и свежем воздухе, о дружбе, вкусной пище, вине и женщинах... Особенно о женщинах!.. Не беспокойся, очень скоро ты перестанешь смущаться и будешь взахлеб говорить о самых сокровенных вещах, вот увидишь. Ведь мы же друзья? О, я твой самый большой друг, самый лучший друг, которого ты когда-либо встречал. Кроме того, я последний друг, которого тебе суждено приобрести перед смертью. А уж она-то настоящий враг, самый большой враг, Расторжительница дружбы!

Неожиданно вокруг замерцали слабые зеленоватые огоньки, и Тонгор, получив наконец возможность оглядеться по сторонам, обнаружил, что находится в просторной тюремной камере, крошащиеся от времени каменные стены которой покрыты скользким на вид мхом. Этот-то мох и распространял слабое сияние, в свете которого северянин увидел два железных кольца, вмонтированных в стену на уровне его плеч. Покрытые толстым слоем ржавчины, они были, видимо, достаточно прочными, и Истребитель не замедлил прицепить к ним скованные кандалами руки Тонгора, так что тот оказался распятым на холодной влажной стене. Прикосно-

вание к скользкому мху вызвало у северянина дрожь омерзения, но усилием воли он заставил себя сохранять спокойствие.

Убедившись, что пленник его надежно прикован, Истребитель вновь захихикал и одобрительно забормотал:

— Вот так-то лучше, значительно лучше! Теперь, друг мой, мы можем и поговорить, не правда ли? — Укутанный в темные одеяния карлик проковылял к противоположной стене и вернулся с трехногим табуретом, на который и опустился, поставив его в нескольких ярдах от валькара.

— Да, теперь мы можем говорить и говорить. У меня есть что рассказать тебе, а у тебя — мне. Ты ведь выполнишь приказ нашего сарка? Ты встречался с ним? Ну конечно, встречался... Разве не мудрый, разве не приятный он человек? Сами боги говорят с ним, ты, верно, слышал об этом? О да, боги! — радостно бормотал Истребитель с хихиканьем раскачиваясь на табурете.

— Может, мне пора уже открыть тебе мой секрет? Пора, друг мой, пора. Ведь верно? Хорошо, слушай. Я и есть эти самые боги. Я тот, кто разговаривает с Фалом Туридом по ночам, когда он погружается в сон. Да, для этого я добавляю ему в вино одну гранулу порошка сонного лотоса. Он пьет вино на ночь и видит прекрасные сны, в которых с ним беседуют боги. Они говорят ему, что он великий и неуязвимый, что он самый могущественный и ему предначертано возвести Трон Турдиса. Они говорят, что именно ему суждено поднять знамя с Драконом над стенами сотен городов, что Сарки и правители разных стран склонятся перед Троном Дракона.. Но это я, я, а не они рассказываю ему все это, принимая личину Богов! И он слушает, он верит, потому что хочет верить и потому что безмерно глуп. Ты понимаешь, он слишком глуп, чтобы быть сарком! Ведь на самом-то деле все

произойдет не совсем так... — Карлик сгорбился, сотрясаемый жутким приступом хохота.

— Ведь на самом-то деле настоящий сарк — это я! Фал Турид делает то, что я внушаю ему, пока он спит. Он повинуется мне, Талабу, считая, что исполняет волю Богов! Потому-то я Сарк в значительно большей степени, чем ничтожный Фал Турид. Ибо Фал Турид умрет, визжа и корчась от нестерпимых мук, если я не дам ему порошок сонного лотоса. О, разумеется, он может восседать на Троне Дракона, красуясь перед знатью, но в действительности-то Корону Дракона ношу я. Мой дорогой друг, жизнь прекрасна, ибо сарк делает все, что я велю ему сделать. Я советую ему найти старого хитрого алхимика Оо-лима Фона, создавшего урилиум, и он находит его. Находит ради того, чтобы мы могли построить могучий флот летающих лодок, который приведет всю Лемурию под нашу, то есть мою, руку.

Внимательно слушая полубезумный лепет Талабы, Тонгор начал незаметно проверять прочность удерживавших его цепей. Мышцы медленно набухли на его могучих плечах, он напрягся что было сил, но старания его оказались тщетными. Железные кольца были надежно вмурованы в каменные блоки. Поза, в которой он был прикован, тоже не способствовала успеху его попыток обрести свободу, ибо северянин не мог полностью использовать свои недюжинные силы. Если бы в его распоряжении было несколько дней, он, вероятно, мог бы ослабить и разорвать звенья цепи, но едва ли у него будет на это время...

— О нет, тебе вовсе не надо понапрасну тужиться и рвать свои оковы, — насмешливо обратился к нему карлик. — Конечно же, я вижу твои старания — Талаба имеет отличные, очень зоркие глаза, — но тебе не суждено выйти отсюда. Мне придется оставить тебя здесь, ведь я так одинок.

Ты даже не представляешь, как я одинок! Но не волнуйся, мы станем друзьями, хорошими друзьями, ты и я.

Истребитель поднялся со своего табурета и, подобравшись к Тонгору, разразился зловещим смехом.

— Погоди, я еще не раскрыл тебе мой самый большой секрет. — Затянутой в перчатку рукой он начал срывать с себя темные одеяния. — Ты должен увидеть меня таким, каков я есть на самом деле, между друзьями не может быть секретов, им незачем прятать друг от друга свое тело, так? Сейчас ты посмотришь на Талабу, а затем узнаешь, почему у тебя возникнет непреодолимое желание говорить и рассказать мне все, о чем я хочу знать. Смотри же!

— Горм!

Крик вырвался из уст Тонгора помимо его воли. Талаба сорвал с себя остатки одежды и стоял перед ним совершенно обнаженный. Его сгорбленное, сухощавое тело было изъедено какой-то страшной болезнью: кожу покрывал тошнотворного вида губчатый грибок, сочащийся влагой и к тому же источавший отвратительный гнилостный запах. Он покрывал грудь, спину, плечи и даже голову карлика, изуродовав половину лица так, что оно казалось застывшей в вечном оскале маской. Жуткий лишай изъязвил его лысую голову и лоб до такой степени, что в образовавшихся кавернах поблескивала обнаженная черепная кость. Глаза Истребителя горели безумным алым огнем, еще больше усиливая сходство уродливого лица с чудовищной маской. Невозможно было поверить, что пораженный столь страшной болезнью человек мог жить, двигаться и мыслить. От одного своего запаха, вида истекающего гноем тела он должен был или окончательно сойти с ума, или покончить счеты с жизнью. Но, похоже, этот заживо съеден-

ный лишаем карлик, этот смрадный, залитый омерзительной слизью непогребенный труп поддерживала какая-то потусторонняя сила, преследовавшая при этом какие-то свои непостижимые человеческим разумом цели...

Заметив покрывшую лицо Тонгора бледность и разглядев появившуюся на нем гримасу отвращения, которое северянин даже не пытался скрыть, карлик удовлетворенно захихикал:

— Ты находишь, что вид Талабы не слишком приятен? А ведь когда-то, поверь мне, он тоже был молодым, высоким и могучим! Он походил на тебя, друг мой! Но потом, потом на него обрушилась эта болезнь, и он стал таким, каким стоит перед тобой! Ну вот, — карлик зловеще улыбнулся обезображенным лицом, — теперь ты, конечно, понимаешь, почему тебе придется рассказать ему все свои секреты? Да, мой дорогой друг, тебе придется раскрыть свое сердце Талабе, который обнажил перед тобой свое тело. Ты все еще не понял почему?

Он подошел поближе, вглядываясь в Тонгора злобно сверкающими глазами, делавшими его уродливое лицо еще более отвратительным.

— Потому что слабый и немощный Талаба в состоянии все же вскрыть вену на твоей руке... Достаточно даже крошечной царапины. И если царапину эту смазать жидкостью, которую выделяют мои язвы, ты, мой любезный друг, станешь со временем таким же, как Талаба.

— О, Горм! — проскрежетал Тонгор.

Обнаженный карлик хлопнул в ладоши и в возбуждении стал приплясывать на месте.

— Да, если капля этой жидкости попадет в твою кровь, никакие снадобья в мире не остановят болезнь, которая быстро превратит тебя в существо, похожее на Талабу. Если даже ты отрубишь себе

пораженную болезнью руку, зараза будет продолжать распространяться. Если ты убьешь себя, на твоём теле будет произрастать лишай и оно станет подобием моего. О, согласись, у Талабы имеется отличный ключ, чтобы отмыкать людские уста! Нет секрета более действенного, чем тот, который я открыл тебе, не так ли?

Он приблизил к Тонгору свое источенное мерзостными нарывами лицо, пристально вглядываясь в глаза своего узника, оглушенного исходящим от Талабы зловонием.

— Ты небось думал, что если Фал Турид послал тебя в эти подземелья, то тебе предстоит перенести обычные пытки? Полагал, что тебя, молодого, сильного и смелого, не сломит ни боль, ни смерть? Но то, что тебе предстоит пережить, значительно хуже смерти, правда, друг мой?

Талаба нагнулся к брошенному на пол одеянию, и, когда он снова выпрямился, валькар в тусклом зеленоватом свете разглядел зажатый в скрюченной руке карлика кинжал. Талаба шагнул к Тонгору, и красные глазки его, утопавшие в изъеденных лишаем глазницах, засветились отвратительной, безумной похотью.

— Одна маленькая царапина... Крохотная капелька крови Талабы, смешанная с твоей, и мы станем не только друзьями, но и братьями. Ты полюбишь это подземелье, а когда Фал Турид завоюет Лемурию, он даст нам много людей, чтобы поразвлечься с ними. Много молодых мужчин и совсем юных девушек... Они примут участие в нашей замечательной игре и станут такими же, как ты и я...

Карлик поднес отточенное лезвие к телу Тонгора, и северянин закрыл глаза. Неужели это сырое, смрадное подземелье станет его могилой? Неужели никогда не суждено ему наполнить грудь свежим

утренним воздухом, не почувствовать на своей коже ветер, гуляющий над полями колосающейся пшеницы, и тепло ласковых солнечных лучей? Неужели он никогда больше не взглянет в лицо любимой, не увидит ее улыбку, не встретится с ее светящимися любовью глазами, не ощутит прикосновение ее губ, терпких и ароматных, как старое доброе вино?..

Но что это за звук?

Чуткий слух Талабы тоже уловил донесшийся из недр подземелья звон стали о сталь. Карлик вздрогнул. Занесенный над веной Тонгора кинжал замер в скрюченной руке Истребителя, маленькие красные глазки тревожно забегали по сторонам, а потом вновь уставились в лицо валькара.

— Ты слышал этот звук? Металл ударил о металл, не так ли? Там, в темных глубоких ямах, живут существа... Странные, страшные существа, которые не боятся и не слушаются Талабу... Они уже были здесь, когда Талаба пришел в это подземелье... Они живут тут давно, очень давно и никогда не видели ни солнечного, ни лунного света... У них нет глаз... Тссс! Слушай!.. Ты слышишь?..

Тонгор прислушался, но не смог уловить ни единого звука в мертвой тишине подземелья. Тогда он вгляделся в лицо карлика и понял, что мучитель его не на шутку перепуган. Облизнув бесцветным языком изъязвленные губы, он, держа обнаженный кинжал в вытянутой руке, настороженно прислушивался и принюхивался. Мгновение-другое ничего не происходило, а потом северянин отчетливо ощутил дуновение холодного сырого ветра, пришедшего из темных глубин подземелья.

Неужели таящийся в глубинах тюрьмы монстр так ужасен, что мог испугать самого Талабу? Что же это за тварь, которой страшится даже тот, кому, казалось бы, уже нечего бояться на этом свете?

Карлик между тем накинул на плечи свое темное одеяние и, скрывшись в дальнем конце камеры, скоро вернулся оттуда с мечом и фонарем. Зажег установленную в фонаре свечу и пробормотал:

— Мой друг, я должен ненадолго покинуть тебя и посмотреть... Посмотреть на существ, живущих в ямах... Они боятся света, и я уже слышал их раньше... Страшиться этих тварей нечего, они двигаются медленно и скрываются, завидев свет фонаря... Я скоро вернусь.

Талаба выскользнул из камеры, оставив беспомощного узника прикованным к влажной стене. Будучи не в состоянии защищаться, валькар почти желал, чтобы карлик вернулся. Мысль о том, что Талаба будет убит в глубинах подземелья какой-то отвратительной безымянной, никогда не видевшей света нечистью, показалась ему ужасной. Ведь только карлик может освободить его от цепей, и если он погибнет, то следующей жертвой безглазой твари станет сам Тонгор.

Северянин вновь попытался освободиться от оков, однако старания его были напрасны. Кольца, к которым он был прикован, выглядели старыми и ржавыми, но на деле оказались достаточно прочными. Со временем его усилия, быть может, и увенчаются успехом, вопрос лишь в том, не произойдет ли это слишком поздно...

Внезапно Тонгор снова услышал донесшиеся из непроглядной темноты коридора звуки. На этот раз он различил шум, похожий на шарканье приближающихся шагов. Быть может, это возвращается Талаба? Но почему тогда не видно света фонаря, с которым он покинул камеру? И точно ли это звук шагов?..

Тонгор напряг слух, стараясь не упустить ни малейшего шороха. Шорох повторился, и северянин ощутил, как тело его покрывается потом. О, Горм!

Как гнусно быть прикованным к стенам и, чувствуя себя совершенно беззащитным и бессильным, ждать, когда ужасная тварь, обитающая в вечной тьме, подберется, чтобы...

Шуршание и шорох раздалось ближе. Похоже, кто-то, крадучись, стараясь производить как можно меньше шума, приближается к камере. Тонгор сжал челюсти. Он не боялся существа, которое шло, ползло или летело к нему, все, о чем он мечтал, — это сбросить оковы и встретить неведомую тварь с верным мечом в руках. Он готов был встретиться один на один с кем угодно, но погибнуть в цепях, не оказав ни малейшего сопротивления неведомому противнику... Право же, это была бы самая отвратительная смерть!

Крадущиеся шаги послышались совсем рядом. Существо, кем бы оно ни было, вот-вот должно было появиться в дверном проеме. Тонгор увидел темную массу, замершую на пороге и, судя по всему, разглядывающую содержимое камеры. Затем она сделала шаг, другой...

ТВАРЬ ИЗ ЯМЫ

Тонгор клинок по рукоять
Вонзил в червя весьма умело,
Но монстр не думал умирать —
Срослось разрубленное тело!

Взращенная в чертогах зла,
Тварь вновь в атаку устремилась.
Смерть воинам она несла,
Сама ж погибнуть не страшилась...

Сага о Тонгоре. Песнь 11

— Элд Турмис! — Тонгор мог поклясться самой страшной клятвой, что существо, переступившее порог камеры, было не кем иным, как ловким мо-

лодым меченосцем, одетым в красно-черную форму гвардии Турдиса. Его старый приятель рассмеялся и, обнажив клинок, приблизился к северянину, чтобы избавить его от оков.

— Здорово, валькар! Похоже, мне на роду написано вытаскивать тебя из тюрем! — шутливо проворчал он. — Не прошло и месяца, как я помог тебе бежать от гнева сарка Турдиса, приговорившего тебя за убийство на поединке собственного отара, и вот опять ты в темнице!

Сердце Тонгора радостно забилося при виде взъерошенных темных волос и усмехающегося лица старого друга. Сколько раз они с Элдом Турмисом и другими гвардейцами сидели за кружкой пива и жарким в гостинице «Обнаженный меч». Случайное знакомство, как это порой бывает среди воинов, со временем переросло в крепкую дружбу...

— Клянусь кровью Богов, я думал, ты и есть то самое существо из ямы, которого так испугался Талаба! — проговорил Тонгор, пока Элд Турмис изучал крепление его цепей.

— Он что-то говорил о тварях из ям? — настороженно спросил гвардеец.

— Да. Талаба сказал, что в глубинах этого подземелья есть ямы, куда не проникает ни единого лучика света и где живут странные и страшные порождения тьмы, — ответил Тонгор. — Услышав твое приближение, он решил, что безглазая тварь пришла по его душу. Поторопись, ибо один Горм знает, когда этот вонючий карлик вернется, чтобы снова взяться за меня.

Элд Турмис вынул удерживавшие Тонгора цепи из стеновых колец, и северянин, окинув их взглядом знатока, убедился, что даже его титанические усилия не смогли причинить им никакого вреда. Нечего было и думать одолеть их голыми руками, впрочем, теперь в этом не было и необходимости. Гвардеец вставил в

одно из звеньев цепи свой кинжал и, действуя им как рычагом, в несколько мгновений освободил сначала одну, а затем и другую руку северянина. Звон лопнувших цепей показался Тонгору слаще любой музыки. Потянувшись могучим телом, он почувствовал, как радостно запели начавшие было затекать мышцы, и широко улыбнулся.

— Спасибо, дружище! — Северянин от избытка чувств так хлопнул своего спасителя по плечу, что тот пошатнулся и едва устоял на ногах. Морщась и потирая ушибленное плечо, Элд Турмис протянул Тонгору меч и слегка подтолкнул его в спину:

— Давай-ка по-быстрому выбираться из этой мерзкой дыры, пока Талаба не вернулся, чтобы приняться за тебя всерьез!

— Мой меч! — воскликнул Тонгор восхищенно. — Как тебе удалось заполучить его?!

Элд Турмис насмешливо улыбнулся и пожал плечами:

— Баранд Тон подобрал его в деревне звероловов, а я завладел им не позаботившись получить на то согласие даотара. Однако хватит болтать, пора в путь. Меня тошнит не только от вида, но и от запаха этого подземелья. К тому же в этом жутком свете мы представляем собой превосходную цель.

Покинув камеру со светящимся мхом, друзья вышли в коридор и сразу же очутились в крошечной тьме.

— Как тебе удалось так быстро разыскать меня? — спросил Тонгор.

— Сам даотар, узнав, что мы с тобой друзья, назначил меня дежурить у Черных Врат, — ответил Элд Турмис.

— Не понимаю. Почему именно тебя?

В непроглядной тьме Тонгор не мог видеть своего товарища, но почувствовал, что тот пожал плечами.

— Полагаю, это связано с твоим поединком. После того как ты бежал на летучей лодке сарка, даотару стало известно, что убитый тобой Джелед Малкс сам нарвался на ссору, отказавшись оплатить свой проигрыш, и первым обнажил оружие. Баранд Тон — суровый и требовательный командир, но он человек чести. И к тому же, как многие честные люди в Турдесе, недолюбливает нынешнего сарка. О, от «справедливости» Фала Турида приходят в ужас люди и похуже нашего даотара!

Пока Тонгор переваривал услышанное, друзья миновали коридор и очутились в просторном помещении, пол которого был усеян искореженными плитами. Часть из них, вероятно, попадала с пола и потолка, а остальные были выворочены из самого пола какой-то чудовищной силой. Судя по всему, высоту зал имел не маленькую, и тем не менее в воздухе явно ощущался тошнотворный запах гниения.

— О Боги, как тут темно! Чего нам действительно не хватает, так это свечи или светильника, чтобы рассеять мрак!

Элд Турмис ворчливо согласился, что в подземелье, и верно, слишком темно.

— Куда мы двинемся теперь?

— Нам нет смысла возвращаться к Черным Вратам прежней дорогой, — сказал Элд Турмис, — если, конечно, мы не хотим угодить из-за этой проклятой темени в объятия Талабы.

— Если тебя смущает только это, пойдем прежним путем. Имея в руках славный валькартийский меч, я не откажусь встретиться с хозяином этого подземелья, — проговорил Тонгор, недобро усмехаясь.

Неожиданно яркое пламя вспыхнувшего, словно по волшебству, факела осветило дальний конец зала, заставив друзей замереть на месте. В свете факела воины разглядели уродливую фигуру согбенного тяжелым недугом Мастера Пыток, кото-

рого сопровождали два здоровенных раба. Факел, горящий в руке одного из них, позволил друзьям понять, что гиганты принадлежат к племени рохалов — иссиня-черных кочевников, населявших бескрайние степи восточной Лемурии.

На рохалах не было ничего, кроме набедренных повязок и кожаных ремней. Мощные иссиня-черные тела их блестели, будто смазанные маслом, в руках они держали железные топоры.

— Как по-твоему, заметили они нас? — шепотом спросил Элд Турмис.

— Нет, они находятся слишком далеко, свет факела не достигает нас, — уверенно ответил Тонгор. — Давай проследим за ними...

Не двигаясь и не издавая ни звука, друзья наблюдали за рохалами, двигавшимися вдоль дальней стены зала, освещая путь перед собой чающим факелом. По-видимому, они искали причину странного звука, встревожившего их господина. Лишенные волос головы рабов медленно поворачивались из стороны в сторону, и старания их в конце концов увенчались успехом. Что-то темное, разбуженное светом факела, зашевелилось в окружавших зал галереях. Быть может, это и было то самое существо, которого боялся даже не ведавший страха Мастер Пыток?

Элд Турмис открыл рот от изумления, и даже Тонгор вздрогнул, увидев диковинную тварь, возникшую внезапно в колеблющемся свете факела. Она была огромной и бесформенной, отдаленно напоминавшей чудовищного, невообразимо гигантского червя, влажное тело которого поблескивало слизью и казалось багровым из-за падавших на него отсветов пламени. Впрочем, было ли оно багровым или прозрачным, сказать на таком расстоянии и при столь скверном освещении было трудно... Безглазая голова, покачиваясь, вынырнула из провала

галереи, и рохалы издали крик ужаса — студенистая масса лезла и лезла из непроглядной тьмы, и конца ей не было видно. Один из рабов ударил топором жирное, колышющееся, подобно холодцу, тело. Из него брызнула бесцветная жидкость, но червеобразная тварь, не обратив на вонзившийся в нее топор ни малейшего внимания, неуловимо быстрым движением скользнула вперед и обвилась вокруг рохала.

Все это произошло так стремительно, что Тонгор и глазом не успел моргнуть, как студенистое существо полностью поглотило раба. Причем у северянина сложилось впечатление, что тело червя не просто охватило его своими кольцами, а расплылось, облепив несчастного своей плотью. Оно как бы вобрало в себя раба, все еще видимого сквозь полупрозрачную желеобразную массу...

— О, Боги ада! — пробормотал потрясенный Элд Турмис, и слова его прозвучали скорее как молитва, чем как проклятие.

Между тем второй раб, замороженно глядевший на поглотившую его товарища тварь, пришел в себя и, отшвырнув факел, с диким воплем ринулся в темноту, подальше от диковинного монстра. Сгорбленная фигура Истребителя бесшумно следовала за ним и вскоре тоже растворилась во мраке.

— Это существо движется к нам! — процедил Элд Турмис, стискивая зубы. Благодаря все еще горевшему на полу факелу, друзья видели, что впитавшая в себя рохала тварь начала скользить к ним, не то перетекая, не то переползая по нагромождению каменных плит. Мясистая безглазая голова ее покачивалась из стороны в сторону, каким-то непостижимым образом выбирая верное направление.

— Пошли, пора выбираться отсюда!

— Но куда? Это существо преграждает нам путь к выходу из подземелья!

— Попробуем обойти его, — предложил Тонгор, хватая товарища за руку. — Тут какая-то яма, и если мы перепрыгнем ее и доберемся до стены...

Друзья перепрыгнули через похожую на ров длинную яму, и тут факел, зашипев, погас. Зал погрузился во мрак, и Тонгор с Элдом Турмисом устремились вперед, то и дело оступаясь на искореженном полу. Им постоянно приходилось обходить завалы и нагромождения крошащегося камня, и в конце концов они, вместо того чтобы достичь дальнего конца зала, очутились в каком-то боковом коридоре, шедшем под небольшим уклоном в глубь подземелья. Приятели остановились, пытаясь сориентироваться, и тут их напряженного слуха достиг шорох скользящего вслед за ними червеподобного существа. Оно чмокало, хлюпало, как будто ему не хватало воздуха, и задыхающиеся, булькающие звуки эти заставили друзей оставить поиски правильного направления и прибавить шаг.

Их так и подмывало перейти на бег, однако пол коридора был разрушен не меньше, чем пол зала, и двигаться вперед приходилось с величайшей осторожностью. Чтобы не поломать ноги, приятели вынуждены были идти шагом, время от времени ощупывая пол впереди себя. Сознание того, что червеподобная тварь может в любой момент настичь их, превращало и без того трудный путь в сплошной кошмар. Кромешная тьма, полуразрушенный подземный лабиринт, а тут еще и безглазая нечисть за плечами, чавкающая и сияющая в предвкушении вкусной человечинки... Тонгору трудно было даже представить, в каких жутких, спрятанных от людских глаз глубинах этого древнего подземелья плодились и размножались столь чудовищные, ни на что не похожие создания, настоящие дети тьмы,

лучшим местом для которых, безусловно, была преисподняя.

Весь ужас положения, однако, открылся друзьям лишь когда они, задыхающиеся и взмокшие от пота, достигли конца коридора и обнаружили, что тот круто обрывается в пропасть. Выхода не было. Попробовав отыскать путь вдоль стен, приятели убедились, что обходной дороги нет — они оказались в ловушке. Шорох скользящего по их следам желеобразного монстра становился все громче и громче, тварь уверенно двигалась по пятам беглецов и явно не намерена была никуда сворачивать.

— О, Боги, пошлите же нам хоть немного света! — взмолился Элд Турмис.

Тонгор, ничего не ответив, утвердился на краю пропасти, из недр которой веяло ледяным дыханием неведомых глубин. Он тоже мог пожелать побольше света для этой последней битвы, но к чему обременять Богов просьбами? Довольно уже того, что в руках его был верный меч...

Желеобразная тварь нависла над друзьями. Она была так близко, что мерзкий запах ее забивал ноздри, не давал дышать, и, сознавая, что больше медлить нельзя, Тонгор, размахнувшись, вонзил валькарский клинок в студенистое тело. Ужасный удар мог убить или во всяком случае покалечить любого монстра Лемурии, но червь, казалось, даже не заметил вошедшего в него меча. Тонгор с ужасом чувствовал, как колышющаяся масса смыкается над сочащейся зловонной кровью раной, как быстро зарастает рассеченная плоть пораженной клинком твари...

Некоторое время два воина кое-как сдерживали натиск червеобразного существа, в два меча рубя и кромсая его студенистое тело. Вновь и вновь вонзались их клинки в мгновенно зарастающую плоть

чудовищного создания, не причиняя ему заметного вреда, и наконец Элд Турмис прерывающимся от усталости голосом произнес:

— Тонгор, это бесполезно! Мечами мы даже не можем заставить эту тварь почесаться. Мы обречены...

— У нас остался последний шанс спастись, — промолвил Валькар, — ничтожный шанс, и все же...

— Ну, говори, терять нам нечего.

— Не знаю, что находится на дне этой пропасти и есть ли у нее вообще дно! Но лучше уж прыгнуть и разбиться всмятку, чем быть переваренным этим студнем. Мечами-то уж его всяко не убить.

Элд Турмис в знак согласия и в ожидании близкой гибели пожал северянину руку, после чего друзья без лишних слов прыгнули в бездну, из которой веяло сыростью и холодом...

В последний раз Сумия видела Тонгора на крепостном дворе, перед тем как ее доставили в отведенные ей апартаменты. Помещения, предназначенные принцессе, были удобными и даже роскошными. Служанки приготовили ей ванну и принесли вкусную пищу, отведав которой, утомленная событиями минувших суток девушка уснула. Проснувшись ранним вечером, Сумия почувствовала себя свежей и отдохнувшей, хотя беспокойство о Тонгоре по-прежнему томило ее. Служанки, старавшиеся угадать каждое желание высокородной гостьи, принесли принцессе соответствовавшее ее сану облачение. Помимо богато расшитого цветными узорами наряда из шелковистой на ощупь ткани, девушка надела инкрустированный драгоценными камнями пояс и прикрывавшие груди украшения, похожие на золотые чаши с искусно вычеканенным рисунком.

Все это, однако, не мешало Сумии чувствовать себя пленницей, потому что всякий раз, когда она просила отвести ее к Фалу Туриду, служанки вежливо, но твердо отвечали, что сарк примет принцессу в урочный час. Они не могли рассеять опасений девушки за судьбу Карма Карвуса и могучего валькара, чьи доблесть и мужество успели уже прочно завоевать сердце Сумии.

На следующее утро, в то время как Тонгор и Элд Турмис прыгнули в разверзшуюся перед ними в недрах подземной тюрьмы пропасть, служанки прервали беспокойный сон принцессы и помогли ей быстро одеться, не пожелав, правда, объяснить, что ожидает девушку в ближайшем будущем. Встретившие Сумию у дверей ее апартаментов гвардейцы провели принцессу через множество запутанных дворцовых коридоров к дверям, выходящим во внутренний двор крепости-дворца. Здесь девушку уже поджидал паланкин, укрепленный на спине зампфа. Зверь этот, весьма напоминавший носорога, будучи исключительно выносливым, обладал силой слона и хорошо поддавался дрессировке. Тело зампфа было покрыто толстой жесткой кожей блекло-голубого цвета на спине и грязно-желтого на брюхе. Его короткие крепкие ноги оканчивались копытами — будучи не в состоянии развить большую скорость, зампф мог сутками передвигаться неспешной ровной рысцой. Над клювоподобным рылом верховой твари были расположены крохотные свинячьи глазки, между которыми торчал прямой рог с острым винтообразным концом.

Гвардейцы усадили Сумию в усталанный подушками паланкин, плотно задернули занавески, и зампф неторопливо потрусил к городским воротам.

Принцесса не знала, что несколько позже Карм Карвус тоже был выведен из отведенного ему по-

мещения и посажен в следующий за ней паланкин. Два везущих их зампфа были крохотной частью необъятной рати, с восходом солнца выступившей из ворот Турдиса. Приготовления к войне были завершены, и собранная Фалом Туридом мощная армия двинулась на Патангу — Город Огня, которым правил Васпас Птол — Желтый Друид, убивший отца Сумии и захвативший его трон.

Ехавший во главе своих грозных легионов Фал Турид олицетворял собою власть и богатство. На нем была роскошная кольчуга из червонного золота, сверкавшая при каждом его движении ярче самого блестящего женского наряда и отлично скрывавшая дряблость тела правителя Турдиса. Украшавший его голову шлем, так же как и корона, был выполнен в виде дракона, переливающегося всеми цветами радуги из-за обилия драгоценных камней. Зампф под сарком был удивительно крупным и столь белым, что напоминал медленно двигавшуюся гору снега. Малиновый плюмаж покачивался над головой зампфа, а седло, в котором восседал Сарк, было сделано из резной кости. Сопровождавшие Фала Турида телохранители ехали следом за ним на кротерах, а еще дальше двигались закрытые повозки, в одной из которых находился великий алхимик Оолим Фон, а в другой — незаменимый «слуга» повелителя Турдиса, Талаба Истребитель.

Вернувшись в камеру, к оставленному им пленнику, карлик убедился, что Тонгору каким-то образом удалось бежать, но, проследив его путь по подземелью, он пришел к выводу, что северянина сожрал студенистый червь. Почтя за лучшее не докладывать об этом Фалу Туриду, Талаба убедил Сарка, доступным ему одному способом, забыть на время о летающей лодке и выступить в поход с теми силами, какие у него имеются на сегод-

няшний день. Божественный голос сообщил Фалу Туриду, что Патанга подобна спелому плоду, которым может завладеть всякий, кто не поленился протянуть за ним руку. Для завоевания ее вовсе не нужны летающие лодки, достаточно будет прекрасно обученной конницы на кротерах и отлично снаряженной пешей рати Турдиса, которая благодаря заботам Фала Турида являлась лучшим войском Лемурии.

К вечеру они достигнут Патанги и, разбив свой лагерь под ее стенами, начнут осаду обреченного города. Город падет — это не вызывало сомнений, ибо ничто не может противостоять воле Фала Турида, подкрепленной мощью выпестованных им легионов. Патанга падет к ногам Великого Фала Турида, Блистательного Фала Турида, Фала Турида Завоевателя и Победителя!..

Капюшон надежно укрывал от любопытных взглядов не только обезображенное болезнью лицо карлика, но и злобную усмешку, делавшую его еще более страшным и отвратительным...

Баранд Тон ехал во главе отряда гвардейцев, следовавших за зампом сарка. На даотаре была кираса из прочной стали, плечи его прикрывал роскошный зеленый плащ, а над шлемом покачивались три алых пера птицы Ке-Кей. Однако, несмотря на бравый вид, на душе у даотара было тяжело. Верность и честь были двумя божествами, которым он привык поклоняться, но сейчас сердце его противилось исполнению воинского долга, ибо затеянная сарком Турдиса война была несправедливой и не могла принести городу ничего хорошего. Памятуя безмятежность Мастера Пыток в тот момент, когда он усаживался в свою повозку, даотар имел все основания полагать, что посланный им к Черным Вратам Элд

Турмис поступил именно так, как велел ему долг дружбы. Он не появился к началу похода, и Баранд Тон видел в этом добрый знак. Мысль о том, что гвардеец освободил валькара, вызвала на губах даотара улыбку. Сознание того, что хотя бы в этом он пошел против воли жестокого и неразумного сарка, несколько утешала опытного воина.

Даотар поднял глаза, и взгляд его невольно уперся в спину даотаркона, кротер которого следовал по пятам за белоснежным зампом сарка. Хайяш Тор управлял своим ящером с легкостью прирожденного наездника, одной рукой держа поводья, а другую картинно упирая в бок. Темный плащ его развевался за спиной красивыми складками. Самодовольный вид главнокомандующего армии Турдиса крайне раздражал Баранда Тона, полагавшего, что Хайяш Тор был больше чем кто-либо другой виноват в том, что Фал Турид решил без всякого повода напасть на Патангу. Жажда славы и власти снедали Хайяша, и они-то и явились истинной причиной начавшейся войны. Что значил бы Сарк со своими безумными мечтами о мировом господстве, если бы червь властолюбия не точил сердце даотаркона?

Глядя в спину Хайяша, Баранд Тон в тяжелом раздумье сдвинул брови. А гигантская армия между тем приближалась к расположенному неподалеку от Турдиса маленькому городку — Шембису, от которого было рукой подать до Патанги, места, где должны будут решаться судьбы многих народов.

Тонгор едва не лишился чувств, с головой погрузившись в ледяную воду. Вынырнув, он набрал полную грудь воздуха и, оглянувшись по сторонам, позвал Элда Турмиса. Ответа не последовало.

Сообразив, что они угодили в подземную реку, текущую сквозь мрак и неизвестность расположенных под тюрьмой Турдиса пустот, Валькар вновь наполнил свои могучие легкие чистым холодным воздухом и нырнул в стремительный поток, надеясь обнаружить там своего друга. Спасаясь от студеного монстра, они бросились в пропасть и летели в пустоте так долго, что, казалось, падению их не будет конца. От удара о ледяную воду Элд Турмис вполне мог лишиться чувств, и, если ему вовремя не прийти на помощь и не вытащить его на поверхность, он навсегда скроется на дне бурлящей подземной реки. Мысль о том, что он может потерять друга, была невыносима, и Тонгор снова и снова погружался на глубину, шаря вокруг себя руками.

Легкие валькара горели и готовы были лопнуть от недостатка воздуха, когда пальцы его наткнулись на что-то твердое. Ощупав свои находки, он крепко вцепился в них и рванулся на поверхность, отчаянным усилием выдирая тело из объятий готовых поглотить его вод. В какой-то момент ему показалось, что он переоценил свои силы и нырнул слишком глубоко. Северянин что было сил заработал ногами и, пробкой вылетев из воды, судорожно начал глотать воздух широко раскрытым ртом.

Отдышавшись, Тонгор обнаружил, что одной рукой сжимает нахлебавшегося речной воды, но живого Элда Турмиса. Другой рукой он обнимал скользкий ствол дерева. Валькар не мог представить, как попало это бревно в бурные воды безымянной подземной реки, но это его сейчас и не слишком интересовало. Кратко поблагодарив Богиню Удачи — Тиандру, он, сняв с Элда Турмиса кожаную перевязь, крепко-накрепко примотал ею товарища к бревну. Затем сам привязался к стволу собственным ремнем и расслабился, позволив реке нести их по темному подземному тоннелю. Его тело

нуждалось в отдыхе, и холодные струи воды могли как нельзя лучше взбодрить натруженные мускулы.

Тонгору трудно было определить, сколько времени пробыли они в подземном потоке. Когда Элд Турмис пришел в чувства и изверг из себя проглоченную при падении воду, друзья постарались как можно удобнее устроиться на спасительном бревне и, обессиленные, задремали, не обращая внимания на рев и грохот несущего их в неизвестность потока.

Прошло, вероятно, много часов, прежде чем подземная река неожиданно вынесла их из тоннеля под светлые небеса. Было раннее утро, и Тонгор с Элдом Турмисом, не веря своему везению, смеясь и прикрывая глаза от солнца, с удивлением начали вглядываться в покрытые темно-зеленой растительностью берега.

Бурные воды подземного потока влились в широкую могучую реку, и чудом спасшимся воинам оставалось лишь гадать, куда их занес счастливый случай. Освободившись от удерживавших их на бревне ремней, друзья высматривали место, где им удобно было бы выбраться на берег, обмениваясь соображениями по поводу полноводной реки.

— Скорее всего это Чаверн, текущий мимо Турдиса и Шембиса и впадающий потом в залив Патанги, — предположил Элд Турмис. — Если это так, то нас унесло далеко от города и нам потребуется немало времени на возвращение.

— У нас нет выбора! — ответил Тонгор без колебаний. — Принцесса Сумия и Карм Карвус остались в плену безумного Сарка, а тот, узнав о моем побеге, вполне способен выместить на них свой гнев.

— Ого! Смотри-ка! — прервал Элд Турмис товарища, указывая на высающиеся над кронами деревьев городские башни, внезапно выросшие за излучиной реки. По гребню городской стены расхажива-

вали стражники в черно-красных одеждах гвардейцев Турдиса.

— Худо будет, если они нас заметят!

— Не беспокойся, — успокоил друга Тонгор. — Единственное, что пока могут увидеть стражники, — это плывущее вниз по течению бревно. Нам повезло, мы находимся на другой стороне ствола, но лучше не рисковать. Попробуем добраться до противоположного берега под водой, незачем нам мозолить этим ребятам глаза.

Валькар беззвучно нырнул, и Элд Турмис незамедлил последовать его примеру. Ноги гвардейца оцепенели от долгого пребывания в холодной воде, а укрепленный на груди меч сковывал движения, но он старался не отставать от Тонгора и вскоре, двигаясь за своим столь же проворным, сколь и могучим другом, выбрался на заросший камышом берег.

Друзья замерли, глядя на вышагивающих по гребню городской стены гвардейцев, но те и не думали поднимать тревогу. Время от времени они останавливались, лениво наблюдали, как влекомые течением стволы деревьев выносит в залив, и вновь продолжали обход вверенного им участка стены.

— Пора!

Друзья выскочили из камышей, пригибаясь, пробежали открытый участок и юркнули под жерди, ограждавшие лужайку, на которой паслось несколько кротеров. Рептилии подняли свои безобразные головы, но, к счастью, появление незнакомцев их не особенно встревожило. Прячась за кротерами, Тонгор и Элд Турмис сняли обнаруженные ими на изгороди седла и принялись прилаживать их на ближайших тварей. Рептилии начали было брыкаться, стреловидные головы их угрожающе качались на гибких длинных шеях, из пастей вырывалось змеиное шипение, а холодные глаза взирали на чужаков с недоверием и злобой. Тонгор, однако, ничуть не испугав-

шись, ласково похлопывая кротеров по бокам, заговорил с ними тихим, успокаивающим голосом, и привыкшие к людям животные постепенно успокоились и позволили друзьям оседлать их. В следующее мгновение воины уже были в седлах, и, взбодренные легкими ударами сапог, кротеры, перепрыгнув через изгородь, понеслись прочь от реки.

— Куда мы скачем? — поинтересовался Элд Турмис.

— Пока что прямо, — лаконично ответил Тонгор, прислушиваясь к раздавшимся на городской стене крикам стражников.

Кротеры сразу взяли хороший темп. Похожие на огромных ящериц рептилии были менее выносливы, чем зампы, но благодаря худобе и длинным ногам значительно превосходили их в скорости. Темно-серые, глянцево посверкивающие шкуры их становились почти белыми у горла и живота, светлой была обычно и нижняя часть хвоста, который помогал кротерам удерживать равновесие во время бега. Ибо бежали эти твари на мощных задних ногах, подобно кенгуру не используя передние — более слабые, но размерами и силой превосходящие человеческие руки. Управляли кротерами при помощи хитрой сбруи, включавшей серебряные кольца, продетые в их чувствительные ноздри. Дрессировка используемых для верховой езды рептилий была делом не только трудным, но и опасным, поскольку вспышка гнева порой приводила к тому, что разъяренные кротеры употребляли своих хозяев в пищу. Тонгор и Элд Турмис, впрочем, были прекрасными наездниками и полагали, что в Лемурии не существует другого животного, бегающего на двух или четырех ногах, столь же пригодного для быстрой езды, как эти ящероподобные твари.

Удалившись от берега, друзья поскакали вдоль реки, рассчитывая рано или поздно выехать на до-

рогу. Следы, оставленные кротерами на прибрежном песке, выдавали их с головой, но Тонгор рассудил, что им легче оторваться от погони, используя имеющийся у них запас времени, чтобы как можно дальше ускакать от Шембиса, чем плутая по незнакомому лесу.

Набрав скорость, кротеры неслись вперед, не зная усталости. Солнце было еще на полпути к зениту, но в жарких его лучах великий залив Патанги, к которому скакали всадники, блистал, как начищенный щит, выкованный из чистого серебра.

Милую за милей покрывали хорошо отдохнувшие, лоснящиеся от доброго ухода кротеры, и сколько ни оборачивался Тонгор в седле, сколько ни вглядывался в пустынную полосу песка за спиной, погони заметить ему так и не удалось. Наконец, считая, что кротеры заслужили небольшой отдых, он придержал своего ящера и с улыбкой обратился к Элду Турмису:

— Полагаю, мы оставили преследователей далеко позади и они решат бросить эту бесполезную затею.

— Хорошо коли так, — проворчал гвардеец, оглядываясь по сторонам. — Я чувствую, что начинаю таять, как свеча, и почти жалею о прохладе подземной реки!

Тонгор, усмехаясь, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и вздрогнул, видя, как внезапно побледнел его товарищ.

— Гляди! — воскликнул Элд Турмис изменившимся голосом.

Валькар посмотрел в указанном направлении, и глазам его представилось то, что он меньше всего ожидал увидеть, — парящую вдалеке воздушную лодку.

— Кровь богов! — с изумлением пробормотал он. — Да это же «Немедис»!

ВОЛШЕБНЫЙ ЛУЧ

Могучая неведомая сила
«Немедис», подхватив, несла по небесам,
Безудержно над джунглями тащила
К руинам города, к зловещим чудесам...

Сага о Тонгоре. Песнь 12

Два дня назад путешественники оставили «Немедис» на южном побережье Ковии. Подъемная сила сделанного из урилиума корпуса летающей лодки была уничтожена молнией, но Тонгор с Кармом Карвусом все же привязали ее к багряному стволу могучего джанибара веревкой, сплетенной из виноградных лоз. Они полагали, что эта мера предосторожности будет не лишней: если левитационные свойства урилиума восстановятся, лодка во всяком случае не улетит прочь до их возвращения на побережье.

За двое суток, однако, урилиум не только успел восстановить утраченные свойства, но и накопил достаточно энергии, чтобы «Немедис» смог взмыть над землей. Некоторое время предусмотрительно изготовленная привязь удерживала его на месте, но рывки лодки в конце концов измочалили наскоро связанную веревку, она лопнула, и «Немедис» обрел свободу.

Получив способность левитировать, лодка все еще не могла подняться на большую высоту, пока не был включен двигатель. Урилиум тянул ее вверх, но сделанный из стали каркас, состоящий из мощных шпангоутов и тяжелого киля, весил достаточно много, чтобы не позволить лодке воспарить в поднебесье. Таким образом, «Немедис» благодаря сбалансированности веса корпуса и тянущим вверх силам урилиума некоторое время плавал над землей, пока не был подхвачен сильным порывом ветра. Послушная переменчивым ветрам, лодка долго рыскала над джунглями Ковии, и постепенно ее относил все

ближе к заливу Патанги, где она и попалась на глаза Элду Турмису и Тонгору.

Никогда не видевший воздушную лодку в полете, гвардеец разинул рот от удивления и страха — вид дрейфующего над головой судна мог привести в трепет кого угодно. В отличие от своего товарища, Тонгор не намерен был предаваться праздному созерцанию «Немедиса».

Заметив, что обрывок самодельной веревки все еще болтается под днищем судна, крепко привязанный к его корпусу, Валькар выждал момент, когда подгоняемая слабым ветерком летающая лодка окажется над его головой, и совершил великолепный прыжок. Поймав одной рукой конец веревки, он повис над взморьем.

Ловкому валькару потребовалось не много времени, чтобы взобраться по веревке на палубу лодки. Вскоре он очутился у панели управления и направил «Немедис» к тому месту, где восседавший на кротере Элд Турмис с изумлением наблюдал за маневрами диковинного судна.

— Лезь сюда, да поживее! — скомандовал Тонгор.

Оставив кротов пастись на лужайке, Элд Турмис присоединился к северянину, твердо уверившемуся, что удача наконец-то вернулась к нему.

— Теперь нас не догнать никаким преследователям! — провозгласил он радостно. — Не пройдет и часа, как мы будем над башнями Турдиса!

— Но как ты собираешься спасти принцессу из лап Сарка? — спросил Элд Турмис, опускаясь на одну из тянущихся вдоль стен каюты коек. Тонгор беззаботно пожал плечами:

— Дождемся темноты и подгоним «Немедис» ко дворцу. Какое-нибудь из окон башни будет наверняка открыто, а уж попав во дворец, найти в нем Сумию — вопрос времени.

Валькар положил руки на панель управления и включил двигатель. Острый нос лодки приподнялся, и она с огромной скоростью устремилась вперед. Элд Турмис судорожно вцепился в край койки, видя, как «Немедис», подобно пущенной из лука стреле, вонзается в утреннее небо. Глядя на оторопевшего друга, Тонгор рассмеялся и поспешил успокоить его:

— Ты скоро привыкнешь летать по небу и будешь чувствовать себя в этой лодке так же уютно, как легендарный герой Фондас на спине оседланного им дракона.

Элд Турмис кисло улыбнулся.

— Мне кажется, я больше похож на Нулда, — произнес он, имея в виду мифического летающего человека из страны Зэнд, расположенной в Моммурских горах, — хотя твоё сравнение тоже не лишено смысла.

— Кстати, если хочешь подкрепиться, еда и питье находятся в сумке, которая стоит под твоим сиденьем, — сообщил Тонгор. — Верхняя часть койки откидывается, как крышка сундука.

Элд Турмис без лишних слов откинул койку к стене и извлек из нее котомку с провизией. Гвардеец не ел с прошлой ночи, а Тонгор и вообще не мог вспомнить, когда ему последний раз доводилось утолить голод, так что не было ничего удивительного в том, что воины с энтузиазмом взялись за уничтожение обильных запасов снеди, оставленной здесь их другом Шарайтой несколько дней назад. Они отдали должное вяленому мясу и начавшему черстветь хлебу, фигам, финикам и другим сушеным фруктам, запив все это остававшимся во фляге вином. Утолив голод, друзья вполглаза вздремнули, чтобы подкрепить силы, которые должны были им вскоре очень и очень пригодиться.

Солнце стояло в зените, когда на горизонте показались сияющие башни Турдиса. Заставив «Немедис» снизиться, Тонгор повел его к городу с большой осторожностью, внимательно изучая все то, что могло им пригодиться во время ночной вылазки во дворец, когда из-за темноты многого будет не разглядеть.

Но чем больше друзья рассматривали расстилавшийся перед их глазами город, тем больше изумлялись полному его безлюдью. Турдис казался вымершим, улицы его были почти пусты!

— Взгляни-ка, похоже, там что-то случилось! Не можешь ты туда подлететь?

Тонгор проследил за движением руки Элда Турмиса. На северо-востоке города небо заволкли тучи не то пыли, не то дыма. Валькар коснулся приборной панели, и маленькая летающая лодка, разрезая раскаленный от жара полуденного солнца воздух, рванулась в указанном направлении.

— Вроде бы там что-то горит? — предположил гвардеец.

— Нет, облако висит слишком низко, — возразил Тонгор. — Горячий дым в теплом воздухе поднимается на большую высоту, а эта туча низкая и длинная.

— Что же тогда это может быть?

Они получили ответ на этот вопрос, когда «Немедис» достиг источника странного облака.

— Да это же армия на марше! — воскликнул Элд Турмис.

Валькар фыркнул. Как же он раньше не догадался, что это облако — не что иное, как тучи пыли, поднятые тысячами марширующих по дороге воинов.

— Их ведет Фал Турид? Он сам двинул свои войска на Патангу или послал кого-то другого?

Острые глаза Тонгора с малолетства были приучены видеть дальше и замечать больше, чем было

доступно горожанину. От остроты зрения и внимательности зависит удачливость охотника, а жителю пустынных земель тем паче необходимо уметь различить старый след на камнях или примятую зверем траву. Чтобы выжить в мире, где родился Тонгор, надо было иметь очень зоркие глаза. Лишь легкая рябь на воде предупреждала охотника о появлении поа — смертоносного речного дракона, лишь мелькание черной шерсти, едва различимое в сумраке джунглей, могло заставить его быть готовым ко встрече с прожорливым вандаром...

Пролетая над тучами пыли и пристально глядя в марширующее по дороге войско, Тонгор без труда удовлетворил свое любопытство. Над головной частью огромной рати он заметил развевающееся по ветру черно-алое знамя с изображением Дракона Турдиса, свидетельствовавшее о том, что сам Фал Турид ведет войско к Патанге. Разглядел Валькар и зеленый с серебром стяг, принадлежащий Арзангу Пауме — жестокому сарку Шембиса, присоединившемуся к одержимому манией завоевателя сарку Турдиса. При виде марширующих легионов золотистые глаза северянина сузились, а на губах появилась холодная улыбка, обнажившая его белые зубы и весьма напоминающая тигриный оскал. Счет его к Фалу Туриду был очень высок, и Тонгор намеревался получить по нему сполна.

Несколько позже он заметил в просветах между клубами пыли огненно-золотистый флаг Сумии — сарки Патанги. Тот развевался над закрытым паланкином, установленным на спине могучего зампа. Глаза валькара вспыхнули. Выходит, зря они парили над куполами и башнями Турдиса, готовясь к ночной вылазке во дворец, где рассчитывали отыскать принцессу. Найти ее оказалось очень даже просто — она ехала прямо под ними! В мозгу Тон-

гора один за другим стали возникать планы спасения Сумии, но все они были недостаточно хороши. В самом деле, как, не привлекая к себе взоры всей армии, извлечь принцессу из ее паланкина? Пока еще, к счастью, никто не заметил парящий над дорогой «Немедис», но обнаружить их могут в любой момент — не так уж сложно разглядеть в лазурном небе серебристое судно. Конечно, они могли рискнуть и без особых затей снизиться и спустить лестницу, по которой он добрался бы до паланкина...

— Тонгор!

Валькар обернулся к Элду Турмису, чтобы узнать, что встревожило его товарища.

— Лодка движется! Она движется сама по себе, без нашего участия!

Все было именно так, как говорил гвардеец. Медленно, как будто против воли, «Немедис» скользил прочь от армии, огромной посверкивающей змеей извивавшейся между низкими зелеными холмами.

Тонгор взглянул на панель управления. Двигатель был выключен, но «Немедис» продолжал удаляться от войска Фала Турида. Причем, если верить остальным приборам, лодка сейчас неподвижно висела над землей!

Пальцы валькара легли на панель управления, оживляя двигатель, и хотя заработавшие лопасти со свистом взрезали воздух, это никак не повлияло на полет лодки, продолжавшей плыть над зелеными холмами, все дальше и дальше от дороги, по которой маршировали легионы Турдиса. Скорость и направление ее полета не изменились — «Немедис» не желал реагировать на работу собственного двигателя! Тонгор уставился на заключенную в стеклянную сферу стрелку магнитного компаса, рыскающую из стороны в сторону, как потерявшая след собака. Потом, словно устыдившись творимого ею непотребства, стрелка начала сокращать амплитуду колеба-

ний и наконец застыла, однако указывала она при этом не на север, а на юго-запад. Чудно! Тонгор нахмурил брови, подумав, что, пожалуй, рано уверовал в благосклонность Богини Удачи.

Под днищем «Немедиса» поплыли непроходимые джунгли Куша, похожие на толстый, густого плетения ковер. Серебряная лента Чаверна, ослепительно сверкая на солнце, вилась среди темно-зеленых зарослей, а далеко на севере, на самой границе видимости, вздымались в небо багровые пики гор Моммурии, тянувшиеся с востока на запад через всю Лемурию, образуя гигантский хребет древнего континента. Если «Немедис» будет продолжать придерживаться выбранного направления, им придется пролететь сотню лиг, прежде чем они достигнут Кадорна — первого лежащего на их пути города, за которым катит свои грозные валы Яхензеб-Чун — Южное море.

Попытавшись разобраться, в чем же причина столь целенаправленного движения «Немедиса», Тонгор вынужден был признать, что объяснение этому могло быть одно: их летающая лодка попала во власть какой-то неведомой силы. И поскольку двигатель лодки работал на полную мощность без ощутимых результатов, оставалось признать, что сила эта во много раз превосходит все, с чем до сих пор приходилось сталкиваться валькару.

Тонгор в отчаянии сжал кулаки и бросил мрачный взгляд назад, туда, где уже почти невозможно было разглядеть тучи пыли, поднятые войском повелителя Турдиса. Как сможет он помочь Сумии, если неведомый и невидимый небесный монстр завладел «Немедисом» и тащит его в свое логово, расположенное, по-видимому, где-то в самом сердце непроходимых джунглей Лемурии? Постояв в задумчивости, северянин изо всех сил потянулся, так что захрустели суставы его могучего тела. Покинув место пилота, он скинул сапоги, снял перевязь с

мечом и опустился на одну из тянущихся вдоль стен кабины коек.

— Позволь узнать, что это ты собираешься делать? — полюбопытствовал Элд Турмис.

— Спать.

— Спать? Сейчас? — Элд Турмис вытаращил глаза от удивления.

— Почему бы и нет? Последние дни я трудился как проклятый, а вот поспать было как-то недосуг. К тому же нам ничего другого не остается. Поверь, в скором времени все изменится к лучшему. Но если я даже не прав и будущее сулит нам одни неприятности, подумать о том, как избежать их, у нас еще будет время. А сейчас я хочу спать, и если ты не имеешь ничего против...

Не закончив фразу, Тонгор смежил веки, и вскоре Элд Турмис понял по его ровному дыханию, что валькар и в самом деле заснул. Что это было: самоуверенность, беспечность или полнейшее равнодушие к собственной судьбе? Элд Турмис размышлял над этим довольно долго и по прошествии часа решил, что чем бы ни объяснялось подобное поведение Тонгора, оно на данный момент было, безусловно, самым правильным. Придя к такому выводу, гвардеец с легким сердцем устроился поудобнее на своей койке и последовал примеру товарища.

Два воина крепко спали, а влекомый неведомой силой «Немедис» летел и летел над джунглями Куша, в которые до сих пор не ступала нога человека. Солнце давно перевалило зенит, а конца бескрайним лесам не было видно. Лиги и лиги джунглей отделяли воздушную лодку от Кадорна, за которым расстиралось далекое Южное море...

Что-то едва заметно изменилось в равномерном движении воздушной лодки, и Тонгор открыл глаза.

Он очнулся сразу и готов был к немедленным действиям, в то время как обладавший менее изощренной чувствительностью, родившийся и выросший в городе Элд Турмис продолжал спать как ни в чем не бывало. Северянин стремительно вскочил на ноги и настороженно огляделся по сторонам, одновременно чутко прислушиваясь к своим ощущениям. Быстрая реакция не раз спасала ему жизнь, а способность мгновенно оценивать ситуацию и молниеносно принимать верные решения он считал едва ли не главным своим достоинством и всячески развивал в себе это врожденное умение.

Ошибки быть не могло — воздушная лодка замедляла ход и меняла направление полета. Она спускалась! Решив до поры до времени не будить товарища, валькар подошел к пульту управления, взглянул на показания приборов, а потом, пораженный, уставился на открывшийся с борта летающей лодки вид.

Ночь опустилась на Лемурию. Золотая луна сияла на фиолетовом небе ярче едва угадывавшегося, дотлевавшего в западной части небосклона солнца. Летучая лодка плавно опускалась в глубь сумеречных чащоб, но наметанному глазу северянина сразу бросилось в глаза, что перед «Немедисом» они словно расступаются, подобно тому как волны обтекают встретившиеся на их пути камни. На самом-то деле джунгли, конечно, не расступались, это летающее судно шло на посадку туда, где заросли были реже и из них поднимались руины великолепного города. Города, не нанесенного ни на одну карту, города, о котором не существовало даже легенд!

Между тем, если судить по огромным дворцам и храмам, по окружавшим его массивным каменным стенам, некогда это был колоссальнейший, богатейший город. Изъеденный временем, он и сейчас еще был прекрасен: высокие изящные башни продолжали вздыматься в небо, величест-

венные арки украшали площади, мраморные колоннады тянулись вдоль мощенных цветными плитами улиц. Чудовищные горгульи и многоголовые, многоликие боги и демоны злобно взирали с порталов, скалились с портиков и фронтонов уцелевших зданий. Скульптуры, барельефы и росписи, украшавшие стены домов, казалось, сделаны были сумасшедшим художником, смешавшим воедино толпы людей и каких-то отвратительных тварей; сложные композиции включали человеческие и нечеловеческие лица, змей и зверей, диковинные цветы, незнакомые северянину иероглифы и символы.

Вероятно, некогда это была столица могучей, процветающей державы, но время не пощадило созданное людьми диво. Башни покосились, колонны во многих местах упали, кладка стен превратилась в бесформенные груды строительного камня, расколотых плит и щебня. Ветер и дождь изуродовали донельзя и без того безобразных каменных демонов и Богов, испещрив их тела отвратительными кавернами. Плесень, мох и лозы дикого винограда покрывали их подобно причудливым одеждам, пестрыми коврами лежали у ног статуй, растекались по ступеням лестниц и мощению террас.

Джунгли вошли в покинутый людьми город и стали в нем полновластными хозяевами. Их медленный, но неукротимый напор расколол стены, обрушил воротные арки, пробил крыши домов. Время и растительность разрушили то, что не под силу было бы уничтожить самым жестоким и безжалостным захватчиком. Лианы и плющ взбирались по стенам, обрушивали своим весом и вездесущими корнями кладку, валили с ног изваяния, лезли в проломы крыш, выворачивали камни мощения. Улицы затопили кустарники и деревья...

Великолепный город превратился в живописные руины, теперь он походил на огромный заброшенный некрополь, позабытые могилы которого поросли сорной травой, а склепы опутала виноградная лоза... Это был город Смерти, в котором властвовал Авангра — Повелитель Призраков.

Тонгор, однако, был настороже, полагая, что кто-то до сих пор мог жить в этих развалинах. Чем ниже спускался «Немедис», тем внимательнее всматривался валькар в утопавшие в зелени руины. Его пронизательный взгляд скользил по храмам и дворцам, по площадям и улицам, силясь проникнуть в глубины оконных проемов, черневших на фоне сложенных из светлого камня стен, как провалы глазниц в выбеленном ветрами черепе.

«Немедис» продолжал снижаться, держа курс на высочайшую во всем городе башню, похожую на высеченную из цельного камня скульптуру, исполинской стрелой вонзавшуюся в звездное небо. На самой верхушке башни валькар разглядел странный механизм, состоящий из переплетенных между собой металлических труб и стеклянных шаров, в которых мерцали таинственные голубые огоньки. Механизм этот венчала сделанная из полированной латуни сфера, диаметр которой превышал человеческий рост. Торчащий из сферы, похожий на черное копьё штырь подобно пальцу Смерти указывал прямо на приближающуюся воздушную лодку. Конец штыря был окружен тусклым фиолетовым сиянием, в котором неожиданно что-то ярко вспыхнуло, как будто молния вырвалась из недр латунной сферы.

Неведомая сила стиснула бедра Тонгора, стальным обручем сжала грудь. Мышцы его окаменели, с искаженных гримасой уст сорвался болезненный крик, а руки словно прикипели к панели управления. Он услышал возглас изумления и глухой удар:

проснувшегося наконец Элда Турмиса сорвало с койки и с силой швырнуло в стену кабины. Тонгор попытался побороть сковавшее его тело оцепенение, но почувствовал лишь, как дыбом встали волосы на затылке, а мозг затопила пришедшая откуда-то извне волна ужаса.

«Немедис» тем временем завис так низко над башней, что киль лодки коснулся черного штыря, торчащего из латунного шара. Всполохи фиолетового пламени пробежали по корпусу лодки, и в свете их валькар внезапно увидел тех, кто управлял силой, завлекшей летающую лодку в сердце джунглей Куша. Около механизма, состоящего из металлических труб и стеклянных шаров, появилось несколько фигур в широких черных одеяниях. По команде их из недр башни выдвинулась длинная лестница, и незнакомцы, один за другим, стали подниматься на палубу летающей лодки.

Прежде всего в глаза Тонгору бросились безвкусные украшения из драгоценных камней и металлов, которыми изобиловали черные кожаные туники чужаков, надетые прямо на голое тело. Но не блестящие безделушки, а мертвенно-белые тела их больше всего поразили валькара, мысленно окрестившего пришельцев выходцами из могил. Неестественно худые, с лихорадочным блеском темных глаз на меловых лицах, они казались ожившими трупами, невероятно изможденными физически и морально...

Разглядывая незнакомцев, Тонгор прекратил попытки вырваться из сжимавших его тело невидимых тисков. Безропотно позволил он влажным ледяным рукам чужаков накинуть на свою шею веревочную петлю и связать запястья за спиной. Сила была не на его стороне, и северянину не оставалось ничего другого, как временно покориться обстоятельствам. Он видел, как холоднорукые, не издав ни звука, связали громко ругавшегося и

проклинавшего все на свете Элда Турмиса. Поразило при этом Тонгора то, что двигались они словно в полусне, жесты их были скованными и неловкими, как будто чужаки, пребывая в трансе, выполняли приказы неслышимого им голоса.

Связав валькару руки за спиной, пришельцы сорвали с него одежду, и тут же он ощутил, что охватившее его оцепенение стало проходить. Не дав ему опомниться, чужаки потащили Тонгора к лестнице. Он бросил последний взгляд на пульт управления и обнаружил удивительную вещь: одежда его и оставленный на приборной доске меч не упали на пол, а продолжали лежать на прежнем месте, словно приклеенные.

Валькар усмехнулся и позволил ожившим мертвецам подвести его к лестнице. Его догадка подтвердилась — именно из этой башни, и скорее всего из установленного на ее вершине механизма, исходила та чудовищная сила, которая, протаскив «Немедис» над джунглями Куша, доставила его в этот разрушенный город, населенный людьми, похожими на выходцев из могил.

ЗАТЕРЯННЫЙ ГОРОД ОММ

... Проклятый, утонувший в глубинах времен, погибший город еще хранит в своих таинственных недрах темный ужас, столь же всепоглощающий и безмерный, сколь всепоглощающие и безмерны пропасти, лежащие между сияющими в небесах звездами...

Третья Книга Псенофиса

Карм Карвус испытывал сильный гнев, который ему с трудом удавалось скрывать под маской безразличия. С тех пор, как он стал пленником Турида, прошло два дня. Сначала его, разлучив

с Тонгором и принцессой, поместили в отдельную камеру. Слов нет, она была достаточно удобной, но для человека действия камера, какая бы она ни была, все равно останется ненавистным местом заточения. Заточения бессмысленного, поскольку Фал Турид не мог иметь к нему каких-либо претензий и едва ли надеялся извлечь из Карма Карвуса какую-то пользу. От Тонгора он хотел узнать кое-что о летающей лодке, Сумию мог использовать в политических интригах ведь она была единственной законной претенденткой на трон города, который он хотел включить в состав своей будущей Империи. Но какой прок был Фалу Туриду держать в заключении князя Карвуса, который, будучи изгнанником, не имел иного достоинства, чем собственная жизнь? Разве что повелитель Турдиса рассчитывал использовать его в каких-то грядущих заговорах и переворотах?..

Как бы то ни было, пребывание в одиночной камере не было долгим, но, выйдя из нее, Карм Карвус всего лишь поменял место заключения. Теперь он ехал в закрытом паланкине вслед за Сумией, появление которой под стенами Патанги должно было заменить Фалу Туриду несколько легионов. Это было понятно Карму Карвусу, но несколько не помогало ответить на вопрос: зачем Фал Турид приказал взять с собой его самого?

В конце концов одна догадка показалась тсарголийцу достаточно правдоподобной. Быть может, Фал Турид взял его на тот случай, если Сумия заупрямится и не пожелает изображать из себя игрушку в руках повелителя Турдиса? Разумеется, тот хотел предстать перед жителями Патанги в роли освободителя, и если наследница трона не согласится подыграть ему, мог заручиться ее согласием, пригрозив сначала пытать на глазах девушки, а затем и убить Карма Карвуса. Сердце Сумии принадле-

жало другому, но едва ли она согласилась бы обречь на мучения своего друга...

К вечеру войско Турдиса достигло Патанги. Людям и зверям стоило больших усилий совершить столь длинный переход за один день, но воля двух человек заставила их сделать это. Красного сарка побуждало гнать свою рать вперед тщеславие да отара и бесчеловечные желания, сжигавшие черное сердце Талабы Истребителя. Покрыв расстояние между Турдисом и Патангой за один переход, к концу дня валившиеся с ног от усталости воины Фала Турида разбили лагерь в полулиге от желтых стен Города Огня. Южная ночь опустилась на землю как всегда внезапно, но к тому времени, как окрестности Патанги погрузились во мрак, дрова в походных кострах уже пылали, а в котлах кипела похлебка. Сидя в надежно охраняемой палатке, Карм Карвус прислушивался к долетавшим до него каркающим крикам зампов, громкому шипению кротеров и лязгу оружия, которое чистили и точили перед завтрашним сражением. Среди негромкого гула готовящегося ко сну лагеря выделялся мерный шаг множества животных, ведомых на водопой к берегу Саны.

Карм Карвус чувствовал себя в относительной безопасности, и его совершенно не волновал исход грядущей битвы. Ему было все равно, кто победит: жестокий владыка Турдиса стоил кровожадного Друида, завладевшего тронem Патанги, однако знатному вельможе, аристократу до мозга костей, каковым являлся Карм Карвус, было нестерпимо сознавать, что Фал Турид держит его в плену, чтобы иметь возможность диктовать Сумии свою волю.

Помешать этому он мог лишь одним способом: бежать из плена и освободить принцессу. Надеяться на помощь Тонгора нечего — скорее всего его могучий друг нашел свою смерть в мрачных

подземельях Турдиса. Если это так, он жестоко отомстит за его гибель. Когда тюремщики принесли Карму Карвусу пищу, он ухитрился незаметно стащить тупой столовый нож и два дня усердно точил его о найденный в камере осколок от плиты пола. Усилия тсарголийца привели к тому, что нож этот хотя и не превратился в кинжал, все же мог быть использован в качестве оружия...

Палатка Карма Карвуса была сделана из толстой ткани, стойки были глубоко вкопаны в землю, а снаружи пленника караулили четыре гвардейца. Прислушиваясь к мерным тяжелым шагам, узник без особых усилий мог определить, где они находятся в тот или иной момент. Карм Карвус дождался, когда лагерь погрузился в сон, а гвардейцы сошлись в кружок, чтобы обменяться парочкой-другой фраз, и, сделав в противоположной от них стороне палатки длинный разрез, мгновенно выскользнул наружу, тут же растворившись во мраке ночи.

Прислушиваясь к долетавшим в палатку звукам, тсарголиец составил себе представление о планировке лагеря и знал, где находится принцесса. Огромный шелковый шатер сарка был поставлен в центре расположившегося на отдых войска. Его окружали почти столь же роскошные шатры даотара, Мастера Пыток, Арзанга Паума — сарка Шембиса, их свиты, вельмож, сопровождавших правителей и офицеров. Палатки пленников располагались неподалеку друг от друга и чуть в стороне от шатров. Палатка Сумии размерами напоминала шатер, а формой — язык пламени. Сходство это усиливалось тем, что сделана она была из золотистого шелка. Развевавшееся над ней яркое знамя не позволяло усомниться в том, кому она принадлежит. Принцессу тщательно охраняли, и сначала затаившийся в темноте тсарголиец пришел в отчаяние при виде четырех гвардейцев,

бдительно наблюдавших за вверенными им сторонами палатки. Вооружены они были традиционными для Турдиса короткими мечами, в руках сжимали алебарды, а к поясу у них были пристегнуты булавы. Хуже всего, однако, было то, что палатка принцессы была ярко освещена.

За время короткого своего знакомства с Тонгором, Карм Карвус сделал вывод, что порой залогом успеха задуманного предприятия может явиться не тщательно разработанный и подготовленный план, а неожиданная стремительная атака. Валькар недолюбливал точно выверенные планы, в которых надо было проявлять выдержку и осторожность, прежде чем начать действовать. Сталкиваясь с препятствиями, он привык сокрушать их в первый же подходящий момент, бросаясь в бой подобно сметающему все на своем пути урагану. «Удача чаще улыбается смелому, чем велеречивому» — гласит «Алая песнь».

Памятуя об этом, Карм Карвус дождался, когда ближайший гвардеец, отвернувшись от него, двинулся вдоль палатки. Выскользнув из темноты, тсарголианин подбежал к стражнику как раз в тот момент, когда он собирался повернуть назад, прыгнул ему на спину и всадил нож в сердце. Гвардеец умер мгновенно, не успев издать ни крика, ни предсмертного стога.

Карм Карвус быстро отволоч тело в темноту и вооружился мечом убитого. Одним взмахом разрезал полог палатки и шагнул внутрь. Мельком бросив взгляд на роскошную лампу и раскиданные по полу подушки, тсарголиец начал искать глазами стройную фигуру принцессы и обнаружил ее у противоположной стены. Большие глаза Сумии раскрылись во всю ширь при виде столь внезапного появления Карма Карвуса. Девушка уже готова была выкрикнуть его имя, когда тот торопливо приложил палец к губам.

— Скорее, принцесса, на разговоры времени нет. Найдется у тебя темная одежда?

Сумия кивнула и, быстро отыскав темный плащ, накинула его себе на плечи. Карм Карвус сделал ей знак следовать за собой, и они вышли из прорезанной палатки в ночь.

Все это произошло так быстро, что сторожившие принцессу гвардейцы не успели обнаружить исчезновение своего товарища. Воспользовавшись этим, тсарголиец, держа Сумию за руку, шмыгнул в темную щель между двумя шатрами, мысленно благодаря Богов за отсутствие луны на небе.

Беглецам казалось, что они уже несколько часов пробираются сквозь лагерь Фала Турида, огибая палатки и зампов, избегая костров и освещенных факелами мест и изо всех сил стараясь не попасться на глаза совершающим регулярные обходы спящего войска караульным. Наибольшая опасность подстерегала беглецов при попытке покинуть пределы лагеря, поскольку двигаться им теперь пришлось по открытой местности и это было несравнимо труднее, чем перебегать от палатки к палатке и красться между загонами с отдыхающими животными. Однако внимание дозорных было сосредоточено на подходах к лагерю, и, высматривая вражеских лазутчиков, они не заметили неслышно пробиравшихся за их спинами Карма Карвуса и принцессы. Перевалило за полночь, когда беглецы миновали последние дозоры и почувствовали себя вне опасности. Завидев справа от себя неясно вырисовывающиеся стены Патанги, беглецы устало опустили на вершине поросшего сухой травой холмика, чтобы перевести дух и обсудить, что им делать дальше.

— Я восхищаюсь твоей храбростью и преданностью... — начала было Сумия, но Карм Карвус остановил ее жестом и спросил:

— Принцесса, чем благодарить меня за то, что я считаю своим долгом, скажи-ка лучше, что нам следует теперь предпринять? В конце концов, это твоя, а не моя родина. Стоит ли нам пробираться в Патангу, и если нет, то каковы твои дальнейшие планы?

Девушка задумалась, по привычке взбивая волосы, волной спадавшие на ее гладкие обнаженные плечи.

— У меня есть много друзей в городе, которые рады будут меня видеть несмотря на то, что Васпас Птол убил моего отца и захватил его трон. Нас, несомненно, приютят в домах барона Селверуса, виконта Дру или в других знатных семействах. Однако, пытаясь проникнуть в город, мы подвергнем себя огромному риску — желтые друиды, которыми Патанга кишмя кишит, сделают все возможное, чтобы схватить меня и доставить на алтарь, дабы принести в жертву Ямату.

— Так куда же мы пойдем?

— На север, где неподалеку от Патанги находится поместье друга и верного слуги моего отца — герцога Мэла, владетеля Тесонии. Он укрылся в этом поместье, предпочитая уйти в добровольное изгнание, чем выслуживаться перед Васпасом Птолом. Желтохалатные стервятники мечтают отправить его на костер, зная, что жители Патанги питают к нему любовь за щедрость и справедливость, но пока что руки у Верховного Друида коротки... Да, Карм Карвус, давай-ка двинемся на север.

— Хорошо. Но неплохо было бы нам где-нибудь отдохнуть и дождаться рассвета. Быть может, стоит подняться вверх по реке и там вдалеке от лагеря Фала Турида провести остаток ночи?

Сумия кивнула, и тсарголиец протянул ей руку, чтобы помочь подняться с земли. Но едва они сделали несколько шагов, как вокруг них вспыхнули

факелы, и беглецы обнаружили, что находятся в кольце бритоголовых людей в желтых халатах.

Увы, судьба распорядилась так, что, бежав из лагеря Фала Турида, они попали в руки патангского патруля, состоявшего из воинов Верховного Друида.

В один миг меч оказался в руках Карма Карвуса, и тсарголиец прыгнул на подступавшего к принцессе воина. Раздался звон стали, мечи скрестились, высекая снопы искр. Рычащий служитель Ямата был искусным бойцом, но отчаяние придало тсарголийцу сил, и, отбив клинок противника, он в мгновение ока перерезал ему горло. Воин упал, и кровь его окропила сухую землю.

Ловким поворотом кисти Карм Карвус крутанул свой меч и, выбив оружие из рук следующего противника, всадил клинок ему в брюхо. Избегая обрушившихся на него ударов двух новых противников, тсарголиец прыгал из стороны в сторону, мастерски орудуя мечом. Некоторое время ему удавалось уходить от смертоносных лезвий, вынуждавших его пятиться на вершину холма, но вот что-то с непостижимой силой обрушилось на затылок доблестного бойца. Мир подернулся туманной дымкой, и, падая, тсарголиец услышал отчаянный крик принцессы, зовущий его по имени...

За время своих странствий Тонгору не раз приходилось попадать в тюрьмы, и, по правде сказать, он не ожидал, что новое место заключения будет сильно отличаться от предыдущих. Однако помещение, отведенное для него и Элда Турмиса похожими на трупы обитателями мертвого города, было столь просторным и роскошным, что совсем не напоминало тюрьму. Под стать ему оказалась и пища, что не могло не произвести на валькара сильного впечатления. Обтянутый шелком диван,

подносы с редкими фруктами, изысканные мясные блюда и великолепные вина в не менее великолепных кубках были, безусловно, мечтой любого заключенного, и все же место, в которое поместили друзей, было тюрьмой. Причем такой, что бежать из нее было совершенно невозможно. Тонгор ощутил это сразу, едва только массивные двери, скользя по пазам, закрылись за их спинами. Стены и двери, пол и потолок — все было сделано из гладкого, блестящего, как шелк, и черного, как смерть, металла.

— Небиум, — поделился валькар своей догадкой с Элдом Турмисом.

Тщательный осмотр отведенной им комнаты подтвердил предположение северянина, что все окружающее их сделано из легендарного металла, высоко ценимого за его редкость и прочность.

— Весьма неплохо для тюремной камеры, — высказал свое мнение Элд Турмис. — К тому же и компания у нас есть, — добавил он, указывая на стоящее в дальнем конце помещения ложе, занятое еще одним пленником, с робостью поглядывающим на озирающихся по сторонам друзей.

— Еще один из этих живых мертвецов! — проворчал Тонгор, в свою очередь разглядывая незнакомца. Молодой человек, одетый так же, как и доставившие их сюда чужаки, в самом деле выглядел неважно. Лицо юноши было еще более бледным, чем у них, и носило следы еще большего истощения.

Попытавшись разговаривать товарища по несчастью, Тонгор убедился, что они могут понимать друг друга, хотя обороты речи этого трупоподобного юноши и показались друзьям весьма причудливыми. Узник, носивший странное имя Нарьян Заш Дромор, не отличался разговорчивостью, но во всяком случае он сообщил друзьям название города, в котором их угораздило очутиться.

— Так это и есть потерянный Омм! — воскликнул Элд Турмис, повторяя слова незнакомца. — Тонгор, ты не мог не слышать сказки о великом городе, построенном тысячу лет назад и исчезнувшем с лица земли в пору расцвета своего величия! Так вот почему показались мне столь странными одежды этих людей и язык, на котором говорит этот несчастный! Обитатели этого города тысячелетие не общались с жителями континента!

Он повернулся к Нарьяну Зашу Дромору, глядевшему на него без всякого интереса:

— Но почему мы находимся здесь? И что делаешь здесь ты?

— Почему нас заперли? Ты тоже пленник или тебя поместили сюда наблюдать за нами? — уточнил Тонгор.

Ответить юноше не удалось, поскольку двери внезапно отворились и в сопровождении вооруженных стражников в комнату вошли слуги, несшие блюда с дымящимся мясом, бокалы и кувшины с вином и подносы с прочей снедью. Кроме еды они принесли узникам их одежду, в которую те не замедлили облачиться.

— Что все это значит? Почему вы держите нас взаперти? — обратился Тонгор к одному из пришедших, но человек, похожий на обтянутый кожей скелет, пропустил его слова мимо ушей. Оставив принесенную пищу, чужаки, не проронив ни слова, вышли, и друзьям ничего не оставалось делать, как отдать должное искусно приготовленным блюдам.

Тонгор и Элд Турмис ели с большим аппетитом, в то время как Нарьян Заш Дромор едва притронулся к принесенным яствам. Покончив с едой, Тонгор, удовлетворенно вытянув ноги, с наслаждением принялся потягивать вино, не пытаясь более заговаривать с чужаком, явно не желавшим поддерживать разговор. Элд Турмис был настроен более решительно и засыпал узника целым градом вопросов.

— Я помещен сюда за совершенное мной преступление, — неохотно промолвил наконец Нарьян Заш Дромод. — Мне предстоит искупить свою вину...

— Какую вину? Как искупить?..

После долгой паузы, когда друзья уже решили, что ничего больше от товарища по заключению не услышат, он бесцветным голосом произнес:

— Мне предстоит предстать перед Ксосуном, повелителем Омма.

— А кто такой этот Ксосун? Он ваш сарк, да? Нарьян неопределенно пожал плечами:

— Он волшебник и наш правитель. Все мы служим его чудовищным желаниям. Он моргулак.

Элд Турмис ощутил бегущие по спине мурашки. Он обменялся с Тонгором встревоженным взглядом.

— Кровопийца?

Нарьян кивнул.

— Все, кто находится в стенах Омма, — его добыча. Его жертвами стали многие поколения родившихся здесь. Так продолжается из века в век, с того момента, как он появился среди нас.

Тонгор выругался, чувствуя, как волосы у него на голове встают дыбом. Он слышал об ужасных делах моргулаков — вампиров, живущих благодаря высосанной из людей крови. Теперь понятно, почему жители Омма выглядят как ходячие мертвецы. Повелитель этого города веками пил их кровь — другими они и не могли быть. Валькар чувствовал, как его душит ненависть, — вот, значит, почему их посадили в столь роскошную темницу и откармливают, как скот на убой. Первые за века проникшие в город пришельцы будут, без сомнения, великолепным блюдом для Ксосуна! Взглянув на побелевшее от гнева лицо Элда Турмиса, северянин убедился, что подобные мысли пришли и в голову его друга.

— Если вы ненавидите и боитесь моргулака, то почему не свергнете его? — возмущенно спросил Тонгор, но Нарьян лишь безнадежно покачал головой.

— Многие пытались уничтожить его и заплатили за свою отвагу головой. Ксосун обладает страшными знаниями. Он может управлять нашей волей и нашими мыслями. Тысячу лет назад, появившись здесь, он опробовал свою ужасную силу на наших предках и с тех пор безнаказанно терзает поколение за поколением. Ты, верно, заметил, что мы похожи на живые трупы? Но чему удивляться, если с рождения до могилы нас мучит страх, сознание безнадежности борьбы и ненависть к непобедимому моргулаку?

— Тысяча лет! — не мог прийти в себя от изумления Тонгор.

Элд Турмис недоверчиво покачал головой:

— Я слышал, моргулаки живут до тех пор, пока имеют возможность сосать кровь своих жертв. Но тысячу лет!..

Некоторое время они шепотом обсуждали возможности побега из страшного города, но так ничего и не придумали. Настала ночь, но Тонгор, не в силах уснуть, вновь и вновь возвращался мыслями к планам бегства, каждый из которых по тем или иным причинам был неосуществим. Ворочаясь с боку на бок, он неожиданно почувствовал что-то давящее ему на живот. Что-то мешало ему, и он, отстегнув висевший на поясе кожаный кошелек, вытряхнул из него круглый предмет, завернутый в чистую тряпицу. Развернув ее, он увидел золотой браслет, украшенный блестящим камешком. В первое мгновение валькар испытал удивление и разочарование, но затем лицо его разгладилось.

Ну конечно же! Теперь он припомнил, что получил этот браслет, когда покидал дворец Шарай-

ты. Это было совсем недавно, но события разворачивались так стремительно, что у него до сих пор не было возможности вспомнить о даре волшебника.

Любуясь безделушкой, Тонгор повертел ее перед глазами, наблюдая за переливами света на полированном металле. Помнится, вручая ему этот браслет, старый волшебник сказал: «Если ты сохранишь эту маленькую безделицу, однажды она может очень и очень тебе пригодиться».

Ого! Забыв и думать о сне, валькар вскочил с дивана и мягким кошачьим шагом пробежался по комнате, чувствуя страшное возбуждение. Шарайта не бросал слов на ветер, и значит... Тонгор осторожно надел браслет на руку, прислушался к собственным ощущениям, но ничего не произошло.

В глубине комнаты было установлено большое, в человеческий рост, зеркало в резной опаловой раме. Подойдя к нему, валькар поправил браслет, пальцы его коснулись драгоценного камня. Раздался щелчок...

— О, всемогущие Боги!

По телу Тонгора пробежала дрожь, он ощутил странное покалывание и с изумлением увидел, как его зеркальный двойник окутался зеленоватым светом. Сияние стало ярче, а затем отражение в зеркале начало таять. Непослушными пальцами валькар вновь коснулся камня на волшебном браслете. В опустевшем зеркале возникло зеленое свечение, и тело его снова стало видимым. Вот это да! Тонгор ощутил небывалый подъем духа, кровь в жилах забурилась, как после кубка доброго вина, и он, сдерживая волнение, прошел к своему ложу. Опустился на него и стал обдумывать начавший формироваться в его мозгу план побега из заброшенного города. Теперь, когда он узнал, на что способен чудесный браслет, положение их уже не казалось ему столь безвыходным. К утру он как

следует обмозгует ситуацию и будет готов померяться силами с владыкой Омма.

ЧЕРНЫЙ ДЫМ БЕЗУМИЯ

Враг твой лежит на твоём алтаре,
Жаркое пламя на алой заре!
Жертвенный нож обагрился в крови,
Тело и душу, Ямат, бери!

Ритуальная песнь Ямата

Васпас Птол пристально смотрел на приведенных к подножию его трона принцессу Сумию и захваченного вместе с ней молодого человека, чувствуя, как сердце его наполняется весельем. Когда-то он мечтал, что эта хрупкая девушка разделит с ним трон Патанги, но она сбежала и оказалась вне досягаемости. Ему уже приходило в голову, что он никогда больше не увидит ее, и вдруг такая удача!

Приближаясь к трону, девушка двигалась с грацией и изяществом не то газели, не то кошки, и Васпас Птол пожалел, что просторный тронный зал недостаточно велик, чтобы он мог всласть налюбоваться этим изумительным телом, этой чарующей походкой. О, какая гибкая, статная, словно выточенная из мрамора, фигура, соблазнительные формы которой не в состоянии скрыть никакие одеяния! Какая величественная осанка, нежная кожа, похожая на светящийся изнутри алебастр в оправе густых и блестящих черных волос! Какая высокая шея, глубокие сияющие глаза, бездонные, как колодцы, как ночное звездное небо! Какие чувственные губы, вызывающие в памяти лепестки роз и спелые ягоды...

— Итак, принцесса, ты вернулась к стенам своего родного города во главе армии чужеземного за-

воевателя! — провозгласил он, и ухмылка искривила его тонкие губы.

— Это неправда! Сарк Турдиса захватил меня в плен, но мне удалось бежать из него при помощи моего храброго предприимчивого друга — князя Карвуса. Твои друиды схватили меня, как раз когда нам удалось выбраться из лагеря Фала Турида.

Голос принцессы был ровным и спокойным. Ни тени страха или тревоги не было заметно на ее гордом лице, когда она подняла свои прекрасные глаза на Верховного Друида, и тот почувствовал, что краснеет под презрительным взглядом, которым Сумия окинула его с головы до ног.

Васпас Птол восседал на великолепном троне. На нем было роскошное одеяние из желтой парчи и бархата, богато украшенное драгоценными камнями. Но вся эта роскошь не могла скрыть сквозившую в каждом его движении жестокость, придававшую ему сходство с хищным зверем. В резких чертах костистого лица, холодных немигающих глазах и выдающемся вперед клювообразном носе было что-то от выселживающего добычу стервятника. И даже в тонких губах его, сложившихся в некое подобие улыбки, угадывалось что-то жестокое и злое.

— Теперь уже не важно, по какой причине или с какой целью ты оказалась здесь. Ибо вне зависимости от этого тебя и твоего приятеля ждет возмездие за совершенные преступления и оскорбления, нанесенные Ямату.

Сумия залилась ясным и чистым, как звон колокольчика, смехом.

— Какие же преступления ты приписываешь мне, Друид? Отказ выйти за тебя замуж даже под угрозой пытки и жестокой казни? Или я совершила преступление решившись бежать, когда ты, учинив неслыханное предательство и беззаконие, попытался отправить саркайю Патанги на алтарь своего

кровавого Бога? Но ни то, ни другое, как тебе прекрасно известно, не является преступлением! Саркайя выходит замуж за кого пожелает, и преступлением считается принуждать ее к браку! Побег невинно осужденного из-под стражи тоже не может быть назван преступлением. А вот вынесение смертного приговора без суда иначе как преступным назвать нельзя. Так кто же из нас заслуживает наказания, ты или я?

Каждое из брошенных Сумией обвинений было истинной правдой, и, слушая девушку, Веспас Птол чувствовал себя весьма неуютно. К тому же от глаз его не укрылось, что охранявшие пленников стражники обмениваются недоумевающими взглядами.

— Отар! — рявкнул он, взмахнув драгоценным жезлом. — Уведи своих людей из зала, пусть они подождут моих приказов за дверями.

Молодой друид поклонился и с сомнением в голосе произнес:

— Но, повелитель, хотя пленники и не вооружены, они могут...

— Ямат позаботится о своем преемнике на земле! — раздраженно оборвал его Желтый Друид. — Я сказал — ступайте!

Низко кланяясь, жрец вывел стражников из зала и притворил за собой дверь.

Веспас Птол вперил холодный взгляд в принцессу и медленно проговорил:

— Никто, кроме Верховного Друида, не может судить о преступлении, совершенном против веры. К тому же в Патанге многое изменилось со времен твоего рождения. Тебе ли этого не знать?

— Разумеется, мне это известно! — вызывающе улыбнулась Сумия. — В противном случае разве посмел бы Верховный Друид сидеть, в то время как его саркайя стоит? Он не допустил бы, чтобы его повелительницу оскорбляли эти цепи! — Она

обернулась к Карму Карвусу и взглядом указала на тяжелые цепи, которыми были скованы ее тонкие запястья.

Желтый Друид разразился злобным, режущим слух смехом:

— Сумия Чонда больше не саркайя! Она отреклась от этого высокого титула, бежав из своего города в компании преступников: убийцы и еретика!

— Все преступления, совершенные моими случайными спутниками — Тонгором-валькаром и Шарайтой, — заключаются в том, что они не позволили тебе убить их так же незаконно, как ты хотел убить меня, — отвечала девушка. — Однако к чему ворошить прошлое и без толку играть словами? Скажи лучше прямо, чего ты от меня хочешь и зачем велел схватить нас?

Бледное лицо Друида приняло благочестивое выражение.

— О, я не желаю ничего иного, кроме как помочь тебе, сиятельная, вернуться на трон, который по праву должен быть твоим.

— И который ты незаконно занял! — вставила Сумия. На лицо Друида набежала тень.

— Да, я вынужден был принять на себя заботу о твоём несчастном народе, когда ты бежала из города, оставив его на произвол судьбы.

— Отлично! Если ты намерен вернуть мне трон, то прежде всего сними с меня эти цепи и позволь вернуться во дворец моего отца. Самое время подумать о будущем, ведь войско Фала Турида стоит под стенами Патанги.

В запавших глазах узурпатора мелькнуло уважение, голос его сделался еще более вкрадчивым:

— К сожалению, принцесса, это не так просто сделать. Сначала должен состояться ритуал очищения. Ты должна покаяться в своих заблуждениях и богопротивных деяниях. Религиозные установления

строги, и соблюдение обряда отречения от содеянного зла и духовной скверны обязательно даже для венценосных особ!

— Короче, чего ты от меня хочешь?

Васпас Птол вздрогнул от этого прямого, прозвучавшего намеренной грубостью в устах принцессы вопроса, но продолжал все тем же масляным голосом:

— Покаяние в этом случае может быть только одно. Принимая во внимание твою молодость и дурное влияние, которое оказали на тебя случайные спутники, влияние, которому трудно было противостоять столь неискушенной девушке...

— Чего ты хочешь от меня, Друид? — нетерпеливо повторила Сумия.

— По мнению старших жрецов, дабы предотвратить дальнейшие заблуждения и взаимонепонимание, умиротворить жителей Патанги и продемонстрировать им единство целей верховной власти города и священнослужителей, принцессе Сумии, законной и единственной наследнице Дома Чонда, следует выйти замуж за Верховного служителя великого Ямата. Таким образом, все разногласия будут решены к обоюдному удовольствию, в душах подданных воцарится мир и покой и под покровительством истинного Бога будет положено начало новой великой династии...

Сумия безрадостно усмехнулась — ничего иного она и не ожидала.

— Твоя саркайя не пойдет на эту сделку, которая была бы пародией на добровольный и счастливый союз. Запомни, жрец, я люблю другого. Его зовут Тонгор-валькар. Он не единожды уже спасал мне жизнь и заслужил мою любовь и признательность. Я намерена сохранить ему верность и потому полагаю разумным более к вопросу о моем замужестве не возвращаться.

Краски окончательно покинули и без того бледное лицо Васпаса Птола. Морщины сделались глубже, оно разом постарело, и только глаза продолжали светиться прежним холодным огнем.

— Хочешь ты того или нет, но к этому вопросу нам придется вернуться! Сейчас я властитель этого города и мое слово здесь — закон!

— Сейчас ты и правда властитель, но что будет завтра? — спросила Сумия с притворным вздохом сожаления. — Бесчисленное войско Фала Турида стоит под стенами Патанги, и боюсь, что очень скоро этим городом будет владеть он. Так какой смысл говорить о свадьбе, которая уже не упрочит, как ты надеешься, твою власть?

— Я не боюсь сарка Турдиса, — произнес Верховный Друид, пренебрежительно улыбаясь, — Великий Ямат дал мне средство противостоять наглому захватчику. Положись на Огненного Бога — с его помощью Фал Турид будет жестоко разгромлен.

Глаза Сумии округлились от удивления, и она, не скрывая недоверия, спросила:

— Васпас Птол, не сошел ли ты с ума? Под рукой Фала Турида многотысячная армия, подобной которой еще не было в Лемурии! Сыны Патанги — сильные и храбрые бойцы, ее военачальники обладают необходимыми знаниями и опытом, но при чем тут Ямат? Мы говорим с глазу на глаз, и оба знаем цену твоему ложному Богу, зачем же произносить пустые слова? Ямат не может нам помочь! Мы должны разработать план действий, решить, как лучше защитить Патангу от вражеских полчищ. Мы должны подумать над обороной города и, быть может, вступить с сарком Турдиса в переговоры. Возможно, нам удастся откупиться от него всем тем золотом, которое накопили твои жрецы, немилосердно обиравшие многие поколения патангцев!

Васпас Птол улыбнулся. Наконец-то беседу удалось направить в нужное русло.

— О, принцесса, ты опять говоришь неблагоразумные, еретические, и я бы даже сказал, кощунственные слова, свидетельствующие о том, какое дурное влияние оказали на тебя твои спутники. Но поверь, я не собираюсь тебя обманывать! Бог дал мне в руки удивительную силу, которая уничтожит полчища врагов, осмелившихся осадить Патангу, не зря именуемую Городом Огня!

С этими словами Желтый Друид поднялся с трона и сделал шаг к нефритовому диску, висевшему за его спиной. Стукнув по каменному гонгу серебряным молоточком, он подождал, пока появившийся в зале раб, поклонившись, не застыл в смиренной позе, всем своим видом выражая повиновение и готовность исполнить любой приказ.

— Позови Химога Туна! И пусть захватит с собой шар, — велел Васпас Птол.

Слуга вновь поклонился и покинул зал.

— Что за игру ты затеял, Друид? Какие коварные планы породил твой злобный мозг на этот раз?

— Потерпи немного, о принцесса, и ты увидишь божественную силу Ямата в действии, — многозначительно пообещал Верховный Друид.

Химог Тун оказался жирным подбострастным коротышкой, несшим в руках большой шар, выточенный из черного кристалла, в вершину которого была вставлена металлическая трубка. Причем держал коротышка этот шар так бережно, словно тот был либо очень хрупким, либо смертельно опасным.

— Чего изволите, повелитель? — раболепно обратился Химог Тун к Верховному Друиду.

— Продемонстрируй принцессе силу шара, — небрежно приказал Васпас Птол. — Приведший тебя раб вполне годится для этой цели.

Химог Тун расплылся в улыбке, поклонился Друиду и позвал раба. Тот несмело приблизился, глядя на толстячка с нескрываемым ужасом.

— Встань тут, — распорядился Химог Тун, указывая рабу место в центре зала.

Убедившись, что Сумия, Карм Карвус и Васпас Птол внимательно наблюдают за ним, маленький жирный жрец начал, тихонько покачивая, словно баюкая, черный шар, поворачивать его так, чтобы торчащая из него трубка оказалась направленной на раба. Заметив это, раб побледнел, затем его стала бить дрожь, глаза округлились и готовы были вот-вот выскочить из орбит. Теперь находящиеся в зале могли видеть, что шар в руках коротышки был вовсе не монолитным, а полым и прозрачным. В глубине стеклянного шара клубился плотный черный дым.

Химог Тун не сделал никаких особенных движений, не прочитал никаких заклинаний — он попросту вынул из жерла шара пробку, и черный дым сам собой потек из металлической трубки, достиг раба и за клубился вокруг него. Именно таким, похожим на клубящийся дым, описывали старые легенды Иоргазала — ужасного демона безумия. Легенды эти одновременно вспомнились всем присутствующим в зале, ибо действие черного дыма, похоже, и впрямь лишило несчастного раба рассудка.

Едва черный дым коснулся его тела, как лицо раба исказила немыслимая, дьявольская гримаса. Пена выступила у него на губах и потекла на обнаженную грудь. Волосы на голове встали дыбом, глаза налились кровью, а изо рта вырвался волчий вой.

В то время как Сумия и Карм Карвус с ужасом и состраданием глядели на несчастного, тот упал на четвереньки, как будто намеревался изображать ди-

кого зверя. Пальцы его скрючились подобно когтям и начали скрести пол...

Васпас Птол наблюдал за происходящим с довольной усмешкой на устах.

Опустившийся на четвереньки человекозверь, пуская слюни и оглашая зал безумными воплями, начал корчиться, пытаясь разорвать скрюченными пальцами собственное тело, оставляя на нем глубокие кровавые борозды. Судя по всему, он не только не сознавал, что делает, но и не чувствовал боли. Движения его становились все более резкими, вопли все более дикими, и вдруг несчастный безумец вцепился пальцами в собственное горло и, заливаясь кровью рухнул на пол. Сумия в ужасе отвела глаза от бездыханного тела. Химог Тун равнодушно позвал рабов, и те унесли окровавленный труп из зала. Затем он поклонился Васпасу Птолу и тоже удалился, осторожно держа перед собой смертоносный черный шар.

Желтый Друид с удовлетворением задержал взгляд на побледневших лицах Сумии и Карва Карвуса и произнес:

— Теперь, принцесса, тебе понятно, почему Патанге нечего бояться армии сарка Турдиса. Завтра утром, когда посланцы Фала Турида потребуют от нас сдать город, черный дым безумия будет выпущен из стеклянных шаров со стен Патанги. Ты могла заметить, что дым этот тяжелее воздуха, и, стало быть, он опустится на осаждающие стены объединенные рати Турдиса и Шембиса. Любое дышащее существо вблизи города лишится рассудка. Они все, все обезумеют! И так, с помощью Ямата, Патанга победит любого выступившего против нее! И ты, принцесса, будешь стоять на городской стене и станешь свидетельницей славы и триумфа Патанги!..

Явившиеся на зов гонга рабы увели Сумию и Карма Карвуса в их комнаты, где им предстояло

пробыть до утра, до тех пор пока жрецы Ямата не будут готовы использовать против осаждающих свое ужасное оружие, которому ничто в этом мире не способно противостоять.

ЦАРЬ-ВАМПИР

Кровь, как молот, стучит в висках...
Силясь чар паутину порвать,
Вздулись мускулы на руках —
Дух Тонгора нельзя сломать!

Сага о Тонгоре. Песнь 12

К тому времени как солнце взошло над джунглями Лемурии, Тонгор успел тщательно продумать зародившийся ночью план и подготовиться к его осуществлению. Он уложил натянутые шелком подушки таким образом, чтобы у вошедших в комнату создалось впечатление, что в кровати лежит человек, после чего разбудил Элду Турмиса и посвятил его в свой замысел. Гвардеец склонен был полагать, что товарищ его сошел с ума, ибо затеянное им дело было чрезвычайно рискованным, но в конце концов вынужден был признать, что другого выхода у них нет, и скрепя сердце согласился. Разумеется, он предпочел бы сопровождать валькартийца в задуманной тем вылазке, однако чудесный браслет не мог обеспечить невидимость двум воинам, и Элду Турмису пришлось смириться с вынужденным бездействием.

Итак, все было готово. Тонгор, притаившись за дверью, убедился, что волшебный браслет сделал его невидимым для человеческих глаз, и стал ждать появления слуг и стражников. Ему не пришлось ждать долго: чуткое ухо его сразу уловило шарканье приближающихся шагов. Вот чужаки подошли к двери,

окруженной высоким порталом из черного небума. Лязгнув засов, и створки дверей разошлись в стороны, пропустив десяток бледнолицых трупоподобных людей с мертвыми глазами, несших блюда и подносы с пищей. Губы Тонгора искривила усмешка: вот принесли корм для приготовленного на убой скота! Однако скот не так уж глуп и вовсе не желает, чтобы Ксосун угощался его кровью!..

Вооруженные мечами стражники перегородили дверь, в ожидании когда слуги поставят принесенные блюда и подносы с пищей. Взгляды их скользнули по кровати Тонгора, потом по Элду Турмису, делавшему вид, что он только что проснулся, и остановились на стоящем в конце комнаты ложе Нарьяна Заша Дромора, лицо которого не выражало решительно никаких чувств.

— Ты пойдешь с нами, — сказал командир стражников, указывая бескровной рукой на Нарьяна.

Глаза узника наполнились страхом, тело содрогнулось от ужаса. Маска безразличия и покорности судьбе исчезла — он боялся, смертельно боялся и не мог и не желал скрывать своего страха!

— Неужели мое время пришло?.. — пробормотал он слабым, дрожащим голосом, свидетельствовавшим о том, что не все чувства еще умерли в его истощенном теле.

— Следуй за нами, — поторил стражник все тем же бесцветным, равнодушным голосом.

Нарьян слез с кровати и сделал несколько шагов на подкашивающихся ногах. Покачиваясь, пересек комнату, и тут стражники подхватили его под руки.

Выждав подходящий момент, Тонгор бесшумно шагнул за порог и оказался в широком коридоре. Ему было жаль идущего на верную смерть Нарьяна, но в то же время это давало ему шанс реализовать свои планы, и валькар беззвучно поблагодарил Ти-

андру — Богиню Удачи за то, что она не обделила его своим вниманием. Не позаботься она о нем, и ему пришлось бы невесть сколько времени плутать в переходах и залах огромного дворца, полагаясь на то, что рано или поздно случай укажет ему местонахождение Ксосуна — царя-вампира потерянного города. Теперь же северянину надо было только следовать за стражниками, ведущими Нарьяна Заша Дромора, а уж они-то укажут ему путь лучше всякого провожатого.

Двое стражников, подхватив Нарьяна под руки, не слишком заботливо поволокли его по пустому, гулкому коридору. Остальные стражи и слуги последовали за ними. Тонгор, крадучись бесшумно, как вышедший на охоту кот, оставаясь невидимым, замыкал шествие.

Как и все прочие здания в затерянном городе, дворец этот некогда был великолепен и принадлежал, надо думать, если уж не самому сарку Омма, то кому-то из его приближенных. Время не пощадило его, и сейчас здание напоминало раковину, давно покинутую своим обитателем, или хитиновую оболочку давно умершего насекомого. Цветные оконные витражи осыпались, изящные мраморные барельефы, настенные росписи и мозаичные панно облупились, заросли лишайниками и мхами. Прекрасные когда-то шпалеры превратились в выцветшие лохмотья, мебель, сработанная из редких пород древесины, рассыпалась и превратилась в груды обломков. Словом, внутренность дворца представляла собой такое же печальное и жалкое зрелище, как и ютящиеся в нем бледные тени, скверные подобию людей, в которых почти не осталось ничего человеческого. Каминны и печи заросли грязью и паутиной, наборные полы были завалены всевозможным мусором, обглоданными костями и остатками гниющей пищи: обитатели Омма жили значительно менее ком-

фортно, чем их пленники, и мысль эта напомнила Тонгору об ожидавшей их с Элдом Турмисом участи быть высосанными подобно мухам хозяином заброшенного города.

Догадки валькара относительно жизни обитателей Омма в полной мере подтвердились, когда стражники достигли залов, в которых тут и там были разбросаны соломенные тюфяки и грязное тряпье, из которого выглядывали изможденные лица оживших мертвецов, провожавших любопытными взглядами очередную жертву их чудовищного повелителя. Северянину казалось, что на некоторых лицах он видел выражение жалости, и это было поистине удивительно. Как могло сохраниться что-то человеческое в этих существах, из века в век живших в атмосфере безнадежного страха и деградировавших до полуживотного состояния?

Стражники прошли через анфиладу комнат и залов, спустились по роскошной винтовой лестнице, сделанной из драгоценного розового мрамора, и остановились у громадной массивной двери из непроницаемого небиума, на которой латунными буквами было написано: «Ксосун». Стражники застыли в ожидании приглашения, и вскоре Тонгор ощутил чей-то пристальный взгляд, от которого волосы у него на затылке зашевелились.

Ощувив внезапный прилив страха, бронзовокожий гигант обнаружил, что вставленный в дверь крупный драгоценный камень медленно поворачивается, подобно сверкающему глазу, вращающемуся в глазнице. Он подумал, что, возможно, именно посредством этого камня-глаза монстр, находящийся за дверью и узнает о появлении людей. Словно подтверждая его мысли, небиумная дверь начала медленно подниматься. Два стражника переступили порог, и Тонгор проскользнул в заветное помещение следом за ними. Стражи опустили несчастного

Нарьяна на пол и поспешно выскочили в коридор. Массивная дверь вздрогнула и стала опускаться, словно приводимая в движение невидимыми руками, послушная воле хозяина Омма.

Тонгор огляделся по сторонам. Он чувствовал, что стоит в самом центре паутины, раскинутой злыми силами над этим городом тысячу лет назад, и насколько не удивился, обнаружив, что сидящая посреди комнаты тварь, именуемая себя Ксосуном, и в самом деле напоминает паука, уставившегося на Нарьяна Заша Дромора сияющими подобно драгоценным камням глазами.

Тело огромного жирного паука было бледным и пупырчатым, покрытым не то потом, не то слюзью, и представляло собой сплюснутый шар с перепончатыми отростками, заменявшими ему руки и ноги. На нем не было ни одежды, ни украшений, если не считать драгоценных колец на коротких толстых пальцах, а заваленное подушками ложе непоминало развороченное гнездо. Перед владыкой Омма находилась подковообразная панель из черного дерева, на которой было расположено множество рычажков, кнопок и светящихся разноцветными огнями окошечек. Большой молочно-белый шар с серебряной ручкой стоял за его низким ложем.

У стен комнаты находилось множество удивительного вида приборов неизвестного валькару назначения. Среди них были стеклянные шары и грушевидные сферы, наполненные какими-то жидкостями алого и изумрудно-зеленого цвета. В других стеклянных шарах, размером с рослого человека, посверкивали металлические нити, рассыпавшие то и дело снопы ярчайших искр. Под высоким потолком просторной комнаты корчились и стонали подвешенные между шарами из полированной меди обнаженные люди, при виде которых по спине у

Тонгора забегали мурашки. Обиталище кошмарного монстра напоминало жуткую лабораторию, в которой безумный Бог проводит отвратительные опыты, призвав на помощь непотребнейшие из колдовских сил...

Голова Ксосуна была похожа на сморщенный мех для вина, складки жирной кожи свисали со щек едва ли не до плеч, а само безволосое лицо напоминало тестообразную массу, в провалах которой холодно блестели неестественно яркие черные глаза. Он не сводил их с Нарьяна Заша Дромора, очнувшегося наконец от обморока, в который поверг его неопи-суемый ужас перед хозяином Омма. Вот несчастная жертва зашевелилась, черно-алые, цвета запекшейся крови, губы Ксосуна растянулись в мерзкой ухмылке, и он произнес:

— Добро пожаловать, Нарьян Заш Дромор и Тонгор-валькар!

Удобно расположившись на своем ложе, монстр устремил глаза прямо на то место, где стоял северянин. Протянув похожую на плавник руку, Ксосун коснулся кнопок на приборной панели, в воздухе замелькали зеленые искры, резко запахло озоном. Ставший вдруг невыносимо горячим, браслет стиснул и обжег руку Тонгора, но длилось это, к счастью, считанные секунды. Вокруг тела валькара вспыхнуло зеленое сияние, и он бессознательно принял оборонительную позу. Тонгору понадобилось несколько мгновений, чтобы справиться со столь неожиданным поворотом событий, и когда он наконец осознал, что лучшее, что ему остается сделать, — это броситься на царя-вампира и вцепиться ему в горло, тот, словно прочтя мысли северянина, поднял в останавливающем жесте руку и, посмеиваясь над мрачным выражением лица валькара, попросил:

— Пожалуйста, не бойся на меня с кулаками. Я уже стар, и мне не хочется лишний раз применять

силу. Почему бы нам не поговорить с тобой мирно и не обсудить сложившуюся ситуацию спокойно?

Тонгор остался стоять неподвижно, скрестив руки на груди.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Тело монстра заходило ходуном, разноцветные блики от огоньков, горящих на приборной доске, весело забегали по скользкой коже, и северянин подумал, что означать это движение может как смех Ксосуна, так и снисходительное пожатие плеч.

— У меня есть механизм... весьма незатейливая игрушка. Она позволяет собирать и концентрировать звук точно так же, как стеклянные линзы собирают и концентрируют свет. И есть свернутые кольцом трубки, чем-то похожие на устройство человеческого уха. Они доносят до меня звуки и слова, произносимые в самых дальних закоулках этого города. Благодаря этому я знаю, как называл тебя твой спутник — Элд Турмис из Турдиса. И благодаря ему же мне стало известно о имеющемся у тебя любопытном предмете, посредством которого ты делаешься невидимым. Я знаю, что тебе подарил его Шарайта Заар — весьма достойный и, я бы даже сказал, мудрый адепт высочайшего из искусств! О, ты напрасно беспокоишься за свою безделушку, ей ничто не угрожает. Я на время, скажем так, отключил ее, чтобы она не мешала нашему общению.

— Допустим, — с безразличным видом согласился Тонгор. — Но скажи, зачем ты протащил нашу летучую лодку через половину Лемурии и доставил сюда? Почему захватил в плен меня и моего друга, хотя мы не причинили тебе вреда и никогда не становились на твоем пути?

Ксосун покачал головой, от чего отвислые щеки его затряслись. Глаза монстра весело блеснули.

— Нет, варвар, моих замыслов тебе не понять! Во всей Лемурии не найдется человека, способного по

достоинству оценить мою гениальность, постичь все то, что удалось мне создать, работая в этом заброшенном городе! Увы, этого не понять даже твоему другу Шарайте. Я не колдун и нахожусь где-то посередине между силами Света и Тьмы. Я ученый. Великий, величайший ученый этого мира. И вероятно, величайший из тех, которые появятся в нем в ближайшие десятки тысяч лет. Мои знания и умения не связаны с магией, они базируются на научной основе!

Тонгор с отвращением передернул плечами:

— Магия или наука — какая мне разница? Скажи лучше, зачем ты притащил нас сюда и что намерен с нами делать?

— Я объясню тебе зачем. Но прежде посмотри на этот механизм, собирающий лучи света точно так же, как предыдущий прибор собирает звуки. — Ксосун дотронулся до матового шара за своей спиной. — Сейчас я покажу, как он работает.

Монстр, покрутившись на своем ложе, навис над приборной доской. По комнате пронесся жалобный вой, нараставший до тех пор, пока Тонгор не перестал его слышать — уши его улавливали теперь лишь слабое жужжание. В мутно-белом шаре начали проявляться какие-то металлические нити, петли... Они раскалялись, сияя все ярче и ярче, но вот внезапно внутренность шара исчезла и на месте переплетения проводов валькар увидел купола и башни Турдиса, берег реки, вспаханные поля, раскинувшиеся за городскими стенами и тянущиеся до границы с джунглями Куша. Возникшая перед ним картина не передавала натуральных цветов, все представлялось черно-белым, но Тонгор не обратил на это внимания, поглощенный созерцанием пейзажа, открывшегося перед ним с высоты птичьего полета.

Ксосун покрутил рукоятку, и видение в шаре изменилось. Город начал уплывать вдаль, а на его месте появилась стена джунглей. Монстр коснулся каких-

то рычажков, и картина в шаре сменилась переплетением металлических нитей. Жужжание вновь перешло в вой, и, выключив механизм, Ксосун обратился к валькару:

— Простенькая штучка, но дело свое делает отменно. В эту-то видеосферу я и высмотрел твою летающую лодку. Она заинтересовала меня, хотя я никогда серьезно не занимался проблемами левитации. Решив получше ознакомиться с летающим судном, я собрал магнитный излучатель, при помощи которого вы были сюда доставлены.

Тонгор грустно усмехнулся. Быть может, он и был варваром, но мозг его уже решил эту загадку, и слова Ксосуна не содержали ничего нового. Вовсе не магическая сила приковала его к панели управления лодкой. Он еще тогда обратил внимание на то, что сила, притягивавшая его, исчезла сразу же после того, как эти ожившие мертвецы сорвали с него меч и одежду. А немного позже ему пришла в голову мысль, что стальной меч, пряжки и металлические браслеты на руках и были причиной того, что он не мог шелохнуться, притянутый к пульту управления мощным магнитом.

— Ну хорошо, — проворчал валькар, — мы доставлены сюда, а что дальше?

— Я думал, даже недалекий северный варвар может догадаться о том, что будет дальше! — зловеще рассмеялся Ксосун. — Ты и твой приятель разделите участь Нарьяна Заша Дромора. — Он указал на съжившуюся фигуру похожего на оживший труп человека, взиравшего на него выкаченными глазами. Лицо Нарьяна напоминало маску, изображавшую смещение ужаса и ненависти.

— Конечно же, ты дашь мне свою бурлящую, горячую кровь! Я создам множество летучих лодок по образу и подобию твоей, посажу в них рабов и

отправляю их завоевывать ближайшие города, из которых они привезут мне множество новых мужчин и женщин. Довольно мне насыщаться кровью жителей Омма, мне нужны люди со здоровой, свежей кровью!..

Тонгор прыгнул на Ксосуна, мечтая стиснуть руки на его горле. Надеждам его, однако, не суждено было сбыться — на полпути к монстру он был остановлен невидимой, но непреодолимой силой!

Не сводивший с него глаз Ксосун успел нажать на какие-то кнопки, расположенные на подковообразном пульте, и валькар ощутил себя мухой, бьющейся в шелковистой сети паука. Пока Тонгор безуспешно извивался, пытаясь вырваться из невидимых силков, монстр содрогался и корчился от неудержимого, похожего на припадок смеха.

Мускулы валькара напряглись подобно канатам, вздулись на груди и спине, взбугрили плечи. Оскалив зубы, с побагровевшим от натуги лицом, Тонгор, обливаясь потом, все же медленно продвигался вперед, несмотря на то что сверхпрочные невидимые сети могли привести в беспомощное состояние трех обычных мужчин. Ему едва удавалось оторвать ступни от пола, каждый шаг давался с невероятным трудом, как будто северянину приходилось вырывать ноги из засасывающего болота. Дыхание стало прерывистым, ему не хватало воздуха, и все же он медленно продвигался к ложу царя-вампира, взиравшего на него с неописуемым удивлением.

— Ни один человек не может вырваться из силовых линий! — пробормотал Ксосун и, забыв захлопнуть рот, включил свое защитное устройство на полную мощность. Тонгор застыл как вкопанный, спеленутый с ног до головы невидимой паутиной.

По обнаженному телу монстра пробежала дрожь, когда он увидел, что валькар продолжает прилагать

титанические усилия, чтобы освободиться от лишивших его подвижности пут. Лицо северянина почернело от прилива крови, мышцы на лбу вздулись, из горла вырывался тяжкий хрип...

Удивительный поединок человеческих возможностей с нечеловеческой наукой продолжался, а между тем забытый противниками Нарьян Заш Дромор, дойдя до последней степени испуга, начал постепенно приходить в себя. Он знал, что даже валькар с его сверхчеловеческой мощью не сможет долго противостоять силам, вызванным монстром. Знал, что оба они обречены быть заживо выпитыми царем-вампиром и ничто на свете уже не спасет их. За исключением, быть может, их собственной храбрости, мужества и силы.

И эта-то мысль, подняв Нарьяна Заша Дромора с пола, заставила его совершить отчаянный прыжок...

ОСАДА ПАТАНГИ

Мы штурмующих встретим стрелой и копьем,
В этот город врагу не войти нипочем,
Пока кровь в наших жилах течет и пока
Крепко древко сжимает патангцев рука!

Песня защитников Патанги

Помещенная в роскошных апартаментах, расположенных на верхнем этаже дворца Друидов, Сумия провела тревожную, беспокойную ночь. Когда первые лучи солнца коснулись башен и куполов Патанги, она покинула свою постель, испытывая облегчение оттого, что утро наконец наступило и недолго уже гадать, чем ее «порадует» грядущий день. Пройдет несколько часов, и она узнает, ворвутся ли войска Фала Турида в ее родной город или Васпас Птол, повергнув их в безумие, останется у власти.

Принцесса умылась, оделась и, помолившись, готова была встретить стражников, посланных Верховным Друидом, которые не замедлили явиться за ней. Ни один из них не позволил себе ни единого дерзкого или непочтительного слова в адрес девушки, из чего Сумия заключила, что Желтый Друид официально не предъявил никаких обвинений Дому Чонда и ей лично. Их обращение с ней было чрезвычайно почтительным, и по лицам нескольких стражников она поняла, что они по-прежнему являются ее приверженцами и считают своей саркаей.

Стражи вывели принцессу из облицованного желтым мрамором дворца Друидов и проводили через просторную площадь, которую замыкал главный храм Ямата, окруженный более мелкими святилищами и вспомогательными зданиями храмового комплекса. Утренние лучи золотили чередующиеся белые и желтые плиты мощения, плясали на драгоценных облачениях Веспаса Птола, стоящего на великолепной колеснице, в которую были запряжены четыре кротера. Жители Патанги толпились по краям площади, почтительно взирая на расшитые золотом знамена, развевающиеся под порывами утреннего ветерка.

Сопровождавшие Сумию стражники помогли ей подняться на колесницу Веспаса Птола, а сами заняли места на соседних колесницах. Взглядом принцесса отыскала Карма Карвуса, стоявшего на одной из менее разукрашенных колесниц сопровождения вместе с другими пленниками. Верховный Друид, по-видимому, хотел не только продемонстрировать пленникам свое могущество, но и просто потешить собственное тщеславие.

Громко запели золотые трубы, и процессия тронулась с места. Проследовав мимо храма и дворца, поток колесниц и верховых хлынул с площади на Сочианскую дорогу. Называемая так за свою шири-

ну, улица тянулась от главного храма Ямата до Западных ворот Патанги и на всем своем протяжении была заполнена ярко разодетыми горожанами. Знать наблюдала за торжественной процессией с балконов стоящих вдоль улицы домов и дворцов, простонародье жалось к стенам, заполняло близлежащие переулки. И что самое удивительное, нигде не было заметно признаков того, что горожане готовятся отражать нападение Фала Турида. Объяснение этому могло быть только одно — Веспас Птол успел известить народ, что расправится с осаждающими город ратями при помощи дарованного ему Яматом могущества.

Процессию возглавлял отряд гвардейцев в золоченых кирасах и белых плащах, скачущих на кротерах, чья упряжь была усеяна драгоценными камнями, стоимость которых, впрочем, не превышала ценности великолепных разноцветных султанов, реящих над головами ящероподобных тварей. За отрядом разнаряженных гвардейцев следовала огромная повозка, в которой Химог Тун и отданные в его распоряжения младшие жрецы везли стеклянные шары, наполненные черным дымом безумия... Шары эти, правда, были укрыты от любопытных глаз горой пестрого шелка.

За смертоносной повозкой ехала колесница Верховного Друида, сопровождаемая более скромно убранными колесницами, на которых располагались пленники и жрецы. Среди пленников Веспаса Птола Сумия с замиранием сердца разглядела крепкую фигуру закутанного в серый плащ мужчины — это был герцог Мэл, владетель Тесонии. Рядом с ним находился барон Селверус и виконт Дру — сторонники Дома Чонда, подвергавшиеся гонениям с тех пор, как Верховный Друид захватил власть в Патанге. Вероятно, Желтый Друид рассчитывал сломить их сопротивление и превратить в своих почитателей, продемонстрировав ужасающую мощь черного дыма.

Толпа по обеим сторонам широкой Сочианской дороги сдержанно встретила появление Веспаса Птола, но при виде Сумии люди заволновались, послышались крики изумления и радостные восклицания. Народ не забыл свою саркаю и приветствовал ее, как подобало приветствовать наследницу Дома Чонда.

Вскоре процессия подошла к стенам дворца сарков, и Сумия получила возможность полюбоваться окружающими его садами и парками. Здесь девушка родилась и выросла, но теперь этот дом, который она не видела уже несколько недель, был потерян для нее. Принцесса мрачно усмехнулась, вспомнив о замыслах Веспаса Птола перебраться из дворца Верховного Друида во дворец сарков. Хорошо хоть он пока не решился присвоить себе королевский титул и не успел изгадить ее дворец своим присутствием.

Глазам принцессы открылся городской базар, покупатели и продавцы которого, покинув лавки и навесы, высыпали на край дороги, не желая пропустить столь редкостное и красочное зрелище. Впрочем, залитая солнцем Патанга радовала глаз ничуть не меньше, чем процессия Верховного Друида. Золотые знамена развевались на башнях и шпилях, богатые красочные ковры были вывешены на балконах, дабы украсить и без того великолепные фасады домов, изобиловавших мраморными статуями и яркими мозаичными панно. Громадные алые купола, быть может и давшие Патанге название Города Огня, сияли на солнце, как чешуя казгана — ядовитейшей змеи Лемурийских пустынь. Зеленые кроны деревьев качались на ветру, и большие пестрые бабочки — азуло парили над ними, подобно цветным бумажным змеям, запущенным неугомонной ребятней.

Процессия подъезжала все ближе и ближе к границе города, и вот высокие и мощные ярко-красные стены Патанги нависли над ней, закрывая солнце.

Веспас Птол и сопровождавшие его жрецы и пленники покинули колесницы и начали подниматься по лестницам на возвышавшиеся над Западными воротами башни, с которых хорошо были видны окружающие город рати Фала Турида.

Раскинувшиеся за стенами Патанги зеленые поля неузнаваемо изменились за прошедшие сутки. Войско Турдиса, растянувшееся вдоль городских стен, изрядно потоптало их, и, во всяком случае, в глаза собравшихся на башнях бросались прежде всего не посевы, а сверкавшие на солнце копья и шлемы, кирасы и щиты ратников Фала Турида. Многочисленные черно-алые знамена Турдиса развевались рядом с зелено-серебряными стягами Шембиса. Вражеское войско было готово начать штурм. Отряды лучников, копьеносцев и меченосцев ждали лишь сигнала своих командиров. Сумия видела, как тут и там группы воинов в кожаных доспехах и медных шлемах тащат длинные штурмовые лестницы. Массивные тараны, изготовленные из толстых бревен твердого дерева и снабженные мощными железными наконечниками, были нацелены на створки Западных ворот. Тараны, всадники на кротерах и зампах, бесчисленные отряды пеших воинов в доспехах из полированного металла, развевающиеся знамена — все это производило устрашающее впечатление.

С воротных башен трудно было разглядеть фигуры отдельных людей, но военачальников можно было отыскать глазами даже на таком солидном расстоянии. В центре войска возвышался восседавший на белоснежном зампе Фал Турид. Красно-золотое одеяние и шлем в виде дракона с распростертыми крыльями выделяли его из толпы советников и офицеров, расположившихся, как отметила с легким презрением Сумия, весьма далеко от городских стен.

Рядом с Фалом Туридом девушка заметила задрапированную в черное фигуру Талабы и вздрог-

нула. Ей хотелось верить, что Тонгор все еще жив, но едва ли это было возможно. Мысль о его смерти повергла принцессу в трепет, и она поспешно отвела взгляд от сгорбленного убийцы, прозванного жителями Турдиса Мастером Пыток. Среди офицеров она разглядела Баранда Тона, на котором был зеленый плащ, шлем с алым плюмажем и позолоченная стальная кираса. Увидела она и Хайяша Тора, гарцевавшего на лоснящемся кротере. Фиолетово-коричневый плащ даотаркона развевался за его спиной и в лучах солнца цветом своим напоминал запекшуюся кровь.

Сумия украдкой взглянула на Желтого Друида, тоже пристально рассматривавшего рати осаждавших. Холодная улыбка кривила его тонкие губы, когда он видел столь многочисленное и могучее войско, которое ему ничего не стоило разгромить. Принцесса перевела взгляд на стоящего у края башни Химога Туна, готовившего к бою смертоносные черные шары. Установленные на деревянные треножки, они были обращены своими жерлами на стоящих перед стенами Патанги людей. Одно открывающее клапан движение, и из металлических трубок повалит черный дым. Опустится на окружавших город воинов, наполнит их легкие, и безумие овладеет огромным войском...

Представив, что за этим последует, Сумия поежилась от ужаса. Воины, которых ждала столь ужасная смерть, были ее врагами, но ведь и окружавших принцессу желтых друидов она никак не могла отнести к числу своих друзей! Получалось, что, кто бы ни победил в предстоящей бойне, она-то во всяком случае потерпит поражение... И снова, в который уже раз, девушка пожалела, что рядом с ней нет Тонгора, который обнимал бы ее, оберегал и единственный был бы способен унести прочь от этого отвратительного места, где с минуты на минуту должно было начаться

кошмарное избиение беззащитных, по существу, людей. Ей казалось, что она уже очень и очень давно не видела человека, которому отдала свое сердце и который, без сомнения, лежит сейчас мертвым где-то в подземельях Турдиса. Увы, никогда уже больше ей не взглянуть в его странные золотистые глаза, не увидеть его спокойную, ободряющую улыбку, не ощутить себя в кольце его мощных, надежных рук, способных защитить ее от любой опасности. Сумия почти желала смерти, ведь, перейдя границу между миром света и миром тьмы, она, быть может, снова встретится со своим возлюбленным и ощутит крепость его ласковых рук...

Рев труб прервал размышления принцессы.

Войско Фала Турида пришло в движение. Построившись клином, острием которого являлись тяжелые тараны, осаждающие двинулись на приступ. Группа рабов из племени рохалов катила тяжелые бревна на валках, медленно передвигавшихся по неровной земле. Следующие рядом с ними гвардейцы тащили большие деревянные щиты, которые должны были защитить рабов от ливня стрел и смертоносного града камней.

Хайяш Тор неотрывно смотрел на тараны, с каждой минутой приближавшиеся к Западным воротам. Его острые глаза сузились, когда он обнаружил, что на башнях и гребнях стен почти нет воинов — одни зрители. Но где же защитники, которые должны забросать тащивших тараны камнями и стрелами? Они должны быть здесь, но, если глаза не обманывают его, их нет! Стены Патанги были почти безлюдными и явно таили в себе какую-то неведомую опасность...

Хайяш перевел взгляд с гребня стены на штурмовой отряд, продвигающийся вперед не встречая никаких помех. Он был уже у основания башни, а защитники Патанги по-прежнему не показывались!

Даотаркон нахмурил брови, что-то было явно не так! Опыт подсказывал ему, что дело тут нечисто: если владыка города решил сдать его на милость победителя без боя, этому предшествовали бы переговоры об условиях сдачи, но патангцы, похоже, не собирались высылать парламентариев. Если же город намеревался защищать, то глупо было подпускать осаждающих под самые стены...

Хайяш Тор чувствовал, что за всем этим кроется какая-то хитрость, но его быстрый, изощренный мозг не мог представить, в чем же она заключается. Движимый неясным предчувствием беды, он повернул своего кротера и направил его к группе окружавших сарка офицеров. Воины с удивлением взирали на едущего от стен города даотаркона, но тот сделал им знак не обращать на него внимания. Если это западня, решил Хайяш Тор, он не позволит заманить себя в нее. Он намеревался создать мощную империю, и ему нужен был сарк, разделяющий его чаяния. И потому он должен сохранить не только свою жизнь, но и убедить Фала Турида быть предельно осторожным. Размышляя о том, что же могли замыслить осажденные, Хайяш подъехал к огромному белому замку, на котором восседал правитель Турдиса.

Между тем передовой отряд атакующих достиг Западных ворот, чернокожие рабы установили первый таран и принялись вместе с гвардейцами раскачивать массивное бревно. С грохотом железный наконечник его обрушился на створки ворот, и по полю прокатился тяжкий гул.

Стоявшая на башне принцесса не могла не почувствовать, как вздрогнул под ее ногами пол от страшных ударов могучего тарана. Она опустила глаза вниз и обнаружила, что осаждающие устанавливают рядом с первым еще четыре бревна. Вот они ударили разом по обеим сторонам от ворот, стены

задрожали пуще прежнего, и по красной поверхности их разбежалась паутина трещин.

Почувствовав, что наступает решительный момент, Сумия взглянула на Веспаса Птола и ужаснулась, заметив в его глазах кровожадный блеск. Поймав ее взгляд, Верховный Друид широким шагом направился к Химогу Туну, замершему над первым в ряду черным шаром. Взяв у стоявшего поблизости воина меч, Веспас Птол приставил его к торчащей из черного шара трубке, и Сумия поняла, что сейчас он сорвет пробку, преграждающую путь черному дыму безумия.

Сердце принцессы отчаянно билось, дыхание стало прерывистым. От волнения по телу побежали мурашки, словно она стояла голой на холодном ветру. При мысли об ужасной смерти, о черном безумии, готовом обрушиться на тысячи людей, девушка чувствовала, что все у нее внутри цепенеет от ужаса и отвращения.

Веспас Птол сознавал, что настал его звездный час. Он находился на пике славы, подобно Богу держа в своих руках чудовищные силы, способные мгновенно погубить множество людей. Одним движением он может выпустить на землю мерзейших демонов ада! Разве в состоянии был кто-либо когда-нибудь уничтожить взмахом руки тысячи чело-
век?

Губы Верховного Друида дрожали от волнения. В предвкушении ошеломляющего триумфа, он медлил, наслаждаясь безмерной властью, сознанием того, что судьбы тысяч людей зависят от его жеста, что взгляды всех присутствующих прикованы к нему и только к нему. Затем взмахнул мечом и ударил по пробке, прикрывающей выход черному дыму.

Точнее попытался ударить, ибо невидимая сила вырвала стальной клинок из его рук. Веспас Птол вытаращил глаза от изумления, глядя, как меч его

завис в воздухе, повернулся, ослепительно блеснув в солнечных лучах, и устремился в небо.

Сумия, друиды, окружавшие Веспаса Птола стражники и пленники — все стоявшие у башенных парапетов, ожидая увидеть действие магического оружия, с удивлением наблюдали, как вырвавшийся из рук Желтого Друида клинок летит ввысь, становясь все меньше и меньше, превращаясь в сияющее пятнышко света.

Ужас охватил стоящих на стенах, им показалось, что повеяло пронизывающим холодом, как будто солнце зашло за тучу и подул ледяной ветер, а затем крик, нет, сотни, тысячи воплей огласили окрестности Патанги. Весь мир словно разом сошел с ума, несмотря на то что черный дым безумия так и не был выпущен из стеклянных шаров.

СТАЛЬ ПРОТИВ МАГИИ

В том краю, где солнца приют,
Нас давно королевства ждут!
Корону, женщин, золото, вино
Добудем, коль сердце отвагой полно!

Песня валькарских меченосцев

Мечи, кинжалы, копья и алебарды были вырваны из рук воинов невидимой силой и устремились в небо. С того места, где стояла Сумия, они казались огромной стальной тучей, поднимавшейся над тысячами стоящих под стенами Патанги людей. Суровые воины были так поражены, что кричали, визжали и вопили, как толпа перепуганных женщин.

Зампфы и кротеры, с которых невидимая сила сорвала украшенную металлом сбрую и седла, метались из стороны в сторону, топча воинов и тем еще больше увеличивая охватившее осаждавших смяте-

ние. Знать Турдиса, облаченная в стальные панцири и кирасы, была поднята с кротеров и зампфов, и оказавшись в воздухе, извивалась и корчилась, издавая душераздирающие крики. Створки городских ворот и снабженные железными наконечниками тараны, устремившиеся в пыльный воздух, являли собой поистине устрашающее зрелище.

Спустя несколько мгновений после начала этого чуда, войско, осадившее Патангу, превратилось в скопище смертельно перепуганных людей. Часть осаждавших была убита и покалечена, остальные уподобились стаду ополоумевших животных.

Момент показался Карму Карвусу подходящим, чтобы свести кое-какие счеты. Воспользовавшись тем, что приставленные к нему стражники не могут оторвать глаз от вырванных у них из рук сверхъестественной силой копий и мечей, подобно птицам взлетевших в небеса, он оттолкнул их в разные стороны и рванулся к Веспасу Птолу. Желтый Друид был так поглощен созерцанием разбегавшегося войска Турдиса, изрядной части которого суждено было, похоже, погибнуть под ногами собственных кротеров и зампфов, что совсем забыл и о пленниках, и о черных шарах. С криком «Смерть Друиду!» Карм Карвус схватил Верховного жреца и что было сил швырнул через парапет башни. Сияющее золотым шитьем и драгоценными камнями одеяние друида забило в пыльном воздухе, как крылья громадной пестрой бабочки, и мгновением позже Веспас Птол грянул о землю, окропив ее кровью, придавшей ему сходство с воином, погибшим на поле боя.

Поступок Карма Карвуса послужил сигналом другим пленникам Верховного Друида. Издав громоподобный боевой клич, герцог Мэл мощным ударом скинул с башни одного из своих стражей и сцепился с другим. Хитроумный, как всегда, барон Селверус столкнул охранявших его стражников лбами

друг с другом и рывком выбросил за парашют. Виконт Дру последовал их примеру, и на башне началась рукопашная схватка не на жизнь, а на смерть.

Владетель Тесонии, уворачиваясь от ударов стражников, сделал отчаянное усилие, чтобы добраться до черных шаров. Барон Селверус, угадав его намерение, поспешил на подмогу престарелому герцогу, и Химог Тун, взлетев над каменным парашютом, разделил участь Верховного Друида. Герцог Мэл радостно взревел и продолжал энергично расшвыривать наседавших на него стражников.

Двое из сопровождавших Сумию стражей, показавшиеся ей по-прежнему преданными Дому Чонда, вступили в бой со своими товарищами, придя на помощь Карму Карвусу и другим пленникам. Все произошло так стремительно и действовали недавние узники Верховного Друида так успешно, что в сердце Сумии зародилась надежда.

Паника, царившая в стане Фала Турида, достигла между тем своего апогея. Оказавшийся в центре войска Хайяш Тор вылетел из седла, когда кротер его столкнулся с обезумевшим зампом. Даотаркон вскочил на ноги, наполовину ослепленный пылью, оглушенный ревом, криками и стонами разбегавшегося войска, и понял, что все его мечты и надежды пошли прахом. Годами создававшееся войско в считанные мгновения превратилось в обезумевшую толпу. Люди вокруг не могли помыслить ни о чем, кроме бегства, и остановить их не было никакой возможности. Война, еще не начавшись, была проиграна. Некоторое время Хайяш Тор стоял на подкашивающихся ногах, пытаясь осмыслить происшедшую катастрофу. Меч вместе с ножнами и парадным кинжалом были сорваны с него неведомой силой и уплыли в затянутое пылью небо, как будто были живыми летающими существами... Да от одного этого впору было сойти с ума!

Но вот постепенно пыль начала оседать, даотаркон увидел Фала Турида и стал пробираться к нему...

Белоснежный зампф Сарка не пострадал от неведомой и невидимой силы, но, обезумев от воплей и поднявшейся суматохи, впал в состояние невменяемости и сбросил своего седока на землю. Драгоценный, сработанный в форме дракона шлем слетел с головы Фала Турида, а изукрашенное металлическими побрякушками одеяние уплыло в небо. Почувствовав, что кольчуга и его самого увлекает ввысь, Сарк Турдиса, не понимая, что происходит, все же догадался, извиваясь всем телом, высвободиться из раззолоченной стальной рубашки. Не веря своим глазам, он проследил за тем, как она, подобно диковинной птице, поднимается в небеса, и понял, что вместе с кольчугой улетают его мечты о славе, блистательных завоевательных походах и господстве над всей Лемурией.

Неожиданно Фал Турид увидел вынырнувшего из тучи пыли даотара. Это был Баранд Тон, хотя узнать его, без шлема, плаща и кирасы, покрытого пылью и перепачканного в земле, Сарку удалось не сразу. Пошатываясь, даотар сделал несколько шагов и едва не наткнулся на повелителя Турдиса.

— Баранд Тон! Собирай своих людей, мы должны... — начал было Сарк, но, встретившись глазами с даотаром, замолк.

— Не знаю, что за колдовство обрушилось на нас, но битва проиграна. Война окончена, и звать кого-либо бесполезно, — холодно сказал Баранд Тон, приближаясь к Сарку. — Это ты виноват в постигшем нас позоре! Твоя непомерная жажда власти, жестокость и недальновидность! Турдис побежден, Патанга победила, хотя ни один ее воин даже не обнажил меча! Понятия не имею, кто завтра займет Трон Дракона, но я рад, что твоему владычеству пришел конец!

Фал Турид попытлся, однако даотар в два прыжка настиг его, и железные руки старого воина сомкнулись на горле Сарка. Напрасно повелитель Турдиса дергался, пытаясь освободиться от сжимающихся пальцев даотара. Напрасно силился выкрикнуть, что он был избран Богами и они обещали ему победу и власть над всей Лемурией, что он могуч и бессмертен...

Он умер, так и не успев ничего объяснить даотару, который не нуждался ни в каких объяснениях.

Хайяш Тор оказался единственным свидетелем гибели Сарка Турдиса. Он мог помочь своему повелителю, но не сделал этого, — напротив, он отвернулся и продолжал удаляться от стен Патанги. Зачем вмешиваться? Война закончена, и он желал лишь одного: выбраться из этого ада. Потом, в какой-нибудь другой стране, он добьется власти и еще покажет себя. Но будет это не здесь и не сейчас. Подняв с земли обломок копья, даотаркон продолжал путь, направляясь туда, куда, поднимая тучи пыли, бежали воины Турдиса. Среди них даотаркон с удивлением различил одетую в черное фигуру, принадлежавшую Мастеру Пыток. Несший его замппф взбесился, скинул со своей спины паланкин, и теперь Талаба, полуоглушенный падением, тоже спешил как можно скорее покинуть окрестности Патанги. За ним нетвердой походкой двигался Арзанг Паума — сарк Шембиса. Закутанный в черное карлик тоже узнал покрытого пылью даотаркона.

— Хайяш Тор! Скорее собери и построй своих воинов! Мы должны остановить патангцев, которые бросятся в погоню за нами! — истерически потребовал Талаба, пытаясь ухватить даотаркона за руку. Тот вяло отмахнулся от карлика:

— Нет времени заниматься ерундой. Все потеряно, беги, спасай свою жизнь, если она тебе дорога и если тебе удастся сделать это.

— Нет, нет! Все еще можно исправить! Где сарк? Хайяш Тор равнодушно пожал плечами:

— Погиб. Его убил один из самых верных офицеров гвардии Турдиса.

Талаба, бормоча что-то невразумительное, попытался остановить даотаркона, ухватить за полы одежды. Когда-то его слово было законом, он мог распоряжаться судьбами любого жителя Турдиса, но Истребитель еще не уразумел, что время это безвозвратно миновало. Хайяш Тор отпихнул от себя пристающего карлика и, видя, что тот не унимается, с яростью ударил его обломком копья. Заостренное древко оказалось неожиданно страшным оружием — оно пробило череп Истребителя, и Мастер Пыток рухнул на пыльную землю, причем от трупa его распространился такой нестерпимый смрад, что Хайяш Тор поспешил отскочить подальше, с трудом сдерживая рвоту. Затем, бросив последний взгляд на труп Истребителя, он злорадно рассмеялся и поспешил прочь.

Несколько мгновений Арзанг Паум бессмысленно взирал на невыносимо вонявшее тело Талабы Истребителя, потом опомнился и двинулся на непослушных ногах в ту же сторону, что и даотаркон, туда, куда бежали уцелевшие воины армии Турдиса.

Когда последние стражники и друиды были сброшены с башни, седой герцог Мэл, язвительный виконт Дру и толстый краснолицый барон Селверус, вместе с двумя вставшими на их сторону стражами, приблизились к Сумии, чтобы поцеловать ее руку и выразить ей свое почтение. Со слезами радости на глазах она горячо поблагодарила их. Затем герцог

Мэл, подхватив золотистое знамя Патанги, подвел принцессу к лестнице, и они спустились на примыкавшую к стене города улицу. С того времени, как пленники Верховного Друида поднялись на башню, успело произойти так много самых неожиданных событий, что все они не укладывались в голове. Оставшиеся на улицах Патанги гвардейцы и друиды все еще не пришли в себя от потери оружия, вырванного из их рук невидимой силой. Они были до такой степени потрясены, что не решились даже прийти на помощь Васапу Птолу, хотя прекрасно видели происшедшую на башне схватку.

Громкий, решительный голос герцога Мэла вывел их из оцепенения. Придя в себя, они, так же как и собравшиеся в большом количестве под стенами горожане, увидели сияющий в солнечных лучах золотой стяг Патанги и гордо стоящую под ним изящную фигуру Сумии. Стражников вокруг нее видно не было, да и размахивавший флагом Мэл обратился к горожанам с речью, которая не могла исходить от пленника:

— Жители славной Патанги! Васап Птол убит, владычеству друидов пришел конец! Очистим от них наш прекрасный город! За Сумию и свободу! За свободу и саркаю Сумию!

Слова эти явились той самой искрой, которая разожгла огонь в сердцах слышавших их людей. Вид лишившихся оружия друидов и гвардейцев подсказал горожанам, что лучшего случая справиться с угнетателями им не представится. А если еще и саркайя, законная повелительница Патанги, поддержит их, то...

— Сумия! Сумия саркайя! Смерть друидам! — разнесся по улицам Патанги клич, подхваченный тысячами горожан.

Друиды и гвардейцы в ужасе бежали, видя, что жители Патанги готовы растерзать на куски своих мучителей, в руках которых на этот раз не

было оружия. Те из друидов и приспешников Васапа Птола, кому не удалось бежать и спрятаться, были убиты на улицах и площадях, выброшены из окон домов и дворцов. Кровь угнетателей оросила мостовые Патанги.

Люди, видевшие некогда, как их отцов, матерей, сестер и детей, нагими, со вспоротыми животами, сжигали на медных алтарях Ямата, неистовствовали и упивались долгожданной возможностью учинить праведную месть. Они ломали двери храмов, убивали друидов на месте, бросали на зажженные алтари Ямата, так что скоро в городе не найти было желтых жреческих одежд, которые не были бы перемазаны кровью их владельцев...

Большая часть друидов была убита в первые же минуты восстания. Что же касается старших жрецов, то они предпочли сами лишить себя жизни, в то время как опьяненные жаждой крови горожане взламывали двери их домов. Не удалось это сделать только Нимадаку Квелму — фанатичному помощнику Васапа Птола. У него не было возможности бежать и не хватило времени покончить с собой. Он был схвачен и брошен перед саркаей на колени вскоре после того, как с разных концов Патанги стали приходить известия о том, что город очищен от кровавых угнетателей.

— О, высокородная, как велишь ты поступить с этой желтохалатной собакой? — обратился к Сумии герцог Мэл. — Предать его скорой смерти, как мы поступили со многими другими, или бросить до времени в тюрьму?

Бледный, потерявший всякую надежду на спасение, жрец с понуро опущенными плечами и так весьма смахивал на мертвеца, однако в устремленных на Сумию глазах его продолжал тлеть огонь ненависти. Он по-прежнему жаждал крови.

Прежде чем девушка успела ответить, набежавшая на солнце тень заставила собравшихся задрать головы

вверх и в один голос закричать от изумления. Над ними медленно парил поблескивавший серебром «Немедис». Странный механизм был укреплен на его открытой палубе. Он состоял из переплетенных между собой металлических труб и стеклянных шаров и венчала его полированная латунная сфера, из которой торчал направленный вниз похожий на черное копье штырь. Рядом с диковинным устройством стоял мужчина в красно-черной форме гвардейцев Турдиса, а около него...

— Тонгор!

Легучая лодка описала круг и начала снижаться неподалеку от Западных ворот. Когда «Немедис» опустился за стенами города, на поле, которому так и не суждено было стать полем боя, Тонгор спрыгнул на землю, и в то же мгновение из городских ворот выехало несколько колесниц, повалила толпа народа, спешащего увидеть и поприветствовать своего освободителя. Ибо, конечно же, валькара можно было назвать освободителем Патанги, поскольку именно доставленный им на «Немедисе» магнитный излучатель лишил оружия не только войско Турдиса, но и друидов вместе со всеми прочими сторонниками Веспаса Птола.

Колесницы приблизились, и мгновением позже северянин уже сжимал в объятиях содрагающуюся от рыданий девушку. Расцеловав принцессу, он приветствовал Карма Карвуса и жителей Патанги, не успевших еще забыть, как меньше месяца назад он спас Сумию от сожжения на алтаре, увезя ее на летающей лодке.

В нескольких словах Тонгор рассказал друзьям о событиях, предшествовавших его появлению здесь. О подземельях Талабы, о невидимой паутине, в которую Ксосун запеленал его, и о том, как царь-вампир проявил непозволительную беспечность, слишком много внимания уделив ему и совершенно пере-

став наблюдать за Нарьяном Зашем Дромором. О том, как парализованный страхом Нарьян все же нашел в себе мужество броситься на повелителя Омма и отыскал в своем истощенном теле силы задуть моргулака. Как он освободил Тонгора от невидимой паутины, после чего валькар поспешил покинуть руины заброшенного города, чтобы прийти на помощь принцессе Сумии. О том, как в последнюю минуту его осенила блестящая мысль попросить благодарных ему за спасение от царя-вампира обитателей Омма перенести на «Немедис» магнитный излучатель, — если уж тот смог протащить летающую лодку через половину Лемурии, то, верно, окажется весьма действенным оружием.

Валькар рассказал о том, как, оставив Нарьяна Заша Дромора за старшего в Омме, он вместе с Элдом Турмисом на самой большой скорости, которую удалось выжать из «Немедиса», понесся над джунглями Куша и, появившись над стенами Патанги в самый критический момент, прячась за облаками, включил магнитный излучатель...

В то время как северянин рассказывал о своих приключениях, а Сумия и Карм Карвус о том, что произошло с ними, часть выпедших за стены Патанги горожан отправилась ловить кротеров, зампов и обратившихся в бегство воинов Фала Турида. Верховые животные постепенно успокоились и особых хлопот патангцам не доставили. Так же, впрочем, как и воины Турдиса, ибо единственный не пустившийся в бег и не потерявший присутствия духа даотар разбитой армии приказал своим людям сдаваться и не помышлять ни о каком сопротивлении.

Горожане отводили пленных к тому месту, где стоявший в окружении друзей Тонгор тепло приветствовал Баранда Тона. Разумеется, валькара прежде всего интересовало, куда делся Сарк Турдиса и его приближенные.

— Что касается Хайяма Тора и Арзанга Паумы, то они пустились бежать вместе с другими уцелевшими офицерами, когда зампы и кротеры начали сбрасывать своих седоков, — сообщил даотар. — Талабу Истребителя кто-то прикончил во время бегства...

— А Фал Турид?

— Мертв, — медленно ответил Баранд Тон.

— Но почему? Как это случилось?

— Я убил его собственными руками, — глухо сказал Баранд Тон не опуская глаз. — Да, я убил его, ибо глупость и властолюбие сумасбродного тирана навлекли на Турдис позор, подобного которому моя родина до сих пор не ведала. Если бы Боги поразили этого безумца год назад! О, тогда нам не пришлось бы стоять здесь в пыли и горевать о попорченной гордости Турдиса! А теперь... Теперь мы в вашей власти, но, право же, я рад нашему поражению!

— Погодите-ка минутку!

Все обернулись к Сумии, которая, взяв Тонгора за руку, чрезвычайно серьезно сказала:

— Жители Патанги, мои верные подданные! Наш город, так же как и Турдис, постигло большое несчастье. Пройдет немало времени, прежде чем нанесенные недостойными правителями раны затянутся и жизнь войдет в нормальное русло. Я молодая, неопытная в делах правления женщина, и, дабы восстановить разрушенное и исправить содеянное Васапом Птолом зло, мне нужен помощник — мужчина, муж. Тонгор-валькар, согласен ли ты жениться на мне?

Северянин оторопело уставился на девушку и покраснел до корней волос. Затем, встретившись с принцессой глазами, улыбнулся и кивнул.

— Итак, я, Сумия, дочь сарка Патанги Орваса Чонда, единственная оставшаяся в живых наследница Дома Чонда, беру тебя, Тонгора из клана валькаров, в мужья. Отныне ты — сарк Патанги! Мои верные подданные, приветствуйте своего сарка!

Дружные крики свидетельствовали о том, что жители Патанги одобряют выбор своей саркайи и признают Тонгора своим Сарком. Карм Карвус и Элд Турмис улыбались, чувствуя себя потрясенными до глубины души: их товарищ, варвар из Валькарта, и вдруг — Сарк! Седой герцог Мэл недовольно смахнул выступившие на глазах слезы умиления и, чтобы скрыть волнение, рявкнул на виконта Дру, посоветовав ему не сопеть и не таращиться на саркайю, как будто он несмышленный ребенок. Выбор Сумии, быть может, и показался кому-то странным, но только не тем, кто видел, как Тонгор спас девушку с алтаря Ямата. Сам валькар воспринимал все происходящее как нечто само собой разумеющееся. Ощущая прикосновение сладких и упругих губ Сумии к своим губам, наслаждаясь ароматом, исходившим от ее волос, северянин понимал, что наконец-то, после долгих скитаний в диких, безлюдных землях, обретает свой дом.

— Тонгор! Тонгор — сарк! Слава Тонгору! — неслось между тем со всех сторон.

Оторвавшись от теплых губ девушки, валькар поднял руку, призывая толпу выслушать его:

— Я принимаю титул сарка. И раз уж вы признали меня своим сарком, слушайте мои первые распоряжения!

Возвышавшийся над толпой, залитый лучами солнца, громадный северянин являл собой внушительное зрелище. Молодой, полный сил, бронзовокожий, могучий, сложенный как Бог, он поистине поражал воображение. Оставшиеся от одежды лохмотья на его покрытом шрамами, синяками и царапинами теле стояли королевского пурпура, и никому из присутствующих не пришло в голову, что нынешнее облачение Тонгора не вполне соответствует высокому титулу сарка Патанги.

— Я объявляю, что Турдис и Шембис проиграли начатую ими войну. Троны сарков этих городов не

принадлежат больше тем, кто развязал эту войну, и потому я прошу Баранда Тона стать сарком Турдиса. Пусть он отправляется в свой город, который знает и любит как никто другой. Пусть правит им по своему усмотрению, но прежде освободит его от приверженцев Фала Турида и, если те вздумают оказать сопротивление, предаст их казни.

С окаменевшим от удивления лицом, старый воин подошел к Тонгору и опустился перед ним на колени. Валькар осторожно коснулся мечом его склоненной головы.

— Повелеваю тебе встать, сарк Турдиса!

Но бывший даотар, не поднимаясь с колен, промолвил:

— Я готов стать правителем Турдиса и постараюсь быть достойным этого титула. Но позволь мне править этим городом от твоего имени. Пусть Тонгор, сарк Патанги, будет одновременно и сарком Турдиса.

Валькар удивленно поднял брови, но возражать не стал:

— Пусть так и будет, раз таково твое условие.

Новый правитель Турдиса поднялся с колен и отошел на прежнее место.

— Шембис тоже остался без сарка, если даже Арзанг Паума жив, я объявляю его вне закона. Таким образом Шембис нуждается в новом правителе, и я назначаю его сарком Элда Турмиса из Зангабала. Я вменяю ему в обязанность освободить этот город от сторонников Арзанга Пумы, причем, если понадобится, Патанга и Турдис помогут ему в этом.

Если Баранд Тон был удивлен дарованным ему титулом, то Элд Турмис просто оцепенел от восторга. Он не шевельнулся, пока Карм Карвус не подтолкнул его вперед. Бывший гвардеец опустился на колени перед Тонгором, который, доброжелательно посмеиваясь над внезапной неловкостью

друга, коснулся его мечом и, назвав еще раз сарком Шембиса, велел подняться.

Поблудневший и ставший удивительно серьезным, Элд Турмис промолвил, глядя в глаза валькара:

— Я тоже готов править Шембисом лишь от твоего имени, от имени сарка сарков!

Толпа встретила эти слова рокотом одобрения. Уже много веков здешние города не видели достойного саркона — царя царей. Но теперь он стоял перед патангцами, воинами Турдиса и Шембиса — повелитель трех городов. Тонгор кивком головы подтвердил, что принимает этот титул. Потом, оглядев пленных, северянин махнул рукой и возвестил:

— Я возвращаю воинам Турдиса и Шембиса свободу, если они готовы признать назначенных мною сарков.

Взгляд валькара упал на Нимадака Квелма и других пленных. Они смотрели на Тонгора с ненавистью и страхом, вызвавшими на его устах улыбку.

— Хватит убийств. Я не хочу, чтобы день моей свадьбы и дальше был омрачен кровопролитием. Все слуги Ямата отныне считаются вне закона, и пусть духу их не будет на землях Турдиса, Патанги и Шембиса. Пусть уходят немедленно, захватив с собой то, что смогут унести в руках. Сокровища, собранные жрецами, — собственность Патанги, поскольку они были отняты у жителей этого города. А вы помните, что если надумаете пересечь границу и вернуться, вас будет ждать здесь скорая и безжалостная смерть. — Сказав это, Тонгор отвернулся от жрецов, и обняв Сумию за плечи, с улыбкой обратился к окружавшим его друзьям и сторонникам: — Уже середина дня, а у нас еще крошки во рту не было. Утро выдалось забавным, но пора наконец и закусить. Сарк сарков, как и простой меченосец, соображает лучше и работает усердней, если желудок его полон.

— Слава Тонгору!

ЭПИЛОГ

Десять дней, наполненных всевозможными событиями, пролетели незаметно. Уцелевшие после бойни друиды были выдворены за границы трех королевств вместе с теми, кто сохранил верность прежним недостойным правителям. Гигантский идол Ямата был повален и разбит на куски. Началась перестройка главного храма Ямата, переименованного в святилище Всех Богов.

Дни были заполнены торжественными церемониями и пирами. Тонгор и Сумия, наряженные в лучшие одеяния, были обвенчаны и коронованы новым Верховным жрецом в храме Девятнадцати Богов. Затем были коронованы и провозглашены сарками Турдиса и Шембиса Баранд Тон и Элд Турмис. После этого состоялось великое торжество, на котором Тонгор был официально признан сарконом — сарком трех городов. На этой церемонии два новых сарка поклялись в верности саркону, и Тонгор почувствовал большое облегчение, когда все эти торжества подошли к концу. Ему было трудно привыкнуть как к своему новому положению, так и к роскошным и тяжелым, увешанным драгоценностями одеяниям.

В конце десятого дня был устроен невиданно роскошный пир во дворце сарков Патанги. Сумия и Тонгор задали его по случаю отъезда двух новых сарков, которые вместе со своими свитами и войсками должны были наутро покинуть Патангу. Тонгор вместе с Кармом Карвусом намерен был проводить гостей на «Немедисе».

Пиршество удалось на славу. Свет множества факелов отражался от мраморных стен зала, играл на драгоценных камнях и изысканных украшениях сотен гостей, на великолепных тарелках, блюдах и кувшинах из золота и серебра. Арфы и золотые колокольчики услаждали слух собравшихся, запол-

няя промежутки между бесчисленными тостами и застольными речами.

Утомленные не столько делами, сколько выпитым и съеденным, Элд Турмис и Карм Карвус встретились на террасе, примыкавшей к пиршественному залу. Здесь царила прохлада и полумрак, лунный свет заливал дворцовый сад, золотил поверхность прудов и бассейнов. Отыскав мраморную скамью, приятели с расслабленными вздохами опустились на нее, и Элд Турмис пожаловался:

— Как быстро все изменилось! Я все еще не могу прийти в себя и не знаю, радоваться мне происшедшим переменам или нет?

— То есть как это?

— Да так. Тонгор женился, и, зная его, легко предсказать, что скоро весь этот дворец будет заполнен множеством путающихся под ногами громкоголосых принцев и принцесс. А ведь мы так славно проводили время в «Обнаженном мече», когда были обычными гвардейцами! Теперь о подобных пирушках можно забыть. Никаких больше развлечений, приключений, только государственные дела...

— Что навело тебя на столь печальные мысли, о могучий сарк Шембиса? — весело поинтересовался Карм Карвус.

— То, что я знаю о жизни сарков! — со стоном ответил Элд Турмис. — Посуди сам, приличествует ли сарку вступать в драки, пускаться во всякие авантюры, гоняться за смазливymi девчонками? Остается, увы, только работа на благо королевства! Подготовка умных и важных документов, приказов, указов, законов и воззваний. Просиживание трона от рассвета до заката, да еще в этих разукрашенных нарядах, тяжелых и жарких, как медвежья шуба. Эти советы, споры, о, великие Боги, какая тоска!

— Ободришься, друг мой! Тебе совершенно не о чем печалиться, поскольку ты совершенно не прав!

— Не прав?

— Конечно! — рассмеялся Карм Карвус. — Плохо же ты знаешь Тонгора, если думаешь, что корона сможет удержать его на месте, как цепь удерживает пса около конуры! Вокруг него вечно все будет кипеть и бурлить! Кстати, на следующий год он обещал отправиться со мной в Тсаргол. Туда, где мы с ним встретились, когда нас заточили в темницу из-за интриг Другунды Талоя — сарка Слидита и Красного Друида — Йелима Пелорвиса. Тонгор поклялся, что они дорого заплатят за свои злодеяния, и, когда мы бежали, выпустил-таки сарку кишки. Остался Друид, и с ним бы я справился сам, но валькар не забыл клятвы и, несмотря ни на что, намерен навестить Тсаргол. Сомневаюсь, что кому-нибудь удастся его отговорить.

— Так ты действительно полагаешь, что Тонгор?..

Карм Карвус поднялся со скамьи и хлопнул друга по плечу:

— Давай-ка вернемся в зал и выпьем еще по кубку вина. Среди танцовщиц есть очень даже симпатичные девчонки, и я заметил, что одна с меня глаз не спускала. Не может быть, чтобы у нее не нашлось хорошенькой подружки! Ободришь и верь мне: там где Тонгор — скучать не придется никому!

Посмеиваясь, приятели вернулись в зал, оставив огромную золотистую луну Лемурии в одиночестве любоваться своими отражениями в прудах и бассейнах дворцового сада. Ночь выдалась на редкость тихая, звезды ровно сияли на безоблачном небе, и лишь теплый ветер нарушал тишину, шелестя кронами цветущих деревьев. Весна была в разгаре, близило жаркое лето.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОЛОГ

...Это случилось в Век Волшебства, когда могущество магов боролось с волнами тьмы, угрожающе накатывающимися на Земли Людей.

...Мир больше не увидит колдовства, существовавшего в те времена, когда Лемурия была молода...

Все это происходило задолго до того, как Мать Всех Империй развернула свои знамена над Египтом, задолго до Атланты и розово-красных городов майя. В тот бурный век колдовства и войн, кинжалов убийц и кубков отравленного вина саркам противостояли кровожадные друиды, а наградой победившему служил трон одного из королевств Лемурии...

Именно тогда появился искатель приключений с дикого Севера — Тонгор из клана валькаров, обладающий железными мышцами воина и варварским презрением к опасности. С помощью великого волшебника Шарайты он одолел Царей-Драконов и сорвал их страшные замыслы призвать с самой далекой звезды Темных Богов Хаоса. Первым среди богов Зла был Ямат. Тонгор вдребезги разбил его огненные алтари, изгнал его Желтых Друидов, забрав себе Патангу, где раньше правил Ямат. Но друиды двух других Темных Богов остались непобежденными: в мрачном Тсарголе по-прежнему правили от имени кровавого Слидита, а Красные Друиды по-прежнему властвовали над каменным городом у южного моря...

Лемурийские Летописи

ВОР ИЗ ТСАРГОЛА

Иные любят воевать, нашептывая ложь!
Их языки остры и могут быстро погубить,
Они, как брошенный наймитом чьим-то нож,
С умением труса могут жертву поразить.

Алая Эдда

Полночь накрыла Тсаргол, словно черный занавес. Обнесенный неприступными стенами, каменный город застыл на южном побережье древней Лемурии, где разбивались о высокие утесы холодные волны Яхензеб-Чуна, Южного моря.

Повсюду царила тьма. В куполах башен не горело огня, равно как и на широких проспектах. Великолепный дворец с тысячами окон высился горой угольной черноты, ибо последний монарх Тсаргола умер. Ни одного фонаря и канделябра не светило в храмовом квартале, где обитали друиды Слидита, жрецы-маги жестокого и кровавого культа, властвовавшего в городе из красного камня со дня смерти Другунды Тала, последнего сарка.

В городе было темно, словно в обители мертвых.

И столь же тихо. Лишь там, где море в бессильной ярости билось в огромную стену уже тысячу лет и будет биться еще десять тысяч, нескончаемо грохотал прибой.

Но этой черной и беззвездной ночью в Тсарголе спали не все. В маленьком квадратном помещении, высеченном в граните там, где город вздымал корону пышных куполов, в сорока ярдах под священной Алой Башней Звездного Камня, вокруг массивного стола из малинового нефрита сидели, строя коварные планы, четверо заговорщиков в черных бархатных рясах с капюшонами.

На такой глубине их окружало лишь безмолвие вечности, ибо даже беспощадный молот грохочущего

прибоя не мог проникнуть сквозь окружавший их прочный камень. Помещение освещали белые свечи в железном шандале на столе. Три свечи, каждая толщиной с руку воина, изливали безжизненный, колеблющийся свет на кроваво-красный нефрит, бросая тени на четырех заговорщиков.

В одном конце стола сидел высокий тощий Йелим Пелорвис, красный архидруид, властвовавший над Тсарголом от имени Слидита, Повелителя Крови. Его сутулая фигура выглядела изнуренной, истощенной, почти скелетоподобной. Холодное худощавое лицо напоминало обтянутый кожей череп. Бритая голова — шар из слоновой кости — сверкала в мерцающем свете. Узкие бесцветные глаза не блестели. Он словно смотрел в глубь себя, как человек, зажатый в тиски смертельного наркотика нотлая, Цветка Снов.

Наконец он заговорил тонким, тусклым голосом:

— Как мы отомстим Тонгору, этому прилудному щенку-варвару, который нарушил неприкосновенность святилища Владыки Слидита и похитил оттуда Звездный Камень? Тот самый священный талисман, что упал с небес в Алый Город тысячу лет назад. Владыка Слидит говорил со мною при помощи видений. Он сказал, что Темные Владыки требуют смерти варвара. Ваше мнение?

Слева от Йелима Пелорвиса сидел Нумадак Квелъм, человек более молодой, тоже бритый. Его глаза пылали огненным безумием фанатика. Под рясой из черного бархата он носил желтый атлас жреца культа огненного бога Ямата — культа, объявленного вне закона.

Он заговорил голосом, дрожащим от ненависти.

— Когда я спал, я видел сны, боги шептались со мной. Мое астральное тело блуждало по Землям Тени. Со мной говорил Ямата. Бог рассказал мне, что Тонгор, убивший моего господина, желтого архидруида Веспаса Птола, и забравшийся на трон

священного города Ямата, Патанги, вместе со своей молодой женой, принцессой Сумией... так вот, этот дикарь должен умереть. Иначе Три Повелителя Хаоса никогда не восстановят владычество над этой планетой! Тонгора надо убить... но как?

Слева от объявленного вне закона друида из Патанги устроился невысокий толстяк, черная бархатная ряса которого скрывала претенциозные, крикливо-яркие одежды, фантастически изукрашенные драгоценными камнями и парчой. На вислощек жабьем лице злобно поблескивали глаза-бусинки. Это был Арзанг Паума, изгнанный сарк Шембиса, имя которого наводило страх на многих в Южных Королевствах из-за его садистской жестокости. Тонгор сверг Арзанга Паума, превратив его в изгнанника-скитальца, заменив кровавое царствование Паума властью верного своего товарища, юного Элда Турмиса.

Арзанг Паума потерял толстые жабы ладони, поблескивающие в тусклом свете драгоценными камнями, украсившими множество перстней, и алчно сказал:

— Этот варвар скинул меня с трона, когда я присоединился к Фалу Туриду, сарку Турдиса, и пошел войной на Патангу! Предлагаю спустить на него Гильдию Убийц — пусть кубок с отравой или кинжал принесут погибель псу с севера!

— Нет! — нахмурился желтый архидруид Патанги. — Кинжал ничем не лучше руки держащего его убийцы... а яд не надежнее умения отравителя! Я предлагаю призвать на помощь наших братьев, Черных Друидов Заара, служащих Третьему Повелителю Хаоса! При поддержке великого Города Магов мы сможем поразить северянина магией, не знаящей промаха.

— Ты не прав, Нумадак Квелм, — покачал головой красный архидруид. — Заар, Город Магов,

лежит в тысяче лиг от моего города Тсаргола, за джунглями, лесами и бескрайними восточными равнинами, где бродят и властвуют синекочевники, за высокими горами, на самом краю Лемурии. У нас нет времени призывать на помощь темную магию Черного Братства. Молодая империя Тонгора с каждым днем становится все сильнее. Варвар и его принцесса уже властвуют над Тремя Городами на заливе: Турдисом, Патангой и Шембисом. Тонгор в любое время может обратить свой дикарский взор на юг, к Тсарголу. Мы должны нанести удар сейчас же!

Четвертый член тайного совета пока не высказывался. Раньше он сидел, погружившись в свои мысли, надвинув на глаза черный капюшон. Теперь он наклонился вперед, и клобук упал на плечи, открыв его лицо. Это был высокий человек, крепкого сложения, одетый подобно воину в кольчугу поверх кожаной куртки. Твердый, жестокий рот на его загорелом сильном лице обрамляла мрачная черная борода. Это был Хайяш Тор, даотар-изгнанник, бывший главный военачальник Турдиса, побежденный Тонгором. Именно его безумное, неуправляемое честолюбие и мечты о империи толкнули слабовольного сарка Турдиса на кровавую дорогу завоеваний. Тонгор же прорвал кольцо осаждавших город Патангу. Хайяш Тор тогда бежал, убив жалкого и малодушного короля Турдиса, против воли втянутого в безумную войну.

— Есть еще один способ, достославный архидруид, — заговорил он. — Можно и по-другому навлечь гибель на Патангу и погубить варвара...

Йелим Пелорвис обратил тусклый взгляд в его сторону и осведомился тихим, бесцветным голосом:

— И какой же это способ?

Хайяш Тор наклонился вперед, приковав к себе внимание трех других заговорщиков своим внимательным, гипнотическим взглядом.

— Я согласен с Йелимом Пелорвисом. Патанга должна быть уничтожена прежде, чем империя Тонгора поглотит всех нас. Тонгор строит воздушный флот летающих кораблей, тайной которых владеет одна лишь Патанга. Это — самое опасное оружие, так как, вооруженный всего одним таким летающим судном, Тонгор прорвал осаду Патанги и разбил всю мою армию. Поэтому именно сейчас нам и надо нанести удар. Не пройдет и года, как Тонгор достроит флот и обучит воинов. Тогда Патанга станет непобедимой — самой могущественной из городов Лемурии. Но убить Тонгора надо не кинжалом наемного убийцы... и не магией.

— А как же тогда? — удивленно выдохнул тучный бывший сарк Шембиса.

Тонкие твердые губы Хайяша Тора чуть дрогнули в слабой улыбке.

— Быстрое умерщвление лишит нас радости мести, — тихо произнес он. — Смерть — это конец жизни, но есть муки, которые могут показаться много хуже смерти и длиться они могут хоть сотню лет!

Одно за другим звучали его слова в удушающем безмолвии тайной подземной палаты. Блистающие глаза Хайяша Тора сверкали злым, плотоядным блеском. Собравшиеся задумались над его словами.

— Как же сможем мы передать Тонгора в руки наших палачей, Хайяш Тор? Как мы выманим северянина из рядов его могучей армии, из сердца его хорошо охраняемого города, обнесенного стенами?

Хайяш Тор снова улыбнулся.

— Мы заставим его явиться к нам по собственной воле, — мягко произнес он.

Молодой архидруид Ямата наклонился вперед. Глаза его горели словно у безумного фанатика. Он неторопливо облизал губы.

— Как?

Хайяш Тор понизил голос до тихого шепота.

— Что, если мы тайно похитим из сердца дворца Тонгора его жену, принцессу Сумию, и их новорожденного младенца, принца Тара? Один человек может прокрасться сквозь стену часовых, с чем никак не справится армия.

— Продолжай, — затаив дыхание попросил красный архидруид.

— Когда Сумия и ее ребенок будут надежно упрятаны за стенами Тсаргола, мы сможем приказать Тонгору... Если он когда-нибудь пожелает увидеть свою саркаю и их первенца, то он должен будет... открыть ворота Патанги перед нашей армией и приказать своим людям сложить оружие, отдавшись нам в руки! Или же мы уничтожим тех, кого Тонгор любит больше всего на свете!

Йелим Пелорвис молчал. Взгляд его стал тусклым, задумчивым.

— А поверит ли Тонгор нашему посланнику?

В голосе военачальника зазвенело адское веселье.

— Мы пришлому ему доказательство. Ваши палачи ведь достаточно умелы, чтобы отрезать саркаю левую руку и все же оставить ее в живых. Наш посланец принесет доблестному варвару кровавое доказательство. Прямо к его трону, где он восседает в окружении тысячи воинов. Ручаюсь, Тонгор сразу же отправится к нам!

Маленький жабообразный сарк Шембиса устремляюще хихикнул. Звук получился жутким, злорадным.

— И где же мы найдем человека, достаточно хитрого, чтобы исполнить такое?

Хайяш Тор, расслабившись, откинулся на спинку кресла. Вид у него был самоуверенный.

— В Тсарголе есть один вор по имени Зандар Зан...

Через две недели, ровно в полдень, через большие Западные Ворота Патанги верхом на запыленном кротере проехал стройный юноша. Солнце сверкало на стенах могучего города, вспыхивая огнем на муравленой черепице конических шатров башен и блестя на пузатых куполах из позолоченной бронзы и зеленой меди. Огромные ворота высились над юношей, словно утес, затемняя ясное голубое небо. Солнце позолотило наконечники копий и шлемы стоящих на стене часовых. Над дюжиной шатров башен свежий ветер дергал и развевал расшитые золотом знамена Патанги, украшенные эмблемой Черного Ястреба валькаров.

Въехав в город вместе с толпой, стройный юноша остался незамеченным. В этой толпе встречались разные люди — купцы из Занабала в головных уборах из белой ткани с янтарными перьями на макушке, везущие выделанные кожи, бронзовые изделия и яркие шелковые ковры, сошедшие с ткацких станков Далаха и Кадорны. Напыщенные послы из Катугла прибыли на север в занавешенных паланкинах, принеся дары в виде золота, серебра и бесценного язита. Были тут и крестьяне из дальних провинций, приехавшие на рынок на больших возах, которые тянули здоровые, тяжеловесные замфы. Они везли свежие ягоды сарн и водяные фрукты, пшеницу и рожь. А с ними прибыло и множество запыленных молодых воинов из отдаленного Ашембара, лучников и конных копейщиков из далекого Дарундабара, наемников из Возашпы, привлеченных магией легенд о Тонгоре — самом могучем из воинов, самом храбром и самом щедром из королей. Все они хотели записаться в его армию или, быть может, научиться таинственному искусству пилотирования стройных серебристых аэроботов, плавающих и кружащихся над Патангой волшебными мотылями.

Юноша проехал через Западные Ворота и въехал в имперский город по величественной Торийской дороге — огромному проспекту, что рассекал сердце города, доходя до самой великолепной площади в центре Патанги. Вокруг поднимались дворцы, храмы и особняки — сказочные, сверкающие тысячью красок, блистающие варварской пышностью.

С балконов, окон и стен свисали многоцветные ковры и знамена. На минаретах и шпилях трепетали и развевались флаги. Превосходные фасады, украшенные скульптурами из мрамора, одетые камнем или покрытые ослепительной мозаикой, сверкали в лучах полуденного солнца. На большом базаре Патанги под полосатыми оранжево-сине-малиновыми тентами торговались; ссорились и жестикулировали купцы. Ветви зеленых деревьев согнулись под грузом листвы, отбрасывая на раскаленную мостовую прохладные озера тени, а между зданиями то тут, то там проглядывали сады с фантастическими цветами.

Улицы и проспекты наводнила толпа — едущие на рынок женщины, воины, спешащие на посты, королевские вестники в черно-золотых камзолах, несущие свитки и послания, жрецы мудрого Отца Горма и мягкосердечной Владычицы Тиандры, знать и вельможи в колесницах с позолоченными колесами или верхом на поджарых кнутохвостых кротерах, мальчики на побегушках, несущиеся с какими-нибудь поручениями... Никто не обращал внимания на молодого человека в линялой и латаной пестрой одежде бродячего трубадура, с висящей за плечом лютней из слоновой кости, путешествующего верхом на запыленном кротере.

Зандар Зан (ибо это, конечно же, был он) свернул с огромного базара на боковую улочку и спешил перед постоянным двором под названием «Знак Дра-

коньей Головы». Путник позвал конюха и приказал отвести своего скакуна в загон.

Сам же Зандар Зан вошел на постоянный двор, снял комнату на ночь и заказал у хозяина сарнового вина и жареную заднюю ногу боуфара. Потом он улегся в постель и стал спокойно ждать, когда же стемнеет.

Когда пришла ночь и в небе засияла огромная золотая луна древней Лемурии, Зандар Зан покинул «Знак Драконьей Головы», закутавшись в просторный тускло-серый плащ. Свой пестрый латаный костюм он сменил на особую, плотно облегающую тело одежду абсолютно черного цвета. Она как перчатка охватывала тело Зандара Зана от шеи до пят и запястьев. Но это необычное одеяние скрывал от посторонних глаз серый плащ с капюшоном. Зандар Зан, отправившись по хорошо освещенному городу, выбирал темные переулки и незаметные, малохоженные тропинки. Так добрался он до стены, окружающей дом саркона.

Дожидаясь той минуты, когда луна скроется за тучей (стояла жаркая летняя ночь, и небо было насыщено испарениями), он укрылся в чернильной темноте огромного цветущего отлара. Там он скинул серый плащ и быстро вывернул его наизнанку. Подкладка плаща была из такой же абсолютно черной ткани, как и прочая его одежда. Она и в самом деле помогала вору скрываться от чужих глаз. Вслед за этим Зандар Зан натянул на лицо черную маску и вытащил из потайного кармана тяжелого плаща отрезок тонкой проволоки с прикрепленным на конце складным многозубым крюком из черного железа. Для того чтобы приглушить звук, зубья покрывал слой толстой ткани. Когда луна скрылась за тучей, Зандар Зан перекинул

свой крюк-«кошку» через стену королевской цитадели. Зубья его, скрипя, заскользили по верху стены, а потом зацепились за ряд острых кольев, вставленных в камень для отваживания непрошенных гостей. Быстро и бесшумно Черный Вор Тсаргола влез на стену, отцепил «кошку» и спрыгнул в темный сад по ту сторону стены.

Дворец Тысячи Сарков стоял посреди роскошного парка-лабиринта, состоящего из густых кустов, цветочных садов и рощ благовонных деревьев, усеянного извилистыми ручейками и прудами с лотосами. В разных точках парка стояли на часах воины из полка Черных Драконов — полка отборных гвардейцев, подобранных самим сарком. Скрытый от глаз черным одеянием, вор проскользнул по густым кустам, без труда избегая ничего не подозревающих солдат.

Он подошел к стене самого дворца. Если верить изученным им в Тсарголе картам, в этой башне находились личные покои Тонгора и Сумии. Не теряя времени, Зандар Зан достал особую пару ремней, которые надел на сапоги, затянув их до отказа. Из этих ремней торчали острые шипы из небия, самого прочного из всех металлов. Затем он надел специальные перчатки со схожими шипами.

А потом полез по стене.

Зандар Зан был незаурядным вором. Он был вором из воров: изящный и гибкий, как акробат, мускулистый, как гладиатор, он обладал навыками наемного убийцы и силой воина. Но для того чтобы совершить такой необыкновенный подвиг — подняться по отвесной стене, даже ему пришлось здорово поднапрячься.

Стена королевской башни была сложена из огромных блоков гладкого, блестящего желтого мрамора. Но между блоками находился более мягкий, пористый слой цемента. Вот в эту-то крошащуюся

губчатую субстанцию мастер-вор и загнал острые шипы, расположенные у него на запястьях. Потом, подтянувшись, он вогнал шипы на сапогах в слой цемента ниже мраморного блока. Теперь, балансируя на шипах сапог, он отработанным движением высвободил шипы на запястьях и снова вонзил их еще выше. Вот на такой изобретательный манер он и пополз потихоньку вверх по стене, словно фантастический червяк.

Принцесса Сумия находилась в своих покоях одна, дожидаясь прибытия Тонгора. Няня только что накормила принца Тара. Мальчик, всего год от роду, спал в колыбели около большого, похожего на трон кресла, где сидела, мечтая, молодая и красивая саркайя Патанги.

Сегодня вечером не намечалось никаких государственных обедов, никаких праздничных банкетов или балов. Сегодня вечером они с Тонгором поужинают вдвоем в своих покоях. Женщина слегка улыбнулась, подумав об этом. Дела Трех Городов были столь важными и столько их оказалось, что в последнее время саркайе и ее любимому мужу едва ли удавалось хоть час побыть наедине. Но сегодняшний вечер принадлежал им. Они разделят его и станут наслаждаться им вдвоем... или, точнее, втроем, если считать и сына. Вот-вот придет Тонгор. Он громко крикнет «Вина!» и сожмет жену в объятиях, от которых у нее захватит дух. Он закроет улыбающиеся губы Сумии поцелуем, который оставит ее слабой и дрожащей, а потом выпустит ее и подхватит на руки мальчика. Раскатисто хохоча, валькар подбросит верещащего от восторга малыша в воздух и поймает его в крепкие, нежные объятия, в то время как принцесса будет наблюдать за их игрой горящими глазами. Скоро...

Но как быстро у нее отобрали эту мечту...

Раздался какой-то странный звук! Окно?

Услышав лязг стали, женщина обернулась и закричала, увидев фигуру в плаще и маске — черную, чудовищную, словно громадная летучая мышь, стоящую в огромном оконном проеме. Незнакомец внимательно оглядел красавицу.

Сумия, придя в себя, закричала, зовя на помощь. Но ужасная черная фигура бросилась на нее, и женщина увидела в черной руке, метнувшейся к ее горлу, смертоносный блеск обнаженной стали.

ПРИНЦЕССА В ОПАСНОСТИ

Сталь звенит о сталь в железной песне.
Сквозь толпу врагов мы торим путь,
Прорываем строй, и так чудесно,
Вместо вин пьянит нас битвы жуть.

Боевая песня Черных Драконов

Тонгор из клана валькаров махал тяжелым мечом северян, вкладывая в каждый удар всю силу своих гигантских мышц. Губы его разошлись, окаливая зубы в тигриной улыбке, а странные золотистые глаза горели от упоения боем.

Сталь звенела о сталь, играя мрачную музыку войны. Искры полетели в разные стороны, когда клинок его противника разлетелся вдребезги под неукротимой силой удара Тонгора. Даже сам валькар, не сумев устоять на ногах, опустился на колени, и его противнику пришлось поднять черм, чтобы отбить ответный удар страшного тяжелого меча. Черм — так назывался лемурийский щит — был маленьким, круглым диском, крепко пристегнутым к левому предплечью воина. Он был сделан из прочной выпуклой драконьей кожи, натянутой

на легкую раму из дерева арлд, и применялся скорее для того чтобы ловко отбивать и отражать касательные удары меча, чем для того чтобы принимать на себя всю силу прямого удара.

Огромные мускулы на плечах Тонгора напряглись и вздулись от мощи возвратного удара. А опустившийся на колени воин отлетел в сторону. От его черма остался лишь клубок расщепленного дерева и порванной кожи.

Тонгор отошел и рассмеялся. Какой-то воин помог его противнику встать на ноги.

— Отлично, Чарн Коюн! Мы еще сделаем из тебя Дракона! — прогремел варвар, хлопнув своего противника по плечу. Чарн Коюн усмехнулся, морщась от боли.

— Да, государь, если я сумею пережить подготовку и остаться живым!

Тонгор снова рассмеялся, убирая меч в ножны. Приняв у воина длинный малиновый плащ, он набросил его себе на мускулистые плечи, продев один конец завязки под мышкой, а другой перекинув поперек груди и прикрепив их к наплечному ремню брошью дымчатого кварца.

Могучий валькар представлял из себя внушительную фигуру — бронзовый великан с мышцами титана, широкоплечий, грудь колесом, узкий в талии и длинноногий. Его превосходное тело не прикрывало никаких одежд, за исключением черных кожаных ремней, пояса, алой набедренной повязки и черных ичигов, или сапожек. Непокорная темная грива его жестких прямых волос моталась за плечами, не спадая ему на глаза благодаря пересекавшему лоб кожаному ремню.

После долгого утомительного дня в палате совещаний или в зале собраний Тонгор больше всего на свете любил скинуть тяжелые одежды из царственной парчи и натянуть кожаные ремни воина,

а потом провести часок среди солдат, упражняясь во дворе дворца. Из воинов Патанги, лучников Турдиса, бродячих наемников из дюжины городов, стекавшихся под знамя Тонгора, он постепенно выковывал превосходно обученный полк закаленных ветеранов, мастерски владеющих всеми видами холодного оружия. Этот личный отряд королевской гвардии — Черные Драконы — должен был стать ядром, вокруг которого с течением времени соберется армия. Для Черных Драконов Тонгор стал не только королем и командиром, но еще и товарищем. Драконы все как один любили его и пошли бы на смерть, защищая его и его жену.

Слишком быстро наступил вечер... Тонгор с удовольствием поупражнялся бы еще часок-другой. Его простая варварская жизнь в течение долгих лет, когда он дрался и скитался по континенту Лемурия в качестве атамана разбойников, воина-наемника, убийцы, вора, пирата и авантюриста, приучил его чувствовать себя уютней в казармах грубых воинов, чем во дворце сарка. Но теперь уже почти два года как странный поворот судьбы или прихоть Девятнадцати Богов даровали ему место на троне Патанги рядом с любимой женщиной. Сначала в качестве сарка Патанги, а теперь в качестве саркона Трех Городов — сюзерена, или Верховного короля быстро растущей молодой империи. Он усмехнулся, пожав плечами. Его несложная философия северянина побуждала брать от жизни, что та ни предложит.

Помахав на прощание своим воинам, он широким шагом вышел со двора рука об руку с изгнанным молодым принцем Тсаргола, своим верным товарищем, Кармом Карвусом. Войдя во дворец, они расстались. Карм Карвус, как даотар недавно сформированной Воздушной Гвардии, направился к летному полю, в то время как Тонгор поднялся

по лестнице к королевским покоем, где его ждали жена и сын. Большой красный плащ развевался у валькара за плечами и хлопал по каблукам, когда Тонгор проходил по пышно изукрашенным коридорам и великолепно меблированным покоем. На стенах повсюду висели позолоченные знамена и бархатные гобелены, натянутые на каркасы из серебряной проволоки. Из дырчатых бронзовых курильниц поднимались струйки голубых испарений. Фарфоровые вазы с тиралонами — зелеными розами Лемурии — создавали во всем дворце приятный аромат.

Тонгор прошел полкоридора, ведущего к королевским покоем, когда услышал пронзительный крик Сумии.

Человек цивилизованный (валькар-то был не из таких), реагируя на ее крик, потерял бы несколько драгоценных мгновений, гадая, что случилось, и, наверное, окликнул бы жену. Но Тонгор обладал сверхчувствительными нервами дикаря, жизнь которого всегда зависит от его реакции по отношению к малейшим признакам опасности — шороху листьев, скрипу половиц, запахам, теням.

Тремя большими шагами он добежал до двери своих покоев, схватился за щеколду. Дверь оказалась заперта изнутри. Цивилизованный монарх позвал бы охрану и подождал бы, пока та выломает преграду... Тонгор же отпрыгнул на несколько шагов назад и бросился на дверь словно тигр. Уже в прыжке он крутанулся, разворачиваясь так, чтобы его сапоги ударили в дверь как раз над замком, всем весом и со всей силой его гигантского тела. Дверь вышибло. Комнату засыпало щепками. Тонгор приземлился на ноги, одним молниеносным взглядом оценивая открывшуюся перед ним сцену.

Сумия, потерявшая сознание, со связанными сыromятым ремнем запястьями и лодыжками висела

на руке похожего на летучую мышь мужчины в плаще и облегающей черной одежде. Незнакомец стоял над колыбелью, где орал во все горло юный принц Тар, молотя по воздуху крохотными кулачками. Человек в черном протягивал к младенцу руку в черной перчатке, готовясь схватить его.

С подступающим к горлу рыком звериной ярости Тонгор бросился на похитителя в черной маске. Но Зандар Зан двигался с поразительной быстротой. Перебросив через плечо легкую принцессу Сумию, он оставил ребенка и выпрыгнул в окно, мгновенно растворившись в темноте.

Тонгор на секунду задержался у колыбели. Бросив лишь один быстрый взгляд, валькар убедился, что ребенок невредим, только очень удивлен.

Потом, без размышлений и колебаний, Тонгор прыгнул через окно вслед за похитителем в черном.

Карм Карвус остановился в коридоре поговорить со старым другом — седым, грубоватым, но сердечным князем Мэлом, бароном Тезони, одним из самых близких друзей и мудрых советчиков Тонгора. Они обсуждали предстоящий Совет Королей, где валькар должен был встретиться с Элдом Турмисом, сарком Шембиса, и со старым воином Барандом Тоном, сарком Турдиса. Они собирались говорить о проблемах и делах сарконата. Так вот из-за встречи с князем Мэлом Карм Карвус оказался не так далеко от королевских покоев. Он тоже услышал крик Сумии, последовавший за ним грохот (когда Тонгор выбил дверь) и полный дикой ярости крик северянина.

Выхватив из ножен меч, Карм Карвус и князь Мэл побежали вверх по лестнице и оказались возле выбитой двери в королевские покои всего через несколько мгновений после того, как Тонгор вы-

скочил из окна башни. Мимо пробежали часовые из окружающих коридоров вместе со знатными дамами, прислуживавшими принцессе. Вместе с ними прибежала и хорошенькая темноволосая молодая девушка, родная дочь Мэла, Иннелда.

Беспорядочную бурю вопросов оборвал глухой голос грубого старого барона.

— Дочь! Что здесь произошло? Где твоя госпожа?

— Не знаю, отец! — Иннелда подняла на отца испуганный взгляд. — Я лишь на миг вышла из покоев, посмотреть, готов ли ужин, так как мы с минуты на минуту ожидали прихода государя. Принцесса Сумия находилась в покоях одна с принцем Таром... Я услышала, как она закричала, и...

Карм Карвус стремительно пересек помещение и выглянул в открытое окно. Потом он посмотрел наверх и закричал:

— Воллер Сумии... он поднимается с посадочной площадки на крыше! Клянусь богами... кто-то увозит принцессу!

Тонгор нырнул через окно в черную как смоль ночь, и его вытянувшиеся руки наткнулись на болтающуюся веревку, в которую он и вцепился железной хваткой. В тридцати футах у него под ногами лежал окутанный ночной теменью сад. Тонгор изо всех сил ухватился за тонкую веревку.

Когда Черный Вор влез по наружной стене башни и забрался на оконный карниз, то вынул из-под плаща крюк-«кошку» и закинул ее наверх, зацепив за шпиль и обеспечив себе путь отступления. Захваченный врасплох внезапным появлением Тонгора, Зандар Зан забыл и думать про малолетнего принца и бежал через окно, взобравшись по веревке на крышу с быстротой и ловкостью акробата, ничуть не стесненный легким весом Сумии.

Подняв взгляд, Тонгор увидел похожую на летучую мышь фигуру в плаще. Незнакомец взбирался на крышу. Валькар мельком увидел бледное тело Сумии на плече черного похитителя. Оскалив зубы в устрашающем рыке, Тонгор полез следом. Быстро перебирая руками, он забрался на крышу всего на несколько мгновений позже вора.

Крышу башни давно переделали под посадочную площадку для судов нового воздушного флота Патанги. Сейчас на конце якорного каната в воздухе плавал причаленный к мачте личный воллер Сумии. Когда Тонгор влез на крышу, то увидел, как фигура в маске с Сумией на плече забралась на борт летучей лодки. Невесомое как облачко благодаря сопротивляющемуся притяжению корпусу из урилиума — магического металла, странное судно поплыло по воздуху, подгоняемое ночными ветрами.

Тонгор напряг мускулы, а потом подпрыгнул. Могучие ноги словно мощные пружины выбросили его тело высоко вверх. Одна рука задела палубные поручни воллера, соскользнула, но потом намертво вцепилась в какую-то металлическую деталь корпуса.

Болтаясь в воздухе, зацепившись кончиками пальцев одной руки, Тонгор повис на аэроботе, проплывающем над дворцом.

Зандар Зан с самого начала собирался скрыться из Патанги, угнав воллер, и подготовился к этому. Прежде чем покинуть Тсаргол, он внимательно выслушал Хайяша Тора. Бывший даотаркон подробно объяснил Вору, как пилотировать таинственные летающие суда. Как командующий войсками Турдиса, Хайяш Тор в совершенстве владел этим искусством, поскольку именно старый Улим Фон, мудрый алхимик из Турдиса, и выделил урилиум — магический металл. Он же сконцентрировал воллер, сделав

его секретным оружием в планах Турдиса, собиравшегося с помощью летающего флота завоевать всю Лемурию. А Черный Вор зря времени не терял. Промчавшись по палубе, он ворвался в кабину пилота и бросил Сумию на одну из двух коек, вытянувшихся вдоль стены. Через несколько секунд он уже разворачивал судно, направляя его над городом. О том, что Тонгор висит внизу, уцепившись за поручни, Вор, конечно, не знал.

Потом с палубы донесся скрежет металла о металл. Зандар Зан обернулся и увидел Тонгора, залегающего на палубу. Глаза валькара горели от ярости.

Свой титул Черный Вор заслужил не даром. Он славился сообразительностью и изобретательностью. Одна рука Вора тут же метнулась и повернула штурвал воллера на пол-оборота влево. Судно едва не перевернулось. Когда палуба вдруг превратилась в вертикальную стену, Тонгор, потеряв равновесие, перелетел через ограждение и исчез во мраке ночи.

Зандар Зан угрюмо улыбнулся и выправил судно. Два мощных ротора на хвосте аэробота загудели. Их острые лопасти стали кромсать холодный ночной воздух. Набирая скорость, воллер помчался в темноте, словно сверкающая серебристая стрела. Через несколько мгновений маленький кораблик проскользнул над стенами города и понесся на юг, в то время как купола и башни Патанги уменьшались, пока не пропали вдаль.

Тонгор падал, переворачиваясь в воздухе. Потом одна рука его задела за шест, вцепилась в металл, и варвар закачался над одной из городских крыш. Широко открыв рот, валькар пытался в первую очередь восстановить дыхание.

По крыше к нему с криком подбежал молодой воин. В руках его сверкал обнаженный клинок.

Судя по серебристо-позолоченным ремням и искрящемуся серебристому шлему, он был одним из воинов недавно сформированной Воздушной Гвардии. Тонгор свалился на крышу и огляделся. По прихоти богов, Зандар Зан скинул его на крышу этой башни с высоты всего в несколько ярдов. Эта крыша тоже служила посадочной площадкой. И тут, всего в нескольких шагах, в воздухе плавал аэробот гвардейца, привязанный к причальной мачте, за которую и ухватился Тонгор, прервав свое падение. Валькар чуть расслабился, улыбнувшись.

Воин подбежал к нему и, узнав, отдал честь.

— Государь! Что...

— Некогда болтать, — прорычал Тонгор. Он прыгнул на палубу аэробота и отвязал линь, крикнув: — Передай принцу Карму Карвусу, что я лечу следом за воллером принцессы... на юг. Пусть созовет Воздушную Гвардию, и пусть она следует за мной... А теперь, парень, живо! Отдать концы!

Молодой воин еще раз отдал честь, а уж потом отвязал причальный конец. Воллер отплыл от посадочной площадки. Тонгор прыгнул к управлению. Загудели, оживая, роторы, и второй корабль умчался в ночь следом за похитителем. Вскоре огни Патанги исчезли далеко позади, и под килем судна Тонгора стал проноситься погруженный в ночь ландшафт — поля и леса.

Однако несколько минут задержки оказались существенными. Оба воллера были новой, улучшенной моделью, с более сильными двигателями, и могли лететь куда быстрее, чем старый корабль Тонгора «Немедис». Судно Зандара Зана имело фору в несколько минут летного времени при наивысшей скорости, к тому же судно Тонгора понадобилось еще какое-то время, чтобы набрать максимальную скорость. Теперь два судна неслись по ночному небу, и никакие усилия Зандара Зана

не могли увеличить разрыв между ними, равно как и все мастерство Тонгора не могло его сократить. Так они и мчались по небу, окутанному облаками. Вскоре они пересекли границу Патанги и полетели над поросшими травой холмами и обширными лесами Птарты.

Тучи, скрывавшие луну над Патангой, тут попадались реже. Часто и беспокойно поглядывая назад, Зандар Зан ясно различал преследовавший его аэробот. Он, конечно, не знал, что на нем летит сам Тонгор из валькаров. Не долго думая, вор решил, что в городе подняли тревогу и за ним погнался один из крейсирующих кораблей воздушного патруля. Но кто бы ни управлял этим судном, вору нужно было исхитриться и сбить его со следа. Никак не годилось приводить преследователя напрямик в Тсаргол и таким образом заранее предупреждать врага о готовящейся войне, ясно давая понять, что похищение принцессы — тсарголийский заговор.

Вор отчаянно огляделся, пытаясь сообразить, как сбить со следа преследователя. И тут он увидел на востоке, над землями Нианги, большую гряду облаков. На далеком горизонте он смутно различил невысокие горы, бывшие, должно быть, Ардатским хребтом. Зандар Зан круто повернул штурвал, направившись на восток. Там, в пелене густых облаков, он надеялся оторваться от преследователя.

Сумия мало-помалу приходила в чувство. Там, во дворце, незнакомец прыгнул на нее и оглушил. Теперь же, медленно приходя в себя, принцесса огляделась и увидела, что лежит на одной из двух коек в каюте собственного же воллера.

А над пультом управления сторбился тот самый незнакомец в плаще и маске. Сумия сообразила, что,

должно быть, какой-то неизвестный враг задумал похитить ее... и ее ребенка. Однако, оглядев тесную кабинку, она успокоилась. Маленького принца нигде не было видно. Принцесса попыталась приподняться, но повалилась обратно на койку — руки и ноги были крепко связаны. Зачем ее украли? На какое-то мгновение ее чувства дрогнули от болезненного страха. Но она была не какой-нибудь неженкой. Между ней и варварской дикостью ее праотцев лежало всего лишь несколько поколений. Призвав на помощь всю свою смелость, Сумия стала спокойно и хладнокровно раздумывать, ища какой-нибудь выход из затруднительного положения. При этом, отражая напряженную работу ума, ее маленький подбородок решительно выпятился вперед.

Пока похититель в маске не знал, что она очнулась. Это было ее преимущество, пусть даже небольшим. Тонгор учил ее, что, оказавшись в опасности, надо хвататься за любое преимущество, пусть даже за самое малое, и использовать его. Подвижный и смелый ум принцессы выискивал всевозможные пути к спасению.

Со связанными за спиной руками она была практически беспомощна. Однако к койке ее не привязали. И руки у нее были связаны только в запястьях. Возможно, ей удастся извернуться, так чтобы руки оказались впереди... Тогда, даже связанная, она сможет что-то предпринять. Выворачивая с гибкой грацией связанные руки, Сумия подогнула ноги, сжавшись так, что с небольшим усилием ей удалось протащить через ноги связанные запястья. Выпрямившись, она вытянула руки перед собой. Потом она заметила отблеск начищенной стали: кинжал и меч висели на черном поясе таинственного похитителя. Возможно...

Сумия села и спустила ноги с койки. Встать на ноги в покачивающейся кабине, да еще со связан-

ными руками, было нелегко, но ей удалось сделать и это. А потом она медленно-медленно стала подкрадываться к похитителю.

Каждый рывок воллера угрожал опрокинуть ее с ног, но все же принцессе удалось, не упав, неслышно пересечь кабину.

Теперь она стояла прямо за спиной пилота в черном плаще, сосредоточившего все свое внимание на гряде облаков впереди по курсу. Если она попытается выхватить связанными руками кинжал у этого человека, то похититель скорее всего снова схватит ее прежде чем удастся прикончить его. На какой-то миг на Сумию накатила волна страха... как, слабая, связанная, могла она противостоять этому человеку?

А потом, решительно взяв себя в руки, она отчаянно потянулась вперед, схватила похитителя за волосы и, прежде, чем он успел пошевелиться или обернуться, изо всех сил стукнула его головой о стальной поручень, проходивший вдоль передних окон кабины, вложив в это движение все свои силы.

Незнакомец в черном рухнул на рычаги управления, заливая пульт кровью. Зандар Зан потерял сознание. Онемевшими пальцами принцесса нащупала завязки маски и сорвала ее. Она ожидала, что перед ней окажется кто-то из старых врагов Тонгора, но этот молодой человек был ей совершенно незнаком.

Потом принцесса нагнулась и выхватила из черных кожаных ножен кинжал. Сев на койку, она зажала рукоять кинжала между лодыжек. Потом она начала медленно, терпеливо перепиливать острым лезвием путы, стягивающие ее запястья. Нельзя было терять времени. Ее онемевшие руки скоро заболели от этого упражнения. Похититель же в любой момент мог прийти в себя. Но ведь связанная она не смогла бы защититься от него. Со свободными руками, имея кинжал, Сумия готова была сражаться с кем угодно.

Перениливая путы, Сумия и не заметила, как неуправляемый корабль нырнул в густые облака над Ниангой и понесся сквозь курящиеся испарения прямо на отроги невидимых Ардатских гор.

ПОДЗЕМНЫЙ ДВОРЕЦ

«...За непроходимыми джунглями, у подножия горы, находится тайная крепость Кудесника Запада. Там бесчисленные века ищет древний колдун в запретных книгах и странных обрядах сокрытые тайны Будущего...»

Третья книга Псенофиса

Над Патангой вставало солнце, положив конец тревожной ночной суматохе. Едва забрезжил рассвет, так и не спавший Карм Карвус созвал совет. Все придворные находились в замешательстве — спешили туда-сюда офицеры и вельможи, разносили сообщения и приказы гонцы, мчались занять посты отряды воинов. Тонгор так и не вернулся, и воллеры не нашли никаких следов похищенной принцессы.

На совет собрались предводители сарконата: князь Мэл с нечесаной седой львиной гривой (он постоянно морщил лоб от беспокойства), полный краснолицый барон Селверус, некогда служивший отцу Сумии, покойному сарку, а теперь, верой и правдой, ее мужу, Тонгору, и принц Дру — поджарый, остроумный, насмешливый. Но теперь его шуточки попритихли. В этот раз его поведение отличалось галантностью и серьезностью. Пришел также старый и мудрый Эодрим, архижрец Горма и иерарх храма Девятнадцати Богов. Он собирался поделиться мудростью с участниками экстренного совещания.

Карм Карвус не терял зря времени на праздные церемонии. Он открыл заседание, четко и точно изложив события предшествующей ночи.

— Стало быть, перед нашим советом стоит три вопроса. Где саркайя Сумия, кто ее похитил и с какой гнусной целью? Где наш повелитель Тонгор и какова его судьба? Какую грядущую опасность предвещают эти странные события?

— Иными словами, Карм Карвус, — перебил его принц Дру, — означает ли похищение принцессы начало военных действий со стороны какого-то пока неизвестного государства, или же это всего лишь злобная и мстительная выходка со стороны одинокого врага?

— Правильно, принц. Все меры предосторожности, какие только можно принять, уже приняты, — продолжал Карм Карвус. — Объявлена тревога. Наряды часовых утроены. Воздушная Гвардия все еще рыщет по округе. На самых быстрых аэроботах отправлены вестники с предупреждением к Элду Турмису в Шембис и к старому Баранду Тону в Турдис. Мы послали им предупреждение, чтобы и они были настороже.

— Кровь Горма!.. Прошу прощения, достопочтимый архижрец!.. Значит, ты думаешь, что похищение принцессы лишь пролог к вторжению... Кто-то собирается смутить и напугать нас так, чтобы Патанга вышла из равновесия и ее можно было бы завоевать намного легче из-за замешательства в рядах защитников и из-за надломленного боевого духа? — прогремел князь Мэл. Карм Карвус мрачно кивнул.

Старый барон Тезони злобно выругался:

— Подлые, коварные черви! Воевать с женщинами!

— Но кто же наш враг? — проворчал Селверус. — В Турдисе и Шембисе наши друзья. Наверняка это не Занабал и не Пелорм... и даже не Катул, что лежит на севере! Они обменялись с нами послами и знают, что им не нужно опасаться Тонгора.

— Да, барон Селверус, — согласился Карм Карвус. — Но мы пол-Лемурии наводнили озлобленными врагами — друидами Ямата, которых изгнал Тонгор. Они вполне могли осесть в каком-нибудь близлежащем королевстве и там раздуть дремлющее честолюбие какого-нибудь дружественного нам правителя.

Мэл задумчиво потер бороду.

— Да, согласен, — прогрохотал он. — К тому же еще остался Тсаргол. Этот город и его Красное Братство подлого бога-демона Слитита. Они-то не забыли оскорбления, которое нанес им Тонгор, когда прокрался в Башню Змей и украл у них из-под носа Звездный Камень! Нет, такого они никогда не забудут... Да и то, что он сбежал, убив их священника Замадара и сарка Тсаргола, Другунду Тала!

— Возможно! — согласился принц Дру. — Однако до Тсаргола лиги и лиги пути, помимо вод Южного моря. Думаю, нам лучше поискать врага поближе... Какой-нибудь небольшой городок, испугавшийся быстро растущей мощи Патанги. Вообразивший, что Патанга представляет угрозу для его самостоятельности, и введенный в искушение мстительными друидами Ямата. Но кто бы там ни был этот враг, вопрос остается прежним: что еще мы можем сделать для защиты нашего королевства?

Мудрый старый жрец, до сих пор молча слушавший это обсуждение, поднял свой жезл, увенчанный большим гром-камнем.

— Господа... и юный Карм Карвус!

Принц Тсаргола повернулся к старику.

— Да, отец Эодрим? Я надеялся, что в столь важных делах вы поделитесь с нами мудростью, накопленной за столько лет. Выскажите то, что думаете обо всем этом.

— Года, оставшиеся за плечами, не всегда прибавляют мудрости, — негромко рассмеялся жрец. — Однако я могу внести одно предложение...

Его дружно попросили высказаться. Старик поднялся — высокий и внушительный на вид, с седой бородой и в простой рясе из белого бархата. Струившийся через высокие окна зала Совета красноватый свет искрился огнями на Колесах Горма — ожерельях драгоценных камней, висевших у него на груди.

— Думаю, что мы, подняв дозоры по тревоге и отправив гонцов к союзникам, сделали для защиты Патанги все, что могли, и пока наш неведомый враг не соизволит открыть свое лицо или имя каким-нибудь явным враждебным поступком, мы ничего больше сделать не сможем. Однако если бы мы могли раскрыть имя и понять цели нашего врага сейчас, до того как он будет готов нанести новый удар, мы поступили бы мудро, ударив первыми.

— Согласен, отец Эодрим, — кивнул Карм Карвус. — Но как это сделать?

— На западе, за широкими джунглями Чаша, за великими горами находится замок великого волшебника Лемурии, самого Шарайты, который два с лишним года назад присоединился к Тонгору и тебе, Карм Карвус, чтобы низвергнуть Царей-Драконов. Думаю, мы можем смело рассчитывать на его дружбу с валькаром, королем-воином, и можем обратиться к нему за помощью...

Через час маленький корабль поднялся с одной из посадочных площадок Патанги и набрал высоту. Сделав круг над городом, он повернул на северо-запад и помчался в утреннем небе, словно некая фантастическая птица.

В маленькой кабине этого судна сидел Карм Карвус. На его поджаром, могучем теле были лишь серебристые кожаные ремни Воздушной Гвардии. На бронзовые плечи юноши был наброшен синий

плащ. Эодрим, конечно же, был прав. К кому ж еще им обращаться в таком безвыходном положении, как не к могучему магу Моммара?

Патанга находилась в устье Саана. Севернее реки-близнецы расходились в разные стороны. Саан изгибался на северо-восток к Катулу Пурпурнобашенному, а Исар петлял, уходя на северо-запад через дикие джунгли Куша. Карм Карвус на самом быстром воллере, какой только смог найти, мчался высоко в небе, следуя за сверкающей серебряной лентой Исара, вплетавшего свою блестящую нить в изумрудный го-белен густых джунглей.

На севере возвышался огромный горный хребет Моммар. Горы Моммара пересекали Лемурию по середине, словно колоссальная стена из сплошного камня, протянувшаяся от границ Пашта на западе до Внутреннего моря Неол-Шендис, лежащего в тысяче миль к востоку.

Подобно огромной стреле из зеркально-яркого металла корабль с головокружительной скоростью рассекал утреннее небо. Тропическое солнце Лемурии медленно взошло по куполу небес, поднялось в зенит. И столь же медленно опустилось на западе. Тени раннего вечера легли на непроходимые джунгли далеко внизу. Горы были все ближе и ближе. То тут, то там среди этих могучих пиков, поднимающихся на десять—двадцать тысяч футов над поверхностью континента, Карм Карвус замечал дымящиеся кратеры. Несколько гор извергали потоки жидкого огня и выбрасывали высоко в атмосферу густые струи чернильно-черного дыма. Это была подозрительная и пугающая страна. Ее сотрясали страшные землетрясения и вулканические взрывы ужасной силы — красноречивые свидетельства действия тех разрушительных сил, которые пока лишь дремали глубоко в пустотелом сердце Лемурии, но которые в один прекрасный день проснутся и, рас-

колов несчастный континент, утопят его в пучине первозданного Тихого океана, о чем уже сейчас предупреждали пророки и оракулы.

На западном небе малиново пылала печь заката. Коарбль снизился у громадного утеса, вздымавшегося отвесной скалой на опушке джунглей. Карм Карвус надежно привязал свое судно к высокому малиновому стволу гигантского лотифера. Отсюда он пешком отправился в каньон, больше напоминающий лабиринт. Каньон представлял собой глубокое ущелье меж двух отвесных скал. Перебравшись через горы осыпавшихся камней, молодой воин вышел в извилистую долину, сжатую между огромными утесами и заканчивающуюся массивной каменной плитой. Сюда бывший житель Тсаргола мог добраться и без посторонней помощи... но не дальше. Карм Карвус не знал магического ключа, который отворил бы мрачные ворота в подземный дворец волшебника. Он лишь надеялся на то, что стража волшебника заметила его приближение. И вот!..

Гигантская каменная плита беззвучно ушла в землю. Перед юношей открылась черная пасть — вход в пещеру. Карм Карвус бесстрашно шагнул во тьму.

Он оказался в помещении фантастическом и сверхъестественно величественном. Перед ним простиралась огромная пещера, освещенная то тут, то там бассейнами дымящейся серы и потоками шипящей лавы, отбрасывающими странный оранжево-алый свет. Со сводчатого потолка пещеры свисали, словно клыки в пасти какого-то невероятного дракона, истекающие влагой сталактиты. А с пола пещеры поднимались им навстречу пики минеральных отложений, накопившихся за бесчисленные геологические эпохи благодаря неспешно сочащейся известковой влаге. Карм Карвус прошел через этот лес сталагмитов к отдаленной стене, казалось со-

стоявшей из дыма, подсвеченной снизу темно-малиновым огнем.

Из каменного леса он вышел к берегу реки живого пламени. Здесь ленивая струйка расплавленной лавы прорезала в полу пещеры глубокий канал. Неспешный поток пылал вишнево-красным. От него исходил обжигающий жар, который Карм Карвус почувствовал всем телом. На грязной поверхности лавовой реки плясали мерцающие желтые язычки пламени. Оттуда поднимался маслянистый пар, заставивший глаза юноши слезиться.

Через огненную реку выгнулся природный мост. Вот по этой-то каменной арке Карм Карвус и перешел осторожно через лавовый поток, охранявший вход во дворец Шарайты, словно ров жидкого огня.

На другой стороне лавового потока пол пещеры поднимался, образуя широкое невысокое крыльцо из семи ступеней, ведущих к огромной двери из ржаво-красного железа, которая была раза в три выше человеческого роста. По обе стороны двери стояли грубые каменные грифоны с угрожающе поднятыми и растопыренными лапами. Их каменные клювы раскрылись в беззвучном предупреждающем крике. Вставленные в птичьи головы дымчато-серые кристаллы сверкали желтыми огнями. Подавив дрожь, Карм Карвус задумался, было ли это желтое мерцание только стеклянистым отражением света лавы или грифоны вели свою странную, магическую полужизнь.

Юноша поднялся на маленькое крыльцо из семи ступенек и остановился перед большой железной дверью, которая, застонав ржавыми петлями, распахнулась, повинувшись давлению невидимых рук.

Перед гостем открылся длинный зал, вытесанный из камня в сердце горы. В дальнем конце его было расположено возвышение, тоже из семи ступенек, и на нем стояло троноподобное кресло

из черного мрамора. Сейчас оно пустовало. Через весь зал протянулся огромный стол из черного дерева. На обоих концах стола возвышались канделябры из чистого золота, но свечи в них не горели, и удивительный зал погружен был в злобный полумрак. В дальнем же конце зала в воздухе парил мерцающий шар чистого белого пламени размером не больше человеческой головы.

Волосы у Карма Карвуса встали дыбом, он выругался, схватившись за меч.

Странное существо из пламени парило в воздухе на высоте человеческого сердца. Ничто не поддерживало его, не помогало висеть в воздухе. В сердце Карма Карвуса зашевелились ночные страхи, но потом...

Из танцующего шара белого огня раздался сверхъестественный голос:

— Не бойся, принц Тсаргола! Мой господин рад видеть тебя в своем дворце и просит следовать за мной в палату, где он дожидается тебя.

— Следовать за тобой? — воскликнул Карм Карвус. — Кто ты такой?

Не было ли в этом свистящем голосе намек на простую человеческую насмешку?

— Не бойся, сказано тебе... Здесь рады тебя видеть! Я лишь Дух Огня, обязанный служить волшебнику Шарайте. Идем же, принц Карм Карвус!

подавив страх, молодой воин последовал за духом через одну из дверей, выходящих в зал. Огненный шарик плясал перед ним, словно блуждающий огонек, который часто сбивает путников с дороги и заводит в зловонные болота и бесплодные пустыни. Юноша шагал следом за странным шаром фосфоресцирующего пламени через удивительные покои, заполненные разными чудесами. На стенках висели гобелены, и вытканые на них деревья качались, гнулись под порывами магичес-

кого ветра, а лица на фресках злобно смотрели и улыбались вслед юноше. Карм Карвус прошел через дверные проемы, антаблементы которых поддерживали бородатые змееногие кариатиды, вырезанные из коричневого мрамора. Зрачки их каменных глаз двигались, следя за Кармом Карвусом, когда он проходил мимо.

Наконец юноша и его провожатый вошли в просторный зал, где потолок пересекали балки древнего дерева. С них свисали странные вещи — скелет человека, части которого соединяла золотая проволока, набитое чучело крокодила с рубинами вместо глаз, пучки и связки душистых трав и перекрученных корней. У одной стены в очаге из блистающего черного мрамора горел изумрудно-зеленый магический огонь, не нуждающийся ни в угле, ни в дровах. Еще одну стену скрывали полки, где лежали стопками и стояли в ряд книги... Залежи, завалы книг, больше, чем когда-либо за свою жизнь видел Карм Карвус. Некоторые из них были в переплетах из выделанной кожи, другие с окладами из металла: золота, серебра, электра, язита, меди. Некоторые с обложками из незнакомого дерева, на которых были вырезаны странные и гротескные руны и криптографы. У других же были витые обложки из слоновой кости, усыпанные мигающими рубинами, злобно сверкающими, словно глаза змей. Были здесь полки, заполненные свитками и рулонами пергаментов. В углах и щелях между прислоненными друг к другу, лежащими на боку томами прятались баночки с цветными порошками, бутылочки с безымянными жидкостями, амфоры со странными снадобьями и пугающими кислотами. У других стен стояли длинные низкие столики из фарфора и стали. Там лежали инструменты и приборы алхимиков — реторы, чашки и мензурки, причудливые перегонные кубы, куркубиты и атаноры — непонятного для молодого воина назначения.

Заклученный в зеркала из полированного серебра, словно зеленая тень, колыхался призрак из пламени. Плавающий в туманной жидкости хрустального чана человеческий мозг пульсировал ужасным подобием жизни. Но Карм Карвус почти не замечал всего этого. Его взгляд был прикован к старику, сидевшему в большом, с высокой спинкой, кресле из пурпурного дерева яннибар, придвинутого к огромному столу из бледно-зеленого нефрита. Перед стариком лежала раскрытая книга, пергаментные страницы которой покрывали пиктограммы, нарисованные ало-черно-золотыми чернилами.

— Великий Шарайта... что ты делаешь? — воскликнул юноша. Старик, улыбаясь, поднял сухопарую руку, бледность которой делала ее почти прозрачной.

— Я умираю, Карм Карвус, — ответил старик мягким, спокойным голосом.

Воистину прожитые годы сказались на нем. Его фигура выглядела такой изможденной, его мантия с длинными рукавами нейтрально-серого цвета казалась одеянием скелета, а не живого человека. Большая борода и грива побелели, как девственный снег, закутавший горные пики. Его усталое, бледное, восковое лицо покрылось морщинами, как и его исхудалые руки. Но в черных магнетических глазах все еще горела жизнь. За ними скрывался неумно любопытный разум и могучий интеллект величайшего волшебника во всей Лемурии. Карм Карвус в отчаянии покачал головой.

— Только не ты, Великий!

— А почему бы и не я? Разве я не человек? — мягко осведомился старый волшебник. — Верно, с помощью магии я продлил свою жизнь на много веков, но если дождь и ветер в конце концов даже вечную гору превращают в пылинку за бесчисленные тысячелетия... Даже вечные звезды после дол-

гих циклов эпох стареют и гаснут, как уголья. Сначала они мерцают и тлеют, а потом превращаются в мертвый пепел.... Так почему бы Смерти не предъявить права на меня, Шарайту? Я не сожалею об этом, Карм Карвус, ибо за жизнь свою я повидал много чудес... Мое искусство позволило мне побывать в тех потаенных местах, где Время и боги спрятали ключи своей мудрости. Из этих источников довелось узнать мне о том, что когда-то должно будет произойти!

Онемев от печали, Карм Карвус склонил голову.

— Но полно, давай не будем тратить понапрасну те немногие часы, что остались у меня... Ты ведь наверняка явился сюда с каким-то мрачным заданием или по срочной нужде. Говори! Как там поживает мой добрый друг Тонгор и его прекрасная жена?

Быстро, не тратя лишних слов, Карм Карвус рассказал колдуну о том, что случилось. Когда он закончил, Шарайта посмотрел на него серьезным, печальным взглядом.

— Я попробую узнать, что происходит, но сейчас на время оставь меня... Проследуй вон за тем Огненным духом в покои для гостей. Я прикажу, чтобы тебе туда подали поесть и выпить. Освежись и отдохни, а потом я сам призову тебя.

Когда над древней Лемурией взошла золотая луна, Карм Карвус вновь явился к колдуну. Старик предложил ему присесть на скамью. Шарайта пристально вглядывался в тени в дальнем конце комнаты.

— Своими тайными средствами я открыл вот что: враг ваш — твой родной город Тсаргол, где Нумадак Квельм, Хайяш Тор и Арзанг Паума столкнулись с красным архидруидом. Они хотят развязать войну с Патангой. Но прежде они на-

правили тсарголийского вора похитить саркайю Сумию. Однако их планы пошли наперекосяк и воля случая унесла принцессу далеко на восток, где ее и отправившегося следом за ней Тонгора поджидают необыкновенные опасности.

— Тсаргол! — выругался Карм Карвус. — Мэл так и предполагал! Значит, Тонгор и Сумия по-прежнему живы и... в безопасности?

Шарайта задумался.

— Живы... но не в безопасности. Среди незнакомых народов востока им грозят новые опасности. Ты не можешь им помочь, Карм Карвус, но ты должен оставаться настороже, чтобы войска Тсаргола не осадили Патангу.

— Я тотчас же вернусь в Патангу и поведу воздушный флот на Тсаргол!

— Да. Будет разумнее ударить сейчас, пока враг не подготовился... И все же я вижу какую-то опасность. У Хайяша Тора появилось какое-то оружие, достаточно мощное, чтобы уничтожить ваш флот... Что это за оружие, мое искусство пока выяснить не может. Поэтому берегись и будь настороже!

— Обязательно, великий Шарайта. Спасибо тебе за предупреждение.

Юноша встал, собираясь уйти.

— Задержись еще на мгновение, Карм Карвус! — Старый чародей показал слабеющей рукой на большую пергаментную книгу в изумрудно-зеленом переплете из шкуры дракона. — Возможно, мне никогда больше не доведется увидеть ни тебя, ни остальных моих друзей. Поэтому возьми с собой в Патангу мой Гримуар, помести его среди главных сокровищ королевства. Во времена грядущие и века еще не рожденные эта книга очень понадобится одному из принцев Лемурии, — во всяком случае, так я прочел смутные видения грядущего!

— Я так и сделаю, — пообещал воин.

— И еще одно, мой юный друг, — сказал Шарайта, проведя рукой по усталому лбу. — Во всем этом деле как-то замешаны черные друиды, поклоняющиеся Тамунгазоту, Темному Повелителю Магии. Это черное братство обитает далеко-далеко на востоке, в Зааре, Городе Магов. Возможно, что опасность со стороны далекого Заара еще не угрожает, но в будущем... Мои глаза стары, зрение мое становится все слабее... Но я боюсь, что на восточных небесах собирается темная, ужасная тень, которая может задушить своими черными крыльями светлую Патангу. Именно из Черного Города Заара явился я в эту пещеру много веков назад, так как взбунтовался против черных друидов и их нечестивого господства над всем миром. Когда снова увидишь Тонгора, посоветуй ему побережись Черного Города... и запомни, когда угрожает Тьма, рассеять ее может только одна сила...

Сквозь ночную мглу мчался Карм Карвус, неся в Патангу последнее предупреждение волшебника Лемурии.

ГОРА ГИБЕЛИ

Черной Горы берегись.

Даже боги забыли о ней.

Дабы смерть тебя не нашла,

Избегай приближаться к ней.

Завет Яа

Сгорбившись над пультом управления, Тонгор мрачно уставился сквозь застекленное окно кабины. Горящим взором следовал он за летящей далеко впереди машиной из металла. Так кошка из диких джун-

глей следит за приближающейся добычей. И в самом деле, черты лица Тонгора поразительно напоминали лик вандара, могучего черного льва древней Лемурии: нестриженная грива жестких черных волос, мрачные неподвижные черты и странные кошачьи глаза, походившие на два одинаковых диска золотистого пламени.

Все внимание Тонгора сфокусировалось на вражеском корабле. В темноте пасмурной ночи сарк Патанги лишь смутно различал другое судно, ориентируясь по слабому отблеску света, отраженному от обводов зеркально-яркого корпуса. Сердце в груди его пылало от ярости. Но угрюмый варвар не позволял страхам за свою любимую жену отвлечь его внимание или занять его мысли. Из всех сил старался выжать он лишний эрг из двигателей судна.

Казалось, будто он просидел, согнувшись над управлением гравилета, много часов. Тело у него болело от напряжения. Тонгора озадачило, когда он увидел, как удирающее судно свернуло на восток, так как, насколько знал великан-валькар, в той части Лемурии у него не было никаких врагов, но тем не менее с мрачным, непоколебимым упорством он продолжал лететь следом за похитителем.

Два корабля, воллер принцессы Сумии и ее таинственного похитителя, Зандара Зана, и следовавшее за ним по пятам судно Тонгора, мчались, рассекая черную ночь, словно две стрелы из блестящего серебра. Под ними проносились густые леса Птарти, и вскоре они уже летели над землей Нианги — дикого края. С тех пор как Девятнадцать Богов, Которые Правят Миром, поразили это царство проклятием и Серый Туман Смерти смел с этой земли людей, очищая ее от них и от их нечестивых и кощунственных преступлений против богов, в Нианге никто не селится.

Теперь перед преследуемыми и преследователем поднимались подобно массивной стене Ардатские горы. А внизу расстился огромный район, небо над которым затянули густые облака. Вот туда-то, в непроницаемый туман, и нырнул воллер, в котором принцесса Сумия старалась перерезать свои путы, а Черный Вор Тсаргола лежал не двигаясь, потеряв сознание от удара. Увидев, что корабль вошел в клубящуюся массу облаков, Тонгор пробормотал проклятие. Он-то отлично понимал, насколько легко будет удирающему судну увернуться от погони, скрывшись в непроглядной темноте. Валькар не знал, что таинственный человек в маске больше не правит судном и что ни одна живая рука не держит штурвал несущегося вперед воллера.

Онемевшими пальцами, не обращая внимания на боль в запястьях, перепиливала Сумия свои путы. Казалось, освободиться от них с помощью острого клинка будет проще простого, но в действительности это оказалось невероятно трудным делом. Связанная девушка лишь с большим трудом могла проводить лезвием кинжала по стягивающим ее запястья ремням из сыромятной кожи. Освободить связанные лодыжки ей удалось сравнительно легко, держа кинжал одной рукой, но когда дело дошло до перепиливания пут на руках... Это оказалось для нее болезненным и утомительным делом. К тому же работа шла чрезвычайно медленно, потому что кинжал то и дело выскальзывал из ее онемевших пальцев и падал на пол. Наконец, после долгого, мучительного труда, она почти освободилась. Между ней и свободой оставался только один ремень из крепкой кожи... И тут она увидела, что лежащий до того без сознания Зандар Зан поднимается!

Она застыла, когда Черный Вор встал на ноги, и бессильно смотрела, как он провел рукой по окровавленному лбу. На его лице возникло выражение удивления... А потом, когда он увидел Сумию с ножом в руке, взгляд его неожиданно прояснился.

Выругавшись, Зандар Зан бросился на женщину, выбил кинжал из ее полупарализованных рук, отшвырнул его к противоположной стене кабины воллера. После этого он швырнул принцессу на койку, предупредив, чтобы она помалкивала и не двигалась. Потом он стремглав метнулся к штурвалу. Сколько времени воллер мчался сквозь ночь без всякого управления? Насколько далеко они залетели? Где они сейчас?

Увы, гирокомпас аэробота оказался вдребезги разбит, когда оглушенный вор рухнул на пульт управления. С исчезновением компаса, в небе, затянутом плотным туманом, Черный Вор никак не мог узнать ни где они находятся, ни в каком направлении летят.

Судно мчалось вслепую в густом тумане над незнакомой местностью...

Когда судно, где держали беспомощной пленницей его принцессу, нырнуло в массивную, напоминающую гору стену облаков и скрылось, Тонгор почувствовал страшное отчаяние. Он отлично понимал, что скрытому от его взора кораблю будет легко отклониться от прямого курса и улететь в любом направлении, к своей тайной цели, а он даже и не заподозрит об этом. При всей своей силе и находчивости он никак не мог этого предотвратить.

Тонгор ничего не мог сделать.

Но могучий варвар не для того преодолел десять тысяч опасностей, чтобы теперь сдаться, покорно склонив голову перед насмехающейся над ним судьбой. Выдохнув дикую молитву Отцу Горму, быв-

шую больше чем наполовину ругательством, Тонгор направил свое стройное суденышко в клубящийся мрак, нырнул прямо в туман вслед за своей дичью.

И почти сразу поле его зрения сузилось до границ собственного воллера. Густые облака затуманили даже его ястребиное зрение, скрыли от его взора усыпанное звездами небо и огромную золотую луну Лемурии. Тонгор летел дальше и дальше сквозь тьму, словно сквозь море чернил.

С такой высоты он не видел даже земли внизу. В самом деле, даже если б он помнил те немногие карты этой местности, что изучал когда-то, он не смог бы сказать, где сейчас пролетает. Он мог лететь над холмами, над равнинами, над лесом или джунглями, над каменистой пустошью и над бесплодной пустыней, а то и над тяжелыми волнами Яхензеб-Чуна, Южного моря!

Он летел сквозь клубящиеся испарения, вившиеся вокруг его стройного маленького аэробота и хлеставшие по стеклянным окнам, словно дымные змеи... Тонгор пытался разглядеть хотя бы самый слабый отблеск обшивки воллера, погоня за которым увела его так далеко от Патанги... Он тщетно высматривал, в какую сторону удрала его ловкая дичь, бешеными, золотистыми, ястребиными глазами.

Сумия, сжавшись, лежала на койке, пока Зандар Зан боролся с управлением. Она следила за тем, как стройный молодой человек, наклонившись вперед, пытался хоть что-то разглядеть в надвигающемся мраке. Вор последними словами клял бесконечную облачную массу, в которую нырнул его воллер, так как теперь он потерял всякое ощущение направления и не знал, куда его несет машина. Вор Тсаргола не знал, что стало с тем патангским кораблем, который столь настойчиво гнался за ними все эти

бессчетные лиги с того самого часа, как он увез принцессу из ее златокаменного города. При всем, что он знал, каждая секунда полета могла приближать их к неведомому преследователю, унося все дальше и дальше от безопасного Тсаргола. В этой темноте... как он мог узнать?

Когда принцесса увидела, что лежавший без сознания похититель очнулся, то застыла, беспомощная и испуганная. Теперь, однако, к ней вернулась способность мыслить... И постепенно она осознала, что, почти освободившись от пут, имела неплохие шансы снова нанести удар своему похитителю, может даже развернуть аэробот, направив его обратно в свое королевство, к надежному убежищу в объятиях Тонгора. Сумия твердо решила попытаться сделать это, так как, бездействуя, все равно ничего не добьешься. Даже смерть была бы для нее предпочтительнее плена. А принцесса знала, что человек в черном не собирается ее убивать. Иначе он сделал бы это давным-давно.

И вдруг она что-то заметила на другой стороне узкой койки. Ледяной блеск обнаженной стали.

Кинжал!

Он лежал у противоположной стены, там, куда его отшвырнул Зандар Зан, выбив из рук Сумии всего несколько мгновений назад.

В юном сердце принцессы шевельнулось сомнение. Сможет ли она добраться до кинжала, прежде чем вор в черном заметит ее движение и повернется, чтобы снова связать ее? Сумия решительно выпятила твердый маленький подбородок. Она должна попытаться! Хоть ей и не давал толком двигаться ремень, стягивающий запястья, она решила попробовать поднять кинжал и вонзить его меж лопаток похитителя, иначе кошмар плена никогда не кончится.

Двигаясь бесшумно, словно призрак, Сумия поднялась с койки и застыла не двигаясь, не сводя

испуганного взгляда со спины вора. Тот по-прежнему был занят управлением, а если и заметил, что она встала, то ничем не выдал этого. Принцесса стала тихонько пробираться через кабину. Та была узкой — всего несколько ярдов, но из-за своего отчаянного положения эти ярды показались Сумии бесконечными. Теперь она радовалась тому, что в первую очередь разрешила путы на ногах, так как, будь ее ноги по-прежнему связаны, она не смогла бы бесшумно пересечь кабину.

Оказавшись у койки, она наклонилась и схватила кинжал. В этот миг Судьба снова коснулась ее своей темной рукой. Случайный порыв ветра качнул корабль — так, самую малость, но достаточно, чтобы Сумия тяжело упала, ударившись спиной о стену кабины. И упав, она невольно вскрикнула...

Стремительно обернувшись на ее крик, Зандар Зан сразу заметил кинжал в связанных руках женщины. Его лицо исказилось в гримасе ледяной ярости. Закричав, он бросился на Сумию, словно дикий черный вандар.

Они боролись в раскачивающейся кабине. Сумия, с силой, порожденной полным отчаянием, извивалась и крутилась, словно змея, ловко лягаясь и пытаясь ударить кинжалом в лицо Зандара Зана. Но вместо этого тонкий клинок, описав дугу, угодил вору выше локтя, рассек траурно-черную одежду и оголил бронзовую кожу, по которой острая как бритва сталь прочертила алую полосу.

Ругаясь, вор обхватил принцессу тонкими, но сильными руками за предплечья и попытался вырвать у нее кинжал.

Они боролись, повернувшись спиной к лобовому экрану, и не видели приближающейся опасности.

Аэробот так сильно разогнался, что теперь летел над неведомыми горами Ардата. Ветра, ревели

словно демоны среди острых пиков, разорвали окутывавшие аэробот облака. Неожиданно впереди показалось чистое ночное небо. Впереди лежали густые джунгли, расколотые скалы и высокие утесы, а за ними, на неведомом востоке — бескрайние равнины легендарных синекожих кочевников. Но не это заставило бы сердца Зандара Зана и Сумии похолодеть от страха, если бы они мельком взглянули в окно.

Страх могло вызвать лишь то, что неожиданно оказалось прямо перед ними на пути воллера.

В звездное небо вознилась гора с фантастической вершиной из остроконечных скал. Гора из черного мрамора, огромная, темная, ужасная...

Гора Гибели!

Самая высокая из всех гор древней Лемурии, она поднималась в ночном небе, словно стена тьмы. Глыба холодного мрамора, возвышающаяся над землей на целую милю.

Вот прямо на нее и мчался совершенно неуправляемый корабль. В маленькой, тесной кабине яростно дрались Зандар Зан и Сумия, не ведавшие о каменной стене, к которой несло их судно. Гибкая как тигрица, женщина боролась, стараясь не отдать кинжала, пыталась вонзить его в незащищенную грудь своего похитителя. А Зандар Зан силился вырвать нож из стиснутых рук девушки. Ни он, ни она не могли уделить ни мгновения на раздумья о том, что же находится впереди.

Пока они боролись, аэробот продолжал лететь, словно железная соринка, с неудержимой силой притягиваемая к какому-то громадному магниту, словно щепка, увлеченная в клубящуюся воронку водоворота. Беспомощное судно приближалось к мраморной горе...

...И с грохотом врезалось судно в мраморный утес.

Тонгор так и не узнал, сколько времени изучал он затянутое облаками небо в поисках каких-нибудь следов другого судна. Казалось, прошли годы. Он чувствовал себя словно приговоренным всю жизнь искать свою суженую, двигаясь по расширяющейся спирали в сплошном тумане. Правильно ли он поступал? Не полетел ли хитрый похититель назад, скрывшись в тумане от взора Тонгора? Не кружил ли Тонгор напрасно в пасмурных небесах над неведомой Ниангой?

Тут неожиданно бешеные ветра разорвали завесу тумана, и Тонгор вынырнул в ясное небо, освещенное крупными звездами и огромным фонарем луны. Под килем у его воллера замелькала жуткая смесь ломаных диких горных пиков. Впереди выросла огромная черная гора, и с ужасом валькар заметил ускользнувший от него в тумане корабль. Прямо у него на глазах, пока он сидел, беспомощно сжав кулаки, корабль похитителя врезался в утес и разлетелся вдребезги!

Даже на таком расстоянии удар этот выглядел устрашающе. Металлическая обшивка аэробота смялась, как бумага. Сверкающие осколки урилиума разлетелись в разные стороны, блестя, словно искры. Звук походил на грохот тысячи стальных мечей, разом ударивших о тысячу щитов.

За мгновение до столкновения Тонгор увидел, как кто-то выпрыгнул из кабины и рухнул в бездну тьмы. Тело упало вниз столь стремительно, что валькар не смог различить, кому оно принадлежало, мужчине или женщине. Другой, кто бы это ни был, остался в аэроботе и наверняка должен был погибнуть при таком ужасном столкновении. Человеческая плоть не могла выдержать такого неистового удара.

Злобно рванув рычаг управления, Тонгор поставил свое суденышко притормозить, описав рез-

кий полукруг. Он направился к месту столкновения, к точке, где невесомые обломки корабля из урилиума прилипли к отвесной скале мраморного утеса. Когда он подлетал к месту катастрофы, сердце его терзала лишь одна мучительная мысль: «Из воллера выпала только одна фигура. Пережить катастрофу мог лишь один человек».

Но кто? Женщина, которую он любил, или враг, который ее похитил?

Тонгор не знал, что этот ужасный вопрос еще долго останется без ответа.

НА ГРАНИ УЖАСА

Угрюмо высится там черная гора,
Вздыхая гребень свой раздвоенный и дикий
Вратами в край неведомый. Когда придет пора,
Послужат два пронзивших неба черных пика.

Сага о Тонгоре. Стих XV

Воллер Тонгора медленно поплыл к обломкам судна, на котором Зандар Зан увез принцессу Сумию. Скомканные обломки покачивались в воздухе возле отвесной стены черного утеса, бросая вызов силам тяготения, так как, даже разбитая вдребезги, обшивка по-прежнему сохраняла сверхъестественную способность сопротивляться притяжению земли.

Все медленнее вращались винты. Корабль по инерции пролетел еще немного и остановился возле разбитого корпуса. Тонгор закрепил штурвал и вышел на маленькую палубу своего кораблика, который плавно, точно лодка в море, покачивался под его ногами.

Луна теперь очистилась от туч и хотя светила ярко, обломки другого судна выглядели такими

спутанными и сплюснутыми, что взгляд Тонгора не мог проникнуть внутрь разбитой кабины и разобрать, находится ли там один из пассажиров. Но валькар твердо решил перебраться на корабль Зандара Зана и внимательно осмотреть обломки. Сначала, размотав на задней части палубы якорный канат, он причалил свое судно и привязал его к скальному выступу в нескольких ярдах над палубой. Испытав канат, он убедился, что легкий складной крюк-«кошка» плотно заклинен в щели между двумя валунами; ведь если корабль унесут свистящие вокруг Черной Горы восходящие потоки, Тонгор, оказавшись вдали от дома, будет совершенно беспомощным.

Убедившись в надежности причального каната, великан-варвар перебрался через невысокие поручни, ограждавшие палубу. Удар о каменную стену сплющил острый как игла нос суденышка, расколол пополам урилиумный корпус, так что нос воллера походил теперь на какую-то безумную стальную розу с раскрытыми лепестками. Вот эти-то раскрытые листья металла и удерживали у скалы то, что осталось от обломков воллера. Плотно вбитые и вмятые в неровные отвесные стены, они служили якорем разбитому судну, напоминаяшему трупик прилипшего к стене насекомого, прихлопнутого рукой гиганта.

Корабль очень сильно пострадал. Вокруг него плавало облако из урилиумных обломков и арматуры. Картина невероятная на фоне дикой, бесплодной, гористой страны, в сердце которой поднимался пилон Горы Гибели, походивший на какое-то колоссальное строение посреди разрушенного города, воздвигнутого титанами. И всю эту сцену освещал золотистый лунный свет. Фантастический ландшафт из сна, увиденного в горячечном бреду.

Тонгор осторожно перелез на обломки. Кабина воллера его жены сплющилась, а задняя палуба загнута вверх почти под прямым углом к своему обычному положению и застыла перпендикулярно, так что в кабину с задней части корабля войти оказалось невозможно. Со сноровкой, приобретенной еще в детстве, когда он жил среди диких кланов ледяного севера Лемурийского континента, Тонгор забрался на крышу кабины, посмотреть, не сможет ли он проникнуть в него спереди.

Это было рискованным предприятием. Разбитый аэробот держался у скалы лишь благодаря давлению погнутых листов обшивки, и вес Тонгора заставил обломки ненадежно заколыхаться, угрожая в любой миг отцепиться от скалы, закружиться в воздухе и сбросить тело валькара вниз, к страшной смерти на дне темной пропасти. Но гибкость, которой научился Тонгор, лазая по отвесным ледникам своей родины, сослужила ему теперь хорошую службу. Он карабкался по обломкам с безошибочной уверенностью снежной обезьяны.

Приблизившись к носу разбитого судна, он обнаружил, что всего несколькими футами выше того уровня, где зацепились обломки, вдоль скалы тянется узкий карниз. В ясном лунном свете воин решил, что сможет спокойно влезть в сплюснутую кабину через одно из окон, если выберется на этот карниз... И поэтому Тонгор перелез на скалу.

Этот шаг оказался роковым.

Потянувшись к карнизу, Тонгор вынужден был оттолкнуться от разбитого носа судна. И этот толчок заставил листы обшивки отцепиться от скалы!

С ощущением полной безнадежности варвар смотрел, как разбившийся корабль со страшным металлическим скрежетом рвущейся стали отделился

от скалы и поплыл по воздуху, дрейфуя над пропастью, оставив Тонгора на карнизе.

На мгновение Тонгор решил было прыгнуть через разделившее их пространство в надежде ухватиться за обломки, но тут же понял, что такая попытка не имела никаких шансов на успех. Воздушные потоки, поднимавшиеся вверх из бездны подхватили обломки. Покореженный корабль быстро уплыл за пределы досягаемости и исчез среди обломков, подгоняемый порывами ледяного ветра, хозяйничавшего в верхних слоях атмосферы.

Никогда в своей наполненной тысячами опасностей жизни Тонгор не оказывался в более ужасной ситуации!

На первый взгляд его положение казалось совершенно безнадежным. Карниз, на котором он стоял, прижимаясь спиной к стене из черного влажного камня, едва ли был больше двух-трех дюймов в ширину. Протянувшись всего на фут-другой, он отвесно обрывался, а поверхность скалы была гладкой как стекло. И на ней в пределах досягаемости рук Тонгора не было ни одного выступа, за который можно было бы уцепиться. Что же касается того, что находилось ниже, то валькар ничего не смог там разглядеть, даже наклонив голову до пределов возможного.

Распластавшись на отвесной скале, он оказался на крошечном выступе в сотнях футов над землей. Единственное, что ему оставалось — рухнуть вниз, в манящую бездну. Тонгор был совершенно беспомощен. Казалось, что ему никак не избежать смерти на острых камнях у подножия скалы...

Говорили, что дикое сердце Тонгора из племени валькаров никогда не знало ледяного прикосновения страха. Но это неправда. Разве есть на свете хоть один человек, не ощутивший хоть раз в жизни влажного дыхания ужаса? И хотя, возможно, могучий

северянин был похрабрее большинства людей, победил больше врагов и одолел больше опасностей, чем дано испытать большинству из нас, в этот страшный час он понял, что никогда раньше не попадал в более безвыходное положение.

Его единственное средство спасения, летучий корабль был причален в нескольких ярдах справа и плавал в воздухе над головой Тонгора. Однако чем больше валькар изучал свое положение, тем больше понимал, что даже этот путь к спасению — за пределами его досягаемости. Если б корабль находился на несколько футов поближе, Тонгор рискнул бы сделать отчаянный прыжок... но тот плавал слишком далеко. Прижавшись спиной к утесу, Тонгор с мрачной отрешенностью осознал, что ему никак не одолеть и половины расстояния до палубы. Он непременно упадет в темные глубины, вниз...

Похоже, никакого выхода не было.

Или... все-таки был?

Неожиданно северянин заметил, что яростные порывы ветра снизу все сильнее раскачивают его судно. Прямо у него на глазах поручни палубы подплыли на несколько футов ближе. Корабль раскачивался туда-сюда на конце якорного каната.

Тонгор подобрался. Лицо его напоминало бесстрастную бронзовую маску. Могучие мускулы ног напряглись, сжавшиеся мышцы взбугрились, собирая силу в могучей спине и плечах. Мощные руки, распластанные, прижатые к холодному влажному камню, медленно опустились, готовые оттолкнуть его тело от скалы в отчаянной попытке добраться до безопасного места... своего судна.

И тут произошла новая катастрофа.

Воллер, который ветер швырял из стороны в сторону, сорвался с якоря! Крюк со скрежетом скользнул по крошащемуся камню и отцепился... Воллер подхватило восходящим потоком воздуха и понесло

вверх, туда, где его не достать было даже в самом героическом прыжке.

Положение Тонгора стало еще безнадежнее. Если кто-то и имел право на черное отчаяние, так это Тонгор из валькаров, сарк Патанги.

Наверное (так думал он) самым разумным было бы не цепляться за скалу, а прыгнуть в пропасть и положить конец мукам, разрывающим его душу. По лицу Тонгора струился холодный пот, затуманив ему зрение, разъедаая его странные золотистые глаза, взгляд которых беспокойно рыскал по сторонам, словно у дикой кошки джунглей, угодившей в западню и теперь высматривающей выход из этого опасного положения. Но нет... нет... Со свойственным варвару презрением к опасности и чем-то вроде инстинкта самосохранения, присущего цивилизованному человеку, Тонгор понял, что никогда не сможет добровольно расстаться с жизнью.

Он понял, что, будучи тем, кем он был, останется на своем месте в течение долгих, изнурительных часов, пока его наконец не одолеет усталость. А тогда у него подкосятся ноги и он упадет в объятия смерти.

Чуть склонив голову, так чтобы ветер откинул со лба его дикую гриву волос, он мысленно препоручил себя заботам Отца Горма — бога своего варварского народа.

Произошло это мгновение или час спустя?

Неожиданно Тонгор пришел в себя. До этого мысли его блуждали. Задумавшись, воин потерял представление о времени. Лишь стальные нервы его превосходно натренированного тела помогали ему сохранять равновесие на узком карнизе. Что же привлекло его внимание?

Тут он опять это увидел.

Вдалеке блеснул начищенный металл. Кораблы!

Какой-то случайный каприз переменчивых ветров снова пригнал назад его странствующее судно. Напрягая все нервы в стремлении сохранить спокойствие несмотря на охватившую его внезапную дрожь от облегчения и зародившейся надежды, Тонгор осторожно повернул голову направо.

Там, на расстоянии нескольких ярдов, дрейфовал воллер. На какое-то время воздушные потоки утихли, и воллер замер. Но пока он находился слишком далеко, чтобы до него можно было допрыгнуть. Ветер поднес его так близко к скалам, что передние несущие винты, выступающие с обеих сторон под носом, слегка скребли по отвесной стене влажного черного камня. Если б этот крошечный карниз оказался подлиннее всего на несколько ярдов, Тонгор смог бы потихоньку добраться до судна и без всякого прыжка...

А может, если Тонгор еще чуть-чуть подождет, воздушные потоки поднесут воллер еще ближе?

И в самом деле, в судно ударил случайный входящий поток, и воллер подплыл еще ближе к Тонгору, по-прежнему тыкаясь носом в скалу, — ну совсем как телок в бок своей матки.

Мускулы Тонгора снова напряглись, собирая силу для прыжка.

Ожидание казалось почти нестерпимым. Валькар чувствовал, как ноги его начинают дрожать. Напряженные мышцы трепетали от усталости. С трудом валькар сохранял неестественную позу.

И тут, как раз когда Тонгор собирался прыгнуть, яростный порыв ветра подхватил воллер и подбросил его высоко-высоко. Такой каприз судьбы едва не разбил сердце варвара.

Здрав голову, он увидел, что корабль теперь находится на идеальной линии для прыжка... но в двадцати ярдах выше, чем необходимо.

А потом он увидел нечто удивительное!

Со скалы на борт его судна прыгнул человек, закутанный в черный порванный плащ.

Очевидно, при катастрофе незнакомец, похитивший Сумию, вылетел на более широкий карниз выше на утесе. Для неизвестного несчастья, лишившее Тонгора надежды, оказалось невероятной удачей.

Хоть Тонгор этого и не знал, человек в черном был некто иной, как Зандар Зан — вор из Тсаргола. Выброшенный вверх, когда похищенный им воллер врезался в гору, Черный Вор все это время пролежал на карнизе, расположенном чуть выше, оглушенный, без сознания. Но он успел вовремя прийти в себя, чтобы понять всю опасность своего положения. Случай, принесший к его уступу воллер Тонгора, оказался желанной удачей. Зандар Зан, не теряя времени, перебрался через поручни палубы и взялся за штурвал. Разблокировав управление, он запустил винты, уводя аэробот от опасной Черной Горы. Он так и не заметил Тонгора на карнизе далеко внизу. Вор посчитал, что это тот самый воллер, на котором прилетел он сам, так как внешне оба судна были одинаковы. Потеряв сознание от удара, Зандар Зан так и не понял, что его судно столкнулось со скалой.

Хотя Зандар Зан и не увидел Тонгора, валькар отлично разглядел вора и видел, как его судно описало широкую дугу. В могучее сердце Тонгора прокралось отчаяние. Это был тот самый похититель, что унес его принцессу несколько часов назад из далекой-предалекой Патанги.

И теперь уж Тонгор точно знал, что фигура, упавшая вниз, в темную бездну, — его возлюбленная!

Значит, Сумия наверняка погибла. Никакая женщина не смогла бы пережить падение с такой высоты.

Отупело, с болью в сердце смотрел усталый валькар, как его воллер скользит по затянутому

тучами темному небу и, постепенно уменьшаясь, исчезает из виду.

Теперь Тонгор остался один и без всякой надежды.

Угрожающе затрещал крошащийся камень!

Тонгор почувствовал, как скала под его ногами зашевелилась. Кровь застыла у него в жилах. Узкий каменный выступ, на котором он стоял, начал... поддаваться под тяжестью тела варвара.

Тонгор затал дыхание в надежде, что никаких дальнейших изменений не случится. Но судьба опять посмеялась над ним. Раздался зловещный скрежет камня о камень. Снова он почувствовал, как камень дрогнул под ногами. Пальцы заскользили по гладкой скале.

Посмотрев вниз, Тонгор увидел, как из-под ног, крутясь, улетают камешки в черную бездну. За камешками последовала струйка пыли, и холодный ветер донес до его напряженного слуха удары каменных обломков, далеко внизу.

Тонгор яростно стиснул зубы. Он знал, что смерть близка, — возможно, ему осталось жить всего несколько секунд. Узкий карниз у него под ногами мог обвалиться в любую минуту. И Тонгор никак не мог этому помешать. Вся его сила, смелость и воинское умение оказались бесполезными. Жить ему осталось секунду-другую... А потом его унесет в черные глубины далеко внизу. Там он присоединится к окровавленному и переломанному телу любимой женщины.

Но Тонгор не был бы Тонгором, если бы покорно уступил превосходящей силе. В течение всей своей трудной, насыщенной опасностями жизни он не раз оказывался в безвыходном положении, где единственно разумным решением было бы отступить.

Но никогда раньше он этого не делал. Тонгор всегда бросался в самую пасть опасности в безумной попытке бросить вызов Судьбе и вырвать свою жизнь из клыков смерти. Он твердо решил поступить так и

сейчас. Чем дожидаться, когда карниз рухнет и он полетит в бездну, стоит прыгнуть с утеса, погибнув по собственной воле, каким бы глупым и отчаянным ни выглядел этот поступок.

Собрав все свои силы, раскачиваясь на самом краю гибели, Тонгор в последний раз прошептал имя своей жены...

А потом прыгнул в зияющую пустоту.

ШАНГОТ ИЗ НАРОДА КОЧЕВНИКОВ

Вот песня, что поют кочевники равнин!
О небе, где парит лишь ястреб ящеров один,
О тех пустых степях, где травы лягут ниц,
Когда по ним пройдут колеса наших колесниц.

Неспешно катят караваны, словно громовой раскат
На самый край земли в малиновый закат.
...Да, в этих землях мы одни всегда царим
Да эта песня, что поют кочевники равнин!

Караванная песня кочевников джегга

Весь день Шангот охотился на крупного зульфура. Он выгнал могучего зверя из камней у безымянной реки, но страшный лемурийский кабан напал на него с такой стремительностью, что воину удалось метнуть лишь один из дротиков, которые носил в туле за плечами. Легкое копье вонзилось свирепому старому хряку в лохматый бок, вместо того чтобы войти прямо в маленькое злое сердце. Но было ли это еще одним знаком немилости со стороны Небесных Богов?

Если дело обстояло именно так, то Шангот мог отвратить это черное предзнаменование лишь убив раненого зульфура. И поэтому он отправился следом за ним легким пружинистым шагом, глотавшим пустые мили бездорожной равнины.

Кабан убежал на запад — уж это-то можно было с легкостью вычислить по примятым камышинам и взрытой копытами земле. Позже, когда степная трава поредела, переходя в давно высохшее болото, след взбешенного убегающего бора стало труднее разглядеть. К счастью, дротик вонзился глубоко, и мох тундры забрызгала красная кровь, оставляя алый след, которого мог не заметить только слепец. Поэтому Шангот с легкостью шел по следу кабана. Медленно ползло время. Солнце спускалось по огромному голубому куполу безоблачного неба.

Никто не смог бы идти долго с такой скоростью, как Шангот. Этот воин был не изнеженным отпрыском городов, а одним из легендарных кочевников Лемурии, истинным сыном расы, давно исчезнувшей с лица Земли за много миллионов лет до начала истории. Ростом он был метра два с половиной, а из одежды носил лишь ремни драконьей кожи. В узлах, там, где ремни перекрещивались, сверкали фантастические самоцветы и драгоценные металлы. Телосложением Шангот походил на сказочного гладиатора: плечи невероятной ширины, а бицепсы толще, чем талия у современного, цивилизованного горожанина. Мощные кости обросли колоссальными мышцами, и в этом сплетении сухожилий дремала железная сила. Шангот с легкостью мог разорвать врага пополам голыми руками или метнуть охотничий дротик на тысячу шагов.

Тело Шангота из племени синих кочевников было совершенно безволосым, череп — лысым, как яйцо, а грудь походила на выгнутый щит, обтянутый дубленой кожей. На боку, там, где талию стягивал широкий пояс, висел здоровенный боевой топор, а на другом покачивался ятаган. К наплечным ремням был пристегнут тул с дюжиной дротиков из полой стали. Всем этим оружием кочевник владел с мас-

терством, неведомым воинам нашего времени. Жизнь кочевника зависит от его способности защитить себя, свою семью или свой клан — и на опасность нужно реагировать мгновенно, без колебаний или заминок. Поэтому все кочевники, и мужского и женского пола, начинали учиться владеть оружием практически с младенчества. Часто можно было увидеть, как их дети, годы которых можно сосчитать по пальцам одной руки, упражняются с заточенным оружием такого веса, что большинство нынешних взрослых людей подняли бы с трудом.

Шангот с детства постоянно держал в руке ятаган или одну из больших секир. Он не помнил ни одного часа в своей жизни, когда б оружие находилось от него дальше чем на расстоянии вытянутой руки. Такой тесный контакт порождает почти невероятное мастерство. Прибавьте к этому умению сверхчеловеческую силу синеккожих великанов, и вы получите воина, равных которому не найдется на самых кровавых страницах человеческой истории.

Жизнь на великих восточных равнинах Лемурии — почти непрерывная война: война со свирепыми зверями, что бродят по бескрайним степям, с гигантским дварком, забредающим иногда на равнину, покидая южные джунгли, или с ужасным поа, речным драконом древней Лемурии. Тут с высоты могут камнем обрушиться вам на голову ящероястребы — перепончатокрылые птеродактили, — уцелевшие со времен юрского периода. А среди высоких трав таятся злые цветы слиты, дожидаясь, когда выпадет возможность утолить свою вампирскую жажду, выпив кровь неосторожного путника, зашедшего в зону досягаемости их наркотических, парализующих рассудок запахов. Путник же становится жертвой их клыкастых кровососущих листьев. На просторах мрачных пустынь юга, там, где вековые развалины самых древних

городов человека вздымают изъеденные временем обломки к холодно усмевающимся неярким звездам, там, в поисках человеческого мяса, ползают страшные слорги... Ужас Песков... Злобные змеи с головами женщин... Они приползают из сердца пустынь, которых избегают смертные, из мест, лежащих под вечным проклятием Девятнадцати Богов.

А еще там водится самый свирепый из всех зверей — человек. Ибо рмоахалы — отнюдь не единый народ. Все синие кочевники — враги друг другу. Племя выступает против племени, ведя бесконечные войны. Такое состояние бесконечной вражды длится бессчетные тысячелетия с самого начала Всего Сущего. Соединись тысяча воинственных кланов синекотных кочевников в единый союз, и здесь, на равнинах востока, среди обломков первых царств человека, могла бы сложиться могучая империя. Но война, нескончаемая, вечная, без остановок и перемирий, стала для кочевников образом жизни. Но будет ли так продолжаться до тех пор, пока наконец дремлющие глубоко под корою Лемурии вулканические фурии не проснутся и не восстанут, раскалывая на куски древнюю землю, погружая загадочный континент в Синее море?

Закат застал Шангота все еще шагающим по следу раненого зультара. Даже наступление темноты не заставило молодого воина отклониться от намеченного пути...

Шангот был принцем своего клана. Его отец, Джомдат из племени джегта, был великим вождем кочевников. Всего несколько дней назад хитростью коварный враг заставил старейшин выступить против вождя, отца Шангота, изгнав его из племени. Изгнание означало смерть: кто смог бы долго выжить в одиночку, без помощи, окруженный сон-

мом природных врагов, вроде крупных хищников рыщущих по этим равнинам? Поэтому-то Шангот предпочел отправиться в изгнание вместе с отцом, чтобы поддержать его и помочь пожилому родителю окунуться в дикую жизнь, которая иначе стала бы для него смертным приговором. А в это время в стойбище клана на развалинах древнего Альтаара правил узурпатор. Принц Шангот поклялся отомстить врагу своего отца. Могущественный и порочный шаман Тэнгри умрет от его руки... Шангот поклялся в этом Небесным Богам, которым поклонялся его народ...

Кровавый след зультара привел Шангота на опушку великих джунглей. Шангот остановился и окинул взглядом стену деревьев. Его народ обитал на бескрайних равнинах, леса были почти неизвестны его соплеменникам. И все же след раненого зультара вел в подлесок, и значит, охотнику придется отправиться туда. Высоко в небо вздымались стволы огромных деревьев с папоротниковыми ваями вместо листьев — пурпурные джаннибары, малиновые лотиферы, фантастические древовидные папоротники, которые мы сегодня называем кикидами — великаны джунглей, существовавшие в сумрачные времена раннего плейстоцена, в те времена, когда процветала лемурийская цивилизация. За джунглями высились далекие горы. А дальше простиралось темно-малиновое небо с мрачными, клубящимися грозowymi облаками.

Шангот на мгновение задержался, а потом нырнул в джунгли. Ему показалось, что он перешагнул через магический портал, соединяющий два враждебных мира.

В джунглях царил таинственный зеленый полумрак. Лишь изредка тлеюще-малиновый луч света пробивался сквозь густо сплетенный полог ветвей высоко над безволосой головой Шангота. Здесь

был неясный, странный мир безмолвия, нарушаемого лишь тихими шорохами... мир непроницаемого мрака, в котором иной раз загорались светящиеся глаза какой-нибудь твари. Со всех сторон подступали тени, странно колеблющиеся, пугающие, приводящие в дрожь. И в этом сумраке поднимались, словно изукрашенные колонны в каком-то колоссальном соборе, чешуйчатые стволы деревьев темно-пурпурного и малинового цвета. Случайно проскользнувшие сквозь листву лучи солнца вспыхивали на лепестках удивительных цветов, напоминающих скопление самоцветов и испускавших мощную смесь головокружительных запахов, которые усиливали сходство этой сцены с насыщенным фиолетовым порталом храма. Однако кровавый след вел все дальше и дальше в глубь джунглей.

Посюду вокруг цвели фантастические цветы. Тиралоны — странные зеленые розы Лемурии — колыхались на шелестящем ветерке. Цветы сонного лотоса с крикливо-яркими лепестками наполняли насыщенный влагой воздух усыпляющими наркотическими парами. Лианы-кровососы свисали с укутанных тенями ветвей, словно чудовищные змеи, стремились прикоснуться к телу какого-нибудь живого существа своими полыми колючками. Шангот не знал всего этого, но если бы он случайно задел смертоносные черные сплетения, они обвили бы вокруг его сопротивляющегося тела словно спутанные живые цепи, глубоко вонзив шипы в извивающуюся жертву. И синий человек стал бы беспомощно болтаться в их объятиях, пока из его тела не выкачали бы всю кровь до последней капли.

Шангот пробирался через густые заросли между чешуйчатыми стволами уверенной и бесшумной поступью, словно крупная кошка джунглей, держа наготове дротик, изучая нефритовый сумрак острым

взглядом и припохиваясь. Он догадывался, что в джунглях полным-полно враждебных существ. Здесь бродили свирепые гигантские вандары — огромные черные львы. Зачастую они достигали трех с половиной метров в длину и считались опаснее саблезубых тигров Центральной Азии. Здесь же обитал ужасный деодат — крокодилодракон мира джунглей, который из-за своих трех сердец и двойного мозга был практически неубиваем. И самый жуткий зверь из всех, разгуливавших по древнему миру, тоже встречался именно здесь — колоссальный дварк, которого народ джунглей называл «Царем Ужасов». Мы, представители машинной цивилизации, называем его *Tyrannosaurus Rex* и лишь по костям представляем себе, как выглядел самый большой дракон древних джунглей. Каково же было первым людям, которые видели Царя Ужасов во всем титаническом великолепии его живой мощи?

Стемнело. На крыльях ночи налетела неистовая гроза. Воюющие ветры рвали и хлестали самые высокие деревья, пропитав землю ледяным дождем. Молнии освещали клубящиеся черные тучи страшными вспышками электрического огня. В недрах этой грозы ревел, гремел, рокотал гром. Шангот прорубал себе путь сквозь черные ночные джунгли. Его огромный ятаган прокладывал тропу через подлесок. Народ Шангота, вечно скитавшийся огромными караванами по бескрайним равнинам, поклонялся богам грома и молнии, ветра и дождя, облаков, звезд и солнца, и поэтому, прокладывая себе путь, Шангот пел заклинания, чтобы отвлечь горящие копья бога грозы Дырма, повелителя грома и ледяных вихрей многокрылого Аарзота, повелителя ветра. И все же он шел вперед, ибо недобитый зверь считался предвестником несчастий и знаком враждебного отношения богов к его роду. Это предзнаменование Шангот

собирался свести к нулю, прежде чем вернуться в лагерь на равнине, где ждал его возвращения с охоты престарелый родитель.

Прошел не один час. Гроза в небесах поутихла, и, вытянув паутину неярких лучей, засияла в небесах золотая луна древней Лемурии. Шангот пропел руны во славу богини Илланы, Владычицы Луны. И вдруг джунгли перед ним расступились и его взору открылась сцена, внушившая воину первобытный, суеверный ужас.

Перед Шанготом расстилалось ровное зеркало черного озера, тянувшегося до подножия высших на фоне горящих звезд коллосальных гор. На востоке небо было ясным, но на западе навис целый континент облаков. И из этой стены курящихся испарений вылетела престранная штука, похожая на серебристого дракона. Она пронеслась в свете звезд, словно брошенное кем-то копьё, отражая гладкими металлическими обводами золотой огонь луны. На глазах изумленного Шангота она с грохотом врезалась в грудь горы, и за миг-другой до того, как ударилась о гору, кочевник увидел, как из нее выпала какая-то крупинка и стала падать в неподвижное черное зеркало озера.

Крупинка напоминала человеческую фигурку, но падала столь стремительно, что Шангот, славившийся острым зрением, не был полностью в этом уверен.

Выйдя из джунглей, синекожий воин прогулялся по мокрым камням и черному песку к краю озера, туда, где холодные черные воды лизали глиняный берег. Ни секунды не колеблясь, кочевник кинулся в мертвенно-холодные воды горного озера.

Искусство плавания неведомо синекожим великанам, развезжающим на огромных колесницах по

бескрайним равнинам. Однако принц не раздумывая ринулся в глубины на поиски увиденной им упавшей с небес тонкой фигурки. Набрав в могучие легкие побольше воздуха, он нырнул в черные как ночь воды, погружаясь в глубины озера.

Холодная вода жгла глаза Шанготу, когда он попытался оглядеться под водой. Подводный мир подходил на замутненное стекло, но воин смутно различил медленно поднимающееся к поверхности белое тело. «Женщина, — с удивлением понял Шангот. — Она летела на той штуке, что врезалась в черный утес».

Разведя в стороны могучие руки, Шангот устремился к медленно всплывающей из глубины женщине. Он мельком разглядел голые белые руки и ноги, тонкие и обмякшие, а также массу черных волос. Странная белая богиня с ночного неба из расы, неведомой его народу. Синекожий воин подплыл к женщине.

Ни один смертный не смог бы пережить такого падения! Удар о воду должен был бы вышибить искру жизни из мягкого человеческого тела! Однако если женщина и в самом деле богиня из небесных чертогов, где обитают боги, то ничто земное не могло причинить вреда ее бессмертной плоти. Шангот подплыл к незнакомке.

Но тут плавающее на поверхности тело принцессы Сумии, похищенной жены Тонгора, заметил еще кое-кто.

В черных глубинах горного озера медленно распрямилось странное существо. Оно вытянуло свою зубастую голову, увенчанную гребнем. Обострившиеся чувства сообщили ему, что в холодные воды озера погрузилось живое существо. У рептилии потекли слюни в предвкушении теплого мяса и горячей крови. Виток за витком чудовище стало подниматься из глубин, подбираясь к добыче.

Это был поа, один из страшных речных драконов Лемурии, весьма крупный представитель этого ужасного вида — почти сто футов извивающихся стальных мускулов было между шипастым кончиком хвоста и зубастой пастью, которая теперь раскрылась во всю ширь, готовая проглотить тело жены Тонгора. Махнув стеклянистым плавником, поа поднялся на поверхность и, рассекая черные воды, устремился к то ли мертвой, то ли лишившейся сознания принцессе.

Что же до Шангота, то речной дракон почувствовал приближение синекоего воина, но в змеином мозгу, где, пылающий нечеловеческой страстью, бушевал голод, не возникло ни малейшей мысли об опасности. Мощная фигура великана-кочевника выглядела незначительной, карликовой рядом с колоссальным, чудовищным змеем. Второй кусочек мяса — вот что подумал поа о синекоем воине.

ЖЕЗА СИЛЫ

Сердце мыши, мозг совенка,
Кровь дракона, жир ребенка
Да перо из крыльев врана,
Яд змеи и шерсть барана —
Темной ночью все смешать
И властителей призвать....

Песня шамана

Шангот ударил поа! Его громадная секира врезалась в змеиную шею чудовища, чья разинутая клыкастая пасть тянулась к телу потерявшей сознание девушки. Обезумевший от голода гигантский речной дракон сначала проигнорировал кочевника... но теперь, когда острый бронзовый клинок вонзился в стеклянистую, полупрозрачную шкуру, перерубая

канаты мускулов и замутняя тусклую воду маревом крови, — поа словно взорвался от ярости!

Он вырвался на поверхность, вспенил темные воды озера, хлеща хвостом во все стороны. Из страшной раны, оставленной секирой Шангота, по блестящей шее чудовища слизью потекла зеленая змеиная кровь. Что же касается кочевника, то он обхватил одной могучей рукой тело Сумии и приподнял ее голову над черной водой, так, чтоб она могла дышать, если в ней еще осталось хоть какая-то искра жизни. У Шангота нашелся лишь один миг, чтобы приготовиться, прежде чем его заметили безумно горящие глаза поа. Змеиная голова метнулась к нему, и синекожий воин снова нырнул и, взбаламутив воду, размахнулся тяжелым бронзовым топором, готовясь ко второму удару. Вода воспрепятствовала удару, не дав топору обрушиться с полной силой. Но огромный бронзовый топор был столь тяжел и массивен, что вошел в шею дракона почти по топорнице, как раз позади черепа.

Тварь могла бы мгновенно умереть, так как удар топора буквально раздавил крошечный мозг поа. Но жизнь упорно не желала покидать тело чудовища, и даже несмотря на то, что оно находилось при смерти, нервы его реагировали. Когтистая лапа ударила Шангота прямо в грудь. Удар вышиб воздух из легких гиганта, и наверное, тот даже потерял сознание на несколько мгновений... Следующее, что он помнил, так это то, как покачивался на волнах, отплеывался и откашливался, изрыгая воду из рта и носа. Только чудом Шангот не утонул. Грудь у кочевника сильно болела, и ему даже показалось, что чудовище сломало ему два или три ребра в предсмертном ударе. Однако Шангот все еще обвивал рукой талию Сумии, удерживая голову мертвой или потерявшей сознание девушки над вспенившейся водой.

Потом неукротимый кочевник, хоть тело девушки и мешало ему, кое-как добрался до берега, выполз на черный песок и рухнул от усталости. Долго он пролежал вот так, не двигаясь, просто давая отдых измученным мускулам, втягивая прохладный чистый воздух в ноющие легкие. Дракон, то ли убитый, то ли сильно покалеченный, погрузился обратно в черные глубины озера, видимо вернувшись в свою тайную пещеру на дне озера, свернулся там в безопасности и стал зализывать раны. А может, он просто опустил на дно и умер.

Шангот не особенно пострадал, хотя ребра у него и болели всякий раз, как он делал полный вдох. Теперь он решил, что никаких костей у него не сломано, и со стоической выносливостью дикаря перестал обращать внимание на боль. Вместо этого он с интересом стал изучать странное создание, спасенное им из ужасной пасти губителя глубин.

Шангот никогда не видел ни одного человека иной расы. Создание, оказавшееся в его власти, определено было женщиной, но ни в чем прочем, помимо женственности, не походило оно на женщин его родного племени. Кочевника заворожала мягкая, нежная плоть ее полуобнаженного тела и жемчужная белизна ее кожи. У представителей его расы кожа была жесткая, словно дубленая шкура, синего или лилового цвета, настолько темного оттенка, что иногда казалась почти черной. Заинтриговали Шангота и волосы женщины. Ее длинные, мокрые, черные локоны растекались у нее по плечам и длиной доходили до пояса. Такого кочевник никогда раньше не видел, так как среди его соплеменников и у женщин, и у мужчин черепа были одинаково голыми и безволосыми. Кроме того, его любопытство возбуждала хрупкость ее фигуры. Женщины его расы немногим уступали в росте мужчинам, и ему не доводилось видеть вполне взрослой женщины ниже

шести-семи футов ростом. По сравнению со знакомыми Шанготу массивными, могучими женщинами кочевников эта белокожая девушка с ее рассыпавшимися по плечам черными локонами и стройной фигурой выглядела маленькой и изящной, как эльф. Кочевник долго гадал, из какой же далекой страны она явилась и почему рискнула забраться так далеко от царства своего народа. В голове у него роились тысячи вопросов. Но, по всей вероятности, чудесное существо так никогда и не ответит ни на один из них. Шангот уже отказался от той первой мысли, что возникла у него, когда он увидел, как незнакомка упала со своей странной летающей колесницы. Теперь он был совершенно уверен, что она никакая не богиня, а обычная смертная женщина, хотя и сильно отличающаяся от любой смертной, которую ему доводилось видеть и о какой случалось слышать. Наверняка ни одна богиня не лишилась бы сознания от удара о воду, и ее не потребовалось бы спасать от зубастой пасти поа!

Мертвенно-бледная женщина неподвижно лежала на влажном черном песке. Теплая кровь так и не прилила к ее бледным щекам. Прикрывавшие ее темные глаза густые черные ресницы ни разу не дрогнули. Ее кудрявые волосы были сырыми и прилипли к белой коже. Сквозь прорехи в одежде виднелась бледная кожа рук и ног, а сама одежда превратилась теперь в промокшие, рваные тряпки. В серебристых лучах луны влажно блестели прикрывавшие ее грудь золотые чаши. Странная женщина, упавшая из неведомых небесных миров, видимо, разбилась насмерть. Никакое столь хрупкое и слабое на вид создание не смогло бы пережить страшного падения с огромной высоты.

Шангот с тяжелым сердцем поднял на могучие руки обмякшее, неподвижное тело и понес его в черные джунгли. Самое малое, что он мог сделать,

это устроить этому телу похороны по обычаям своего народа. Он не мог допустить, чтобы такую красоту растерзали и разорвали на куски голодные звери. Нет... Он найдет в джунглях поляну, сложит там костер из сухого дерева и сожжет маленькое белое существо, чтобы его дух мог снова вознестись на неведомые небеса, где, быть может, находится его дом.

Когда Шангот свернул в черные джунгли, он не заметил, что золотые нагрудники незнакомки чуть-чуть поднимаются и опускаются в медленном, неглубоком дыхании... Сумия не погибла, а лишь потеряла сознание. Но кочевник не разглядел этого и унес ее в темные глубины джунглей.

Джомдат из племени джегга замер на вершине невысокого пригорка позади примитивного лагеря, гадая, жив ли его сын. Вчера на рассвете Шангот отправился поохотиться на огромного зульфара, чьи следы они увидели прошлым вечером у водооя. Весь день его сын не возвращался. Всю долгую черную ночь прождал старый вождь. Теперь наступил рассвет, принесся с собой новый день, а принц до сих пор не вернулся.

Старый вождь кочевого племени джегга был человеком высоким и массивным, даже выше Шангота. Его великолепно сложенная фигура достигала девяти футов. Он не носил ничего, кроме позолоченных ремней, густо усыпанных редкими самоцветами и значками из драгоценных металлов. Стоя в золотых лучах утреннего солнца, опираясь на трехметровое копьё из легкой стали и вглядываясь вдаль, он напоминал некоего варварского бога. Хотя и постарел под бременем королевской власти и войны, а теперь устав от забот и волнений, он не сгорбился и не ослабел. Благодаря

какому-то генетическому выверту, синекотные люди долго сохраняли юношеский задор. Старость же, когда она наконец настигала кочевника, наступала стремительно и опустошала тело за какие-то несколько дней. Но продолжительность жизни этих правивших огромными равнинами великанов измерялась столетиями, и Джомдат вполне мог прожить еще много лет, прежде чем силы его ослабнут и Темная Рука Смерти протянется, чтобы погасить искру его жизни... если какой-нибудь враг не сразит его раньше, подумал вождь, скривившись.

Таких врагов у него было множество. Они уже один раз победили его, и могучий вождь мрачно стиснул зубы, вспоминая об этом. Сто с лишним зим правил он ордой в дни мира и войны, и всегда делал это мудро и справедливо. Длинный караван металлических колесниц бродил по бескрайним степям с шепчущими травами, следуя за мигрирующими стадами, которыми кормилось их племя. Зимовали кочевники в разрушенных городах первых королевств человека, чьи рассыпавшиеся стены и обветшалые башни высились посреди пустынь, — в городах древней Немедии — Первого Королевства, что поднималось у Безымянного моря, они зимовали в незапамятно-древнем Альтааре и в разрушенном временем Кваре. А когда разгоралось пламя войны, его народ удерживал свои владения, сражась с другими рмоахальскими кланами, бродившими по не нанесенным ни на одну карту равнинам. Тогда кочевники ставили свои колесницы в тесный круг, натягивали тугие боевые луки и готовы были дать отпор укрывающимся за щитами ордам врагов, воющих от боевого безумия. Враги, обычно раскрасив лица красной краской, атаковали стену колесниц.

Но один хитрый и беспощадный враг все время строил козни за спиной вождя, стремясь скинуть

Джомдата с престола и самому захватить корону. Этот злой, коварный человек был не воином, а колдуном — шаманом Тэнгри. Ходили слухи, что Тэнгри был прислужником могущественных темных владык, которые властвовали в Зааре — Городе Магов далеко на юге, — но много ли в этих словах правды, Джомдат не знал.

Как-то злой шаман нашел повод для недовольства и сумел восстановить кочевников против вождя. Повод был таков: среди дикого народа с варварскими обычаями и жестокими традициями, народа, предающегося искусству войны, только Джомдат и его сын принц Шангот понимали значение таких устаревших слов, как «милосердие» и «доброта». Джомдат много раз избавлял пленных врагов от медленной смерти у столба пыток, милостиво даруя им быструю смерть. Это раздражало гордых воинов племени джегга, так как хотя они и уважали старого вождя за мудрое руководство на охоте и во время миграций, за смелость и изобретательность на войне и за справедливость его беспристрастных решений в спорах из-за раздела богатства или женщин, но проявляемое им милосердие к пленным врагам вызывало у них недовольство. Для них пытка была искусством, которое восхвалялось и ценилось. Кочевники хорошо помнили прежнего вождя, отца Джомдата, в умелых руках которого полтора века назад пленный вождь врагов мучился целый год, пока смерть наконец не забрала его изуверенное тело. Кочевникам не очень-то нравилось щепетильное мягкосердечие Джомдата. Чем больше он сдерживался и старался не применять неумеренной жестокости в отношении к беспомощным пленникам, тем больше начинали роптать его подданные.

Хитрый шаман ухватился за этот предлог и выступил против старого вождя. Его нашептывания,

лукавые, хитрые намеки и шутки раздули недовольство воинов в пылающее пожарище, куда наконец и угодил Джомдат. Совет старейшин клана лишил старого вождя всех титулов и званий, изгнал его в степь, чтобы он умер там в одиночестве... Кто же сумел бы в одиночестве выжить в дикой степи? По равнинам бродили тысячи хищников, в схватке с которыми даже гигантской силы одного воина было бы недостаточно. Джомдат знал, что, будь воля Тэнгри, его б ни за что не отправили в изгнание. Шаман с удовольствием подверг бы Джомдата и его наследника Смерти Тысячи Ножей, чтобы позлорадствовать, любуясь кровавым концом своего врага. Но Священные Законы Небесных Богов говорили весьма недвусмысленно: законный вождь клана священен и неприкосновенен, даже если совет старейшин лишит его власти. Поэтому Джомдата изгнали (его сын добровольно присоединился к нему) из разрушенного города Альтаара, где сейчас располагалось лагерь племени.

Пока же изгнанникам везло. Как-то им бросила вызов пара черногривых вандаров. Джомдат и его сын, вооружившись боевыми топорами, дали бой черному льву и его жестокой подруге. Больше ни один крупный хищник не осмелился напасть на них, живущих в одиночестве посреди дикой степи. Но со временем...

Джомдат беспокойно потянулся, разминая могучие руки. Его сын отправился вчера в этот же час на поиски зульфара, следы которого они видели около водопоя. Джомдат несколько не боялся, что принц не сумеет одолеть кабана в открытом бою, даже если тот окажется вполне матерым секачом. Любой мальчишка-кочевник, проходя обряд посвящения в мужчины, должен был отправиться в одиночестве в дикую степь и убить зульфара — тотемного зверя кочевников джегги. Клыки этого зверя юноша носил как ожерелье на шее, добавляя к рас-

тушей цепочке клыки каждого зульфара, которого он в дальнейшем убивал. Среди кочевников джегга положение в обществе определялось по числу клыков зульфара, которые носил воин на шее. Юный Шангот носил уже десять таких клыков, представлявших пять убитых злобных лемурийских кабанов. Нет, на этот счет Джомдат не беспокоился. Но по равнинам бродило множество зверей. Некоторые из них были куда страшней и свирепей огромного черного кабана. Если на Шангота напал один из ужасных ящеров-требов... или один из сотрясающих землю драконов, что в те времена еще ходили по земле... тогда Джомдату и в самом деле стоило поволноваться за судьбу своего сына.

Но что за звук раздался вдруг за спиной вождя? Джомдат быстро обернулся, но было уже слишком поздно. Могучие руки схватили его, вырвав копье. Врагов оказалось трое. Они были в полном вооружении, а вождь оставил свой ятаган в палатке. Тем не менее старик одним движением вырвался из захвата и резко ударил одного из нападавших ногой, попав прямо в лицо. Он улышал хруст и треск зубов. Один из его противников кубарем скатился по склону, испуская вопли из окровавленной дыры, которая некогда была его ртом. Потом, вырвав шест палатки, старый вождь бросился на двух оставшихся врагов.

Они яростно бились друг с другом под яркими лучами полуденного солнца. Джомдат с силой размахнулся тяжелым шестом и угодил одному из двух оставшихся противников по бицепсу, парализовав руку воина от плеча до запястья. Солнечный свет ярко вспыхнул на клинке его меча, когда тот выпал из ослабевших пальцев. Вцепившись здоровой рукой в онемевшую руку, воин упал на колени, воя от боли.

Теперь у Джомдата остался только один противник. Он сжимал в могучем кулаке боевой топор.

Бывший вождь узнал этого воина — одного из ближайших подручных шамана Тэнгри. Тот оскалился, глядя на старика, а потом стал выкрикивать ругательства. Солнечный свет сверкнул на широком лезвии занесенного боевого топора. Воин раскрутил страшное оружие над головой и обрушил его на старого вождя.

Джомдат ловко отпрыгнул, дав топору просвисеть, рассекая разреженный воздух как раз перед его выгнутой грудью.

В тот миг, когда он пронесся мимо, старик прыгнул вперед и вогнал конец шеста в низ живота кочевника. Узкую талию воина окружали железные мускулы, но закругленный конец шеста погрузился в его тело на несколько дюймов, издав чмокающий звук. Воздух со свистом вырвался из легких нападавшего. Его грубое лицо исказилось в спазме мучительной боли. Он побледнел, сложился пополам, осев на землю. Топор отлетел в сторону.

Когда подбородок сложившегося почти пополам воина выпятился вперед, Джомдат шагнул поближе. Нагнувшись, он занес крепко сжатый кулак. Из всех сил ударил он в острие подбородка противника.

Звук удара был точно такой, какой издает деревянная колотушка мясника, отбивающая говяжий бок. Воина приподняло на несколько дюймов над землей и швырнуло на спину.

Вот так быстро разделавшись с тремя нападавшими, Джомдат повернулся окинуть взглядом свой лагерь и только тогда заметил стоявшего в тени его палатки четвертого врага, закутанного с головы до ног в черный плащ с капюшоном. Он опирался на посох из черного полированного дерева, на конце которого горел, словно зеленый уголь, большой камень.

— Итак, подлый пес-шаман, ты не удовольствовался тем, что отдал меня на растерзание диким

зверям... Ты явился со своими подручными закончить грязное дело! — прогромыхал Джомдат.

Закутанный в черный плащ колдун весело рассмеялся. Старый вождь нахмурился. Медленно спустился он с холма и стал приближаться к своему врагу, сжимая в могучей руке окровавленный шест. Когда же он приблизился, колдун откинул назад капюшон, открыв ужасное, похожее на обтянутый кожей череп, лицо.

Выглядел он усталым, опустошенным, словно страшные голод и жажда иссушили его. Иссиня-черная плоть плотно облежала череп, оставив лишь резко выпирающие кости. В черных провалах глазниц жестоко и насмешливо горели глаза, а тонкие губы чародея разошлись в насмешливой улыбке, обнажив длинные зубы, такие же острые и страшные, как оскаленные клыки какой-нибудь дикой кошки.

Колдун вытянул вперед руку, сжимавшую жезл, и светящийся камень на конце его слегка задел обнаженное плечо Джомдата. Руку вождя словно пронзило нечто, похожее на жгучую молнию, омертвив плоть от плеча до запястья точно так же, как несколько секунд назад удар вождя парализовал руку одного из противников. Ледяной паралич, охвативший руку, заставил пальцы разжаться. Деревянный шест упал к ногам вождя.

Человек в черном плаще снова резко рассмеялся.

Светящийся камень слегка коснулся бедра старого вождя, и тот рухнул, словно зверь, остановленный точно нацеленной стрелой. От прикосновения колдовского пылающего камня рука и нога вождя сделались бледными, словно были слеплены из воска.

Теперь чьи-то руки схватили Джомдата сзади, заставляя его приподняться на колени. Тогда старик пожалел, что не убил троих предателей,

напавших на него, когда те лежали на земле, находясь полностью в его власти. Но укоренившееся в нем милосердие делало такие поступки невозможными. Ругаясь, воины шамана связали бывшему вождю руки за спиной, стянули веревкой ноги. Сам же Джомдат мрачно размышлял о том, что ему предстоит теперь расплата за дурную привычку щадить павших. Те, кого он пощадил, вовсе не собирались щадить его!

Беспомощный, связанный Джомдат молча наблюдал, как шаман Тэнгри собирал в кучу хворост. Потом он подпалил дерево, прикоснувшись к нему колдовским камнем. Вскоре посреди лагеря уже ярко горел костер.

Вынув из костра горящую головню, шаман подошел к крепко связанному старому вождю. Пламя высветило его бесплотные черты. Он улыбался жуткой улыбкой.

— Я не мог оставить тебя диким зверям, старик, — хохотнул он. — Я все делаю основательно. И с тобой, и с твоим щенком-сыном должно быть... покончено!

С этими словами он прижал горящий конец палки к груди Джомдата. Старый вождь стиснул зубы и так свирепо сжал губы, что те посерели. Он не доставит этому дьяволу-жрецу удовольствие, палач не услышит, как воет старый воин, какой бы ужасной ни была эта боль. Горячие угли зашипели, коснувшись кожи старика. Его стошнило от наполнившей ноздри вони, и хотя старик потерял от боли сознание, от него не ускользнуло ни одного звука. Он смутно ощутил, как шаман отнял горящую ветвь от его тела, и слабо, словно издали, услышал голос колдуна:

— Спешить незачем... У нас весь день впереди... И клянусь Темными Владыками Хаоса, мы еще услышим, как ты запоешь!

Перед глазами Джомдата из племени джегга все плыло, но он смутно увидел, как горящий факел снова приближается. Он ухватился за единственную мысль, молнией пульсирующую в его голове: «Где-то там, в степи, мой сын Шангот, который, должно быть, скоро вернется в наш лагерь».

Сквозь туман боли Джомдат взмолился своим богам, чтобы сын его вернулся вовремя и успел спасти его. Или, по крайней мере, отомстить за него. Но вернется ли принц?.. Сможет ли он победить злого колдуна?

Мысль о сыне, который мог оказаться столь же беспомощным в лапах коварного колдуна, наполнила сердце вождя болью гораздо большей, чем та, что причинял ему горящий факел.

ТОНГОР УКРОЩАЕТ ЗАМПФА

И медленно осел под тяжестью Тонгора
Карнизик узенький, напрасна вся борьба...
Внизу зияли пропасти просторы,
И там ждала его безвестная судьба.

Сага о Тонгоре. Стих XV

Сначала Тонгор камнем падал вниз. Ветер, оглушая, свистел у него в ушах. Он дергал и рвал плащ воина, пока тот не развернулся малиновыми крыльями. Северянин падал, кувыркаясь, кружась в небе. Быстрота падения выбила воздух из легких. Не в силах вздохнуть, Тонгор чувствовал, как меркнет сознание, пока летел в темную бездну, лежавшую у подножия горы черного мрамора.

Затем, непонятно почему, Тонгор стал падать медленнее. Он не знал, как такое может быть, но все происходило именно так, ибо ветер больше не визжал у него в ушах, словно разъяренные

демоны, и воин мог перевести дух. Тонгор благодарно глотнул морозного воздуха, чувствуя, как рассеиваются смутные тени у него перед глазами. Он оглянулся, окинув безумным взглядом уносящуюся вверх гору и небо над головой. Голова у валькара закружилась. Он стал бороться с головокружением и в какой-то мере овладел своими чувствами.

Тонгор действительно падал медленнее, чем раньше. Теперь ему удалось понять причину этого таинственного, но счастливого явления.

Когда узкий каменный карниз начал крошиться под тяжестью валькара, Тонгор не упал, а спрыгнул со скалы. Прыжок этот пронес его сквозь кучу парящих осколков разбитого гравилета Зандара Зана. Когда аэробот ударился о Гору Гибели, обломки его урилиумных листов обшивки корпуса и арматуры оказались разбросаны, отколоты от смятого корпуса разбитого судна. Урилиум, искусственный металл, созданный десять лет назад Улимом Фоном, был магическим веществом с уникальным свойством сопротивляться гравитации. Именно действие этого магического вещества, которое «падает вверх», а не вниз, и придавало аэроботам способность летать. Проносясь сквозь плавающее в воздухе облако из крупных и мелких кусков урилиума, Тонгор инстинктивно ухватился за крупный осколок, когда пролетал мимо него. Действия его были совершенно механическими. Северянин сделал это не задумываясь, под воздействием какого-то слепого импульса. Сработал тот же инстинкт, что заставляет утопающего хвататься за любую деревяшку, какая окажется в пределах досягаемости.

Кусок, за который ухватился Тонгор, был обломком кормовых поручней, ограждавших палубу, около трех футов длиной. Поручни целиком состояли из заговоренного, отрицающего притяжение

металла и поэтому поддержали по крайней мере часть массивного веса. Обломок урилиума был недостаточно большим, чтобы полностью остановить падение, но его хватило, чтобы несколько замедлить полет в пропасть, дав Тонгору больше шансов уцелеть... Хотя валькар знал, что если у подножия горы расстилается каменная равнина, то такое падение убьет его, раздробит ему кости, сломает хребет несмотря ни на какой урилиум.

Поэтому он испытал огромное облегчение, когда через несколько мгновений заметил внизу чернильную гладь озера. Тонгор выпустил поручни и нырнул в ледяные воды. Вскоре он выплыл на поверхность, смахнул с глаз длинную прядь мокрых волос и огляделся по сторонам.

Уже рассвело. Долгая ночь, вместившая больше событий, чем порой происходит за годы, миновала. Утро высветило небеса на востоке алыми красками, прочертив ярко-золотые полосы на темном небе, где слабо сверкали последние звезды, подобные оплывшим, догорающим свечам.

После ночных приключений Тонгор проголодался и устал. Но он не смел останавливаться и отдыхать. Сумия, если она и впрямь была еще жива, могла находиться где-то совсем близко и отчаянно нуждаться в его помощи.

Тонгор нырнул в темные воды озера и какое-то время плавал под водой в поисках следов своей жены (ведь она могла и утонуть). Когда наступило утро, а силы Тонгора оказались на исходе, он направился к берегу. Могучие руки рассекали холодные волны, и вскоре валькар выбрался на черный песчаный берег. Некоторое время он бродил по берегу и вдоль опушки джунглей. Над Лемурией разгорался новый день. Но хоть Тонгор едва ли не просеял черный песок на берегу озера, ему так и не удалось найти никаких следов про-

павшей принцессы. Похожий на глину песок был слишком плотным, чтобы на нем сохранялись отпечатки ног, а густой подлесок джунглей стоял стеной.

Однако в своих поисках Тонгор наткнулся на фондла — газелеобразное существо, пьющее воду из озера. Он убил его, снял шкуру и подкрепился. Тонгору пришлось есть сырое мясо, так как он не хотел терять время, разводя костер и жаря мясо.

Значит, Сумия исчезла. Тонгору волей-неволей пришлось принять это, так как он пока не нашел ее тела. В любом случае отсутствие тела позволило надеяться, что, быть может, благодаря какой-нибудь счастливой случайности ей удалось выжить после падения в озеро. Видно, по прихоти судьбы Тонгор вышел целым и невредимым из ситуации, которая, казалось, сулила ему почти верную гибель. Наверняка Тандра — богиня удачи — была с ним в этот час. Но валькар отлично понимал, что не может постоянно рассчитывать на везение. Останется ли он жив и дальше, целиком зависело от его собственной находчивости. Что же до принцессы... он мог лишь надеяться, что боги улыбнулись ей так же, как улыбнулись ему.

По воле случая Тонгор ступил под сень джунглей как раз напротив того места, где прошли Шангот-кочевник и Сумия. Валькар широким пружинистым шагом направился на юго-восток, в ту сторону, куда улетел похищенный корабль.

Тонгор бежал легким, широким шагом, не обращая внимания на полуденную жару, без лишних усилий оставляя за спиной милю за милей. Он проскочил опушку джунглей и помчался дальше через поросшую травой заболоченную равнину.

Хотя Тонгор сильно устал, он не снижал темпа. Сумия находилась бы в очень большой опасности, если оказалась бы в одиночестве в этих неизведанных, диких краях. Единственный шанс найти ее появится у Тонгора, если он вернет воздушное судно. Поэтому, несмотря на усталость, валькар шагал по болоту.

К концу первого часа он замедлил шаг и наконец остановился среди зарослей камыша. Он наткнулся на опасных зверей — стадо кормящихся болотными цветами могучих зампфов. Восемь этих рослых созданий стояли по колено в мутной воде примерно в ста шагах от Тонгора. Северянин осторожно наблюдал за стадом. Его странные золотистые глаза прищурились.

Зампф — огромное создание, родственное трицератопсу, пятнадцати-двадцати футов в длину и весом несколько тонн. Шкура у них толстая, дубленая и непробиваемая, крепкая, как доспехи, тускло-синего цвета, светлеющая до грязно-желтого под горлом и на брюхе. При таком громадном теле и весе зверь, стоящий на четырех коротких ножках, похожих на пни (как у носорога), мог показаться тупым, флегматичным, малоподвижным существом. Но в действительности дело обстояло совсем наоборот. Зампф мог рвануться в атаку с захватывающей дух скоростью. Громадная сила и выносливость этого чудовища придавали ему безграничную мощь. Он мог бежать буквально целыми днями. Народы Запада, возводившие города, ловили и укрощали зампфов, используя их в качестве выючных животных, так же как более поздние народы Земли использовали буйволов. И Тонгор знал способ, благодаря которому зампфа можно было укротить, хотя, будь у него выбор, он бы предпочел более худую, поджарую и быструю рептилию — кротера.

В общем, Тонгор твердо решил изловить зампфа.

Проект этот не обещал быть ни легким, ни безопасным, и поэтому валькар задумался. Зампф не был плотоядным, но считался неукротимым бойцом и нападал на всякого, кто всерьез тревожил его. Толстая дубленая шкура отлично защищала зампфа, а природа одарила его превосходным оружием: изогнутым рогом, росшим между маленькими свинячьими глазками и огромным щитом из роговой кости позади маленьких нежных ушек и прикрывавшим толстую шею костистым выступом, который со стороны походил на седло.

Тонгор задумчиво изучал маленькое стадо, выделив для себя одного молодого самца. Тот находился в пике своей силы — превосходный самец, весом около трех тонн. Сейчас он сонно пощипывал болотные цветы. Странное зрелище — огромное чудовище, щиплющее траву, — в другое время могло бы позабавить Тонгора, но не сейчас. Он твердо решил укротить этого зверя.

Первая трудность состояла в том, что Тонгору требовалось отделить выбранного им зверя от стада. Может, он и сумеет справиться с одним зампфом, но разделаться одновременно с восьмью у него не было никаких шансов.

Потом, коль скоро он отделит его от других, ему потребуется каким-то образом сделать зверя беспомощным. А это нелегкая задача. Как остановить трехтонное чудовище, которое может мчаться с невообразимой скоростью?

Наконец, сделав зампфа беспомощным, Тонгор должен придумать, как управлять зверем. Как же сделать такое дикое, неукротенное чудовище послушным?

Каждая из трех задач выглядела довольно сложной. И ни одна из них не была безопасной. Однако Тонгор собирался выбраться на просторы великих

равнин, а чтобы пересечь их, ему требовался скакун. Поэтому валькар с мрачной практичностью варвара взялся решить эти задачи поочередно. Утро уже наполовину миновало, прежде чем он завершил свои приготовления.

Выбранный Тонгором зампф и его собратья покинули болото и теперь мирно паслись в степи, выкапывая съедобные корни жесткой, как проволока, травы. В этой части равнин то тут, то там высились заросли какого-то безымянного предка бамбука, иногда достигавшего высоты в двадцать—двадцать пять футов. В тени этих бамбуковых рощиц устроилось несколько самцов зампфов и одна из самок постарше. Но молодой самец, отмеченный Тонгором, все еще не утолил голода и нетерпеливо выкапывал корни среди болотных трав.

В нескольких футах от того места, где стоял и жевал корни молодой самец, Тонгор положил на траву большой и особенно сочный корень. Зампф прошествовал к нему и тут же слопал его, и только потом маленькие, близорукие свинячьи глазки заметили еще один корень, лежащий несколькими ярдами дальше, в том же направлении. Зверь неуклюже направился дальше, радуясь своей удаче. Эти толстые корни были особенно вкусными. Обычно зампфу не удавалось их найти, так как они скрывались слишком глубоко под землей. Но сейчас соблазнительная пища лежала прямо на траве, разложенная словно специально для него!

Зампф не понимал, как далеко увели его от стада вкусные корни, до тех пор пока неожиданно... без всякого предупреждения... земля у него под ногами не провалилась и он не упал в узкую, неглубокую яму. Не в состоянии выкарабкаться, он стал яростно фыркать, а потом гортанно заре-

вел. И тут на него что-то свалилось. Это оказалась рама из толстых бамбуковых кольев, крепко связанных друг с другом кожаными ремнями. Рама была примерно двадцать футов в длину и оказалась немного шире ямы. Несчастный зампф замер, обнаружив, что три поперечины заклинили ему голову. Одна оказалась у него прямо перед рылом, а две другие вклинились по обе стороны его костистой головы. Пока зверь отчаянно боролся с этими бамбуковыми жердями, какая-то невидимая рука установила четвертую поперечину, которая плотно встала позади и чуть ниже его рогатого седла. В результате, сколько бы зверь ни боролся, его голова оставалась неподвижной.

Рев чудовища разбудил остальное стадо, находившееся в некотором отдалении. Самцы зафыркали и стали бегать, двигаясь по кругу, то и дело поднимая морды и принюхиваясь в поисках запаха какого-нибудь врага. Самки визжали от страха и ярости. Теперь двое самцов уловили запах отбившегося от стада и попавшего в ловушку сородича. Переваливаясь, подбежали они к яме, сотрясая землю своей поступью.

Неожиданно они резко остановились. Широкая полоса болотной травы между ними и пленником полыхнула огнем! Почуввав запах едкого дыма, зампфы в ужасе побежали обратно. Как и у всех зверей, никакой враг не вызывал у них такого страха, какой они испытывали перед огнем! Собрав стадо, они быстро побежали на север и через несколько минут скрылись из виду. Полоса травы быстро прогорела, и пламя добралось до воды и потухло.

Покрытый грязью с головы до пят, Тонгор вылез из своего убежища в камыше и самодовольно осмотрел пленника. Молодой зампф уже понял, что как бы яростно он ни боролся, он не сможет выбраться из ямы, выкопанной точно по его размерам. Его ноги

быстро превратили глинистые стенки и дно ямы в мягкую кашу, но все было без толку, так как ноги зверя не могли найти опоры. Углы бамбуковой рамы были привязаны к четырем бамбуковым кольям, глубоко вбитым в землю по углам ямы. Тяни, толкай, поднимай... что ни делай, из такой ловушки не высвободиться. Наконец зампф притих, тяжело сопя и удрученно фыркая.

Яму Тонгор выкопал мечом, так как больше ничего у него с собой не было, хотя валькару и не очень хотелось пачкать свое любимое оружие. Земля вокруг болота была рыхлой от влаги, что сильно помогло воину. Будь земля плотно утопанной и сухой или пронизанной древесными корнями, Тонгор мог бы и не справиться с такой задачей. Нарезать и зачистить острым мечом крепкие, но полые бамбуковые шесты для рамы оказалось просто, но для того чтобы накрепко связать их, пришлось пожертвовать частью кожаных ремней — верхней половиной своего одеяния, — разрезав ремни на тонкие ремешки маленьким, но острым как бритва ножом, который висел у него на поясе.

Пока Тонгор сумел справиться с первой и второй задачами без особых хлопот. Самец оказался пойман и лишен подвижности. Пора было переходить к третьей и последней фазе — укрощению.

Тонгор отсоединил от части своих ремней три стальных кольца. Нагрев острие ножа на костре (он развел его в яме и именно от него подпалил болотную траву), Тонгор проделал дырочки в нежных ушах и нижней губе зампфа.

Самец сначала громко визжал от ярости и боли, а потом затих. Хоть Тонгор и был варваром, он не хотел причинять зверю ненужной боли, но проколоть отверстия было необходимо. Острие кинжала было нагрето и сразу же прижгло маленькие ранки. Затем, встав на бамбуко-

вую раму, державшую зампфа, Тонгор вставил стальные кольца в оба уха и нижнюю губу чудовища. К этим кольцам были приделаны длинные поводья, сплетенные из ремешков, с помощью которых великан-валькар надеялся управлять зверем. Сам же он уселся в большое костяное седло как раз за головой.

Пока что все шло гладко.

Теперь настало время для действительно трудной и опасной задачи.

Очистив меч от грязи и вложив его в ножны, Тонгор отвязал бамбуковый шест, удерживавший голову зверя в раме, и отбросил раму в сторону. Потом он быстро перерезал главные ремешки, соединявшие кольца и раму, и осторожно потянул за повод.

Зверь яростно зарычал, взметнулся, разбив незакрепленную раму. Неожиданно освободившись, зампф рванулся из ямы. Пораженный странным чувством — ощущением всадника, рассеявшегося у него на спине, зверь с ревом рванулся на юг, горя желанием убраться подальше от этого места со зловещим провалом в земле и отвратительными бамбуковыми ловушками. Он бежал тяжелым, сотрясающим землю шагом. Тонгор раскачивался в седле, стиснув ногами шею зампфа.

Через некоторое время зампф наконец осознал, что всадник по-прежнему восседает у него на загривке. Тогда он замедлил бег и начал мотать из стороны в сторону массивной головой-бочкой, надеясь сбросить нежелательного седока. Тонгор живо отвалил его от этого, слегка натянув поводья, так что при каждом взмахе головы поводья дергали за вставленные в уши кольца. Это причиняло зверю боль. Уши и губа его являлись единственными небронированными частями тела, а поэтому уязвимыми для боли. Крошечный мозг

зампфа наконец установил связь между дерганьем головой и неудобной, острой болью в ушах, усвоил, что когда он не мотает головой, уши у него не болят. Тогда зампф перестал пытаться сбросить Тонгора. Он просто остановился, тяжело дыша, опустив голову, разъяренный. Теперь он был готов для дальнейших уроков.

Когда Тонгор последний раз видел воллер, тот летел на юго-восток. В этом направлении валькар и решил отправиться. Он слегка потянул за правый повод. Чтобы избежать болезненного потягивания за правое ухо, зампф повернул массивную голову направо. Тонгор потянул еще, и зверь послушно повернулся в этом направлении всем телом. Потом варвар потянул за повод, прикрепленный к чувствительной нижней губе зампфа. Чтобы избавиться от боли, зампф потрусил вперед. Тогда неприятные потягивания за губу прекратились. Вскоре зверь узнал, что когда он прекращает движение, боль снова появляется.

Не прошло и часа, как зверь усвоил большую часть простых уроков Тонгора, необходимых для того, чтобы превратить его в послушного скакуна. Валькар был доволен. Позволив зверю некоторое время свободно попасть и напиться из пруда, Тонгор и сам отдохнул, пожевав мясо фондла, уверенный, что из пойманного зампфа получится превосходный скакун. Не совсем прирученный и дружелюбный, он, по крайней мере, научился повиноваться немногим необходимым командам останавливаться или трогать с места, бежать налево или направо.

Так вот Тонгор повернул своего скакуна на юго-восток и заставил его бежать по степи ровной рысью, намного быстрее, чем мог бы идти человек. Быстро скакал Тонгор в ту сторону, куда исчез воллер, а в бездонном голубом небе,

где плавали немногочисленные облачка, ярко сверкало золотое солнце.

УЖАС ДЖУНГЛЕЙ

Ты джунглей берегись, где темных тварей тьма,
Где джунглей львы и змеи ждут добычу
И где, следя из сумрачных глубин, горят глаза
Неведомых чудовищ...

Алая Эдда

Сумия приходила в себя медленно, словно пробуждаясь от глубокого, бодрящего сна. Она не знала, где находится. Сначала она осторожно открыла глаза, обведя взглядом темную поляну. Женщина не знала, как очутилась в джунглях... Последнее, что ей удалось вспомнить, это... это...

Неожиданно она села, вспомнив Черного Вора, их отчаянную борьбу за нож там, в раскачивающейся кабине несущегося по воздуху воллера, и надвигающуюся ужасную черную скалу, которую Сумия отчетливо разглядела, заглядывая через плечо Зандара Зана!

Еще она вспомнила, как вырвалась из его когтей, выпрыгнула из кабины на палубу, где свистел ветер... А потом ее охватил тошнотворный приступ головокружения. Она вылетела за борт и стала падать... падать... падать...

Каким-то чудесным образом она спаслась от страшной смерти. Но как она перенесла такое падение? И где, во имя Девятнадцати Богов, она находится?

От неожиданного движения все тело ее пронзила страшная боль. Хотя Сумия и не могла этого знать, спасли ее обыкновенные законы физики. Падающее тело удваивает и утраивает скорость и через не-

сколько секунд летит уже так быстро, что дышать невозможно. Воздух проносится мимо столь стремительно, что человек не может вдохнуть его. Так что Сумия при падении потеряла сознание от кислородного голодания. Поэтому, когда тело ее врезалось в воду, женщина уже лишилась чувств, тело ее оказалось расслабленным, что и спасло Сумию от переломов, которые непременно случились бы, находишься она в сознании, так как тогда тело ее обязательно бы напряглось. Добавьте к этому то, что Сумия нырнула в озеро ногами вперед, то есть самым безопасным способом и, по чистому везению, под самым безопасным углом. Ее длинные ноги вонзились в волны, и она ушла под воду, тогда как если бы она нырнула под иным углом или ударились бы плашмя, то, вероятнее всего, сейчас была бы мертва. А так у нее сильно болели все мускулы и сухожилия, а тело представляло один сплошной синяк, но она осталась жива. Сумии казалось, что ее исколотили. Однако она не возражала против этого, зная, что ей повезло, раз она осталась жива, и будучи здоровой женщиной в отличной физической форме, она быстро выздоровеет. Тогда и руки, и ноги ее снова станут гибкими и послушными.

Но как она попала на эту поляну? Оглядевшись, она сообразила, что этому могло быть только одно объяснение: ее сюда кто-то принес.

Кто?

Сумия осмотрела себя, обнаружив, что руки и ноги ее не связаны, а одежда — влажная. Потом она попыталась встать и после нескольких попыток с трудом поднялась на ноги. Прислонившись к дереву, она огляделась. По другую сторону поляны высилась странная куча сухого хвороста и свежих веток, сильно напоминающая погребальный костер. Женщина стала гадать, что бы это значило...

А затем застыла, охваченная ужасом.

На поляну вышел гигант. Он нес охапку сухих ветвей папоротника. Существо это выглядело ужасно. Сумия смутно различала его в малиновых отблесках заката, лучи которого пронизывали листву. Человекоподобный великан восьми футов роста, обнаженный, если не считать усыпанных драгоценными камнями ремней, хоть и похожий с виду на человека, ничем не напоминал людей, к которым привыкла Сумия. У незнакомца была иссиня-черная шкура и колоссальные мускулы. Сумии потребовался лишь один миг, чтобы сообразить, что она каким-то образом попала в руки одного из страшных Синих Кочевников — воинов-рмоахалов с великих восточных равнин.

Она, замерев, следила, как странный великан положил охапку хвороста поверх огромной кучи. Уж не предназначался ли этот погребальный костер для нее? Сумия знала, что рмоахалы — дикие варвары, любящие войну. Может, они еще и людоеды?

Неподалеку от женщины лежал тул с тонкими зазубренными дротиками. Сумия стала подкрадываться к оружию, не спуская взгляда с синекожего великана. Тот все еще стоял спиной к женщине. Он даже не взглянул в ее сторону, с тех пор как появился на поляне. Тщательно рассчитывая каждое движение, Сумия осторожно пересекла открытое пространство и, с трудом нагнувшись, выудила из тула кочевника два дротика.

Как раз в тот момент, когда она это сделала, рмоахал поднялся и замер, прислушиваясь. Не услышал ли он едва различимое позвякивание дротиков, когда женщина вытягивала их из тула? Еще мгновение, и гигант обернется и увидит...

Недолго думая, Сумия замахнулась одним из дротиков, готовясь всадить его в широкую спину гиганта.

Неожиданно у нее за спиной раздался громовой рев.

Сумия резко обернулась и увидела огромную, жуткую, оскаленную морду черного кабана, глядящего на нее из подлеска. Женщина заметила отблеск горящих, словно угли, бешеных красных глаз и желтые клыки, с которых капала пена... А потом огромный зульффар вылетел из зарослей, целя клыками ей в горло. Он напоминал черную молнию.

Будь Сумия изнеженной девицей, она застыла бы от страха и пала от ударов клыков и копыт ужасного зверя. Но женщины ее народа привыкли к суровой жизни в условиях осад и походов. Они отлично владели оружием и довольно часто сражались с врагами, стоя бок о бок со своими мужчинами.

Поэтому Сумия действовала не задумываясь и не колеблясь. Одним плавным движением она метнула дротик. Тот, сверкнув полированной сталью, утонул в лохматом горле чудовищного кабана. С кашляющим хрюканьем массивный зульффар грохнулся на мох. Дротик Сумии остановил его. Кабан несколько раз перекувырнулся и теперь снова собирался подняться, чтобы броситься на женщину. От его шерсти пахло кровью, а по сухому мху протянулся алый кровавый след. Но прежде чем раненый зверь успел изготовиться к новому броску, Сумия нанесла второй удар. В воздухе сверкнул второй дротик. Он вошел точно между широких челюстей зверя, которые бесполезно сомкнулись на металлическом древке... а потом медленно разжались. Кабан изверг из себя густой поток дурно пахнущей крови. Зульффар осел на траву, дернулся раз-другой и застыл не шевелясь. Его глаза остекленели и затянулись пленкой.

Наступила тишина. И Сумия, и незнакомец напряженно молчали. Потом кочевник медленно повернулся к принцессе и отдал ей честь, коснувшись ладонью сердца по обычаям кланов джегга.

— Я думал, ты мертва, — просто сказал он. — Но глядь, живая! Я хотел освободить твой дух в пламени, чтобы он мог вознестись к богам, сотворившим его В Начале Всех Вещей, но смотри-ка! Ты оказала мне огромную услугу. Я целые сутки преследовал этого зульфара, собираясь убить его... но если бы не ты, зульффар освободил бы мой дух от оболочки тела. Теперь я вижу во всем этом Волю Небес... Ты, кого я увидел падавшей в темное озеро из сверкающей стальной птицы, ты, явившаяся из Страны богов, помогла мне выполнить мой обет богам, — тут он поклонился Сумии. — И поэтому я спрашиваю тебя: ты — богиня? И если да, то чего ты хочешь от Шангота из племени джегга?

Сумия слабо улыбнулась от облегчения. Теперь, когда кочевник заговорил, она увидела, что хоть он и был синекожим великаном и варваром, но отнюдь не жестоким кровожадным великаном-людоедом из сказки, а всего лишь человеком, хотя и с довольно странной внешностью. Молодая женщина вполне разумно рассудила, что Шангот ничего не мог поделаться со своей пугающей внешностью, которая, наверное, и казалась ей пугающей лишь потому, что раньше принцесса никогда не встречала синекожих кочевников. Точно так же Сумия ничего не могла поделаться со своей внешностью, которая, вполне возможно, могла показаться кочевнику столь же отталкивающей.

— Нет, друг, — ответила она. — Я не богиня, а смертная женщина, которая устала и очень проголодалась. Я — Сумия, саркайя Патанги, Города Огня. Мне известно, что люди твоего племени обитают на самом востоке Лемурии, а мои земли находятся далеко к западу отсюда.

Кочевник устроил для женщины удобное кресло, частично разобрав погребальный костер и накидав поверх сухих веток и мягкой травы. Потом,

когда Сумия присела, дав отдых рукам и ногам, которые по-прежнему болели, Шангот занялся приготовлением ужина.

— Усталость проходит со временем, принцесса, — заметил он со спокойной улыбкой. — Но что касается вашего голода, то мы сможем утолить его довольно быстро!

Он стал снимать шкуру с убитого кабана. Вскоре над ревушим огнем поджаривалась сочная свинина. Над поляной повис неопишимо вкусный запах.

За едой Сумия и Шангот рассказали друг другу о своих приключениях. А потом, измотанная событиями долгой ночи, Сумия уснула. Синий великан остался стоять на страже, держа наготове дротик и боевой топор.

Через час-другой девушка проснулась, отлично отдохнувшая, и вместе с Шанготом отправилась через джунгли. Сумия радовалась тому, что если с ней и не было ее любимого Тонгора, то по крайней мере ее сопровождал могучий воин-рмоахал. Теперь ей не придется в одиночку и без оружия бороться с темными ужасами джунглей.

Так как Шангот никак не мог отвести ее назад через весь континент в Патангу, он убедил женщину отправиться вместе с ним на сравнительно безопасные равнины, где жил в изгнании вместе с отцом — старым вождем Джомдатом. Сумия была благодарна ему за это предложение, так как она опасалась, что Зандар Зан спасся во время крушения воллера и теперь разыскивает ее. Намного безопаснее ей будет среди друзей, даже если они синекожие варвары, чем среди, пусть и цивилизованных, врагов.

Когда они вышли из джунглей, утро уже разгоралось на востоке. В лучах зари девушка впервые увидела безбрежные просторы великих Лемурий-

ских равнин — бескрайние широкие степи, порождавшие меланхолическое ощущение заброшенности и траурной пустоты. Они наполнили душу женщины дурными предчувствиями, но выбора у нее не было, и поэтому она мужественно зашагала рядом с синекожим великаном. А Шангот тем временем рассказывал ей повесть о том, как его отца подло предал хитрый и мстительный шаман Тэнгри.

Принцесса сомневалась, смогут ли ее ноющие ноги унести ее очень далеко. Но скоро она обнаружила, что при свежести утреннего воздуха и насыщенном блеске яркого солнца, сияющего голубого неба боль постепенно спадает. Вскоре Сумия спокойно шагала рядом с воином-гигантом. Кочевник шел, раздвигая высокую, нащептывающую о чем-то траву, и глухим, гортанным голосом тихо рассказывал женщине о своем народе и его обычаях. За разговором она не замечала, как за спиной у них оставалась миля за милей. Рассказы Шангота завораживали Сумию, а сам кочевник казался ей любопытным и интересным человеком. Просто счастье, что она понимала его язык, который, несмотря на странный акцент и отличие в произношении отдельных слов, в основном был тем же самым языком, на котором говорил ее народ. В те времена человечество было еще слишком молодо для того, чтобы народы первого континента Земли далеко разошлись по лингвистическим тропам.

Сумию заморозили охотничьи навыки степного воина. Он был почти вдвое выше женщины и в несколько раз тяжелее, но шагал через густую траву так бесшумно и легко, что она почти не хрустела под его ногами. Каким же превосходным охотником должен быть этот могучий воин! Не знающий усталости и выносливый, уверенно шагающий идвигающийся бесшумно, как звери, на которых он охотился...

У принцессы также вызывало любопытство и то таинственное шестое чувство, благодаря которому Шангот находил дорогу через равнину. Сумия заблудилась бы в тот же самый миг, как перестала видеть опушку джунглей или высившуюся у них за спиной черную массу Горы Гибели. Но Шангот двигался по бескрайним равнинам по прямой, точно держа направление на отцовский лагерь, как стрелка компаса, всегда указывающая на север.

Молодая женщина наблюдала за его уверенными движениями, понимая, что так и должен вести себя кочевник, проводивший всю свою жизнь в скитаниях по громадным равнинам восточного побережья. Вдруг она заметила, что поведение Шангота изменилось. Он несколько раз останавливался, внимательно оглядываясь вокруг. Один раз он стоял почти минуту, опустив голову, словно глубоко задумавшись. Наконец Сумия решилась спросить у своего спутника, что все это значит. Ответ Шангота был странным и встревожил женщину.

— Я не могу... почему-то точно определить направление, — признался он с таким видом, словно для него это было великим позором.

Никогда раньше он не испытывал ничего подобного и теперь очень опечалился. У него складывалось впечатление, что какая-то сила мешает ему правильно сориентироваться. Он ощущал холодную ауру некой темной и безымянной силы, запустившей сверхъестественные щупальцы ему в голову. С каждым шагом в нем росло предчувствие чего-то зловещего. В этих краях он с отцом оказался из-за интриг шамана. Жить тут было небезопасно. Земли на юго-востоке Лемурии находились под темным крылом Заара — Города Магов, зловещего метрополиса, расположенного посреди пустыни. Там обитали черные маги, проводившие мрачные обряды и поклонявшиеся страшным Повелителям Хаоса, ко-

торые испокон веков стремились уничтожить Вселенную Звезд — яркое творение Бога Света. Народ Шангота никогда не забирался далеко на юг, боялся и ненавидел колдунов Заара.

Сейчас же в душе кочевника зарождался страх. Сверхъестественное вмешательство в его чувства отдавало темным чародейством Черного Города...

Шанготу даже казалось, что изменился сам цвет земли, и изменился странно. То тут, то там среди высоких степных трав появились невысокие скалы. Трава стала нездоровой, мягкой и бесцветной. Ясное голубое небо словно затянули серые тучи, хотя никаких облаков в вышине видно не было. Кочевнику показалось, что над ними в небе натянули тонкую темную паутину.

А поднявшись на гребень невысокого холма, путники увидели высокую черную башню.

Она напоминала сталагмит из какой-нибудь мрачной пещеры. Башня казалась созданием природы, а не рук человека. Ее очертания выглядели естественными, несмотря на неправильную форму. Острое зрение Шангота не смогло различить отдельных камней кладки, из которых был сложен этот каменный шип — отвесный и гладкий, как стекло, уродливый и безобразный, словно порождение фантазии безумца.

Тогда Шангот окончательно уверился, что его сбило с правильного пути подлое колдовство... Он не нуждался больше ни в каких доказательствах. Одного вида жуткого строения вполне хватило.

Высоко на гладкой и широкой крыше черной башни стоял островерхий шатер, а на вершине его пылал огромный кристалл зеленого огня. Он горел словно некий гигантский глаз. Всем своим телом кочевник чувствовал пристальный взгляд какого-то злобного и скрытого разума. Кочевник не мог оторвать глаз от пылающего камня, венчающего

башню, хотя Сумия подошла к нему совсем близко и резко заговорила с ним.

Шангот почувствовал, как, вопреки его воле, задвигались его ноги. Он направился вниз по пологому склону, по песчаной дорожке, что вела к волшебной башне. Сумия кричала вслед синекожему воину, прося остановиться... но все без толку. Ноги Шангота сами несли его вперед. Наконец магия этого места коснулась и Сумии. Шангот смутно осознал, что девушка шагает рядом с ним в сторону черной башни.

Словно два лунатика, попавших в один и тот же гипнотический сон, синекожий великан и стройная девушка вошли в тень башни, и тьма поглотила их...

РОЗЫ СМЕРТИ

И по степи, угрюмой и пустой,
Огромный зампф вдаль уносил его.
Его же принцесса во время угара
Попала в железные руки Заара.

Сага о Тонгоре. Стих XVI

Джомдат из племени дженгга не потерял сознания от боли, опаляющей разум, и не дрогнул, когда его кожи коснулись обжигающие угли, настолько он владел собой. Но сквозь заставший ему глаза красный туман он почувствовал, как на сердце легла черная рука отчаяния. Если его сын, Шангот, не придет к нему на помощь, то его, Джомдата, ожидают долгие часы нескончаемых мук, а потом смерть. Разве кто-нибудь в землях рмоахалов, там, где все воюют друг с другом, поможет ему?

Вождь смотрел на оскалившееся лицо шамана, когда усаженная пылающими угольками ветка снова приблизилась к его груди... а потом началась фантастическая цепь невероятных событий.

Когда шаман протянул вперед горящую ветвь, то завопил сам! Завопил и, удивленно выпучив глаза, уставился на свою гравую руку! Неожиданно, словно по волшебству, непонятно откуда вылетевший стальной кинжал проткнул руку шамана, припилив его похожую на когтистую лапу кисть к горящей ветке. Уставившись на шамана, Джомдат увидел, как тот дернулся от сильной боли. На руке Тэнгри заблестела кровавая роса, а губы его посерели от боли, которую он умел с таким удовольствием причинять другим, но которую сам терпеть не умел. Охнув, колдун лихорадочно вцепился неведимой рукой в рукоять кинжала, пытаясь вырвать его из руки.

— Да помогите же, дураки... Мне больно! — корчась, простонал он. Его подручные, пораженно застывшие открыв рты, очнулись и завопились, помогая шаману. И тут в них врезался живой таран.

Сотрясая землю громовыми ударами копыт, из пустоты возник гигантский зампф. Один из синекожих воинов обернулся, сжав меч в руке. Зампф проткнул его могучим рогом и отшвырнул на дюжину ярдов. После чудовище развернулось и растоптало тело другого кочевника, превратив его в кровавые ошметки.

А потом зампф неожиданно замер. С его загривка прыгнул невероятный наездник — превосходно сложенный воин с кожей цвета бронзы. На нем не было никакой одежды, кроме ремней черной кожи и большого малинового плаща, развевавшегося за спиной, словно фантастические крылья. В мускулистой руке этот таинственный воин сжимал большой меч из вороненой стали. Клинок грозно сверкал в лучах солнца. Соскочив со спины зампфа, воин рванулся к колдуну.

Шаман вскинул длинный посох, увенчанный светящимся зеленым камнем, который немного раньше сразил Джомдата. Теперь таинственный самоцвет угрожал валькару Тонгору, так как это, конечно же,

был он. Но в этот раз волшебный жезл шаману не помог. Северянин ударил первым, перерубив посох колдуна. Волшебный камень упал в пыль.

Взвыв от ужаса, Тэнгри отскочил в сторону, стараясь увернуться от сверкающего клинка, и, переваливаясь, побежал к своей колеснице, оставленной в полусотне шагов от места пыток. на другом конце лагеря старого вождя. Последний подручный шамана, тот, которому Джомдат из племени джегга сломал руку, убежал вместе со своим повелителем. Тонгор посмотрел им вслед, пожал плечами и стал развязывать старика, разрешив злодеям убежать.

Кинжал Тонгора остался в покалеченной руке Тэнгри, и поэтому северянин перерезал путы клинком своего огромного меча. Он помог кочевнику подняться и провел его в тень палатки. Там и оставил он вождя, а сам отправился за водой и чистыми тряпками. Все необходимое он нашел в палатке. Склонившись над вождем, Тонгор с нежностью женщины промыл его раны и, достав из сумки на поясе пузырек с едкой целебной мазью, обработал ожоги и порезы, а потом перевязал их.

Все это было проделано молча. Но когда Тонгор закончил, Джомдат поблагодарил его.

— Беларба, друг! — с достоинством склонил голову вождь. — Не знаю ни кто ты, ни откуда взялся, но благодарю богов за то, что ты оказался достаточно близко и снизошел помочь мне в тяжелый час. Я — Джомдат, некогда вождь кочевников джегга. Мне суждено было или жить, или умереть — все по воле небес. Все, что есть у меня. — твое. В палатке ты найдешь меха с вином...

Тонгор кивком дал понять, что принимает благодарность старика.

— Беларба, вождь, — повторил он лемурийское приветствие. — Я — Тонгор из клана валькаров, некогда бродяга из Северных земель, а ныне король в

городе Патанга, лежащем далеко на западе. Я счастлив, что оказался достаточно близко, чтобы прийти тебе на помощь. А что касается вина, то я схожу принесу его... день-то жаркий, а я давно обнаружил, что любая схватка вызывает жажду, — усмехнулся он и исчез в палатке. Через мгновение он вышел из нее с мехом вина. Усевшись рядом с отдыхающим вождем, Тонгор сделал большой глоток кислого, но стимулирующего напитка, а потом поддержал мех так, чтобы вождь смог утолить жажду.

— Никогда не видел человека вроде тебя, — признался Джомдат. Вино развязало ему язык, и он выпустил на свободу любопытство, которое до какого-то времени сдерживал. — В вашем западном царстве все люди такие же, как ты, — с коричневой кожей и малорослые и все с такими странными головными уборами? — спросил вождь, указывая на струившую по плечам Тонгора гриву черных волос. Позабавившись его словами, валькар не без труда подавил усмешку. В его королевстве рост Тонгора считался несколько выше среднего... А здесь, на неведомом востоке, среди девятифутовых великанов он оказался пигмеем!

Вот уже не один час огромный зампф скакал на юго-восток через бескрайние поля. Зверь, казалось, больше не возмущался из-за странного ощущения от всадника у себя на спине. Но, впрочем, мозг у зампфов маленький — странный контраст в сравнении с их огромной силой и выносливостью. Однако из-за этого зампфы легко приручались и использовались лемурийцами как вьючные животные. Потомки жителей Лемурии точно так же станут использовать яков, быков и слонов. Наверное, зампф уже настолько привык к Тонгору, что теперь вес всадника казалось зампфу вполне естественным!

В любом случае, молодой зампф слушался приказов Тонгора и быстро нес его по степи. От убаюкивающего ритма скачки усталый северянин задремал прямо в роговом седле на шее чудовища.

Тонгор так никогда точно не узнал, сколько времени он проспал. Проснулся он неожиданно. Рядом была опасность. Потом он понял, в чем дело, — запах дыма! Натянув поводья, валькар перевел зампфа на шаг, высматривая вокруг какие-нибудь признаки людей. Вскоре он увидел впереди небольшой лагерь.

Северянин осторожно подобрался к нему. Раньше он никогда не бывал в этих землях, и любые встреченные им люди могли оказаться как друзьями, так и врагами. Лучше сначала все разузнать, чем потом убиваться, сожалея о своей неосмотрительности.

В лагере находилось пять человек. Один лежал связанный, а другие пытали его. Тонгор с одного взгляда узнал рмоахалов, так как ему уже доводилось видеть синекожих великанов востока. В Турдесе, где он некогда служил наемником в легионах Фала Турида, Безумного Сарка, рмоахалов использовали как рабов, хотя синекожие кочевники редко встречались в городах Запада.

Губы Тонгора крепко сжались. Трое воинов и еще один человек, судя по одежде, какой-то жрец или колдун, мучили беспомощного связанного человека, тыкая в него веткой с горящими углями. Лицо северянина исказилось от отвращения. Он, как и подобало варвару, стойчески воспринимал боль и смерть как естественные условия жизни и придерживался простого кодекса дикаря, требовавшего для врага быстрой смерти. Нездоровые удовольствия от пыток шли вразрез с грубым рыцарством Тонгора.

К тому же связанный пленник был старше своих мучителей. Тонгор не мог не восхищаться тем, с каким величественным и непоколебимым достоин-

ством этот старик сносил муки. С твердо сжатых губ старика не сорвалось ни единого стога. Он не бредил и не молил о пощаде, а терпел страшную боль, с презрением взирая на своих мучителей. У Тонгора вскипела кровь. Рука его так стиснула эфес меча, что побелели костяшки пальцев. Он не смог больше вынести этого зрелища, равно как и не мог просто убраться восвояси.

Тонгор погнал зампфа вперед. Выхватив из-за пояса кинжал, он метнул его прямо и точно — тот полетел в цель, пришивив руку шамана к горящему орудию пыток.

Тонгор и синекожий вождь разговорились, рассказав друг другу о своих злоключениях. И хотя Тонгору не терпелось броситься на поиски воллера, он понимал, что не сможет просто уехать и оставить старика одного. Ведь если его враги вернутся с подкреплением, Джомдат окажется беспомощным. Старый вождь был слишком слаб после пыток, хотя отдых и вино в какой-то мере восстановили его силы.

— Теперь, когда шаман выследил логово старого вандара, я тут больше не смогу оставаться и ждать возвращения моего сына, Шангота, — объяснил старый вождь.

— Но можешь ли ты отправиться куда-то? — усомнился Тонгор. — Когда твой сын вернется с охоты, как он узнает, куда ты уехал? Ведь любое послание, которое ты оставишь, может попасть в руки шамана, если он снова вернется сюда.

Джомдат спокойно улыбнулся.

— Мы предвидели такой оборот, и прежде чем мой сын вчера вечером отправился на охоту, мы договорились, что в случае опасности я передвину наш лагерь на две лиги к югу отсюда, к холмам. Когда мы уйдем, я оставлю на земле тайный знак.

Он покажется бессмысленным любому, кроме Шангота. А моему сыну он расскажет, куда я отправился.

— Тогда, если ты достаточно отдохнул, поехали, — предложил Тонгор.

Старик поднялся, хотя его движения были немного скованны, и быстрее, чем требуется для того, чтобы рассказать об этом, они свернули лагерь и, вдвоем усевшись на зампфа Тонгора, отправились на юг. Но прежде чем они покинули стоянку, Тонгор подобрал отломанный кончик жезла шамана Тэнгри, на котором все еще сверкал и тлел странным внутренним светом сверхъестественный зеленый камень.

— Шаман замахнулся на меня этой штукой, словно это какое-то оружие, — заметил валькар, с любопытством вертя камень. От прикосновения к нему по жилам воина пробегала странная дрожь. И еще Тонгор удивился, увидев, как камень прикреплен к концу жезла из эбенового дерева. По оси кристалла было высверлено тонкое отверстие, и в него вставлялся узкий железный штырь, торчавший с обеих сторон, словно странный нарост, в котором человек нашего века без труда узнал бы нечто родственное электроду.

Вождь рассказал, как прикосновение камня шамана парализовало его. Тонгор запомнил это, а маленький кристалл завернул в тряпицу и засунул в сумку на поясе. Камень с такой магической силой вполне мог пригодиться...

Больше не задерживаясь, отправились они на юг. Солнце уже клонилось к закату. На бескрайние равнины легли вечерние тени. Травы вокруг поредели, стали сухими. Чем дальше путники ехали на юг, тем ближе подъезжали к южному краю степей, где высился страшный черный город Заар, тем мертвее становилась земля, словно все живое

в ужасе и ненависти отступало, не желая приближаться к королевству черных магов, расположившемуся на самом краю земли.

Тонгор и старый вождь пересекли сухой овраг, бывший некогда руслом древней реки, давно пересохшей до самого истока, а может, свернувшей со своего прежнего пути. В воздухе чувствовалась напряженность... словно весь мир ждал чего-то...

Тонгору это не нравилось. Его обостренные чувства варвара подсказывали ему, что где-то здесь затаилась опасность — опасность, которой он не видел, но которую чувствовал. Кожу северянина покалывало, как от прикосновений влажного холодного ветра. Небо стало серым и пасмурным, словно затемненное невидимыми крыльями.

И что это за странный запах? Откуда в порывах ветра этот странный сладковатый привкус? Никогда Тонгор не вдыхал такого дурманящего, всепоглощающего аромата.

Ну конечно, цветы! Зампф семенил по широкому ровному полю странных цветов, подобных которым Тонгор раньше никогда не видел. Большие мясистые лепестки собирались в бутон, из которого торчал длинный стеклянистый отросток. Цветы эти теперь окружали путников со всех сторон, задевая бока зампфа.

Самым странным в цветах был их неестественный цвет. Тонгор никогда раньше не видел и не слышал ни о каких цветах с подобными лепестками — атласно-тускло-серыми...

Их запах поднимался густыми облаками маслянистых испарений, перенасыщенных, сверхсладких, почти всепоглощающих по своей остроте. И под их омертвляющей чувства сладостью таилась то ли мускусная вонь рептилий, то ли миазмы сгнивших мертвых существ... У Тонгора мелькнуло смутное желание ускорить бег зампфа. Что-то подсказало ему, что

из этого отвратительного сада нужно убираться как можно скорее... но зампф не желал бежать быстрее.

Ощущение опасности не давало Тонгору покоя, призрачные голоса старались пробудить его от непонятной летаргии. Валькар не мог этого понять... Наверное, если б он лишь на миг смог закрыть глаза...

Старый вождь, сидевший позади Тонгора, давно дремал, восстанавливая силы. Он пробудился, лишь когда откинувшийся назад северянин едва не сбросил его со спины зампфа. Старик привел Тонгора в чувство. Северянин, едва очнувшись, снова стал засыпать, бормоча что-то о проклятой вони серых цветов...

По нервам старого вождя пробежала дрожь суеверного страха. Он резко выпрямился в седле и отчаянно затряс задремавшего спутника.

— Серые цветы! Тонгор, очнись! Скачи что есть мочи! Мы в смертельной опасности... Мы забрели в сад ужасов!

— О чем... о чем... ты говоришь?

Старик снова затряс северянина.

— Мы забрались во владения адских цветов, которые знахари нашего племени называют Розами Смерти! — хрипло воскликнул он. — Эти цветки испускают наркотические испарения, которые притупляют чувства, затуманивают мозги, погружая в сон, от которого никогда не пробудиться! В сон, который кончается смертью! Ведь когда ты заснешь, усики цветов выкачают всю кровь из твоего тела и оставят от тебя сморщенный остов... Скачи, Тонгор... Скачи!

Но оказалось уже слишком поздно. Валькар завалился набок и выпал из седла на холмике, заросшем адскими цветами.

Ударившись о землю, он растянулся без сознания, погрузившись лицом в серые цветы, но при этом задел что-то скрытое под лепестками. Станный предмет скатился к подножию холмика. Это был длинный ска-

лящийся череп, на котором не осталось ни кусочка плоти. Он замер в пыли, улыбаясь Джомдату, когда тот пьяно закачался в седле и, не переборов головокружения, упал следом за валькаром в мягкие объятия Роз Смерти.

Он упал, но боролся еще несколько минут. Однако легкие его наполнились всепоглощающими сладкими ароматами. Наконец он перестал бороться и замер, лежа лицом вниз, словно мертвый.

Зампф некоторое время постоял, смутно гадая, не заберутся ли всадники обратно на него. Он просеменил к Тонгору и с любопытством ткнулся носом в плечо варвара, вдыхая дурманный запах... А потом принялся щипать серые цветки. Но их вкус зампфу не понравился. Зверь фыркнул и выплюнул лепестки розы, потом побрел прочь в поисках травы позеленее. Скоро он скрылся из виду и, скорее всего, присоединился к своему стаду.

А два воина остались лежать, сраженные отравой, посреди поля цветов.

Вдруг один из цветков шевельнулся. Из гущи лепестков высунулись тонкие, прозрачные трубочки, подергались... задели обнаженный бок Тонгора. Вонзились в плоть и начали... пить.

ГОРОД, ПРОСТОЯВШИЙ ТЫСЯЧУ ВЕКОВ

«Странны и пустынные обширные равнины востока, населенные воспоминаниями минувших эпох. Там высятся сонмы мертвых городов первых королевств Человека... и там, на отягощенной веками, загроможденной развалинами земле, собралось то, что осталось от древней тьмы...»

Великая Книга Шарайты

Зандар Зан был испуган. И еще глубоко встревожен. Чуть ли не с самого начала его планы

пошли наперекосяк сами по себе, а не из-за его недосмотра.

Сначала он потерпел неудачу. Ему не удалось похитить сына Тонгора — Тара, малолетнего принца Патанги. Неожиданное появление Тонгора нарушило его план, вынудило Черного Вора бежать, прихватив в качестве приза только принцессу. Его хозяева в приморском Тсарголе и так не обрадовались бы такой неудаче, пусть даже она была лишь частичной. Но это оказалось лишь началом бед Зандара Зана.

Чуть ли не с первой же минуты его бегства из Патанги — Города Пламени — его преследовал по пятам один военный аэробот. Это тоже не входило в планы вора из Тсаргола. Погоня лишила его возможности отправиться напрямик в город своих хозяев. Вместо этого ему пришлось выбрать другой, более дальний маршрут, отправиться на восток. Там надеялся он замести следы, спрятавшись под густой завесой грозовых туч, оторваться от преследовавшего его аэробота, затеряться среди облаков.

Десять часов мчался он на восток и только на восток, в то время как его превосходное судно поглощало милю за милей. А потом произошла страшная катастрофа — неожиданное столкновение с Черной Горой, и его пленница, саркайя Сумия, погибла жуткой смертью, полетев вниз, в ужасную пропасть, в то время как самому вору удалось перепрыгнуть на скальный карниз, где он и остался лежать оглушенный, весь в синяках, трясущийся, затерянный в сердце Лемурии, безнадежно застрявший почти на самой вершине самой высокой горы в мире.

Только счастливая прихоть судьбы дала ему шанс, какой выпадает лишь раз в жизни. Когда аэробот-преследователь оказался в пределах досягаемости, вор смог кое-как перебраться на него. Сначала, ошеломленный, не вполне понимая, что случилось, он ошибочно принял этот аэробот за тот, на котором приле-

тел сюда из Патанги. Но очень скоро Зандар Зан обнаружил свою ошибку благодаря тому простому факту, что на этом судне сфера направления была цела, тогда как на его воллере разлетелась вдребезги, разбитая пленной принцессой.

Стало быть, он захватил воллер своего неизвестного врага — того, кто безжалостно гнался за ним через пол-Лемурии только для того, чтобы самым таинственным образом исчезнуть. Зандар Зан не знал, что сам Тонгор, муж увезенной им девушки, правил этим воллером, гонясь по пятам за своей похищенной женой... Не догадывался Черный Вор и о том, что, захватив неуправляемый корабль, он поменялся местами с великим сарком Патанги, оставив его на черном мраморном утесе в точно таком же положении, в каком раньше был сам. Не знал он, конечно, и того, что Сумия осталась жива после падения в темную пропасть.

Вор знал лишь одно: он потерпел неудачу.

Сумии у него больше нет. Малолетнего принца Патанги он украсть не сумел. Теперь, если он когда-нибудь и вернется в Тсаргол и столкнется с Йелимом Пелорвисом, Верховным Жрецом Слидита, с Нумадаком Квельмом, представляющим разгромленный и объявленный вне закона культ Ямата — Огненного Бога, — и другими, кто замышлял заманить Тонгора в смертоносную ловушку и завоевать его молодую империю, ему не поздоровится. Зандар Зан не мог добыть то, за чем они его послали!

И теперь ничего нельзя было исправить. Вор Тсаргола, выпутавшийся из тысячи ловушек и опасностей благодаря своему разуму и ловкости, теперь угодил в западню.

Мало того... он к тому же заблудился.

Он летел теперь над страной, которую никогда не видел и о которой никогда раньше не слышал. Огромная бескрайняя степь, где нет ни дороги, ни

моста, ни города, ни лагеря кочевников, ни бивачного костра, простиралась перед ним.

Сфера направления сообщила ему, что он летит на восток. Это странное устройство — изобретение волшебника Шарайты — состояло из стеклянного шара, надежно укрепленного на пульте управления в кабине воллера. В сфере находился подвешенный на тонкой нити металлический маятник. Этот крошечный железный кусочек всегда показывал только на север благодаря какой-то неведомой магической силе. Зандар Зан, конечно, никогда не слышал о магнетизме и не знал, что хитроумное устройство Шарайты было первым в мире компасом.

Как далеко на восток залетел вор?

Сколько лиг пролетел он прошлой ночью? Он проник на территорию дворца в первый час после заката и вскоре после этого захватил принцессу... Столкновение с Горой Гибели произошло как раз перед рассветом, так как очень скоро после подъема на борт второго гравилета Зандар Зан увидел, как солнце всходит на востоке. Значит, по его расчетам, он летел на восток часов этак десять или немного меньше.

Насколько быстро летал этот корабль? Этого Зандар Зан, конечно, не знал... и никто не знал, потому что в то время еще не изобрели способ измерять скорость полета. Невесомые суда Патанги летали, подгоняемые работой пропеллеров, которые вращали гигантские скрученные пружины, протянувшиеся вдоль всего судна от носа к корме. Хотя и трудно оценить силу этих чудовищно огромных пружин или то, насколько они были эффективны, наверняка невесомый колабль таких малых размеров и обтекаемых пропорций мог нестись со скоростью по меньшей мере сто миль в час. Если же все так и было и при этом судно часов десять летело на восток, то тогда Зандар Зан пролетел тысячу миль!

От такой мысли у вора замерло сердце.

О землях к востоку от Ардатских гор не было известно решительно ничего, кроме туманных слухов, древних мифов и лживых выдумок редких путешественников. Не существовало никаких карт этих диких равнин, а единственным населенным людьми городом во всем этом огромном регионе был страшный Заар. Только дурак или сумасшедший мог решиться сунуться к мрачным воротам этого запретного города!

Судя по всему, что знал или когда-либо слышал Зандар Зан, на равнинах Востока жили рмоахалы — свирепые бойцы-кочевники, дикие синекотие великаны, ведущие бесконечные войны друг с другом и пребывавшие в вечной вражде со всеми людьми.

Здесь Зандар Зан определенно не мог найти убежища.

И все же — раз Тсаргол для него закрыт, куда же ему отправиться?

Позволив кораблю бесцельно кружить по яркому полуденному небу, Черный Вор нахмурился. Среди варваров-рмоахалов он не сможет найти безопасного убежища, это уж точно. Не посмеет он и вернуться в Тсаргол, признаться в своей неудаче. Это было бы все равно что вынести самому себе страшный приговор. В Патанге, Турдисе и Шембисе правили Тонгор и его друзья. Там Зандара ожидает лишь быстрая и кровавая смерть.

Но в Лемурии существовали и другие города. Во время бегства из Патанги Зандар Зан пролетел мимо Дарундабара и, возможно, мимо Далаха — самого восточного города, населенного людьми. Во время своих скитаний по городам Запада Зандар Зан ни разу не бывал ни в Далахе, ни в Дарундабаре и мало что знал о правителях этих городов, об обычаях их жителей. Наверное, ему следовало бы повернуть острый как игла нос воллера на запад. «Вор всегда может

заработать себе на жизнь среди людей», — подумал он, усмехнувшись.

Но разве он мог еще что-то придумать?

Еще он подумал о Возашпе — городе, стоящем на берегу Южного моря... Но нет, Возашпа находилась слишком близко к Тсарголу для того, чтобы вор смог почувствовать себя там в полной безопасности. А еще дальше к западу, вдоль Патангского залива, раскалывающего континент Лемурии надвое почти до самого его сердца, стояли богатые города Таракус (там люди торговали красками и резными изумрудами) и Пелорм, где обрабатывали червонное золото и носили голубые тюрбаны. Там же где-то находился Зангабал, откуда привозили розовые жемчужины и медные слитки. В этом таинственном городе жители красили лица в красный и зеленый цвета, сражались украшенными перьями копьями. Но беда в том, что эти города находились между Патангой — Городом Огня и Тсарголом... Слишком близко или к одному, или к другому городу, чтобы Зандар Зан мог когда-нибудь спокойно уснуть там или хоть на миг почувствовать себя в безопасности...

Однако вор должен был приземлиться... и как можно скорее. Зандар Зан устал после бессонной ночи. Его измучили голод и жажда. Но ничто на бескрайних равнинах внизу не вызывало желания спустить корабль. На самом-то деле все увиденное вызывало у него еще большую решимость оставаться в воздухе.

Один раз, вскоре после полудня, он пролетел над большим караваном кочевников, который, извиваясь, полз по равнине подобно бесконечной змее из сверкающей стали. Зрелище было чудесным и пугающим. Сотни огромных трехколесных металлических колесниц, каждая такая же просторная, как удлиненный открытый вагон, великолепно изукрашенные золотом

и сверкающими самоцветами. На этих гигантских повозках ехали женщины и дети. Повозки влекли упряжки зампов.

Рядом с этой цепью громадных колесниц ехал эскорт из двадцати тысяч вооруженных всадников. Эти синекожие великаны в кожаном ремennom снаряжении, усыпанном бесценными самоцветами и пестрящем значками из редких металлов, были живым воплощением варварской пышности. Рмоахалы были ужасны в своей дикой мощи, увенчанные яркими перьями, облаченные в сказочные плащи из бархата. Эти плащи стояли чуть ли не колом от художественной вышивки золотой и серебряной проволокой. Воины держали наготове ужасные копья, достигавшие в длину двадцати пяти футов. Синекожие исполины проезжали под килем воздушного судна верхом на длинношеих быстроногих рептилиях, зовущихся кротерами. Когда Зандар Зан пролетел над ними, воины стали громко выкрикивать угрозы. Эти всадники принадлежали к страшной Задакской Орде, не знавшей никаких союзов, и направлялись они на войну с меньшими ордами Шанг и Тэд, кочевавшими по степи много севернее. Вор замороженно наблюдал это грандиозное зрелище. Воины не спеша проезжали под воллером, громко бросая вызов одинокому страннику небес, потрясая своими огромными копьями, а иной раз и пуская стрелу.

Зандар Зан пролетел прямо над сердцем вытянувшегося на целые мили каравана, над великолепным кортежем великого вождя Зартома Грозного. Сам вождь ехал на огромной колеснице, покрытой блестящим золотом и усыпанной тысячами сверкающих самоцветов, пылающих всеми цветами радуги.

Когда караван Задакской Орды превратился в крошечные фигурки далеко позади, Черный Вор по-

вернул свое судно на юг. Вечерние тени над равнинами становились все длиннее. Скоро наступит ночь. Зандар Зан знал, что должен найти еду, воду и убежище до наступления темноты. Он так хотел есть, что дрожал от слабости, а жажда бушевала в нем, словно неумный пожар, опаляя горло. Язык вора стал сухим, как старый пергамент.

Теперь, хотя он этого и не знал, он пролетал над обширными территориями, на которые притягивали кочевники джегга, воевавшие в настоящее время со своими западными соседями, с кланом Карзана.

Но не город ли это появился там, на горизонте?

Сердце в груди вора так и подпрыгнуло, а сжимавшие штурвал руки задрожали. Наверняка это город! Зандар Зан увидел широкую каменную дорогу, ведущую к его воротам... А потом в сумерках стали ясно различимы величественные хмурые стены. Зандар Зан летел прямо к громадному метрополису из серого камня. Под ним проплыли могучие здания. Тогда вор замедлил скорость воллера и сделал несколько кругов... Он увидел, что если в городе кто-то и жил, то это только дикие звери и змеи. Город лежал в руинах уже столетия, а может, и тысячелетия. Меж его обвалившихся стен и во дворцах без крыш, наверное, уже тысячу лет не бывал ни один человек. Ничто не властвовало и не разгуливало по этим разбитым улицам, кроме Смерти, которая в конце концов побеждает всех царей и все народы...

Но... нет. Люди здесь все-таки обитали!

В сердце мертвого метрополиса находилась та центральная площадь, какую найдешь почти во всех лемурийских городах, — столь же обычная деталь архитектурного стиля, как и окружающие город стены. И на этой большой площади-форуме собралась огромная толпа. Они столпились вокруг погреб-

бального костра... Нет, вокруг двух столбов, торчащих из кучи сухих дров. Теперь уже стемнело, и было трудно что-либо увидеть, за исключением пламени от этих двух костров. Кто это — синекожие великаны-рмоахалы или какое-то затерянное человеческое племя, каким-то образом выжившее в этом уголке Земли?

Вор стал снижаться, чтобы выяснить это.

Шаман Тэнгри бесился от ярости, грызущей его сердце. Он держал Джомдата в своих руках и предал бы вождя мучительной смерти, если бы не выскочил из ниоткуда неизвестный чужеземец, спугавший его планы. Теперь колдун поглаживал свою покалеченную руку, жевал тонкие губы от ненависти. Лев отогнал его от пойманной им добычи, но он, подобно шакалу, дождался своего часа и вернулся к пиршеству.

Теперь шаман ехал во главе дюжины воинов. Бежав от Тонгора, он поспешно вернулся в разрушенный город Альтаар, где разбила лагерь Орда джегга, и там собрал отряд своих сторонников, а потом быстро вернулся к стоянке Джомдата... И обнаружил, что старик скрылся вместе с таинственным незнакомцем, помешавшим шаману попытать старика!

Беглецы усаkali верхом на большом замппе. К счастью, к югу лежали бесплодные земли, и можно было отчетливо проследить трехпалые отпечатки лап замппа даже в меркнувшем вечернем свете. Тэнгри и его подручным повезло, что они скакали на быстрых кротерах, способных передвигаться намного быстрее, чем тяжеловесные замппы.

Колдун боялся лишь того, что они не нагонят беглецов до наступления ночи. Очень скоро большое солнце Лемурии нырнет за горизонт. Мир по-

грузится во тьму, и станет невозможно различать следы. Тэнгри с нетерпением подгонял своего скакуна. Они не должны потерять след. Старый вождь не должен второй раз вырваться из его когтей, так как теперь шаман чувствовал себя настоящим властителем над кланом джегга и знал, что может спокойно на глазах у всех соплеменников унижить и казнить бывшего вождя, еще больше таким образом укрепив свою власть и ликвидировав своего старого врага и единственного соперника!

И вдруг один из разведчиков выкрикнул какое-то предупреждение. Тэнгри подхлестнул своего кротера и легким галопом поскакал вперед, посмотреть, что там такое.

В меркнущих лучах заходящего солнца он увидел Джомдата из племени джегга и неизвестного воина, лежащих в ловушке посреди смертоносного поля серых цветов... В сердце шамана вспыхнула черная радость!

— Хай... Джегга! — воскликнул он. — Розы Смерти поймали нашу дичь! Вперед, на поле, мои воины. Заберем добычу у этих цветочков! — Он залился безобразным кудахтаньем, видимо означавшим смех, но даже сопровождавшие его воины, с колыбели приученные к смерти и ужасу, содрогнулись от сухого звука его смеха. — Ну-ка быстро, пока эти цветочки не высосали их досуха... и задержите дыхание, дураки, чтобы не нанюхаться этих испарений и не уснуть рядом с ними!

Синекожие воины все сделали очень быстро. Еще до наступления ночи шаман и его люди вернулись в мертвый город Альтаар вместе со связанными и бесчувственными Джомдатом и Тонгором... Их вырвали из лап цветов-вампиров, чтобы предать более мучительной смерти на кострах кочевников джегга посреди большой площади Альтаара.

ЧЕРНЫЕ ДРАКОНЫ

Мир широк! Длинна дорога!
Грянем песню нам в подмогу!
Жарок день! Нет туч для нас!
Умирают только раз,
Так зачем дрожать сейчас?

Боевая песня Черных Драконов

Вернувшись в Патангу вооруженный советами старого Шарайты — мудрого волшебника Лемурии, Карм Карвус застал город готовящимся к войне с неизвестным врагом. Посланцы на быстроногих кротерах принесли Алое Знамя в Шембис, и могучий Турдис с легионами прибыл под золотые стены Города Огня. Из кабины своего воллера, проносясь низко над стенами Патанги, Карм Карвус различил флаги старого Баранда Тона, сарка Турана, и молодого Элда Турмиса, сарка Шембиса. Вид столь могучих армий, примчавшихся на защиту столицы сарконата Трех Городов, обрадовал его.

С дерзким мастерством молодой посланник посадил корабль на крышу дворца и стрелой помчался в зал Совета, где застал ожидающих его властителей Трех Городов.

Огромные порталы открылись, и Карм Карвус быстро вошел в громадный зал, мраморные стены которого были увенчаны великолепными гобеленами, изображавшими сцены охоты, эпизоды битв и любовные игры богов.

Облаченный в посеребренные ремни, искрящийся серебряный шлем и широкий голубой плащ, Карм Карвус, даотар Воздушной Гвардии, представлял собой внушительную и энергичную фигуру, когда остановился у одного конца стола, вырвал из ножен свою тсарголийскую рапиру и швырнул ее на стол.

Зазвенел металл. Лицо Карма Карвуса горело от негодования.

— Патантцы! — закричал он. — На нашу принцессу наложил свои подлые руки родной город моих предков Тсаргол! Великий Шарайта, умирая, отходя к своим предкам в заоблачные чертоги Горма, Отца Звезд, заглянул в свой магический кристалл и узнал, что войну затевает Тсаргол.

Все оцепенели. Вожди встревожились, но ни один из них не выказал никаких признаков страха. Прямодушный старый Мэл, барон Тезони, прорычал грубое ругательство. Гибкий, язвительный принц Дру, двоюродный брат Сумии, задумчиво провел тонким пальцем по своим шелковым усам, в то время как другая рука его, дрожа, сжала рукоять меча. Мудрый старый Эодрим, иерарх Храма Девятинадцати Богов, помрачнел, задумался. Он выглядел усталым и печальным, но величественным.

Первым заговорил дородный краснолицый барон Селверус:

— Значит, это война... На Тсаргол! Мы отучим этих трусливых друидов тянуть грязные лапы...

Мужчина средних лет в плаще и шлеме, стоявший лицом к окну, повернулся к собравшимся. Его коротко подстриженную черную бороду пронизывали серебристо-серые нити, но в остальном годы обошлись с ним милостиво. Он по-прежнему держался прямо и с военной выправкой. Это был Зэд Комис, командир «Черных Драконов» — ударного полка закаленных воинов Тонгора.

— Господа, войска Трех Городов готовы выступить в поход хоть сейчас. Если наш враг — Тсаргол, как говорит даотар Карм Карвус, тогда, клянусь всеми богами, давайте обрушимся на него! Вы отдадите мне такой приказ, князь Мэл?

Мужественный старый барон жаждал битвы.

— Да, Зэд Комис... пусть трубы прогремят так, чтобы небо треснуло!

Одобрительный рев перекрыли слова Карма Карвуса.

— Князь Мэл! Подождите!

Мэл моргнул.

— А, малый? Но мы должны выс...

Голос воздушного гвардейца звенел.

— Подумайте, господа, еще немного. Тсаргол расположен во многих милях к югу от нашего города, на самом берегу Южного моря. Для того чтобы перебросить туда войска, потребуется день, а может, и два, даже если все отправятся в путь на быстрых кротерах. Разве я не прав?

Ответил ему все тот же Зэд Комис:

— Да, даотар. Но что мы тут можем поделать, кроме как тотчас же протрубить «в поход» и как можно быстрее отправиться в путь?

Ответ Карма Карвуса оказался неожиданным.

— Мы можем уже через несколько часов быть у стен Тсаргола!

Мэл с недовольным видом потер бороду.

— Да... да. Но... сможем ли мы поднять на воллерах всю армию? Как насчет...

Он собирался спросить, как корабли смогут перевести большие тараны и осадные башни, катапульты и другие тяжелые машины, необходимые для ведения войны... А потом начал смутно понимать то, о чем говорил Карм Карвус... Глаза военачальника засверкали от волнения! Со звоном ступая по мраморным плитам, высокий командир Черных Драконов подошел к даотару Воздушной Гвардии и восторженно хлопнул его по голому плечу.

— Клянусь всеми богами, юный Карвус прав! — рассмеялся он. Сбитый с толку старый Селверус недоуменно моргнул... Отец Эодрим ничего не понимал... Даже принц Дру выглядел озадаченным.

Зэд Комис ухмыльнулся по-тигриному, оскалив мелкие зубы.

— Господа... мы по-прежнему мыслим категориями той войны, какую знали и вели раньше! Но наш повелитель Тонгор изменил положение вещей, когда год назад использовал летучие корабли для осады Патанги. Неужели вы еще не поняли, о чем говорит Карм Карвус?

У Мэла вид был по-прежнему задумчивый. Остальные пожали плечами, пока еще не понимая, в чем дело. Командир Черных Драконов снова рассмеялся.

— Да вы только посмотрите, господа, ведь теперь в нашем распоряжении есть оружие, которое навсегда сделает устаревшими те тяжелые военные машины, какие применяли наши отцы. Зачем перемещать людей по суше, скакать на кротерах, когда Воздушная Гвардия может за два-три часа перебросить их к заданной цели! Зачем нагружать тихоходных замфов едой и припасами для долгого похода, когда ни еды, ни припасов, ни замфов не понадобится? Зачем вообще обременять войска всеми этими массивными атрибутами — осадными машинами, таранами?

На это отозвался лишь принц Дру:

— Я полагал, что такие инструменты должны помочь нам пробиться через стены вражеского города... Я что, не прав?

— В общем, да, милостивый принц, — рассмеялся Зэд Комис. — Но зачем нам нужно пробивать бреши в стенах Тсаргола... когда Воздушная Гвардия может перелететь через эти стены?

Вот тут-то все военачальники поняли, что имеет в виду Зэд Комис. Глаза у них расширились от восторга, от недоверчивой радости.

Зэд Комис повернулся к Карму Карвусу.

— Может ли даотар Воздушной Гвардии сказать нам, сколько воинов способен перевезти его флот? — решительно спросил он.

Карм Карвус кивнул.

— Наш флот может перевезти двадцать тысяч воинов и их оружие, — ответил он.

Услышав это, Мэл задумался.

— То есть, — медленно проговорил он, тщательно обдумывая каждое слово, — Воздушная Гвардия может принять на борт всех Черных Драконов вместе с ротой патангских лучников, и еще останется место для дворцовой гвардии и войск, подошедших из северных городов вместе с Элдом Турмисом и Барандом Тоном. Но тогда останутся вне игры пятнадцать тысяч всадников...

— Которые могут остаться охранять Патангу от вероломного нападения! — подытожил Зэд Комис.

Мэл встал, затянул малиновый плащ вокруг массивной талии.

— Тогда пусть трубы трубят, Зэд Комис. Грузите Драконов на воллеры... Я только надеюсь, Карм Карвус, что сила урилиума способна поднять в небо толстого старого Селверуса и меня... Мне не хотелось бы прибыть в Тсаргол и обнаружить, что город уже завоеван, а моему топору не осталось работы!

И тогда заревели трубы!

Многие века стены Патанги не видывали более красочного зрелища, чем отбытие воздушной армии, которая отправилась в поход уже через час. Паря с неземным величием, могучие корабли сверкали на солнце, поднимаясь над зелеными полями и пологими холмами в утреннем небе. Флот направлялся на юг.

На носу и в кабине каждого судна колыхались на ветру длинные знамена — на голубом фоне золотое полотнище Патанги с угловатым Черным Ястребом валькаров. Тут же развевалось знамя великого Турдиса — алый дракон на черном — и серебряно-зеленое знамя Шембиса.

За штурвалом каждого судна сидел один из Гвардейцев Карма Карвуса, одетых в просторные голубые плащи. И еще на каждом корабле было множество воинов — Черные Драконы в угольно-черных черных плащах, с ужасными драконьими гребнями на шлемах, прославленные патангские лучники в одеждах, вышитых золотом, с большими боевыми луками наготове и полными колчанами стрел, и войска Трех Городов — все воины опытные ветераны.

В авангарде флота летели три быстрых корабля с Элдом Турмисом из Шембиса, Барандом Тоном из Турдиса, баронами Селверусом и Мэлем, принцем Дру, юным Кармом Карвусом и его другом Зедом Комисом. Под ними лига за лигой проносилась лесистая Птарта. А тем временем Карм Карвус тихим голосом рассказал своим спутникам все, что узнал от великого волшебника Лемурии.

— Если старый Шарайта прав... а я не знаю ни одного случая, чтобы старый маг ошибся... то этот вор, которого отрядили тсарголийцы, украл Сумию, но потерпел неудачу. Значит, ни Тонгора, ни Сумии в Тсарголе нет, так? — спросил Мэль.

— Да, — кивнул Карм Карвус. — Поэтому у нас, барон, нет никаких причин останавливаться, не разобрав Тсаргол до самого основания... Если бы саркайю держали там в плену, то теарголийцы смогли бы шантажировать нас.

— Мне непонятно, что имел в виду этот волшебник, говоря, что саркон и принцесса находятся на востоке, — с волнением сказал Мэл. — Не нравится мне это... Там, на востоке, страна рмо-ахалов, а с таким народом опасно связываться... но в первую очередь самое важное, так? Поэтому сначала мы сравняем с землей Тсаргол, а уж потом станем беспокоиться, как найти Тонгора и его жену...

Словно громадная гряда серебряных облаков воздушный флот Трех Городов пронесся над лесом и исчез на юге, где у Южного Моря высились мрачные стены Тсаргола.

Хайяш Тор спланировал все правильно. Рассыпавшиеся по безлюдным землям Птарты разведчики молниеносно известили его о приближении воздушной армады с помощью системы сверкающих зеркал, и прежде чем воздушный флот Патанги одолел половину расстояния до Тсаргола, армия Хайяша уже вышла на равнину. Он проехал перед войсками на белоснежном зампе, сверкая позолоченной кольчугой. Алые перья колыхались на его шлеме. Это был час его торжества, и он упивался им. Некогда он был даотарконом Турдиса, верховным главнокомандующим объединенных войск безумного сарка Фала Турида. Когда-то Хайяш Тор стоял во главе самой могучей армии, какая когда-либо собиралась в Лемурии. И шла она на войну с Патангой... и тогда всего лишь один летучий корабль поверг в прах всю его славу. Тогда Тонгор одержал победу над его армией, его сарком и над ним самим.

Сегодня же он напишет славное продолжение того мрачного дня! Сегодня гордость Патанги будет разбита в пух и прах, и имя Хайяша Тора прогремит на весь мир. Он знал это...

Арзанг Паума пребывал в раздражительном и безрадостном настроении. Этот приземистый, похожий на жабу человек жевал душистые засахаренные фрукты, двигаясь в пышной свите Хайяша Тора. Он терпеть не мог никакой активной деятельности, ненавидел верховную езду и испытывал полное отвращение к войне. Кроме того, он не понимал, с какой стати им ехать прямо в пасть дракону.

Если Тонгор на одном корабле разгромил войско Турдиса в битве, стоившей маленькому Арзангу Паума его трона, то каким образом Хайяш Тор надеялся одолеть тысячу этих проклятых боевых судов? Хайяш Тор не ответил, когда Арзанг Паума раздраженно спросил его об этом. Он лишь холодно улыбнулся, на свой волчий лад, и посоветовал проявить терпение... Арзанг Паума вздохнул и порылся в шкатулке в поисках новых сладостей. Он считал, что сегодняшней день закончится катастрофой, как закончился и тот, другой день, там, под гигантскими стенами Патанги.

Нумадак Квельм был молчалив, насторожен, бдителен. Холодные глаза последнего Желтого Архидруида глядели в сторону Хайяша Тора, горя злобой. Нумадак Квельм видел, как Тонгор принес гибель его господину — Веспасу Птолу, который некогда носил эти одежды как иерарх Ямата, Огненного бога. Он видел, как могучий валькар уничтожил культ Ямата, выгнал его жрецов, словно бездомных бродяг... и Нумадак Квельм знал, что сегодня он увидит конец этой повести и сегодня решится, выживет ли культ, последним архидруидом которого он был... или погибнет. Священник гадал, а не был ли Хайяш Тор просто высокомерным, напыщенным, чересчур самоуверенным дураком... или, быть может, у него есть какой-то тайный план, при помощи которого он и в самом деле мог бы нанести поражение летающей армии?

Элим Пелорвис ехал в янтарном паланкине, и мысли его витали далеко. С тех самых пор, как Тонгор из валькаров вырвался с великой арены Тсаргола, на которой его приговорили умереть, и убил Другунду Тала — последнего сарка Тсаргола, — подняв таким образом Йелима Пелорвиса к высотам власти... с тех самых пор мечтал Йелим о смерти валькара. Не из-за убийства Другунды

Тала (это-то ерунда), но Тонгор умыкнул его священный Звездный Камень из Башни Змей с женскими головами, где тот хранился тысячу лет... и за это немыслимое преступление Йелим Пелорвис поклялся убить валькара на алтаре Слидита. Он будет долго мучить северянина, чтобы тот искупил свое святотатство. Но внимание Йелима отвлеклось. Его узкие глаза закатились.... Его костлявая рука скользнула в усыпанную драгоценностями шкатулку и поднесла к ноздрям щепотку зеленоватого порошка. В занавешенном паланкине воцарился головокружительный аромат нотлая, Цветка Грез, и повелитель Красных Друидов почувствовал, как его душа поднимается через искрящееся царство сонной магии, уносимая на крыльях наркотической пыли...

Хайяш Тор остановил войска и развернул легионы в форме колоссального ятагана из сверкающего металла, выгнутого на север. Стены Тсаргола остались у них за спиной. Меньше чем через час могучий флот в тысячу аэроботов покажется на горизонте... Вот тогда-то он и ударит!

Он быстро оглянулся на огромных зампов, запряженных в массивные деревянные повозки. Друиды разгружали с этих деревянных телег таинственные шары из хрупкого черного стекла. Из обоза, в соответствии с тщательно разработанными планами, подтянули огромные катапульты. В чашки гигантских катапульт стали осторожно укладывать стеклянные шары. Хайяш Тор молча рассмеялся, вспоминая.

Два года назад в Турдисе он видел, как старый мудрый Оолим Фон испытывал свое новое изобретение, и слушал, как хитрый старый алхимик объяснял, как можно уничтожить магические силы урилиума.

«Известно лишь одно вещество, которое может разрушить силу волшебного металла, — объяснил

дрожащим голосом старый алхимик. — От соприкосновения с этим веществом летучее судно часов десять не сможет подняться. Оно будет лежать, придавленное тяжелым весом, на лоне земли...»

Хайяш Тор по-волчьи оскалился. Он прятал эти полезные сведения до тех пор, пока не сможет воспользоваться ими. Но время настало! Тот редкий минерал, о котором говорил ему старый Оолим Фон, теперь в виде порошка был заключен в шары из хрупкого стекла. Когда воздушная армада Патанги окажется над ними, он подаст сигнал, и в небо полетят стеклянные бомбы. Они разобьются о корпус воздушных судов...

Полководец снова оскалился.

Ему не терпелось насладиться этим зрелищем.

КРЕПОСТЬ КОЛДОВСТВА

«...А далеко на востоке по-прежнему нерушимо вздымались черные стены Заара — Города Магов, где свершались мрачные обряды во имя Третьего Повелителя Хаоса — Тамунгазота, Властелина Магии. Здесь за долгие века, со времени падения Немедии и первых королевств Человека, Черные Маги собирали темные знания, дожидаясь своего часа, чтобы нанести удар...»

Лемурийские Летописи

Постепенно принцесса Сумия полностью пришла в себя, словно после наркотического транса, вызванного какими-то магическими флюидами. Сначала она не могла никак понять, как очутилась в этом странном месте. В самом деле, рассудок ее был чист, как пергаментный свиток, на котором пока еще ничего не написали или с которого стерли написанное. Она была с Шанготом-кочевником... они возвращались к стану Джомдата из племени джегга, его отца... когда...

Но нет. Сначала она никак не могла вспомнить того, что случилось. Они сбились с пути, не так ли? Смутно... очень смутно вспоминала она странную башню из черного стекла, поднимавшуюся, словно рука из эбенового дерева, держащая в черных когтях огромный кристалл, который сверкал, блистал и притягивал к себе...

Наконец Сумия вспомнила все... и в отчаянии огляделась!

Она стояла в темной палате с высоким сводом, в почти крошечной тьме. Ее привязали к колонне из черного стекла, которая, казалось, вырастала из стекловидного пола, словно темный обсидиановый сталагмит. Или... нет, она не была связана. Руки у нее оставались свободными и нескованными. Просто принцесса не могла оторвать их от колонны. Ладони были прижаты к шероховатому холодному стеклу, и сколько Сумия ни старалась, ей не удавалось вырваться из захвата магической силы... не больше чем удалось бы железным опилкам освободиться от мощного магнита. Достаточно странно, но действовала эта сила только на ладони Сумии. Ее стройное тело не прилипало к колонне.

Помещение казалось пещерой, образовавшейся естественным путем, а не благодаря человеческому труду. Пол был неровным. По краям помещения он поднимался, переходя в стены, а сами стены наклонялись, выгибались, словно ячейки сот, а не ровные плоскости. Что же касается сводчатого потолка, то Сумия не разглядела там особых подробностей, так как свод залы терялся в темноте.

В центре помещения на черном стеклянном полу светился пылающий круг. Он сверкал холодным зеленым огнем, словно фосфоресцирующие глаза крупных кошек, горя на черном фоне. В круге стоял белый трон из древнего дерева, сплошь покрытый резьбой грубых иероглифов какого-то неве-

домого древнего языка. Рядом с этим креслом находился пьедестал или аналой из того же потемневшего от возраста дерева, а на нем лежала раскрытая массивная книга, словно приготовленная для какого-то обряда или службы. Листы этой книги, казалось, были не бумажными и даже не пергаментными, а металлическими... сделанными из тонкого листового металла какого-то зеленовато-серебряного сплава, о каком Сумия никогда не слышала и какого никогда не видела. И на этих металлических листах были выгравированы сложные символы... странные узоры, начертанные алым, эбеново-черным, серно-желтым и индиговым цветами. Эти цветные узоры переливались, отбрасывая вокруг огромной книги мерцающий спектр света. Сам воздух возле нее пульсировал вибрацией какой-то неведомой силы, заключенной в таинственных символах. Хотя Сумия этого и не знала, перед ней находилась «Сардатмазар» — Книга Власти.

Исходивший из фосфоресцирующего круга свет становился все ярче. В его сверхъестественных отсветах Сумия вдруг увидела Шангота. Синекожий великан стоял, скованный той же невидимой силой, что удерживала и ее, хотя находился он в другом конце помещения. Он стоял уронив голову на могучую грудь, но был в сознании, хотя Сумии сначала показалось, что он без сознания. Как только принцесса зашевелилась, кочевник поднял голову и заговорил.

— Смелей! — спокойно подбодрил он женщину.

Сумия кивнула и через силу улыбнулась, хотя на сердце ее было тяжело. Она попыталась сообразить, как повел бы себя Тонгор при таких мрачных обстоятельствах. Наверное, он сказал бы: «Я еще жив, а пока живу — надеюсь».

Неожиданно в круге зеленого света возник человек.

Мгновение назад его там не было. Не видела Сумия и того, как входил он в помещение. У женщины похолодело в груди при мысли о сверхъестественном способе, с помощью которого он появился из разреженного воздуха. Словно сама темнота свернулась, сгущаясь в плотное облако, преобразуясь в очень высокого человека, закутанного в необычную одежду. Незнакомец стоял, насмешливо глядя на принцессу. Его глазки поблескивали на бледном лице, словно маленькие льдинки. Потом он уселся на трон и заговорил. Звук его голоса словно нож рассек ткань самообладания принцессы.

— Приветствую принцессу Сумию, дочь Дома Чонда, саркаю Патанги и Трех Городов! И принца Шангота, сына Джомдата — вождя кочевников племени джегга. Давно уж мой бастион не приветствовал в своих стенах гостей столь высокородных и знатных!

Шангот ответил за них обоих.

— Радужный хозяин редко связывает гостей, словно диких зверей, — бросил он с достоинством.

Хозяин замка рассмеялся:

— Связывает, говоришь? Не вижу никаких пут или цепей! Ты можешь двигаться, если хочешь, кочевник... Или ты предпочитаешь не двигаться, а? Тогда не жалуйся на мое гостеприимство.

Сумия гордо подняла голову и не дрогнув взглянула прямо в глаза незнакомцу.

— Ты знаешь, что мы скованы магией. Нужно ли еще насмехаться над нами? В моей стране с пленными обращаются лучше!

Незнакомец спокойно улыбнулся, откидываясь на спинку кресла. Свет стал ярче, пульсируя. Исходя от раскрытого гримуара на аналое, он раскрасил черты незнакомца в кресле цветными огнями.

— А! Твоя страна. Да... мы в последнее время очень заинтересовались вашей страной на западе. Мы должны поговорить об этом... Но полно, радужному хозяину негоже так поступать. Я же не представился!

— Сделай одолжение, — равнодушно сказала Сумия. — Мне хотелось бы знать, кому я обязана за столь «любезный» прием.

Незнакомец слегка поклонился, но с кресла не встал.

— Меня зовут Адаманкус, маг из города Заара и один из членов его Совета. Я — Хранитель Северных Границ, и из этого бастиона, как с заставы, я слежу за землями, по которым кочуют орды беспокойных рмоахалов... Иной раз ко мне заходят гости, такие, как вы...

— Спасибо. Я запомню твоё имя, — ответила Сумия. Волшебник поднял брови в притворном удивлении.

— В самом деле? Ну, к этому мы вернемся позже, сударыня. Мы говорили о вашем королевстве Патанга... О, да, это название последнее время часто всплывало на Совете девяти Архиматов. Мы становимся все более... э, озабоченными тем, что происходит в вашей западной стороне. Фактически мы недовольны последним оборотом событий. Я говорю об этом выскочке-авантюристе, Тонгоре из клана валькаров, женой которого, как я понимаю, вы и являетесь.

Сумия лишь едва заметно вздрогнула.

— Тонгор? Какое вам дело до него?

Маг пожал плечами.

— Дела нам до него действительно мало или совсем нет... пока. Но грядет время, когда нам придется... э... чуть-чуть вмешаться в дела его растущей маленькой империи, пока она не стала для нас не просто небольшим неудобством. Фактически и так

наши планы относительно племен, живущих на западе, пошли наперекосяк из-за этого авантюриста и его маленькой империи. О, да... Что-то придется предпринять... — Колдун умолк, задумчиво глядя перед собой, положив подбородок на сжатый кулак. На пальцах его сверкали талисманы-самоцветы и заговоренные кольца.

Озадаченная Сумия рискнула спросить, какие именно планы сорвал Тонгор. Колдун мрачно нахмурился, поджав губы.

— Этот неотесанный варвар впервые привлек наше внимание не более восемнадцати месяцев назад. Наши могущественные повелители и наставники в Черных Науках, страшные Наргасаркайя, которых вы, жители Запада, зовете «Царями-Драконами». Миллионы лет до сотворения Флондата Первородного и пришествия Людей правили они Землей. Цари-Драконы строят великие планы, а этот выскочка-северянин сорвал их грандиозный замысел открыть Портал в запределье, через который Владыки Хаоса, которым мы служим и поклоняемся вместе с Наргасаркайя, могли бы появиться в материальном мире. Из-за вмешательства твоего мужа труд тысячи веков остался незавершенным, а тавматургическая сила Царей-Драконов погибла...

У Сумии закружилась голова от такого откровения! Цари-Драконы — долгоживущая раса змееподобных существ — господствовала на Земле в век пресмыкающихся. Их сломили первые Человеческие королевства. Силы Царей-Драконов истощились во время Тысячелетней войны, люди перебили их. Лишь немногие из злобных повелителей сумели улизнуть. Чудовища бежали к внутреннему морю Неол-Шендис. Они прятались в гористом сердце континента, отдыхали там долгие века, накапливая силы. Холодные мозги рептилий измышляли зло:

вызвать на Землю ужасных Черных Богов Хаоса, выброшенных Девятнадцатью Богами за пределы звезд в высший миг творения. Тонгор прервал последний Ритуал Вызывания, так как самый могущественный маг этого века — Шарайта — призвал его на помощь, чтобы сорвать замысел Королей-Драконов. Но узнать теперь, спустя два года после этого события, что Цари-Драконы вскормили и заразили людей своим кощунственным поклонением ультракосмическому Злу, — вот в чем заключалось фантастическое откровение! Прежде чем Сумия сумела понять все значение таких сведений, Адаманкус опять заговорил:

— И потом, прежде чем мы, дети и ученики Царей-Драконов, начали постигать масштабы этой губительной неудачи, составлять собственные планы возвращения Темных Богов, этот же варвар нанес еще один страшный удар нашему делу. Это произошло на Западе, в той части мира, которой мы мало интересовались, считая, что она находится во власти наших братьев из черных культов Огнебога и Повелителя Крови. Одному из самых могущественных членов нашего ордена, магу из Совета Девяти, к которому принадлежу и я, дали власть над западной частью нашего континента.

— Что... это был... за человек? — запинаясь, спросила Сумия.

— На Западе он звался Талаба Разрушитель, здесь же мы знаем его под другим именем, но это не имеет значения.

Сумия снова была потрясена. Талаба Разрушитель!

Она отлично помнила это страшное, вампирообразное отталкивающее существо, чье темное искусство поработило мозг Фала Турида, сводя его с ума нашептываниями на ухо, искушениями, разжигавшими огонь в его сердце, до тех пор пока тот не

загорелся жадной властью, безумным честолюбивым стремлением завоевать и разорить все города Запада, сплавив их в единую воинственную империю. Сам он хотел стал Повелителем Запада.

У Сумии кровь стыла в жилах от одного воспоминания о твари в черном плаще, чье имя вселяло страх и ужас в воинов Турдиса. Именно Талаба подталкивал обезумевшего от наркотиков сарка к осаде Патанги... И теперь принцесса начала понимать, как попала Патанга под власть Желтых Друидов, захвативших королевство и вынудивших Сумию отправиться в изгнание. На первый взгляд это могло показаться странным... Ведь Желтые Друиды состояли в союзе с черным городом Зааром, а Талаба, разоблаченный теперь как один из владык Заара, направлял Фала Турида как свою марионетку, чтобы он воевал с друидами. Теперь-то она поняла, что друиды вышли за пределы рамок, установленных им планом Заара для Запада, попытавшись даже оспаривать первенство самого Заара!

«Выходит, — размышляла она, — те, чьи души извращены поклонением злу, разлагаются во всех отношениях. Они могут предать даже своих собратьев по Темному Ремеслу...»

Но попытка Талабы поглотить и перемолотить Патангу потерпела провал. Турдис был поглощен и сломлен, когда Тонгор напал, одним махом разбившись и с Друидами и с Талабой из Заара! Неудивительно, что Черные маги Востока так сильно желали отомстить мужу Сумии!

Но все же это была поразительная новость... Так значит, Талаба Разрушитель обладал большей властью, чем казалось. Фактически он был тайным посланником Заара — Черного Города магов, стоявшего за полмира от Турдиса! Удивительная новость... Но вот колдун Адаманкус заговорил вновь,

размышляя вслух, словно забыл о присутствии пленников.

— Итак, твой Тонгор вмешался и расстроил все наши планы... Владыка Талаба был убит, когда Тонгор сорвал осаду Патанги. Совет Девяти стал Советом Восьми, и один столп нашей силы оказался безвозвратно утрачен. Мы стали слабее...

Волшебник поднял голову и уставился горящими глазами на скованную и беспомощную девушку — бледную фигурку на фоне шершавого черного столпа, к которому приковали ее колдовские путы.

— Но это еще не все. С тех пор Тонгор не покладая рук трудился на Западе, искореняя в Патанге культ Повелителя Пламени. Он изгнал наших братьев в дикие леса. А теперь я опасаясь, что наши братья из культа Повелителя Крови своим плохо спланированным похищением вашей царственной особы развязали войну между Тсарголом и Патангой... Это заставит воинственного варваравалькара обрушиться на них с мечом и огнем, спалить все их королевство, если они не умней, чем я их считаю... Они повели себя как дураки, не посоветовавшись с нами, своими старшими братьями! Я боюсь, что они очень дорого заплатят за свою ошибку!

Сумия затаила дыхание и побледнела.

— Война? — со страхом пробормотала она. — Война между Патангой и Тсарголом?

— Да, — кивнул волшебник, и голос его прозвучал мрачно. — Думаю, сейчас ваш воздушный флот уже летит навстречу Хайяшу Тору, заготовившему секретное оружие... Но давай-ка посмотрим сами.

Колдун встал, высокий и тощий. Он вытащил из стоявшего за его креслом черного металлического стола странный инструмент. Тот представлял из себя несколько искрящихся металлических сфер и спи-

ралей серебристой проволоки, подвешенных на одном конце длинного посоха из меди. Сферы и спирали стягивали кольца из какого-то неведомого черного вещества, которое Сумия с первого взгляда не узнала. Адаманкус сделал что-то с рукоятью этого магического аппарата, и в полых сферах, где между электродами были хитро вставлены нити странной закрученной проволоки, вспыхнул электрический огонь.

Адаманкус направил металлический посох на противоположную стену помещения и громко произнес фразу на каком-то резком, ужасном языке, которого Сумия никогда не слышала. Это был не тот язык, который годился для уст людей. Слова колдуна прозвенели в сводчатом помещении как раскаты металлического грома. Блестящий обсидиановый пол задрожал в такт ужасным словам, слетающим с уст чародея.

Противоположная стена помещения растаяла!

Перед Сумией пронеслась вереница смазанных образов. Она недоверчиво приоткрыла рот, а потом ахнула. С уст Шангота сорвалось ругательство. Могучий синекожий воин воззвал голосом, полным страдания, к своим богам, потрясенный волшебством. Холодный, насмешливый голос Адаманкуса заглушил их крики.

— Не бойтесь, дорогие мои гости. Не бойтесь! Это всего лишь иллюзия... Простой трюк света, который сжимает расстояние, приближая то, что происходит вдали... Но смотрите... смотрите...

Теперь крутящиеся образы сфокусировались, хотя никаких цветов по-прежнему не было. Изображение было черно-белым, что делало его нереальным. Звук тоже отсутствовал... Движущаяся картинка из света и тени выглядела такой странной. Сумия сначала не могла разобрать образы и понять, что же ей показывают.

Но она быстро сориентировалась. Впечатление складывалось такое, словно стена испарилась и они смотрели с какой-то невероятной высоты на изрезанное лицо Земли. Вот там, в верховье Залива, находилась Патанга — крошечное скопление миниатюрных строений, окруженное толстой стеной... Потом взгляд ее скользнул над лугами, холмами и лесами к Тсарголу, расположенному на побережье. Магическое изображение было удивительным! Точка, с которой они взирали на мир, должно быть, находилась в тысяче лиг над землей. Как иначе они сразу могли видеть такой большой кусок континента? И все же изображение получилось яснее и четче, чем в реальности, если бы Сумия на самом деле находилась в тысячи лиг над землей.

На полпути между городами, над великими лесами Птарты величественно плыл громадный флот воздушных судов — сверкающие воллеры, ряд за рядом, украшенные развевающимися знаменами и ошетилившиеся копьями воинов. Они летели с невероятной скоростью и в полном безмолвии, словно летучая армия теней-призраков.

— Это... это и в самом деле происходит в эту самую минуту за полконтинента отсюда? — удивилась Сумия. Черный маг кивнул, а потом щелкнул каким-то прибором управления на конце металлического посоха. Электрические огни в хрустальных сферах погасли... В тот же миг видение пропало, словно его и не было. Сумия почувствовала, как от напряжения и волнения громко стучит ее сердце. Война! А она здесь, вдали от родины. А Тонгор... Где он находится сейчас? И с каким таким «секретным оружием» столкнутся воздушные корабли Трех Королевств?

Видение пропало так же неожиданно, как и возникло... растаяло в призрачно-сером свете, снова

погрузив зал во мрак. Адаманкус выключил магический инструмент и убрал его в стол.

— Мы не станем дожидаться битвы. Пусть непобедимый флот Города Огня столкнется с оружием, приготовленным Хайяшем Тором, — насмешливо проговорил чародей. — Я же, как хозяин, не смею нарушать священные законы гостеприимства, подвергая своих гостей столь страшному испытанию. Нет, у нас есть дело поважнее.

Шангот глухо зарычал. На его могучих плечах вздулись мускулы. Из всех сил боролся он с магическими путами. А Сумия не дрогнула и не испугалась угрозы, прозвучавшей в голосе Адаманкуса. Она лишь гордо выпрямилась, как королева, и наградила колдуна холодным, презрительным взглядом.

— У нас с тобой нет никаких дел, колдун. Я приказываю тебе освободить нас и отпустить.

Волшебник улыбнулся. Его взгляд стал задумчивым.

— Мне приходит в голову, что я мог бы отменно отомстить этому самому Тонгору... — сказал он, размышляя вслух. Он окинул Сумию оценивающим взглядом.

— Если ты хоть одной рукой тронешь принцессу, гнусный чародей, то тебе лучше сначала убить меня, — прорычал Шангот. — Клянусь вечными Богами Неба, я оторву тебе руку и раздавлю твое сердце.

Адаманкус, казалось, не слышал слов синекжего гиганта. Он рассуждал вслух...

— Если я сумею похитить из тела принцессы душу и разум и поместить на их место какого-нибудь Духа, призванного из полночных глубин и поклявшегося служить мне... А потом я отпущу красавицу. Пусть воссоединится со своим любимым варваром... Вот позабавимся...

Отчаяние ледяной стрелой пронзило сердце Сумии... Она поняла: маг не шутит.

ЗНАК БОГОВ

Ветвь анчара, хвост буряка,
Сок цикуты, семя мака,
Сердце взять Единорога
На рассвете близ дороги,
Все смешать под пенье руны.
Все смешать на полнолуние...

Песня шамана

Полная луна ярко сверкала в небесах над Лемурией.

Ее золотистые лучи заливали сверхъестественным светом жутковатые развалины Альтаара. Тут тысячи лет назад жил могучий народ самого древнего государства Земли. А теперь величественные дворцы и древние храмы перешли во владение к мрачным дикарям, людям без прошлого, к грубому народу, среди которого преобладала жестокость.

На полуразрушенной площади древнего города кочевники племени джегга приготовились сжечь заживо Тонгора и своего бывшего вождя Джомдата. Уже установили колья — почерневшие столбы из крепкого дерева арлд, обугленный вид которых свидетельствовал, сколь часто их раньше использовали для той же мрачной цели. Вокруг этих кольев навалили большие груды сухого хвороста. Воины-кочевники приковали к этим столбам своего изгнанного вождя и приведенного вместе с ним странного чужеземца. Тонгор увидел, что цепи, сковавшие его, из железа. Сердце его упало, хотя это никак не отразилось на его невозмутимом лице. Если уж он и должен умереть, то может, по крайней мере, показать этим воинам, как способен умереть северянин. Он решил, что не издаст ни единого звука.

«Наверное, было б куда вернее и спокойней пасть жертвой цветов-вампиров», — подумал он. В

объятиях наркотических ароматов цветов он и старый вождь погружались бы все глубже и глубже в одурманивающий сон, от которого не было бы пробуждения, но также и боли. Однако что толку размышлять о том, с чем уже ничего нельзя поделать? Мстительный шаман гнался за ними по пятам, спасая от смертоносных цветков только для того, чтобы предать другой смерти, приковав к столбам посреди площади. Тонгор твердо решил умереть, не доставив кочевникам удовольствия поиздеваться над ним. Они не увидят, как сильный воин ломается под бичом страха.

Тонгор следил за толпой. Он наблюдал за ней все время с тех пор, как медленно пришел в сознание, очнувшись от чар навевавших сон цветов. Валькар выслушал речь, которую шаман произнес перед собравшимися на площади, запугивая их колдовскими силами и убеждая, что воля Небесных Богов в том, чтобы принести в жертву изгнанного, объявленного вне закона бывшего вождя вместе с иноземцем чужой расы и неизвестного происхождения, пытавшегося увезти его. Ни Джомдату, ни Тонгору, конечно же, не разрешили выступить в свою защиту. Хитрый шаман настолько взвинтил кочевников, играя на их суеверных страхах, что убедил, вопреки их нежеланию нарушить клановые законы, предать смерти своего вождя, жизнь которого должна бы быть для них священной. Выступление Тэнгри оказалось шедевром дьявольского красноречия. В этот раз он победил.

Через несколько мгновений дикари-рмоахалы поднесут горящие факелы к кучам хвороста, и начнутся страшные муки. Однако некое шестое чувство подсказало Тонгору, что положение шамана в племени не такое прочное, как тот считал, так как в сердцах многих воинов еще остались

следы былой преданности. Северянин разглядел на лицах некоторых воинов стыд, нерешительное нежелание и даже легкое восхищение безупречной смелостью и благородством, проявленными в этот час Джомдатом. Во время длинной речи шамана изгнанный вождь ни разу не дернулся и не дрогнул. Он стоял, прямой и высокий, с отчеканенным на лице холодным презрением, железной гордостью, непоколебимый и неустрашимый даже в пасти смерти. Тонгор чувствовал, что многие из присутствующих с удовольствием освободили бы Джомдату и приковали бы на его место обезумевшего от ненависти шамана.

И одновременно валькар поддерживал в своей груди искорку надежды. Скрывающийся за неподвижной маской угрюмого лица разум усиленно работал, пытаясь хоть что-то придумать. Кандалы предназначались для запястий великанов-рмоахалов... а эти рмоахалы возвышались над Тонгором словно башни. Их запястья в обхвате были побольше, чем запястья валькара!

Может, ему удастся вырвать руки из оков?

Только не сейчас, когда злорадные взгляды тысячи вооруженных воинов следили за каждым его движением, надеясь увидеть, как он начнет извиваться от страха и нестерпимой боли...

Но нельзя ли как-то отвлечь их внимание?

Возможно. Если же нет, ну... тогда Отец Горм примет у своего очага дух еще одного валькара, когда Девы Войны перенесут по небесам в Зал Героев душу Тонгора.

Время ожидания истекало. Шаман Тэнгри больше уже не взывал к духам смерти. Он подошел к двум почерневшим от огня кольям, к которым были прикованы Джомдат и северянин, высоко подняв в искалеченной кинжалом руке пламенеющий факел. Злорадное удовольствие на губах кол-

дуна вызвало отвращение у Тонгора. Уж если суждено умереть, то лучше погибнуть от холодной стали, чем долго умирать, словно пойманное в западню животное.

На виду у всего племени шаман поднял факел, помахал им Одиннадцати Сторонам и Семи Ветрам и полпалил хворост.

...Но тут раздались крики.

— Знак! Знак! Небесные Боги наслали на нас гибель за то, что мы посмели поднять руку на священного вождя!

Тонгор зашевелился. Он поднял голову и увидел в небесах знакомые очертания... Он тоже вскрикнул от удивления при виде этого «небесного знамения»!

Похоже, что Отец Горм пока еще не готов принять его дух гостем в Зале Героев. Северянин улыбнулся. Теперь никто на заполненной народом площади не смотрел на него (все уставились на изумительное чудо в небесах); валькар с усилием вырвал руки из чересчур больших оков. Ему с трудом удалось это сделать, и Тонгор оставил на железе несколько кусочков своей кожи. «Это, — подумал он, — невеликая цена в уплату за свободу». Снова Тонгор поднял голову и пристально посмотрел на воллер, спускавшийся в город с черных ночных небес.

Поблескивающий серебром корпус машины проплыл над площадью. Воллер медленно описывал круги. Зандар Зан из кабины присматривался к открывшейся ему внизу сцене. Какое-то странное стечение обстоятельств заставило смертельного врага Тонгора прибыть в город синекожих людей. Валькар не мог этого понять, но ирония судьбы сделал врага Тонгора его чудесным спасителем.

Неожиданное появление воллера повергло толпу рмоахалов в панику. Они тут же истолковали

появление летающей машины, как знак богов, говорящий о том, что вождя Джомдата надо пощадить. Два десятка мускулистых воинов-кочевников бросились освобождать старого вождя. Тэнгри завопил, пытаясь успокоить толпу, запугать присутствующих, но его бесцеремонно оттолкнули в сторону. Тогда его подручные бросились ему на выручку. В свете разгорающегося костра сверкнула сталь. Началась битва. Тонгору здесь делать было нечего.

С кормовых поручней воллера все еще свисал абордажный крюк, служивший кораблю якорем. Тонгор помнил, что причалил судно, зацепившись абордажным крюком за скалу. Когда Черный Вор перепрыгнул на борт пустого судна, он так и не потрудился втащить якорь. И теперь, когда воллер закружился, снизившись, над площадью, Тонгор напряжился и прыгнул. В прыжок этот он вложил все свои силы, потому что валькар знал, что у него будет только один шанс, — корабль уже снова стал подниматься над площадью. Стальные мускулы ног ударили в землю, словно скрученные пружины, с ужасной силой подбросили северянина в воздух.

Вытянутая рука Тонгора задела абордажный крюк... едва не соскользнула... и вцепилась железной хваткой.

Острый нос летучего корабля рассекал холодный воздух. Судно круто поднималось вверх. Воллер поднялся высоко над площадью и исчез в ночи вместе с болтающимся на конце каната воином-валькаром.

А внизу на площади подручных шамана обезоружили и связали. Джомдат, теперь уже свободный, стоял посреди огромной толпы воинов, которые вновь приветствовали его как вождя и повелителя племени. Они становились перед стариком на коле-

ни, предлагая свои мечи. В этой сцене было свое варварское величие: гордый старый вождь в сверкающих ремнях, окруженный распевающими, стоящими на коленях воинами с колышавшимися султанами перьев. Мечи воинов были подняты, а оранжевый свет горящих костров отбрасывал дикий, колеблющийся свет на мраморные фасады разрушенных дворцов, обступивших усыпанную обломками площадь. Джомдат гордо принял клятвы кочевников, а когда они спросили у него, какой конец будет ждать связанного шамана, на его бесстрастном лице появилась улыбка. Он улыбнулся Тэнгри, который бешено боролся, хотя его удерживало не менее дюжины воинов, словно какого-то загнанного свирепого зверя. Изможденное лицо-череп шамана исказила нечеловеческая ярость. На губах пузырилась пена, а взгляд метался по сторонам. Глаза сверкали, словно у дикой кошки.

— Будь я таким же жестоким, как он, я бы предал этого колдуна-дьяволопоклонника огню, привязав вон к тому колу, на мое место. Пусть бы он пострадал от мучений, которые приготовил мне. Но это наказание я приберегу, если он когда-нибудь вздумает снова появиться в Орде... Я осужу его точно так, как он осудил меня и моего сына! — И подозревав одного молодого воина, бывшего в свите Шангота и по-прежнему оставшегося верным принцу, старый вождь приказал: — Джу-грим! Возьми два десятка воинов и препроводи шамана и тех, кто решит последовать за ним, пешими в дикую степь. Пусть идут куда хотят, пусть живут как сумеют и не возвращаются к нам под страхом смерти!

Пока старый вождь слушал громкие крики одобрения, воины исполнили его приказание. За один час шаман Тэнгри пал с горных высот триумфа и власти, был вытолкан в ночную степь, чтобы

страдать там от одиночества и проклинать судьбу, на которую сам же обрек старого вождя.

Тонгор словно маятник раскачивался на конце каната. Ветер завывал вокруг него в холодной темноте ночи, словно баньши. Золотистая луна скрыла свой лик за завесой клочковатых облаков, и ночь погрузилась в черную как смоль темноту.

Воллер с бешеной скоростью неся сквозь ночь. Руины Альтаара пропали в темноте позади, и теперь круто поднимающийся аэробот летел в нескольких тысячах футов, а то и больше, над ровной степью. Он направлялся на юг, хотя Тонгор и не мог этого определить. Зандар Зан решил, что ему не найти ни отдыха, ни припасов, ни безопасного прибежища в мертвом городе, где сражались и убивали друг друга дикари.

Холодный ветер хлестал голое тело Тонгора, пока тот беспомощно раскачивался в воздухе на конце причального троса. Нестриженная грива волос развевалась у него за плечами, словно потрепанное боевое знамя. Огромный малиновый плащ свисал с его широких плеч, словно крылья гигантского нетопыря. Но вот, медленно перебирая руками, варвар начал медленно подниматься вверх по канату. Меч у него отобрали, когда шаман Тэнгри захватил его в плен на поле цветов смерти, и теперь валькар оказался безоружен. Однако он не сомневался, что победит Черного Вора, пусть даже голыми руками, и сбросит его на землю...

Воллер чуть качнулся. Тонгор бесшумно перелез через поручни и вылез на кормовую палубу. Но Зандар Зан этого не заметил. Он сидел в кресле пилота, сгорбившись над управлением, вглядываясь в ночь. Он не знал, что невольно принял на борт

пассажира, пока не услышал у себя за спиной негромкий смешок. Вор Тсаргола резко обернулся... и увидел жуткий призрак — Тонгора, стоящего в низких дверях кабины. Могучий бронзовый воин, облаченный лишь в черные ремни, пригнулся, словно готовясь к прыжку. Валькар метил вцепиться в горло вора.

Перед тем как броситься на врага, повелитель Патанги рассмеялся хриплым смехом, глухим и гортанным. На иссеченном шрамами загорелом лице северянина пылали странные золотистые глаза, похожие на глаза какого-то ночного зверя. Тонгор шагнул в кабину.

Но Зандар Зан двигался с быстротой разящей змеи. Одна рука в черной перчатке метнулась под плащ и появилась вновь, сжимая длинный, тонкий кинжал. Это было оружие наемного убийцы, да притом такое, которым Зандар Зан владел мастерски. Тонгор остановился, увидел сверкающую тонкую стальную иглу. Теперь настал черед вора посмеяться. У валькара ведь не было никакого оружия.

Или нет?

Когда могучие руки Тонгора беспомощно стали шарить в поисках хоть какого-то оружия, пальцы задели засунутый в сумку на поясе объемный предмет. Валькар вспомнил про страшный магический самоцвет, которым шаман Тэнгри угрожал ему в лагере Джомдата.

И тогда Тонгор с быстротой молнии нанес удар. Зандар Зан обладал скоростью и ловкостью наемного убийцы, но Тонгор двигался чуть быстрее. Странный камень сверкнул, пролетев через раскачивающуюся кабину. Он ударил вора в плечо прежде, чем тот успел метнуть нож. Когда камень коснулся его тела, из него вылетела огромная искра зелено-золотого электрического огня!

Сталь зазвенела о сталь, когда кинжал выпал из безжизненных рук Зандара Зана. Прикосновение зеленого кристалла парализовало его от кончиков пальцев до плеча вспышкой электрического тока. Тонгор бросился вперед.

Но в тот самый миг аэробот подхватило порывом ветра. От этого рывка воллер зарылся носом. Тонгор отлетел к стене. А Зандар Зан, сжимая свою парализованную руку здоровой, рванулся мимо Тонгора на палубу.

Вор струсил. Его охватила паника. Этот дурацкий рывок оказался для него роковым. Ветер снова подхватил воллер. Палуба тошнотворно закачалась. Зандар Зан потерял равновесие, ударился о низкие поручни коленями и со страшным криком полетел в черную тьму навстречу быстрой, милостивой смерти.

Так погиб Вор Тсаргола.

Тонгор же, не теряя времени, взялся за рычаги управления аэробота, поднимая его выше, где было поспокойнее. Валькар и не думал о мертвом воре. Для Тонгора смерть стала давним спутником, и единственное, что он сделал, проводив Зандара Зана, — пожал плечами.

И тут начался кошмар.

Светящиеся пары стали вползать в кабину. Волосы у Тонгора встали дыбом. Безмолвно наблюдал он, как нечто чудовищное появляется в кабине у него за спиной... Светящийся призрак превратился в высокого величественного старца со странно знакомым бородатым лицом. Неожиданно Тонгор выругался.

— Шарайта! Дружище... это ты? — воскликнул валькар.

Призрачная фигура кивнула.

— Ты живой... или ты привидение, явившееся из холодных чертогов мертвых?

Хотя губы призрака не шевелились, он заговорил сверхъестественным шепотом:

— Смерть уже почти забрала меня, Тонгор! Однако пока я еще удерживаюсь в этом мире. Я отделил свой Свет Тела от смертной плоти, чтобы отыскать тебя здесь, вдали. Лети быстрее, мой друг-воин в том же самом направлении, что летишь сейчас. Твоя принцесса находится в смертельной опасности... В опасности более ужасной, чем просто смерть! Черный Маг Заара сковал ее в верхнем зале своей башни. Он хочет вызвать демона стихии и вселить его в ее тело... Спеши же, друг мой. Спаси ее, и да будет с тобой благословение бессмертных богов!

Бестелесный шепчущий голос стих. Призрачная фигура старого чародея подняла посох в прощальном жесте... а потом растаяла, превратившись в бесформенные пары. Тонгор моргнул, и... призрак пропал, словно его и не было вовсе. Так значит, смерть явилась наконец за старым волшебником. Однажды Шарайта спас Тонгора от смерти в пасти дракона джунглей. Потом они много сражались бок о бок, стремясь уничтожить последних Царей-Драконов... Великий волшебник Лемурии при помощи своей мудрости и магических знаний отдалял свою смерть сколько мог. Но теперь даже его потрясающие знания не могли защитить его от теней. Смерть пришла к великому Шарайте, как в конце концов приходит ко всем людям.

Но сейчас у Тонгора не было времени скорбеть о кончине старого друга. Сумии грозила опасность, и Тонгор согнулся над штурвалом, выжимая из воллера всю скорость, на которую тот был способен. Машина мчалась сквозь дождливую ночь словно стальная стрела. Угрюмый взгляд валькара обшаривал лежащую впереди темную землю в поисках черной башни, где находилась в заточении его принцесса. Ведь она была беспомощной в лапах колдуна, стремящегося похитить ее душу и пере-

дать ее юное тело во владение ужасному демону из бездонных глубин ада.

Сверкающий аэробот рассекал грозовые небеса древней Лемурии, оставляя в ночи искрящийся след, словно падающая звезда.

Успеет ли Тонгор вовремя?

Сможет ли он победить колдуна?

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАКЛИНАНИЕ

О Маг, не вызывай ты Демонов из Бездны...
Ибо тогда они тебя ж и разорвут.

Алая Эдда

Адаманкус без задержки приступил к мрачному ритуалу. Сначала жезлом Власти он начертал светящийся круг, замкнувший в кольцо колонну, к которой приковали беспомощную Сумию невидимые узы. Другим таким же кольцом он окружил Шангота. Эти защитные круги из фосфоресцирующего пламени оградят его пленников от когтей Демона Стихий. Когда он появится в этом мире, его ярость будет столь велика, что только защитные круги и могут спасти смертных. Поэтому точно такой же круг охватил и трон колдуна, и аналой. Если б Адаманкус высунулся за пределы круга, то никакая сила в мире не смогла бы защитить его от ярости Демона Стихий.

И лишь когда демон присягнет ему и поклянется служить вовеки, Тонгор разорвет круг, защищающий Сумию. Демон Стихий сможет войти, захватить ее тело и пожрать ее душу. А потом Адаманкус отпустит одержимую дьяволом принцессу, чтобы та смогла вернуться к Тонгору. Варвар и не заподозрит, что в прекрасном теле его жены обитает уже не

чистая, юная душа, а черная тварь, извлеченная с самого дна Бездны. А уж потом, когда принцесса станет его послушной марионеткой, Черный Маг использует ее как оружие и навлечет страшную гибель на Тонгора и на его растущую молодую империю, на всех беспомощных жителей Запада. Адаманкус улыбнулся при мысли об этом и начал свои вызывающие суеверный страх приготовления...

Установив защитные круги, он разжег на невысоком алтаре из черного изумруда Адское пламя. Странное малиновое пламя тлело в нескольких дюймах над поверхностью вещества, похожего на самоцвет, не подпитываемое никаким горючим материалом. Его похожие на ятаганы языки расплавленного алого цвета извивались и плясали с гипнотической, змеиной грацией, приковывая к себе взгляды Шангота и Сумии. Адаманкус не торопился. Если не держать под постоянным контролем пятиугольники Силы, то всепожирающее пламя может с легкостью вырваться и, прежде чем вернуться в свою подземную обитель, поглотить его заколдованную крепость до последнего атома.

Теперь колдун был готов начать последний ритуал. Вооружившись мощными талисманами, сделанными из редчайшей желтой меди и драгоценного азита, магического металла Лемурии, на котором были выгравированы страшные руны Древнейшей Мудрости, чародей начал читать заклятие. Он раскрыл перед собой на широком аналое неразрушимые металлические листы «Сардатмазара» — книги Власти. Они пульсировали вибрирующими энергиями, а начертанные светящимися чернилами сложные колдовские символы отбрасывали опаловый свет, озаряли бледное сильное лицо мага, склонившегося над огромной книгой.

Чародей нараспев произнес несколько имен на странном языке магов, для разговоров на котором

не годились человеческие уста. Сотрясающая землю сила этих имен прозвенела в сводчатой черной зале, встряхнув башню до самого основания.

Потом волшебник стал нараспев читать заклятия на простом языке, известном и Шанготу-кочевнику, и Сумии из Патанги, — единственном универсальном языке всех людей того далекого века. Страшные Силы, вызванные Адаманкусом, заставили дымный, освещенный пламенем воздух заклубиться от потоков силы.

— Клянусь Рекой Огня и Рекой Крови! Се Час Сассур, Девятый час ночи, и Луна находится в своем Двенадцатом Доме, в Доме Азарфы, там, где властвует Смышленный Абдизуил! И Луна сидит в Зодиакальном Доме Льва, где властвует Смышленный Верчиил! А теперь Великим Именем Шамайна Неба Луны и Именем Аркана Смышленного, который до сего дня властвует над духами воздуха, я вызываю тебя! Приди, во имя Сверхъестественных сил Абдидуила, Верчиила, Шаймана и Аркона...

Громовой призыв поднялся, сотрясая помещение конвульсиями Силы... и прямо на глазах у Шангота и принцессы из пустого воздуха начал материализовываться дымчатый призрак!

Похожий на спирали и завитки зеленого пара, он вился на фоне темноты. В тусклом воздухе поплыли щупальца изумрудного тумана. По-змеиному извивающиеся конечности, отражавшие свет и блестящие чешуйчатым полумесяцем света, сверкали, словно кольца какого-нибудь огромного свернувшегося змея. Адаманкус запел заклинание громче. Призрак стал приобретать материальность и подобие формы... Он походил на мифическую гидру со множеством рук вместо множества голов или на какого-нибудь злобного Кракена с огромной глубиной. Он был немисливо огромен, его змеевидные кольца поднимались к сводчатому потолку...

Самым же ужасным в облике этой твари было то, что у нее не было лица... ничего, кроме смазанного пятна тумана на том месте, где полагалось быть лицу или морде. И в этом тумане горели два глаза, напоминающие светящиеся диски нефритово-зеленого огня, висящие в туманной пустоте...

Маг закончил и порывисто воздел руки в черном экстазе поклонения, откинув голову назад, неотрывно глядя на свернувшуюся кольцами тварь...

И тут словно весь мир взорвался!

Произошло так много всего и так быстро! События громоздились одно на другое, так что Сумия, ослепленная и полузагипнотизированная Адским Пламенем и холодными глазами адской твари, едва могла осознать последовательность событий.

С громовым лязгом, словно от столкновения двух миров, одна из стен зала разлетелась вдребезги, рассыпалась осколками черного стекла. Башня содрогнулась от удара, закачалась на своем каменном фундаменте, когда сверкающий нос аэробота Тонгора прорвался сквозь разбитую стену и воллер влетел в зал.

Адаманкус громко закричал, попытался увернуться от падающих камней... Сделав это, он переступил через круг фосфоресцирующего света, охранявшего его от жуткой твари из Запределья.

Холодные нефритовые глаза чудовища неожиданно вспыхнули алым огнем от нестерпимого голода. Руки, состоящие из паров дыма, лениво развернулись, вытянулись и сомкнулись вокруг чародея...

Сквозь сжимавшие его призрачные кольца Сумия разглядела белое лицо, разинутый в безмолвном крике рот, пустые глаза — осколки ледяного ада, находящегося за пределами человеческой выносливости. Защитные талисманы, висевшие на колдуне, разом вспыхнули, искря Силой, а потом зашипели и погасли в крепких объятиях адской твари.

Произошел бесшумный взрыв малинового света.

Пламя, горевшее на алтаре из черного изумруда, полыхнуло, взметнувшись к потолку, высвободившись из-под власти колдуна. Извивающиеся языки огня принялись жадно пожирать алтарь. Они расползлись по полу, подпалив трон-кресло и аналой, на котором лежала великая магическая книга. Адское пламя горело, беззвучно поглощая все, к чему прикасалось, не давая ни жара, ни дыма.

Так как чары были развеяны, тварь из дыма отступила в свой странный полумир, унося с собой тело Адаманкуса, которое начало уменьшаться, тая самым странным образом, так что и рассказать-то толком нельзя, а потом и вовсе пропало, так же как и вызванный им из глубин бездны Демон Стихий.

Сумия бессильно осела, рухнула у основания столба черного стекла. Сковывающие невидимые цепи лопнули в тот же миг, как маг попал в когти дьявольского чудовища. Шангот тоже освободился. Он шагнул прочь от столба, уворачиваясь от языков пламени.

Тонгор спрыгнул с носа аэробота, подхватил стройную фигурку Сумии. Он стал неистово целовать жену, прижав ее к своей широкой груди. Шелковые ресницы Сумии затрепетали, румянец залил ее щеки и побледневшие было губы. Очнувшись, она оказалась стиснутой в грубых объятиях человека, которого любила.

— Мой воин!.. — выдохнула она. Губы ее горели от поцелуев Тонгора.

— Моя принцесса! — тихо ответил он.

К ним подошел Шангот, и Тонгор отвел взгляд от Сумии. Поддерживая ее одной рукой за узкую талию, он протянул другую руку и крепко сжал плечо синекжему великану.

— Я знаю, ты — Шангот, сын Джомдата, — усмехнувшись, проговорил валькар.

Кочевник кивнул.

— А ты — великий воин, Тонгор с Запада, — ответил рмоахал.

Тонгор кивнул.

— Пошли. Мое судно ждет. Я отвезу тебя к твоему царственному отцу, который снова встал во главе своего народа и ожидает тебя в мертвом городе Альтааре. Он снова вождь, а вашего врага — шамана — свергли.

— Рад слышать это, Тонгор. Я ничуть не сомневаюсь, что именно ты помог спастись ему от врагов и восстановить свое законное положение. Не знаю, чем смогу тебе отплатить. Но я кладу свой топор к твоим ногам.

Тонгор усмехнулся и хлопнул по плечу синекжего воина.

— Все твои долги, воин, оплачены, и втройне. Я, в свою очередь, ничуть не сомневаюсь, что твоя сильная рука до этого часа ограждала мою принцессу от множества опасностей! Но пошли... Нам надо подняться на борт воллера и улететь отсюда, а то и нас сожрет магическое пламя.

Через несколько минут корабль, покинув черную башню, поднялся в небо. Малиновое пламя уже охватило почти всю крепость Адаманкуса, от фундамента до крыши. Стеклобашня горела, словно громадный факел, освещая местность на много миль вокруг. А потом крепость колдуна рухнула, рассыпавшись в пыль, опавшую на землю колдовским дождем.

Пламя поглощало эту пыль прямо на лету.

Большая золотистая луна первозданной Лемурии появилась из-за рваных туч и осветила мягким светом великие степи Востока.

Корабль быстро и бесшумно устремился на север. Словно огромная серебряная стрела помчался он к разрушенному городу Альтаару, где Джомдат, по-

велитель кочевников джегга ждал, готов был приветствовать своего сына-принца и вознаградить героического иноземца, спасшего их обоих от страшной смерти.

ЧЕРНЫЕ ДРАКОНЫ ПОБЕЖДАЮТ

Грянем песню боевую!
Знамя с Ястребом — вздымай!
Строй не дрогнет ни в какую.
Он — железная стена.
Мы стоим, а враг — не может,
Падает за рядом ряд,
А усталость нас не гложет,
Пусть же трубы загремят!

Боевая песня Черных Драконов

— Катапульти, пли!

Команда Хайяша Тора прозвенела громко и четко, разорвав вечернюю тишину. Черное небо над его армией неожиданно сверкало сверкающими аэроботами. Их было так много, что, казалось, они заполнили небо от горизонта до горизонта. Они величественно летели к высоким каменным стенам Тсаргола.

Словно какое-то мифическое животное с тысячей рук, катапульти метнули ввысь большие хрупкие шары из тонкого стекла, уже лежавшие в чашах. Сферы прочертили в воздухе дуги и разбились о корпуса могучей армады.

Лопаясь, каждый кристаллический шар выпускал мерцающее облачко пыли, настолько тонкой и мелкой, что ее частички долго плавали в воздухе, словно кольца дыма, обвиваясь вокруг каждого летающего судна.

Из какого редкого минерала намолотили этот порошок, не знал никто, кроме Хайяша Тора. Но об-

лачка пыли испускали странное серебряное свечение, словно туман, подсвеченный солнцем.

Воины Патанги с любопытством поглядывали через поручни аэроботов, замечая это странное явление. В какой-то миг фосфоресцирующие пылинки заблестали очень ярко. Пыль стала собираться под килими воллеров, и вскоре флот плыл по колдовскому морю жидкого огня.

А в следующее мгновение светящиеся облачка пыли пропали. Серебристые урилиумные корпуса воздушного флота поглотили переливающуюся пыль, как сухая губка впитывает воду.

Карм Кармус с флагмана разглядывал флот Патанги. Он не мог объяснить таинственного явления. Откуда взялась загадочная пыль? Но он ощущал неясное беспокойство. Что-то... какое-то призрачное предчувствие... В этих облачках пыли таилась какая-то опасность... Но какая?

Ответ пришел через несколько мгновений.

Флагман замедлил ход. Он, казалось, больше не реагировал на повороты руля. Его нос поник и судно стало быстро снижаться. Один из пилотов Карма Карвуса безуспешно пытался бороться с управлением. Потом он поднял лицо и печально посмотрел на принца Тсаргола.

— Мы стремительно снижаемся, даотар! Похоже, подъемная сила урилиума почему-то уменьшается.

— Уменьшается? — беспокойно пробормотал барон Мэл. — Как такое может быть?

Элд Турмис, сарк Шембиса, показал через окно кабины на соседний с ними корабль.

— Смотрите!

Они проследили взглядами за его указующим перстом и, пораженные, увидели, что блистающий серебром отлив урилиумного корпуса потемнел. Полированный до зеркального блеска магический металл стал матовым!

Принц Дру мрачно поджал губы.

— Господа, похоже, нам в конце концов все-таки придется сражаться на земле! Тсарголийский военачальник знает какую-то неизвестную нам тайну, касающуюся производства магического невесомого металла. Каким-то непонятным образом светящаяся пыль, которую он швырнул в наш флот, аннулировала подъемную силу наших воллеров.

Дородный старый Селверус едко выругался, равно как и Баранд Тан, сарк Турдиса. Но Зэд Комис, командир Черных Драконов, не стал терять драгоценного времени. Он поднял висевший у него на бедре большой боевой рог и затрубил в него. Резкий зов рога рассек вечерний воздух, заставляя воинов собраться и держаться наготове.

— Черные Драконы... Вперед!

Когда воллеры опустили ниже вершушек деревьев, воины из полка Черных Драконов перемахнули через поручни своих кораблей, прыгнули на землю. Тут же они повскакивали, держа наготове свои страшные длинные копья. Войска Тсаргола бросились на врагов, но Драконы пронзили первые ряды врагов своими копьями и учинили страшную бойню в первые же несколько мгновений битвы. Вскоре, однако, подтянулись пешие части, окружая Драконов, отрезая их от основных сил Патанги. И тогда загремели сигнальные трубы Хайяша Тора. Быстроногие кротеры понесли в бой ударных бойцов Тсаргола против пеших и малочисленных Черных Драконов.

Но патангские лучники все еще находились на снижавшихся судах. По команде своего даотара, принца Дру, они натянули свои страшные луки и нацелили их в приближающихся всадников. Они осыпали кавалерию Тсаргола смертоносным дождем стрел. Через несколько секунд ряды нападавших

пришли в смятение. Возник хаос, в котором смешались встающие на дыбы кротеры, разбегающиеся люди, раненые и умирающие...

И тогда, перекрывая шум, прозвенел решительный голос Элда Турмиса:

— Мои воины... вперед! Прорубим себе дорогу к Черным Драконам.

Битва разыгралась в полную силу. Прошло всего несколько минут, и воины Патанги, Шембиса и Турдиса подоспели на помощь Черным Драконам. Клины черных воинов глубоко врезался в массу тсарголийских солдат, по-прежнему осыпаемых стрелами лучников, которые остались в тылу на воллерах, чтобы полностью использовать преимущество высоты.

Но корабли быстро снижались. Некоторые суда и вовсе теряли управление, врезаясь в деревья, что повыше. Других случайные порывы ветра уносили прочь от основного флота, спуская на землю среди врагов. О тех доблестных воинах, что угодили в гущу неприятеля, можно лишь сказать, что бились они храбро до последнего, стоя спиной к спине, навалив вокруг себя горы убитых врагов.

Наступила ночь. Даже Хайяш Тор сообразил, что его воинам в такой тьме не отличить друзей от врагов. Вскоре его трубачи сыграли сигнал к отступлению. Его армия стала отходить и перестраиваться. Два войска разошлись. К тому времени уже весь гигантский флот Патанги осел на землю. Воздушная армия лишилась своего преимущества. Теперь им придется сражаться в пешем строю, а их противники имели кавалерию. Часть всадников ехала на кротерах, часть на зампах. Требовалось что-то сделать и быстро, чтобы уравновесить это преимущество.

Большая часть флота осела на землю на пригорке. Зэд Комис, оглядевшись, быстро оценил положение, собрал войска Трех Городов и занял гре-

бень невысокого холма. Таким образом, его воины получили небольшое преимущество. Врагам придется атаковать их, поднимаясь вверх по склону. Они не смогут разогнаться, чтобы смять ряды союзников. В то же время, находясь на вершине холма, воины Патанги могли обороняться, разя сверху наступающие орды. Карм Карвус отдал приказ передней шеренге воинов сцепить щиты и ни в коем случае не пропускать врагов на вершину холма.

Воины приготовились и ждали нападения.

Коварный даотаркон Тсаргола напал очень скоро. Вместо того чтобы бросать воинов на стену щитов, он пустил вперед больших боевых замфов, погнал их вверх по склону на патангцев. Визжа, обезумевшие от стрел и ударов копий гигантские звери прорвали строй Черных Драконов в дюжине мест, растоптав множество храбрых воинов.

Потом в эти проломы в стене щитов хлынули воины Тсаргола, и вскоре всякие остатки строя исчезли. К тому времени большая золотистая луна Лемурии ярко сияла на ясном небе. Теперь отлично было видно, кто друг, а кто враг. Однако даже храброму Зеду Комису казалось, что армия Патанги проигрывает.

Тем не менее союзники отчаянно сражались. Каждый в глубине своего сердца твердо решил скорее пасть, сражаясь до последнего, чем уступить проклятым друидам Бога Крови, и, сдавшись, умереть на страшных алтарях.

Карм Карвус видел своих товарищей лишь мельком. Он сражался при лунном свете. Краем глаза он видел, как неистовый Мэл распевает какую-то варварскую боевую песню, укладывая вокруг себя врагов могучими ударами двадцатифутового бронзового молота. Старый барон, хоть и дородный и запыхавшийся, сметал врагов ударами молота, словно те были игрушками. Он исчез из поля зрения Карма

Карвуса, но тот знал, что барон по-прежнему неистово молотит врагов.

Принц Дру, больше ничем не напоминавший ленивого щеголеватого придворного, фланировавшего от игорного стола к будуару с ироничной шуткой или изящным стишком на устах, сражался с холодной свирепостью тигра, исторгая проклятия всякий раз, как его смертоносная рапира, сверкающая как игла, пронзала горло, руку или незащищенную грудь врага. Ленивый принц показал свое умение фехтовальщика. Когда Карм Карвус мельком увидел его, на острие рапиры отважного воина было разом наколото три тсарголийца.

Других дворян Карм Карвус не видел, хотя и догадывался, что Элд Турмис, окруженный толпой верных ему воинов, по-прежнему удерживает вершину... А где-то ниже по склону Зэд Комис и старший барон Селверус собрали в большой кулак Черных Драконов и повели их через строй врагов на выручку отряду лучников, оказавшемуся неподалеку от лесной опушки. У лучников не было мечей, и они оказались беспомощными перед ордой врагов. Зэд Комис спас стрелков от верной смерти. Он отвлек врага, дав лучникам время залезть на деревья. Оттуда — с выгодной высоты — они открыли огонь по врагу.

Много времени прошло, прежде чем враг отступил. Зэд Комис присоединился к Карму Карвусу. Оба воина слишком устали, чтобы воспользоваться представившимся шансом, погнаться за отступающим врагом. Они решили передохнуть. Карм Карвус организовал воинов и отправил небольшой отряд на поиски воды и вина на воллеры, чтобы напоить раненых. Потом они стали ждать, пока Хайяш Тор перестроит свои ряды и снова их атакует.

Вновь и вновь устремлялись воины Тсаргола на холм, и каждый раз их отбрасывали назад. Но все

меньше и меньше оставалось воинов Патанги. Правая рука Карма Карвуса так устала, что почти онемела. Он потерял всякое представление об общей картине боя... Битва стала для него не более чем шумным кошмаром, в котором перед ним то и дело всплывали воюющие, потные и пыльные лица, которые требовалось рубить. И лица других воинов, спешащих встать на место павших.

А потом весь мир, казалось, сошел с ума.

Неожиданно все задрала головы, уставившись на восток. Карм Карвус увидел, как покраснело небо на востоке, и только тогда понял, что сражался всю долгую ночь напролет. Но что с того?.. Отчего все воины пялятся на небо, разинув рты?

Потом его затуманенный взор прояснился. Его сердце всколыхнулось от прилива надежды. С востока к полю битвы летел одинокий воллер.

Он резко снизился над сражавшимися и на мгновение завис над центром тсарголийского воинства, там, где скопились вражеские командиры. С палубы этого воллера вниз посыпались чудовищные синекожие воины-великаны, достигавшие девяти футов роста. Они были вооружены ужасными бронзовыми топорами.

Этот отряд словно смертоносная стрела ударил в сердце вражеского войска. Хайяш Тор глядел на небо разинув рот, когда рядом с ним приземлился принц кочевников Шангот. Принц племени джегга усмехнулся. На его гигантских плечах вздулись мускулы. Огромный боевой топор просвистел, рассекая воздух, и голова Хайяша Тора запрыгала под ногами его воинов, извергая потоки крови.

Джугрим и Чунджа, а также другие воины племени джегга из свиты принца сопровождали его в этом полете. Они напали на удивленных врагов Патанги. Дюжина знатных даотаров тсарголийского войска, парализованные ужасом при появлении этих

индиговых великанов, погибли в первые же несколько мгновений. Большие бронзовые топоры гигантов вздымались и опускались, и снова вздымались...

Похожий на жабу Арзанг Паума, бывший сарк Шембиса, упал, сброшенный скакуном. Его зампф обезумел от страшного нового запаха великанов-рмоахалов. Бывший сарк взвизгнул раз, когда могучая трехпалая лапа вставшего на дыбы зампфа опустилась ему на голову... и больше маленький сарк не издал ни звука.

Рмоахалы проложили кровавую тропу сквозь штаб полководцев Тсаргола, а потом появился сам Тонгор. В его руках был меч. Когда он перемахнул через поручни, усталые воины Патанги, Шембиса и Турдиса издали громовой, сотрясающий землю победный крик:

— Ура... Тонгор! Тонгор!

Нумадак Квельм, фанатичный молодой жрец Ямата, был сброшен со своего скакуна могучей рукой Тонгора. Он умер, когда меч валькара пронзил его сердце.

За какие-то несколько секунд центр тсарголийского воинства превратился в беспорядочный хаос бегущих и умирающих воинов. Большие бронзовые топоры рмоахалов, по весу равные взрослому человеку, обрушились на них, рассекая стальные латы, щиты и шлемы, словно те были из бумаги. Отменный удар Шангота, друга Тонгора, свалил разом трех тсарголийских воинов и перерубил шест, к которому было прикреплено боевое знамя Тсаргола.

От этого, как и от зрелища смерти своих вождей, воинство Тсаргола окончательно пало духом.

Именно это и требовалось Карму Карвусу и Зэду Комису. Воины Патанги атаковали строй тсарголийских воинов. Они помчались вниз с холма. При виде Тонгора усталость покинула их, словно они всю ночь спали, а не сражались. Черные Драконы стали рас-

певать боевую песню. Они черными молниями врезались в строй врагов. Их окровавленные мечи вздымались, падали и снова вздымались. Если раньше они сражались как воины, то теперь они превратились в берсеркеров. Они стали дьяволами. Ни плоть, ни сталь не могли устоять под их напором.

Тсаргольский строй сломался в тысяче мест. Тонгор и дюжина гигантских воинов-рмоахалов смели армию врага. В то время как бойцы из Патанги, Шембиса и Турдиса громили неприятеля по всему фронту. Враги бежали. Тысячи тсарголийских воинов побросали оружие, стараясь как можно дальше убраться с поля боя, скрыться от Черных Драконов, от сверкающих топоров синих великанов и алого от крови врагов меча Тонгора Непобедимого.

Но далеко они не ушли. Патангские лучники обложили гребень холма и засыпали врагов градом смертоносных стрел.

Так пал Тсаргол и были спасены страны Запада.

«...И поднял Тонгор руку и сломал железные стены Тсаргола-у-моря, искоренил во всей той стране Культ Слидита Красного, отправив в изгнание всех, кто поклонялся кровавому богу. И поставил Тонгор сарком над народами побережья своего товарища Карма Карвуса. Империя Трех Городов стала еще более великой, превратившись в Империю Четырех Городов. И боги были довольны...»

Лемурийские Летописи

ГЛОССАРИЙ

лемурийских слов и терминов

АРЛД — густой темный лес. Арлдовые деревья росли в холодных тундрах Северных земель.

АЗУЛО — громадная бабочка с ярко окрашенными крыльями. Красивые и безвредные, они водились по всей Лемурии.

БАУФАРЫ — огромные домашние животные, которых разводили ради их похожего на говядину мяса и используемой в хозяйстве кожи.

КАЗГАН — маленькая алая, очень ядовитая змея восточных пустынь, расположенных южнее Дарундабара и Далакха.

ЧЕНДРЕЛ — лемурийский драгоценный металл золотисто-оранжевого цвета. Самородки его достигали солидных размеров.

ДАОТАР — воинское звание — командир тысячи воинов.

ДАОТАРКОН — воинское звание — главнокомандующий, командир десяти тысяч воинов, буквально: даотар даотаров. Кон — суффикс, обозначающий превосходную степень, верховную власть.

ДЕОДАС — ужасный дракон, водившийся в джунглях Куша и Ковии, наиболее опасная тварь на всем Лемурийском континенте. Имел три сердца и два мозга (на позвоночнике и в маленькой стреловидной голове). Тварь эта отличалась чрезвычайной свирепостью и считалась бессмертной или по крайней мере неуязвимой.

ДОРЛЫ — розовые лемурийские рубины, очень редкие, ныне почти не известные, хотя иногда их находят в Индии и на территории бывшей Персии.

ДВАРК — огромный ненасытный дракон джунглей Лемурии, идентифицируемый некоторыми специалистами по лемурийским преданиям как вымерший тиранозаврус рекс. Впрочем, принимать это утверждение всерьез нельзя, поскольку уцелевшие лемурийские свитки подробно этих тварей не описывают.

ФАСЛА — ужасные пиявки, водившиеся на деревьях Ковии и Куша. Случалось, они достигали размеров кота.

ГРАККИ — твари, называвшиеся «Ужасом неба». Напоминали помесь ящера с ястребом. Чешуйчатые клыкастые гракки вооружены были острыми кривыми клювами, по хребту их шел роговой гребень. Кожистые крылья гракков были подобны крыльям летучей мыши и достигали в размахе сорока футов. Несомненно, это была одна из разновидностей птеродактилей.

ГУНСЫ — дикари, не гнушавшиеся людоедством. Жили в джунглях, возможно, это были последние неандертальцы.

ЙАНИБАРЫ — хвойные деревья доисторической Лемурии, к настоящему времени полностью вымерли. Стволы их были фиолетового цвета и достигали огромной высоты.

ЯЗИТ — драгоценный металл опалового цвета. В «Семи книгах» Псенофиса — древнеегипетского мудреца, охотно цитировавшего Лемурийские свитки, язит по своему распространению в Лемурии сравнивался с орихалком — металлом, широко распространенным в Атлантиде.

КРОТЕР — худая длинноногая рептилия, использовавшаяся лемурийцами вместо верховых лошадей. Приручить кротеров было трудно, однако

разумностью они значительно превосходили зампов.

ЛАРС — ужас Яхензеб-Чуна — Южного моря. Морской дракон огромных размеров, с тупой мордой, похожей на змеиную головой на длинной подвижной шее. Короткие перепончатые лапы этого монстра обладали громадной силой и были снабжены длинными кривыми когтями. Ученые относят ларса к классу плезиосаурусов, виду сауроптерисов, который получил широкое распространение в юрском периоде. Вероятно, его можно идентифицировать как плезиосауруса титануса, чьи кости были недавно обнаружены Варбуртоном на Суматре. Остров этот не существовал во времена Лемурии, но расположен там, где некогда находился Яхензеб-Чун.

ЛОТИФЕР — хвойное дерево, распространенное в юрском периоде. Дерево-папоротник с темно-красным стволом огромной высоты.

МАНГОДА — хищные деревья-людоеды в джунглях Ковии. Эти коварные растения-животные были способны передвигаться на небольшие расстояния, могли ловить маленьких животных и даже людей своими гибкими ядовитыми щупальцами-лианами. Немногие уцелевшие экземпляры мангоды были обнаружены европейскими исследователями в неприступных уголках Мадагаскара. Деревья эти были предметом поклонения племени Мкодо, которое приносило им человеческие жертвы (смотри Вилли Леу «Саламандры и другие чудеса»).

НЕБИУМ — металл черного цвета с шелковистым блеском, прочностью превосходивший все прочие металлы. Секрет его получения был утрачен еще во времена Тонгора.

НУЛД — легендарный летающий человек из мифической страны Зэнд, располагавшейся, как гласят легенды, в Моммурских горах.

ОФА — огромная змея с остроконечным роговым гребнем на спине, обитала в джунглях юга и была смертельно опасна для человека. Изучающие Лемурию склонны считать офу предком церастеса, ставшего очень редкой змеей уже во времена Геродота, который первым подробно описал ее.

ОТАР — воинское звание — командир сотни воинов.

ФОНДЛЫ — маленькие упитанные беззащитные, но быстроногие существа, вероятно предки газелей. Водились в джунглях и лесных массивах Птарсы.

ФОС — летучая мышь размером с кота. Имела огромные уши, полые клыки, через которые высасывала кровь жертвы, длинный, покрытый мехом хвост и острые когти. Обитала главным образом в Ковии и Куше. Высоко ценилась за красивую красную кожу, мягкую, эластичную и прочную, как кожа свиньи.

ПОА — смертоносный речной дракон Лемурии. Особенно был страшен тем, что прозрачное как стекло тело его заметить в воде было исключительно трудно. Сравнительно недавно подобные животные были обнаружены сэром Ричардом Буртоном в озерах Центральной Африки.

РОЛИДИС — фруктовое дерево, росшее во влажных лесах Лемурии. Мягкие, сочные, освежающие плоды его были покрыты бледной кожицей.

РМОАХАЛЫ — высокие и могучие кочевники с иссиня-черной кожей. Обладая недюжинной силой, ездили на больших, очень маневренных металлических колесницах, превращавших их в грозных противников. Тем не менее племена рмоахалов были побеждены и обращены в рабство. Мадам Блаватская в книге «Три тайные доктрины» и в других работах сообщает, что рмоахалы жили как в Лемурии, так и в Атлантиде. Вероятно, они были предками современной негроидной расы.

САРК — королевский титул, передававшийся по наследству. Сарками назывались правители городов-государств Лемурии.

САРКАЙЯ — королева.

САРКОН — король королей, Сарк Сарков — император. Кон — суффикс, означающий верховную власть. Сарконы были редки в истории Лемурии, до тех пор пока Тонгор не образовал Сарконат из семи городов, который впоследствии превратился в Золотую империю.

САРН — дерево, росшее в Центральной и Южной Лемурии. Из темно-красных ягод его изготавливали вино — сарн.

СЛИС — цветок, росший в болотах и джунглях тропического юга Лемурии. Источаемые им наркотические вещества усыпляли зверей и людей. Растения высасывали из своих жертв кровь, и восковые лепестки цветка становились ярко-алого цвета.

СЛОРГ — странная и страшная тварь, обитавшая в пустынях. Бесцветное змеиное тело ее было длиной с человека, а над ним знаком вопроса, возвышалась девичья голова. На бледном, похожем на маску лице ее выделялись ярко-зеленые глаза и красные губы, за которыми скрывались ядовитые клыки. Жрецы Слидита — города, находящегося на побережье Тсаргола, использовали слоргов в качестве стражей священной башни Звездного камня.

ТИРАЛОНСЫ — легендарные зеленые розы Лемурии.

УЛСЫ — белошерстые горные медведи ледяных тундр Северных земель. Они достигали девяти-десяти футов, но соплеменники Тонгора отваживались охотиться на них со стрелами, у которых были костяные наконечники.

УНЗА — лемурийская крыса, голое белое существо со сверкающими зелеными глазами и длинными ядовитыми клыками.

УРИЛИУМ — удивительный металл, полученный колдовским путем великим алхимиком Турдиса Оолимом Фоном. Этот невесомый серебристо-белый металл «падал», если его бросали, вверх. Его уникальные антигравитационные свойства широко использовались войсками Патанги во время царствования Тонгора.

ВАНДАР — величественный лемурийский лев с черным мехом, достигавший десяти футов в длину.

ВОРН — мера длины, приблизительно равная современной миле, примерно 5,555 фута.

КСУС — огромный червеобразный монстр, живший в подземельях Лемурии. Тонгор и его друг — Элд Турмис — сражались с ксусом в подземной тюрьме Турдиса. Эти слепые твари всасывали пищу путем осмоса в свое желеподобное тело. Почти неуязвимые, ксусы росли всю жизнь, и один громадный экземпляр дошел до нас благодаря непотребному культу и был обнаружен в катакомбах Вайби. Он достигал ста футов в длину.

УЭМБЛА — летающий чудовищный паук, живший в джунглях Лемурии. Он достигал значительных размеров и летал при помощи водорода, вырабатываемого его железами.

ЗАМПФ — огромное, похожее на носорога животное. Его кожа была толстой, бледно-голубой на спине и грязно-желтой на брюхе. Его короткие и толстые ноги оканчивались копытами, и он мог сутками бежать неспешной рысцой. Над клювоподобным рылом твари, между маленькими глазками, торчал прямой рог. Его шея была покрыта толстым слоем жира, складки которого образовывали некое подобие седла. Сидя в нем, всадник управлял необъятным животным поводьями, прикрепленными к маленьким железным кольцам, вдетым в чувствительные уши зампфа. Страшный зверь этот легко поддавался дрессировке и был травоядным.

ЗЕМАДАР — один из наиболее страшных монстров древней Лемурии. Это была малинового цвета рептилия, отличавшаяся свирепостью и кровожадностью. Вооруженная тройным рядом ядовитых зубов длиной в фут, она впрыскивала через них ядовитую слюну, мгновенно парализовавшую жертву. Ее длинный тонкий хвост оканчивался острыми шипами, а единственным уязвимым местом были янтарно-желтые глаза.

ЗУЛЬФАР — злой лемурийский кабан, высоко ценимый охотниками за вкусное мясо. У рмоахалов принято было охотиться на зультаров нагими и безоружными, и никто из синекожих кочевников не допускался для посвящения в воины, пока ему не удавалось украсить свою шею ожерельем из клыков этого зверя.

ИСТОЧНИК МИФОВ О ЛЕМУРИИ

Некоторые читатели склонны судить о произведении, основываясь целиком на его собственных достоинствах (или отсутствии таковых); другие же не могут успокоиться, пока не проследят за всеми событиями, описанными в произведении, и не докапаются до оригинального источника. Они не хотят читать о короле Артуре или Робине Гуде, пока не проведут серьезного исследования и не узнают, что король Артур — это некий Л.Арториус Кастус, префект VI легиона «Виктрикс», который пребывал в Йорке в III веке и был назначен руководить карательной экспедицией против восстания в Армонике, и пока они не проследят за появлением имени Робин Гуд от древнего саксонского определения *Rof Brecht Woden*, «блестящая сила Одина», искаженного и преобразованного в период христианства в Разбойника Шервудского леса.

Начиная с 1965 года, когда была опубликована моя первая книга о Лемурии, я получил и продолжаю получать письма от читателей со всего мира, которые спрашивают меня о том, что же послужило источником моих фантазий о Лемурии. Многие читатели отмечают совершенно очевидный факт (а я никогда и не пытался его скрывать), что мои книги написаны в традиции романов о Джоне Картере из «Марсианского цикла» Эдгара Райса Берроуза и замечательной

саги о Конане-Киммерийце Роберта Говарда. Однако читателям хотелось знать, откуда берутся основные фактические данные. Несколько человек, и среди них два университетских профессора, спрашивали, не является ли основой моих рассказов какой-либо малоизвестный уголок мифологии Азии. Для тех из вас, кого интересует такая литературная детективная работа, это может представить собой целую историю.

Возможно, что самыми древними книгами на Земле являются древнеиндийские Пураны (ряд отчасти легендарных, а отчасти произвольных сказаний, восходящих к доисторической традиции). В них рассматривается космогония, судьбы богов, саги и герои, древние мифы арийских народов, те войны и королевства, которые предположительно существовали до того, как началась официальная история. Термин «Пурана» означает «древний», и он применим в отношении двух литературных компиляций. Первая из них это «Маха-Пураны» (Большие Пураны). По своему характеру они в основном религиозного и философского направления. Специалисты считают, что Пураны были первоначально написаны на забытом «арийском» языке, на основе которого возник санскрит. Они затем были переведены на санскрит, когда исходный арийский праязык был утерян.

Когда ученые и справочные источники рассматривают вообще Пураны, а это случается довольно редко — поскольку позднее Веды и Упанишады почти полностью заменили собой значимость и культ пуранической школы даже среди брахманских служителей культа, — они обычно обращаются к этой группе — Маха, которая включает в себя восемнадцать источников. Широко известными среди них являются такие эпические произведения, как великая «Вишну Пурана» и «Бхагавата Пурана», и именно их переводят и изучают на Западе. Профессор Макс

Мюллер в своей знаменитой серии «Священные книги Востока» перевел некоторые книги группы Маха-Пураны.

Наряду с этим существует также второстепенная и более древняя группа, называемая «Упа-Пураны» или «Малые Пураны», являющаяся исторической и мифологической по своей сути. Они почти совершенно неизвестны, ими полностью пренебрегают западные исследователи (этому великому хранилищу человеческих знаний Энциклопедия Британии издания 1959 года посвящает — вы не поверите — всего одно предложение!).

Насколько мне удалось узнать, полный комплект «Упа-Пураны» был лишь один раз переведен на английский язык — этот перевод был издан в 1896 году в Бомбее, предположительно небольшим частным издательством, насколько я могу судить об этом по обрывочным выходным данным моего экземпляра. Перевод (английские стихи) был выполнен английским священником В.Клинтоном Холлистером, который, по всей вероятности, был миссионером. Мне ничего не удалось узнать об этом человеке, о его ученой квалификации, но я счастлив тем, что мне удалось раскопать это редкое издание среди разнородных букинистических книг в Нью-Йорке в 1963 году.

Когда я впервые задумал написать роман в жанре «Меча и Колдовства», я предполагал избрать местом действия Атлантиду. Мое намерение было обусловлено тем, что значительное количество произведений рассказывает о древней Атлантиде. Однако, насколько мне известно, ни в одном произведении действие не происходит в древней Лемурии, которую я и избрал для своего произведения. Я изучил оккультную литературу, чтобы определить, смогу ли я что-нибудь почерпнуть

оттуда, что могло бы послужить основой для моей книги, но не нашел ничего. Роман В. Скотт-Эллиота «История Атлантиды и пропавшей Лемурии» привел меня к мадам Блаватской — основательнице теософического движения конца девятнадцатого столетия — и ее огромной и фантастической тысячестраничной работе по оккультным наукам «Тайная доктрина».

Согласно мадам Блаватской, человеческая раса уходит своими корнями к затерянному матерiku Лемурии, который существовал в южной части Тихого океана или в Индийском океане до Атлантиды. Она была полна веры в Лемурию и постоянно обращалась к «Пуранам», что напомнило мне о том, что на моих книжных полках находится книга Холлистера среди моей небольшой коллекции книг по Азии.

Любой, кто внимательно прочитает взволнованные страницы работы мадам Блаватской, полные колдовского буддизма, тибетской и санскритской терминологии, обнаружит, что, согласно ее мнению (и согласно мнению оккультных ученых, появившихся вслед за ней), досанскритские «Пураны», в которых местонахождением арийской расы считается Индийский полуостров, появились, когда арийская раса представляла собой еще кочующее кочевое племя, и они объединяют истории Атлантиды и Лемурии. Конечно, они не имели именно этих названий, так как «Атлантида» представляет собой название, использованное греческим философом Платоном, а название «Лемурия» было изобретено английским зоологом по имени Филип Л. Склейтер. Этим названием он обозначил предполагаемую доисторическую индо-мадагаскарскую страну — мост, существование которой предполагали палеонтолог Нимейер и немецкий биолог Хекель.

Согласно ученым, исследовавшим культы, там, где в «Пуранах» рассматривается Света-Дви́па (Свя-

щенная Страна, или Белый Остров), имеется в виду пропавший материк или группа островов, которая известна нам как Атлантида, обрывочные сведения о которой сохранились в «Diodorus Siculus» и «Aelian» (цитируя историка Теопомпоса), в отрывках, касающихся Атлантиды Марселуса, и, конечно, в двух знаменитых диалогах Платона «Timaeus» и «Critias». И там, где они упоминают о Хиранья-Дви́па (Золотая Земля), они приводят некоторые места из сказаний о мифическом материке, известном нам как Лемурия или Му.

Дальнейшие исследования позволили получить интересную информацию о том, что почти повсеместно рассеянные на Ближнем и Среднем Востоке легенды и сказания содержат в себе отголоски о существовании этих двух потерянных земель. Разрушение Атлантиды описано в санскритском предании «Ваисвата Ману», а отрывки его представляют историю пропавшей Атлантиды, изложенную в «Садхарма-Пундарике» (имеющуюся в переводе Х.Керна, Оксфорд, 1909 г., смотрите главу VII, в частности).

Что же касается Лемурии, предполагается, что она — именно та страна сумеринского эпоса, называемая Дилмун, которая находилась где-то на востоке, «там, где встает солнце». И как представляется, в великом национальном эпосе древней Персии «Шах Намэ» или «Книге Королей», содержатся воспоминания о потерянном материке Тихого Океана, когда в ней упоминается Кангха — пропавший восточный остров. Кроме того, рукописный том тибетских мифов — «Бердо Тедол» (несомненно, одна из самых странных из когда-либо написанных книг) упоминает Лемурию при описании мифологической и доисторической географии. В частности, в летописи, известной на Востоке как тибетская Лю-пах, она представлена

как имеющая форму полумесяца диаметром 9000 миль (смотрите книгу П.Сидпа Бардо, где сообщается о Восточном материке). Я отношусь к этому с осторожностью. Символика записей тибетских мудростей совершенно непонятна, по крайней мере западным специалистам.

Пураны очень трудны для чтения, и почти невозможно на их основании делать какие-либо выводы. Кажется, что они даже не излагают связного повествования в правильной временной последовательности и с правильным порядком событий. Мне кажется, что их текст подвергся искажениям за многие века, в течение которых Пуранский эпос рассказывался, переписывался, позднее издавался, переводился и копировался монахами. По мере моего погружения в них я пытался восстановить естественную последовательность и привести все в некий порядок. В частности, я сосредоточился на истории Божественного Героя по имени Махатхонгойя. Впервые он появляется (если мне удалось расположить стихи в правильной последовательности) в виде странствующего героя мистического — и, может быть, даже божественного — происхождения. Он встречается с великим Риши (мудрец, святой или колдун) по имени Шараджа. Призванные Вишну, они вместе ведут священную войну против Нагараджахса — Короля Змей, которого они поражают волшебным мечом, полученным ими от бога Индры. Там же происходит и заговор. Махтангойя (Тонгойя Великий) спасает Махарани Сумею от злых, поклоняющихся огню священнослужителей, которые захватили ее родной город Патангу. Позднее, согласно «Пуранам», герой возвращается, чтобы освободить город с помощью волшебного «вахан видиа», или Летающего корабля, принадлежавшего Индре. Этот корабль был украден у богов властолюбивым махараджей Палитахуридыя, который надеялся на то,

что его придворному колдуну удастся создать копию летающего аппарата, а затем — и целый воздушный флот для того, чтобы подчинить себе всю Хиранью-Двипу.

Махтангой торжествует, женится на Махарани и становится махараджей Патанги. В последующих циклах он — великий завоеватель, побеждающий злых принцев пяти или шести других городов и определяющий своих боевых друзей возглавлять эти новые провинции (как, например, юный принц Карамкарасайя стал править Городом у Моря). Он продолжает свои завоевания и подвиги по желанию богов. Описывается его дружба с могучим гигантом Саханготой. Вместе они завоевывают целое королевство черных колдунов.

С разрешения бога Индры они реализуют планы Палитахуриды и создают воздушный флот — «вахан видиа». Путешествуя со своим другом великаном Саханготой, Великий Тонгойя находит могучее оружие, испускавшее слепящий, разрушающий луч. В «Вишну-Пуране», «Рамайяне» и других произведениях это оружие называется капилакша («Глаз Капиллы», или «Разрушающий свет»). В «Аштар Видеа» приводится замечательная сцена, где этот загадочный разрушающий луч испускается из воздушного корабля — он уничтожает целую армию из 100000 человек и слонов и превращает их в пыль.

Большую часть указанных событий можно легко обнаружить в той или иной форме в более поздних и, несомненно, лучше известных литературных произведениях индийских писателей. Вахан видиа или Летающий корабль (или Небесная колесница бога Индры) появляется как в «Рамайяне», так и в «Ригведе». Она появляется также в персидской «Шах Намэ» как летающий трон шаха Каикуза и, возможно, в «Арабских Ночах», в «Раббинакале», а также

находит отражение в мусульманской традиции в виде летающего ковра или летающего кресла царя Соломона. В «Садхарме-Пундарике» Великий Пророк Татхагата побеждает противника Мара с помощью огромного флота летающих аппаратов. Смертоносный луч, названный Капилакшей, появляется позднее вновь в более позднем ведическом мифе как «оружие — молния Индры» и других богов. До настоящего времени изображения этого лучевого меча или лучевой пушки можно увидеть в тибетских рисунках и скульптурах и свитках «тонка». Там же можно найти сюжет, повторенный в «Тонгоре за пределом времен» в главе «Схватка с драконом». Молодой воин Чентовисиа, спасая одного из сыновей Тонгойя (который, как говорится в эпосе, ранее умер и странствовал по Раю Вишну, где к нему приходит великое откровение, и он возвращается в Хиранья-Двипу в другом воплощении), ведет яростную битву в небесах со злой птицей Гарудой, которую он уничтожает молниями бога Индры с помощью такого оружия, как Капилакша. Птица Гаруда известна многим моим читателям по произведениям индийского искусства и скульптурам. В Тибете это Гарукха — летающее чудовище. Я назвал ее «гракк», или ящерица-ястреб, или дракон, и описываю ее как вид птеродактиля.

Если вы знакомы с книгами о Лемурии, вы увидите, что я сократил длинные санскритские имена до более простых. Я полагаю, что вряд ли кто-либо из моих читателей, за исключением немногочисленных строгих приверженцев всего восточного, будет возражать слишком сильно против того, что я сократил «Карамкаравасуи» до «Карм Карвус» или «Палитахуриды» до «Пал Турид» или превратил дружелюбного Великана в могучего рмоахальского воина таинственного Востока — Тангота из Орды Джегга. Негусы, или короли Змей, у меня преобразовались в Царей-Драконов — обладающую ин-

теллектом расу динозавров, побежденных первыми людьми. Остатки этих динозавров перебили Тонгор и колдун Лемурии Шарайта своим волшебным мечом. Поскольку «Пураны» переполнены всякого рода фантастическими чудовищами, демонами и драконами, мне было нетрудно превратить их в разного рода доисторических животных. Мои зампы, которых я описываю в нескольких местах как похожих на трицератопсов, это всего лишь индийские слоны, используемые повсюду в «Пуранах» как выючное животное. Мне казалось анахронизмом включать слонов в фауну Лемурии, существовавшей по преданиям около 500000 лет до нашей эры.

Что же касается ситурлового оружия и лучевых пушек, использовавшихся в этом романе и впервые введенных в четвертой книге из серии о Лемурии — «Тонгор в городе колдунов», то это счастливое совпадение. В моих мифологических источниках отображается загадочное оружие «Разрушающая молния», однако и оккультисты говорят о том, что у жителей Атлантиды были таинственные «энергетические кристаллы», использовавшиеся ими для передвижения и как оружие. Эти кристаллы назывались «туаой», согласно сведениям об Атлантиде Эдгара Кейса (вы можете увидеть их в действии, если увлекательный фильм «Атлантида» еще идет в вашем городе), а по моей версии они впервые открыты и использованы в Лемурии и потом уже попали в Атлантиду.

Теперь о богах, которые есть в моем романе. В «Пуранах» они названы Вишну, Индра, Кали, Шива и так далее. Мне казалось, что они слишком известны по фантастическим романам, поэтому я просто придумал свои имена. Однако некоторые названия чудовищ взяты мной из оригинальных источников. Чудовище Ямат, бог Огня — это тибетский бог Смерти Яма, Король демонов, трактуемый буддиз-

мами как бог потустороннего мира. Он обычно изображается обвиваемым языками пламени.

От одного из писателей теофилософов В. Скотт-Эллиота я взял слово «Рмоахаль» — что означает война-великана восточных равнин. Он пишет: «Рмоахальская раса появилась четыре-пять миллионов лет тому назад, когда еще существовала значительная часть огромного южного континента Лемурии». Он называет их «темной расой», но я определяю цвет их кожи как голубой, вспоминая господина Барроу и его зеленокожих Тарков.

Скотт Эллиот замечает, что «их рост в те далекие времена составлял около десяти-двенадцати футов», — действительно, раса гигантов. Позвольте мне обратить ваше внимание на удивительный факт: Фриц Лейбер заявил однажды о том, что Барроу позаимствовал идею о зеленокожих Тарках огромного роста, имевших множество рук, из «Тайной доктрины» Блаватской или из романа Скотта-Эллиота. Разве не необычно то, что повторяется еще раз место их обитания — Лемурия. Называется и их настоящее имя — рмоахальцы.

В заключение хочется сказать еще следующее. Создавая свою Лемурию и используя древние «Пураны», я отбросил огромное количество описаний религиозного характера, чудес и призраков. Я создавал историю странствий воина, ставшего великим королем. Могло бы случиться так, что в результате преобразования отрывочного и искаженного материала в возможно последовательную цепь событий мне бы удалось восстановить историю пропавшей цивилизации материка Лемурии и представить все таким образом, как это могло бы быть на самом деле? Это было бы самой классической иронией всех времен, если бы, просто пытаясь написать ряд фантастических романов, я смог восстановить подлинную главу прошлого из истории человечества, даже не подозревая об этом.

Однако скорее всего это невозможно. Позвольте мне добавить, что я не оккультист (теософ или кто-либо иной), а также не востоковед. Я не знаю, существовала Лемурия или нет. И цель данного обращения была не в том, чтобы подействовать на читателей авторитетом мифологических или оккультных постулатов.

Единственное, что я пытался сделать в книгах о Лемурии, уже написанных и будущих, — это создать увлекательный и разнообразный мир жанра «Меча и Колдовства». Дать вам несколько часов занимательного чтения — другой задачи у меня нет.

(И все же... не будет ли это странным, если я случайно соприкоснулся с правдой...)

Лин Картер

Холлис, Лонг-Айленд, Нью-Йорк, 1968 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

Пер. А. Тишинина

5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пер. А. Митрофанова

25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пер. С. Молитвиной

149

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пер. В. Федорова

311

Глоссарий

473

Приложение

480

*Литературно-художественное
издание*

Лин Картер
ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБ

Руководитель проекта
Геннадий Белов
Редактор
Александр Тишинин
Художественный редактор
Павел Борозенец
Технический редактор
Татьяна Раткевич
Корректоры
Татьяна Виноградова
Людмила Борисова
Верстка
Вера Романенко

ЛР № 071177 от 05.06.95.
Подписано в печать с оригинал-макета 30.05.96.
Формат издания 84×108^{1/32}. Печать высокая.
Гарнитура Кудряшов. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Изд. № 73. Заказ № 1851.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Уважаемые дамы и господа!
Санкт-Петербургская Гильдия Ролевых Игр "Остров"
проводит при содействии издательства "Азбука" и при поддержке
Партии Зеленых в первой половине августа 1996 г. театрализованную
ролевую игру по мотивам сериала "Dragon Lance" – "Мир Кринна III".
Игра будет проводиться в живописном месте Карельского перешейка.

Приглашаются все желающие!
Лучших игроков ждут призы – книги издательства "Азбука".
Свяжитесь с организаторами заблаговременно!

Звоните в Петербург:
понедельник, четверг с 20.00 до 22.00, 259-51-60 (Антон Эрикович)
или пишите по электронной почте: FIDO met 2:5030/419 (Yang Elves).

Приглашаем вас в далекое странствие!

Издательство “Азбука” готовит к выпуску в свет новый грандиозный проект — ретроспективу лучших произведений западных и российских авторов в жанре фэнтези под общим названием

“САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ”.

В рамках этой серии вас ждет встреча с блистательным американским писателем, давно уже прочно занявшим лидирующее место во всех хит-парадах фантастической литературы. Его имя — **ТЭД УИЛЬЯМС**.

Издательство “Азбука” начинает публикацию всемирноизвестной фэнтези-эпопеи Тэда Уильямса “ОРДЕН МАНУСКРИПТА”.

Это великолепное повествование о путешествии юноши Саймона по таинственному, загадочному миру, имя которому — Светлый Ард. Простоватого, добродушного паренька Саймона ожидают невероятные приключения, ибо волею всесильных богов он оказывается вовлеченным в чудовищную битву сил Добра и Зла. Десятки раз Саймон балансирует на краю черной бездны небытия... благодаря смекалке и отваге выходит невредимым из кровавых побоищ... самым хитроумным образом ускользает от лап свирепых монстров... остается жив даже после встречи с изрыгающими пламя драконами.

Открыв книгу Тэда Уильямса, вы забудете, что такое скука! Вы даже сами не заметите, как очутитесь в непостижимо-реальном, прекрасном и неповторимом мире ожившей сказки — в Светлом Арде. Рядом с вами, плечом к плечу, встанут закованные в броню великие воители. Вы услышите, как звенят, скрепящаясь в смертоносном единоборстве, сверкающие клинки. Вы увидите таинственное свечение невесомой паутины могущественных заклинаний. Вы почувствуете холодное дуновение ветра, что поднимают огромные крылья взмывающего к небесам дракона.

Сделайте шаг к тайне!

**Не пропустите первый том эпопеи “Орден Манускрипта”
Тэда Уильямса “Трон из костей дракона”**

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

ОН ЖДЕТ
ТВОИХ
ПИСЕМ

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

История Тонгора — удивительная сага,
созданная Лином Картером,
учеником Великого Мастера
Роберта Говарда.

Цари-Драконы правили Лемурией —
первым континентом Земли, миром динозавров.
Тысяча лет понадобилась людям,
чтобы победить чудищ.

Но злоешие повелители джунглей
затаились.

Они готовились нанести новый удар,
призвав на Землю Богов Хаоса.

И только один воин-северянин по имени Тонгор
сможет одолеть врагов рода людского
и объединить королевства людей.

Ни крылатые ящеры,
ни черная магия не остановят

**ТОНГОРА
ИЗ КЛАНА ВАЛЬКАРОВ**